

Пальмира Керлис

След сна. Книга 1

Наказание человека – в нем самом.

Глава 1

Опять преследовал тот же сон. Холм. Трава по колено. Желтые шапки подсолнухов. Мелкий дождь, небо хмурое, глубокое. Лес далеко, за полями. Места знакомые, как из видений, но все совершенно нереально: темнеет рывками, приближение ночи пугает, холм заканчивается обрывом, внизу – черная река. Рваный зазубренный край скалится, поток бурлит. Хочется убежать. Босые ноги вязнут в мокрой земле, что-то хлюпает. Подсолнухи вянут, кругом вода. Пытаешься вырваться и падаешь, точно не зная – куда, и проснешься ли собой.

Пока получалось. Я сдергивала одеяло, выныривала в отрезвляющую прохладу дома. Уже почти ритуал: зажечь светильник, устроиться с книгой, не спать. Устану, срубит под утро, будет не до снов. Лишь темнота. Да и давно следовало прочесть его целиком – древний фолиант с погнутой спиралью на потертой обложке. Там могло быть что-нибудь важное, упущенное мною ранее. Главное – не увязнуть в нем, как в этом чертовом ночном кошмаре...

Понимала прекрасно – сон связан с видениями. Все оттуда, из жизни той, кем я была когда-то. Энергия вечна, чего не скажешь о людях. Прекращу призывать ее воспоминания, уйдут и сны. Не станет ни липкого ужаса чужих страхов, ни мучительных пробуждений. Тишина. Покой. Собственные сновидения. Но отступать я не собиралась, чувствовала, что оно того стоит. События, произошедшие пять тысяч лет назад, важны. Там кроется ответ, каким еще образом можно избавиться от бессмертной пятерки. Куда-то ведь она делась, их шестая. Как так вышло? Обрести запретную силу, чудом выжить, уничтожить опасного врага, получить бессмертие и... пропасть. Почему? Увы, она оставалась для меня тайной, вся.

Эсте. Девушка, которая не прожила долго – ни в Потоке, ни в реальности. Мы не очень похожи внешне, разве что цветом волос. У нее тоже темные, практически черные, казалось, еще длиннее моих. Она миниатюрнее, ниже. Резкие черты лица, незащитные острые плечи, тонкая фигурка, вызывающая желание предложить пирожок, а то и два. Ей выпало немало путешествий: картинки шумных рек сменялись то приливами моря, то мертвой гладью озер. Можно было подумать, что Эсте нравится вода, но нет – она любила берега. Прочерченные землей границы, ощущение твердой почвы под ногами перед изменчивой неуправляемой стихией. Ее вел дар, даже гнал. Не любопытство, не жажда власти, а необходимость в чем-то. Ком-то? Был мужчина. Мелькал в половине видений, вызывая смесь затаенной радости, жгучей вины и страха. Мне ни разу не удалось его рассмотреть. Стоило ему обернуться, как все меркло, размывалось, ускользало. Сквозь туман прорывался только голос, единственный, которому Эсте внимала. Он утешал, осуждал, направлял, а порой нашептывал то, что подслушивать было крайне неловко. Но кроме голоса – ничего. Ни имени, ни лица. Она не хотела его помнить? Тогда зачем сохранила для себя, пронесла через века? Слишком много вопросов. А вместо ответов – невнятные картинки, словно в облепленном снежинками темном окне.

Снег выпал еще в конце октября, продержался весь ноябрь и не думал таять сейчас, в декабре. Сугробы перед домом расчищали каждое утро, а красивые морозные узоры на окнах не появлялись. Стеклопакеты... Это была Сонина излюбленная игра – придумывать по обрывочным ледяным штрихам целую историю. Она бы и с видениями разобралась. Будь тут, со мной. Первую неделю Анита на мои звонки не отвечала, потом позвонила сама. Сообщила, что Соня жива, но не очнулась. Навестить ее не дала, сказав, что далековато ехать придется, зато обещала связаться, если будут новости. Не верилось, что они будут хорошими. Не очнулась – может означать, что сознание полностью поглощено, как при ловушке. Пожалуй, лучше умереть, чем позволить бессмертному гаду разгуливать в своем теле...

С Пашей мы не встречались с того дня. Не говорили, никак не пересекались. Он прислал мне книгу – домой, лично в руки, с вежливым курьером. Прилагалась записка: «Все-таки прочитай», и какое-то слово, нещадно зачеркнутое. Не хочет меня видеть, вероятно, и помогать тоже. От Киры я узнала лишь то, что у него полно работы, скверное настроение и стойкое нежелание говорить обо мне.

С книгой я намучилась. Продираться сквозь древнерусский текст – то еще удовольствие. Сплошные загадки, в основном по части смысла предложений. Вникать приходилось в

каждую фразу, о многом догадываться интуитивно, кое-что искать в словарях. Мозг упражнялся, в остальном... Вот она – последняя страница, а полезного ноль. Сборник сказок с пространными отсылками к божественному промыслу. Похоже, у автора был дар, и он собирал истории о нем. Вестник упоминался в единственной легенде о погибшей в далеких землях особенной девочке, обладающей невероятными силами. Сколько таких девочек было... Пятьдесят, как и созданных их смертью миров. Ни одной те силы не помогли. Я догадывалась, почему на обложке оказался знак одного из пятачков. Они охотятся на Вестников, и рядом с очередной жертвой могли наследить. Без символа им не обойтись, в чужом теле это ключ к собственной памяти, привязанный к энергии.

Вопросов только прибавилось! В окне занимался рассвет, бледнела оранжевая шапка светильника. Я захлопнула книгу, ветхие страницы скрипнули. В нос ударил запах старой бумаги и пыли, которую было ничем не вывести. Ценной информации нет, от видений в голове каша и боль, вдобавок мерзкое чувство, что я – не я вовсе. Будто наяву заплескала опоясанная разорванным кругом волна, странно замутило.

Я вдохнула – сосредоточенно, полной грудью. Свет в окне вспыхнул ярче, хлынул в комнату. Слепило, реальность дрогнула. Волны энергии подхватили кровать, прожгли пол. Все растворилось в белом сиянии, проявились очертания серых линий. Бросило в жар. Воронка извивалась, танцевала, звала. Непреступная граница, портал в нижний Поток. Ее создавали вшестером, и ключ в энергии любого из них. В том числе у меня, как выяснилось. А ведь... Четыре года назад, Соня пыталась вернуться, но обратно ее уже не пропустило. Если бы я просто постояла тогда чуть подольше...

Стоп. Что я делаю здесь?!

Шаг, словно во сне. Прожгло изнутри, воронка стремительно утянула вниз. Горячая пульсация, выталкивающие к выходу объятия. На мгновение темнота, и снова серость. Скачущие типично телевизионные помехи, точь-в-точь как в Пашиных воспоминаниях и описаниях Сони. Это он – лабиринт. Бесконечно высокие стены, сотни разбегающихся путей. Энергия плотная, колючая, шипела, шла полосами. Вряд ли его можно пройти. Секунду... Какое «пройти»?... Развернуться и бежать! Что-то зашуршало, в стене выплылся сквозной, уходящий вдаль проход.

Я попятилась, передо мной возникла Яника. Собранные диадемой кудряшки, миловидное личико и тяжелый гипнотизирующий взгляд, разбивающий образ юной девчушки вдребезги.

– Я знала, – она протянула мне руку, – что ты придешь.

Жаль, я не знала!

Гулко бухнуло, мощная вспышка разнесла стену в клочки. Злое бурление энергии, отбросившая прочь ударная волна. Кто-то негостеприимный! Засочилась ядовитая белизна, проход завалило. Черт! Яника цапнула меня за локоть, потащила в руины. Значит, тут по-прежнему на ножах. Удастся ли выбраться под шум их разборок, как в прошлый раз?...

Замельтешили обрывки энергии, все четче, крупнее, начали попадаться не до конца раскрошенные стены. У более-менее целой Яника замерла, приложила палец к губам. Полыхнуло опасностью, пол заискрился. Нас заслонило сотканной в воздухе стеной, которую тут же смяло в кривой клубок помех. Шипение спутанных линий, столп искр. Из них к нам шагнул Крис, с ухмылкой, которая блондину столь смазливой наружности не шла совершенно. Яника засверкала силой, которая тоже была вполне способна обрушить пару стен, отпустила мою руку.

– Беги, – крикнула она мне.

Да легко! Линии стен переплелись, видимое пространство накрыло вспышкой. Белым-бело, звон оглушительный. Я кинулась к выходу. Сердце колотилось, обступал едкий свет. В каком бреду сунулась сюда?! Прибьют или еще хуже... Сожрут! Получат мои знания, воспоминания, все-все. Поймут, что тот, кого они ищут – Артем. От видений у меня мозги набекрень. Недосып – зло!

В белом мареве проклюнулись очертания стен, снова замелькали полосы. Хорошо они лабиринт построили, основательно. Сам восстанавливается. К счастью, я еще застала руины и проскользнула в зарастающие дыры. Впереди показалась воронка, обдало манящим жаром.

– Так быстро уходишь? – разочарованно спросили рядом.

Я шарахнулась в другую сторону. Спина коснулась стены, исходящей от нее вибрацией оцарапало. Выражение лица у Тео было довольное очень, не под стать голосу. У воронки стояла Иллит. Ляда в раскосых глазах хватило бы на целый хладокомбинат.

Лабиринт вырос весь, к стене напротив привалился Базиль. Взгляд из-под рыжей челки был равнодушным, даже в позе сквозила некая лень. Не собирается мне помогать?... Мало ли, о чем два месяца назад говорил... Тогда была нужна, теперь мог передумать.

От Иллит полетел импульс, по всем признакам агрессивный. Гадина! В ответ – инстинктивный вдох, прощупывание энергии. Представить, нарисовать. Будто в Лектуме. Выстроенная преграда в виде обломка стены приняла удар, туго сплетенные линии энергии растаяли, поглотив вспышку. О!

– Какого... – Иллит на миг потеряла надменный вид.

Тео удивленно хмыкнул, Базиль закатил глаза:

– А я говорил, что это сентиментальный идиотизм – ее часть мира оставлять.

Точно... Соня об этом упоминала. Вот почему энергия здесь мне подчиняется! Концентрация, ожившая воображаемая картинка. Круги на полу, сплетение танцующих линий, вихрь, под стать воронке. Настоящий ураган! Умчался к Иллит. Треск, мощные волны света. Удачно она там встала... Впечатало в портал вместе с едва оформившимся контуром щита. Сияние потухло, воронка вновь сомкнулась. Остались вдвоем. Но куда бы ее ни выкинуло, это ненадолго.

Я отступила к воронке, стены оплавились. Сплющились в линии зигзаги помех, шипение прокатилось эхом. Плохой расклад. Базиль с Тео, и я между ними, примерно посередине. Пришлось замереть, готовясь выстраивать что-нибудь защитное с любой стороны.

– Давай без резких движений, – предупредил Базиль.

Явно не меня. Тео ухмыльнулся. Конечно, обоим нужна я. Всем пятерым нужна. Поглотивший мое сознание выиграет главный приз. Вот только их ловушки – штуки не быстрые, понадобится время. А еще конкурентов обойти. Кто успел – тот и съел.

Лабиринт вдалеке вздрогнул, отдачей пару стен порвало, словно бумагу. Крис с Яникой... И у нас сейчас будет не скучно. Справа Базиль, слева Тео. Впереди – воронка, но до нее попробуй добеги. Нет, сама не выберусь. Увы...

– Иди сюда, – велел Базиль. На этот раз мне. – Медленно.

Я кивнула, захватила вокруг побольше податливой энергии. Форма вырисовалась в голове, воздух наэлектризовался. Пора! Теплота на кончиках пальцев, рывок влево. За спиной сооткалась завеса тумана, плотная, как по заказу. А вот равновесие подвело, вцепилась Тео в плечо. За сгустившейся пеленой мелькнула озадаченная физиономия Базиля. Сумела удивить?

Я отпустила того, кто выглядел не менее ошарашенно. Даже сожрать не пытался, тоже из-за шока, наверное. Из-за тумана донеслось сердитое шуршание, я инстинктивно пригнулась. Над самой макушкой просвистело, пространство взорвалось горячими искрами. То ли Иллит вернулась, то ли Базилю мои фокусы оказались на один зуб, то ли Яника с Крисом разобрались друг с другом и принялись за меня... Все варианты скверные. Запястье словно в тиски попало. А нет, всего лишь за руку хапнули. Тео резко поднял меня с утонувшего в сиянии пола, уха коснулось ласковое:

– За мной, и не выделяйся.

Сдернуло с места тут же. Властные импульсы, громохание. Дыра в стене, по виду

пробитая шаром для сноса зданий. Мы в нее пролезли, и все затопило неоднородно белым, изменчиво пульсирующим. Месиво энергии, раздираемой на куски влиянием нескольких человек сразу. Мигание огней, атакующие вибрации. Куда меня тащили – не разобрать. Дорога долгая, почти бесконечная. Вспышки редели, грохот отдалялся. Кажется, мы дали деру, и успешно. Звуки исчезли, воздух непроницаемо зазвенел тишиной. Энергия сгущалась, ее течение становилось размеренным, спокойным. Сжимавшие мое запястье пальцы ослабили хватку, после вовсе соскользнули.

Белизна рассеялась внезапно. Поле. Огромное поле невообразимо желтых, обращенных к теплему солнцу подсолнухов, объятия сомкнутых листьев. Мягкие прикосновения ветра, молочные сгустки пара в траве. Можно было принять их за упавшие на землю облака – такие же пушистые проплывали в неспособном темнеть небе. Желтые шапки вдали сливались в сплошное яркое полотно, на горизонте плескалось море. Уверена, там должен быть песчаный берег, усеянный цветными ракушками, шелест волн и единственное дерево, отбрасывающее на пляж кривую тень. На его стволе вырезаны имена – два, одно из них забытое. Только не было ни дерева, ни пляжа. Лишь огрызок моря, выплескивающий волны в белесое марево. Вырванный из общей картины кусок, словно незавершенный. Но на самом деле эта картина просто стерта не до конца.

Я обернулась. Тео бесцеремонно завязывал узлом листа соседних подсолнухов. Думаю, нападать не будет, раз привел сюда. Перевес сил-то на моей стороне, родной энергии полно.

– Детка, признавайся, чего явилась-то? Не каждый день ко мне так рвутся и цепляются... Я заинтригован.

Глубокий вдох, спокойный выдох. Ну, раз уж я сюда свалилась – грех не воспользоваться.

– Что случилось с Эсте? – спросила я, впервые произнеся ее имя вслух. – С чего она пропала?

Тео расплылся в улыбке, в которой был перебор ехидства. А вот удивления – ни капли.

– Кажется, будка справочного бюро дальше, – улыбка стала шире, – хотя не ручаюсь, проверь.

– Взамен могу рассказать, что задумала Яника.

– Это я и без тебя знаю. – Он легонько подтолкнул подсолнух, тот качнулся. – Приручение Вестников, кусок их силы по любви, и здравствуй, абсолютная власть. Тебе предлагала поучаствовать, ты ее послала.

Выходит, знает все то, что слышала Соня. Она попала к нему обратно! Возможно, до сих пор тут.

– Сдается мне, кое-что полезное тебе известно, – издевательски протянул Тео. – Только ты не расскажешь. По крайней мере, добровольно...

Взглядом меня ощупал красноречиво, с головы до ног. Солнце скрылось за непонятно откуда взявшейся тучей, подсолнухи поникли. Я воскресила в памяти волну в незамкнутом круге. Те, которые последние два месяца рисовала так часто, что теперь достаточно было лишь представить. Я-то, может, отбиться и неспособна. Но у меня есть она, Эсте. Постоянно норовит прорываться, с каждым мысленно начерченным знаком, пойманным воспоминанием, увиденным сном.

– Вечно у тебя деструктивный настрой, – покачал головой Тео. – Сладкая, как так? Вернулась в реальность, а напряжение снять не с кем?

– Ты нормально разговаривать умеешь?...

– Умею, – неохотно признался он, – но не люблю. Так почему ко мне, а не к Базилу?

Почему... У Сони всегда была отменная интуиция. И Тео она верила. Я в ней засомневалась, и все кончилось тем, чем кончилось. По Сониным словам, он среди пятерки самый адекватный, и ей удалось выжить в нижнем Потоке исключительно благодаря его помощи. Зачем-то тогда затеял расследование подозрительных смертей

Вестников, и честно готов был ее отпустить. Да я все испортила.

– Потому что ты единственный, – ответила я, – о ком Соня не говорила ничего плохого.

– Обязательно передам ей, как этим растроган.

Она все-таки жива! Туча растворилась, вновь явив солнце, подсолнухи осторожно потянулись к нему. Мир реагирует на меня и мое настроение...

– Неужели сама не помнишь? Видения от знака не приходят?

– Приходят! Конкретики в них нет. Отрывки, образы, все невнятно, и не по порядку...

– Тут уж как повезет. – Тео до обидного снисходительно на меня посмотрел. – Это ассоциации, крючки для собственной памяти. Не конспект или автобиография.

– Я пытаюсь понять, как вышло, что она... пропала.

– Не пропала, а развернулась и ушла. Сразу. Едва узнала, какова цена.

То есть Эсте ловушек не ставила? Никого не убивала? Стало легче. Невообразимо легко, будто с плеч гора свалилась. Ох! Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ну и пока на мои вопросы отвечают...

– В видениях часто появляется какой-то мужчина. Разброс по времени большой, а он все рядом.

– Какой-то? – несказанно развеселился Тео.

– Не могу рассмотреть. Образ размытый, словно в тумане. Между ними что-то серьезное было. Кто это?

– Твой муж.

– Не мой, а ее, – процедила я, он развеселился еще сильнее. Так! – Только не говори, что ты...

– Спасибо, нет... – От его смеха разом облысело несколько подсолнухов. – Не люблю таких занудных девиц.

Отлично! Тоже мне мечта любой девушки. Наверняка они в очередь выстраивались, исключительно чтобы по наглой роже за все хорошее влить.

– Расслабься, – фыркнул он. – У него и дара-то не было. О твоём он знал, и с нами отпустил. Точнее, с твоей лучшей подругой. Она погибла в той пещере. Насчет остального – не подскажу. Мы не общались по душам.

– А кто-то из вас общается по душам? – осведомилась я. – Вы не друзья, и никогда ими не были. Каждый за себя, так и осталось.

Веселье с него как рукой сняло. Я ведь права, полностью. Они вынужденно вместе, но одновременно с тем порознь, особенно теперь, когда выяснилось, что один из них может получить «абсолютную власть». Пока четверо делили содержимое невыпотрошенной тушки, мы улизнули спокойно. Были бы сплоченнее, меня бы тут уже не стояло.

– Верно, мы не друзья, – сказал Тео бесконечно далеким от привычного тоном. Без язвительных ноток голос странным образом звучал и вкрадчиво, и жестко. – Но и не лицемеры. А ты? Дружишь с принципами или с людьми? Чем больше ты кого-то любишь, тем сильнее изводишь. А те, кто любит тебя, обречены. Ты выберешь не их, а свои убеждения. И неизменно оказываешься одна. Это было всегда. Дай-ка угадаю, так и осталось?

Я невольно вздрогнула. Небо сделалось пронзительно голубым и каким-то стеклянным, склеенным из кривых осколков.

– Крошка, – улыбнулся он с прежней издевкой, – чего замолчала-то? Вопросы кончились?

Я мотнула головой и, силясь оторвать взгляд от ядовито-голубого неба, выдавила:

– Где Соня?

– Я уж боялся, ты не спросишь! Здесь, в другой части мира.

Сердце гулко стукнулось о ребра. Она рядом! И, судя по всему, в порядке.

– Хочу ее увидеть.

– О, – понимающе произнес Тео, – а я хочу молочный коктейль, надувного розового пони и скатиться с водной горки, так чтобы – брызги, брызги, брызги...

– Что?... – опешила я.

– Ну, я решил, раз уж ты делишься заветными желаниями, то и мне можно!

Ладони сжались в кулаки, я мысленно себя осадила и на всякий случай прикусила язык. Переговоры – не моя сильная сторона.

– Давай так, – чересчур довольный начал Тео. – Я ее отпускаю, а ты мне потом кое с чем помогаешь.

Кажется, у меня отвисла челюсть.

– Это никак не связано с Вестником, – последовало уточнение. – Даже убивать никого не понадобится.

С ума сойти! Все равно сомнительное предложение. Крайне... На что подписываюсь – неизвестно. Когда наступит это «потом»? С чем нужно будет помочь?... Не говорит конкретно – значит, просьба мне не понравится.

– У тебя не то чтобы есть выбор, – нагло сообщил он. – Это давно часть плана, но у нее только на днях энергия восстановилась для того, чтобы очнуться в реальности. И да, твоя подруга по-прежнему со мной связана, так что благополучный исход всего один. Ты делаешь, что велят, и без фокусов. Раз уж лично пришла, предупреждаю заранее.

Сволочь!

– Договорились? Или изложить в том варианте, где шантаж и угрозы?

Ах, так это мягкий вариант был?!

Земля странно задрожала, небо померкло. Марево с границы поля поползло нам навстречу, безжалостно сминая подсолнухи, превращая их в такое же белое ничто. В груди кольнуло, накатила слабость.

– Время истекло, – констатировал Тео.

Его пальцы больно впились мне в плечо, повернули к прибывающим волнам человеческой энергии. Кого-то сюда принесло, и наверняка по мою душу. Самое время убираться восвояси! Я дернулась, но тут же оказалась прижата к нему спиной, ни шелохнуться, ни вдохнуть. В молочном тумане обозначились очертания фигур, на поле шагнул Крис. Под вездливой взглядом нездорово блестящих глаз впору было скончаться самой, причем немедленно. Следом появилась Иллит с... Яницей. Непринужденно под ручку, хитро переглядываясь. Какого?... Только что поубивать друг друга были готовы! Последним вышел Базиль как ни в чем не бывало.

– Нашлась пропажа, – буркнул он. Крис покосился на него отнюдь не дружелюбно и мигом схлопотал выговор: – Успокойся уже. Есть проблема поважнее.

Не поняла... Они что, снова объединились? Против меня?...

– Я ее держу, – невинно протянул Тео. – Далеко умотала, зараза...

Гад двуличный! Сказала бы, как все было, да воздух таял, и не стоило тратить его на попытку выдавить пару слов. Тучи сгустились, подсолнухи беспомощно склонились к

земле. Отовсюду начал собираться коллективный враждебный импульс, и метил он в меня. Черт! Решили сообща мною закусить?... Чтобы никому не было обидно, и все разом узнали, кто Вестник? Вероятно, мне конец... Неожиданно слабость как ветром сдуло, удалось глубоко вдохнуть. Ощутила, что Тео меня совершенно не держит, еще и щиплет за... Придурок! Выглянуло солнце, цветы робко шевельнули листьями. Сейчас или никогда. Из-за нее же я здесь очутилась! Или она умеет лишь в порталы бездумно толкать?

Собраться с мыслями, начертить в голове тот самый знак, выудить воспоминание, любое. Не смотреть, не чувствовать, не проживать заново. Крепко зажмуриться. Это просто...

Как распахнуть дверь и уйти с дороги.

Прилив. Волны моря, волны силы, волны трансформирующегося света. Поле раскинулось от края до края, до горизонта, шумное, огромное. Желтый цвет будто выкрутили на максимум, пар повалил отовсюду – плотный, обжигающий. Накрыло всех, подсолнухи оскалились сердцевинами из тысячи крохотных лезвий. Внутри заклокотала ярость, оформилась в горячую вспышку. Направленный полет к атакующему импульсу, столкновение. Они разбились друг о друга, поле взорвалось облаками пара и острыми, веером брызнувших лезвий. Бессмертные гады успели нырнуть в траву. Так-то! Тут все подчиняется мне. Чужое менять не столько неприлично, сколько тяжело. Особенно когда хозяин против!

– Стирайте мир, – скомандовал из травы Базиль, – подчистую.

А вот это плохо... Я отступила прочь, поле побледнело и размылось, словно на акварельный рисунок плеснули воды. Пятерка высунулась из укрытия и чуть не попала под новый залп от подсолнухов. Стирать надо тщательнее!

– Удружила, – прошипел Крис в сторону Иллит.

Что?! Этот «сентиментальный идиотизм» – ее?...

Все залило светом, в спину прилетел импульс, явно от Тео. Ничуть не агрессивный, хотя пинок пинком. Ускорения придал зверского, унесло вперед. Поле окончательно поблекло, мир поглотила белизна. Меня выбросило неизвестно куда, подаренная скорость иссякла. Где оно?... Воронка, портал, выход. Мне туда. Нижний Поток отгородили специально, чтобы нельзя было никак иначе ни войти, ни выйти. Я уверенно нырнула, словно знала направление. В этом белом, бесконечном пространстве, таком чужом, но знакомом...

...энергия сияет, обволакивает, зовет. Сочится силой. Хочется затеряться здесь, и никогда больше не найтись. Все существует вместе, разом – вкусные запахи, сладкие звуки, ласковые прикосновения. Все, что представишь. Для тебя. И оно будет прекрасно.

– Лучше, чем я представляла, – доносится рядом.

Я вижу ее. Кожа кофейного оттенка, нескладная из-за слишком высокого роста фигура. Бесперывно хлопающие ладони, взгляд, в котором счастье. На мгновение страшно. То, что безумием казалось, оживает. Но надо ли?

– Не думала, что получится, – вырывается признание.

– Получилось, – наконец, улыбается она, впервые за долгое время. – И теперь...

В белизну ворвались серые линии, зашипели, выстроились стенами. Лабиринт. Нельзя задерживаться! Пробитый насквозь проход, пробежка, и энергия перестала подчиняться. Будто что-то ушло, испарилось, отобрав способность ею управлять. Достигали... Не мешкая, я рванула к цели. Впереди затанцевала воронка, обдало обнадеживающим жаром. Пропустит! Шаг, и резко притянуло к противоположной от портала стене. Я сползла на пол, сверху кто-то угрожающе навис.

Базиль. Злая усмешка, цепкий прищур из-под челки.

– Жизни меняются, – произнес он с укором, – а ты по-прежнему подставляешься из-за подружки.

Добегалась... Судорожно пронесли мысли, и толковой среди них не нашлось ни одной. Дар молчал, отбиваться было совершенно нечем. Да и от кого?... Соня выразилась предельно четко – возможно, справлюсь с любым из пяти, но только не с ним.

Почему-то страха не было, ни капли. Внутри разлилось хладнокровное спокойствие, градус уверенности пугающе зашкалил. Никогда такого не чувствовала... Сама не поняла, как поднялась на ноги, символически разгладила юбку.

– А ты до сих пор здесь прозябаешь, – донесся мой же голос, но слова принадлежали не мне. – Кама не для этого искала путь к сосредоточению силы, которая досталась и вам. В итоге же – жалкая игра в прятки. Цель была другой. И ты так и не разгадал, какой именно.

О чем я, черт возьми, говорю?! Нет, не я. Она. Жуткое ощущение, будто меня заперли где-то глубоко, и можно лишь наблюдать. Во взгляде напротив мелькнул гнев, но интереса было больше.

– Выходит, у тебя есть ответ, – усмехнулся Базиль.

– И ловушкой его не достать, – ответила я, кивнув вдаль, на приближающиеся четыре отпечатка. – Это не в постоянной памяти, а знак откликается исключительно мне. Но я вспомню, потому что знаю. Ты ведь за этим предлагал объединиться. Плевать с самого начала хотел на Янику и ее планы. Просто у меня есть то, что тебе нужно. Так что отойди, пока оно не уплыло безвозвратно.

Базиль приглушенно рассмеялся, без грамма веселья. Отпечатки в глубине лабиринта проявились отчетливее.

– В следующий раз времени будет побольше, – обронил он. Прозвучало как обещание. – И нас ждет совсем другой разговор.

– Непременно. – Я беспрепятственно его обошла, шагнула к воронке. – Теперь ваша очередь нагреть в гости. А то все я, да я.

Жар портала, покорно расступившиеся линии. Обволокло пульсирующей энергией. Горячо, но даже немного приятно. В воронке столько моего, что никому не выскresti. Она бешено закрутилась, вытолкнуло вверх, словно на воздушных шариках. Портал оказался позади, кругом умеренная белизна обычной энергии, послушной, управляемой.

Выпуталась?... Определенно чувствовала себя собой, никакого неконтролируемого голоса, да и паникой захлестывало с головой. Дрожало все, что могло, сосредоточиться не получалось. Сумела лишь отползти от воронки на безопасное расстояние, чтобы мозги чертовым зовом не опаляло. Ну, допрыгалась. Дорисовалась, довызывалась. Теперь меня так и будет в нижний Поток выкидывать без спросу? Ведь чуть не попала, потеряла свой кусок мира и возможность управлять нижним Потоком, неизвестно во что втравилась с Тео. Помощи с чем он хочет? И еще Базиль с наполеоновскими планами, и я решительно не понимала – чего такого должна вспомнить? А оно мне надо вообще?! Зато Соню вроде отпускают, и я выяснила – Эсте невинных девочек не убивала и к ловушкам непричастна. О Потоке знает поболее остальных, и Базиля зацепила парой фраз. Кама... Видимо, та подруга, о которой мне сказали уже двое.

Воронка яростно зашипела, я подпрыгнула. Кто-то привет передает?... Я живо сконцентрировалась, с трудом нащупала зыбкую границу между мирами. Еще бы, на такой-то глубине... Призыв всех доступных сил, рывок на поверхность. Белая энергия стала мягкой, нагретой, обратилось пуховым, натянутым до подбородка одеялом. Подо мной спружинил матрас, линии воронки выпрямились, впитались в узор обоев. Наконец-то реальность! Залитая дневным светом комната, прилипшие к окну снежинки, шапки сугробов во дворе. И Артем на краю моей кровати.

– Где ты была? – спросил он настолько тихо, что затерялись бы любые интонации. – Где-то очень далеко... Там, да?

Эхо слов в голове, взгляд неожиданно не детских глаз. В девять лет так не смотрят. В любом возрасте не смотрят – будто в самую душу, с ледяным, никому непостижимым спокойствием. Я приподнялась над подушкой, на плечи легла неподъемная тяжесть.

– Да, – отозвалась я не громче его. – Там. Я умею открывать границу.

Артем нахмурился, в комнату хлынули лучи солнца. Снежинки в окне заискрились, широко открытыми глазами не взглянешь. Он мотнул рыжей головой, сверкнув всеми веснушками разом, и сказал серьезно:

– Без меня больше не ходи.

– Не пойду, – пообещала я и ему, и себе. Чертова Эсте, чертовы сны, чертовое помешательство! Оно могло стоить дорого, очень. Второй раз подобного не допущу. – Буду осторожнее.

Под пуховым одеялом стало необъяснимо холодно. С тумбочки золоченым корешком отсвечивала книга, благоразумно перевернутая обложкой вниз. Артем подобрался ко мне поближе, так привычно и непринужденно улыбнулся. Уткнувшись лбом мне в плечо, улегся рядом.

– Вместе им навалием!

– Пока рано, – выдохнула я ему в затылок.

– Потом навалием, значит. – Он завозился, натянул кусок одеяла на голову, высунув нос. – Ты же со мной, скажи?

– С тобой.

Это единственное, в чем была уверена. Ну и в том, что обед сам себя не приготовит, а время-то уже... Ох! Ползаю по низам Потока, бросив ребенка голодать. Няня года! Я обняла его, стараясь расслабиться. Все прошло, вместе с ночью, и я – снова я. Бесценно после всего этого кошмара очнуться дома, рядом с близкими людьми.

А где очнется Соня?

Глава 2

Автобус сдал назад, моргнув фарами в темноту, грузно развернулся и потащился прочь. Расписание прежде всего. Народ начал расходиться, захлопнулась дверца красного фургона с белой, забрызганной грязью полосой. Опять всю ночь лил дождь, такая зима. Хотя снег все же есть – на верхушках гор, за озером.

Беспокойный гул на остановке поутих, из-за поворота показался следующий автобус. Сквозь поредевшую толпу протиснулась она, с натянутой на лоб вязаной шапкой и здоровенным фигурным футляром за плечами. Стойко выпрямилась под его тяжестью и непринужденным шепотом поинтересовалась:

– А где тело?

И никакого тебе доброго утра.

– Увозят, – я кивнул на отъезжающую с остановки скорую.

Неподалеку сновала полиция, сознательные граждане делились всем, что могло сойти за показания. Судя по отпечаткам рутины на лицах служителей закона, любопытной информации – ноль.

– Ты быстро! Как раз в центре города был? – Ее шепот стал смущенным. – Может, зря я позвонила, и ничего такого не произошло. Но мне все это показалось странным, очень.

– Хлоя... Много слов.

– Я с теми двумя парнями вместе в автобусе ехала, – выдохнула она. – Вдруг один как закричит ни с того ни сего, а второй упал. Кинулись ему помогать – пульса нет. Конечно, всякое бывает, но незадолго до того... Сложно объяснить. Будто напряжение какое на секунду выросло или заряд проскочил. Я почувствовала!

Почувствовала, значит. Изменения эмоционального фона ловит, что редкость. По статистике только один из десяти вместе с иммунитетом получает еще и эту малоприятную восприимчивость.

– Второй вон там сидит, в испачканной куртке, – она осторожно скосила глаза в угол остановки. На скамейке тяжело дышал пацан лет пятнадцати, возле него суетился врач. – Выходя из автобуса, в лужу свалился, первые минуты ни слова выговорить не мог. По-моему, до сих пор не отпустило. Я же права? Тут, ну...

Сомневается, как всегда. Хлоя не уверена, что будет у нас работать. Она хочет играть на виолончели, в оркестре. У Маэвы есть еще полгода, чтобы ее переубедить.

– Что думаешь? – донеслось настойчивое.

Не люблю этот вопрос. Мысли каждого – его личное дело.

– Ты куда-то ехала?

– Ага, – она дернула плечом. – На занятия...

– Вот и езжай.

Как раз притормозил автобус, с мягким шуршанием отворились двери. Хлоя натянула шапку чуть ли не на глаза, обняла футляр и нырнула в салон, устало потерев лоб уже за стеклом. Пора выяснить, что она засекла.

Пацан яростно мотал головой, не поддаваясь на уговоры прокатиться в больницу. Вцепился в скамейку так, что пальцы побелели, раскачивался и непрерывно бубнил, что с ним все в порядке. Похоже, пытался сам себя в этом убедить.

– Давай хотя бы до дома подвезем, – сдал позиции врач.

– Со мной все в порядке, – в очередной раз буркнул пацан и зажмурился.

- Отстаньте от ребенка, - сквозь толпу протиснулась мощная дама. Сжатый в ее ладони платок потянулся к пятну на куртке, но ребенок отшатнулся. - Мы отвезем его к себе. И родителям позвоним. Правда, Леопольд?

Следующий за ней по пятам тщедушный Леопольд затравленно закивал.

- Поехали, - скомандовал я пацану, незаметно показав врачу удостоверение. Тот вздохнул с облегчением. - Пока тебя не усыновили.

Он встрепенулся и вполне осмысленно посмотрел на меня, потом покосился на замершую в ожидании команду спасения, явно настроенную не бросать ребенка на произвол судьбы. Резво вскочил с лавки и послушно пошел за мной к машине. На переднее сидение влез молча. Застегнув ремень безопасности, воинственно заявил:

- Я Артур. И я не псих!

- А я не врач. Даже если ты псих.

- Ничего я не принимал! И не курил! И не кололся!

Я пожал плечами, прикинул время. Успеваем. На въезде на мост Артур немного расслабился, ерзать и озираться по сторонам перестал. Тут-то до него и дошло.

- Куда мы едем?...

- Я в кафе, а ты - не знаю. Можешь подождать. Поем, подobreю и подброшу, куда скажешь.

Он медленно кивнул и отвернулся к окну. Видимо, на любой вариант был согласен, раз вырвался из лап заботливой братии и в больницу не угодил. Не догадывался, что мне его отдали из-за давнего сотрудничества врачей с фондом по программам психологической поддержки. Дороги было на десять минут, и провели мы их в тишине, относительной. Артур пыхтел и старался оттереть пятно с куртки. Вряд ли оно ему мешало, просто нашел себе занятие.

С парковкой повезло - нашлось место рядом с неприметно-серым зданием, признать в котором кафе можно было лишь по вывеске с чашкой и долетающим вкусным запахом. Артур попробовал выбраться из машины, забыв отстегнуться. Маневр не удался. Пока он ковырялся с защелкой, я выставил на парковочном диске время приезда. Почти восемь утра. Со стоянки массово уезжал народ: жители квартала вскочили пораньше и спешили переставить машины в другую зону, прежде чем начнет действовать часовое ограничение на бесплатную парковку.

- А вы меня точно подвезете? - засомневался Артур. - Мне вообще-то далеко.

И выдал адрес в глуши другого кантона. Если живет там, то далековато от дома в такую рань оказался.

- Сначала - завтрак.

Ничего против завтрака он не имел и шмыгнул следом в звякнувшие колокольчиком двери. В практически пустом зале было по-сонному тихо: задернутые шторы, невнятно-желтый свет торшеров, на плетеных стульях - полосатые подушки. Хорошее место для разговоров по душам. Ланс сидел за угловым столиком, как и условились. Самая располагающая из улыбок, пышно начесанная седая борода, костюм на подтяжках. Единственная тарелка была полна пряничных звездочек, со спинки стула небрежно свисало меховое пальто. Ясно, в образе Санта-Клауса сегодня. Однажды под Рождество он им оделся и раскрутил остальных членов правления на стишок...

Я подошел к нему, он задумчивым движением протер краем рукава очки, вернул на переносицу. Пацан ступевался.

- Артур, это мой друг - Ланселот. Гвиневра опаздывает, так что составим ему компанию.

- Ничего себе! Имя настоящее?... - озадачился он. Почесал затылок и уставился на меня. - А вас как зовут?

А это теперь не важно. Из-за стойки приветливо махнула рукой пухлая официантка. Эмма, ее смена. Можно не торопиться, чай она заваривает долго.

– Мне как обычно, – кивнул я и бросил Лансу: – Перекур, подойду позже.

– Артур, ну что же вы стоите, присаживайтесь, – по-стариковски хрипло сказал он уже за моей спиной. – Имя, между прочим, настоящее. Мать моя, вы бы могли подумать, зачитывалась рыцарскими романами, но нет. Она всего лишь доверилась судьбе и наугад открыла энциклопедический справочник. Мне повезло, на соседней странице был Парцифаль...

С глухим звуком отодвинулся стул. Заинтересованное ответное «ага», хруст печенья. Процесс пошел. Ланс из него все вытащит, и безо всяких ментальных штучек. Наш главный психолог, те самые случаи вычисляет мгновенно.

Задний двор кафе был огорожен глухим забором, дверь с замком, код от которого Эмма вечно забывала, подпирал изрядно облысевший куст в каменном вазоне. Из пачки сигарет вытряхнулся узкий коробок спичек, с изображением трех факелов под кружком черной эмблемы. Остался с последней командировки в Бельгию. Погасшая спичка улетела в урну, после второй затяжки утро стало лучше. Сейчас мало что понятно. Оклемался Артур быстро, слегка заторможенный, но в целом вменяемый. Похоже не на последствия измененного сознания, а обыкновенную панику. Есть от чего – при нем только что умер друг. Что тот принимал, вскрытие покажет, а Хлоя в своих ощущениях пока разбирается плохо. Да и официально считается, что манипуляции с энергией смертельные исходы не дает. Обратное еще никто не доказал.

В урне стало окурком больше, завибрировал телефон. Еве не спится. Из трубки вырвались вздохи с причитаниями:

– Кошмар... Катастрофа! Я ума не приложу, как быть. Всю ночь себе места не находила, уснуть так и не смогла. У меня срыв, вот сто процентов. Никакое успокоительное не берет. Почему до подобного дошло? Наверное, я ужасная мать.

Опять дорогой племянник отличился.

– Что на этот раз?

– Он бросил учебу! Представляешь? Укатил с какой-то неизвестной рок-группой, оставил нелепую записку, что нашел свое призвание, и волноваться не надо. Угу, не надо! Столько денег вбухали в обучение, последний год оставался, а ему черт-те что в голову стукнуло... На звонки не отвечает, друзья якобы не в курсе, где он. Ты должен его найти.

Всех помню, кому что-то должен, и ее в этом списке не было.

– Допустим, найду. А дальше что?

– Поговори с ним, он к тебе прислушивается. Постоянно про тебя спрашивает, скучает...

Надо же, а я и не догадывался.

– Знаю, что ты занят, – всхлипнула Ева. – Но пожалуйста, отодвинь свои планы. Пойми правильно. Я забочусь о будущем сына. Потому что его люблю! Элле бы меня поняла...

Конечно. Любовь. Звучит громко, и сразу можно делать что попало, оправдание-то есть. А Елена терпеть не могла, когда ее называли Элле. Но никого не поправляла – вдруг расстроятся.

– Я посмотрю, чем можно помочь.

– Отлично, – тотчас закончились всхлипы. – Позвонишь, как появятся новости, да?

Звонок Ева сбросила, видимо, вопрос был риторическим. Убирать телефон я не стал, дело пустяковое. Поиски заняли целых десять минут. Чужие пристрастия к социальным сетям – как распахнутые настежь двери. Наглядно продемонстрировали, что племянник больше не студент юридического факультета престижного университета, куда его запихали родители, а барабанщик в группе «Букет бобров». Не такой уж неизвестной –

на канале ютуба двести тысяч подписчиков, у солиста в инстаграме – почти миллион. Ребята в тренде, и автором многих песен значился наш оболтус. Я включил самую популярную – поначалу было неясно, телефон завис и пищит или так задумано. Оказалось, второе. Вот кому весь творческий талант в семье достался! Слава богу, что не мне. На свежих, щедро отлайканных фотографиях из ночного клуба потерявшийся родственник выглядел до неприличия счастливым, улыбка едва влезала в кадр. Группа отправилась в тур по Европе и сегодня давала концерт на родине, в Праге. Недалеко сбежал. На завтра в их расписании стояла Австрия. Тогда и позвоню любящей матери. Надо дать ее сыночку фору.

Времени прошло достаточно, чтобы Ланс успел все выяснить, а чай завариться. В кафе посветлело, за отдернутыми шторами, из-под толщи облаков, выглядывало солнце. Артур уплетал печенье за обе подсыхающие от слез щеки, запивая молочным коктейлем через пожеванную трубочку. Разговор шел о легендарной коллекции комиксов Ланса, которую тот держал прямо в кабинете. Сколько неокрепших умов уже на нее повелось... Я молча сел рядом, к чаю и сэндвичам с сыром. Вдвойне хорошо – и можно ничего не говорить, и завтрак. У обеда в расписании положение неустойчивое. С чем по жизни не складывается – так это с обедами и беседами по душам.

Артур стал менее дерганным. Спорил, какой супергерой круче, а прикончив печенье и недоверчиво ощупав дно тарелки, по-школьному отпросился в туалет и на пару минут оставил нас одних.

– Это наш случай, – воспользовался моментом Ланс.

Надо будет сообщить Хлое, что позвонила не зря.

– Точечное влияние на эмоции, – продолжил он. – В данном случае давили на страх. Артуру вдруг жутко страшными показались и попутчики, и ветки за окном, и даже билет в кармане. Никаких причин тому не было, и ранее с ним таких приступов не случалось. Пережил ли подобное Натан – его покойный лучший друг, непонятно. Артуру там не до него было, не сразу-то сообразил, что... Нужны данные по вскрытию.

– Будут.

– С мальчиком еще поработаю, есть у него ненужные подозрения. Как водится – необоснованные и невероятные. Подправим. – Ланс снял очки, тщательно протер. Напускная мягкость из взгляда исчезла, вместе с добродушной улыбкой. Вышел из роли. – Сложная ситуация в верхах в последнее время...

– Разберутся.

– Скоро начнут, – уверил он, вернув очки на переносицу. – Я о тебе беспокоюсь.

Начинается. Не надо ко мне в голову лезть, никаким из способов.

– Ты не мой опекун, – напомнил я, – уже семнадцать лет как.

– Далось тебе это твое совершеннолетие, – поморщился Ланс. – Имей в виду, скоро Маэва нагрянет с разговором.

Всегда приятно воспользоваться его же советом: при любой неудобной теме – просто пить чай. Особенно если чашка стоит перед тобой. Он усмехнулся, но ехидный изгиб мгновенно превратился в прежнюю добрейшую улыбку. Обратно мчался Артур. Как раз к новой порции печенья, принесенного Эммой.

– Пора, – я указал на часы и ожидаемо наткнулся на разочарованный взгляд Артура.

– Оставайся, – подмигнул ему Ланс. – Хочешь, покажу тебе свою коллекцию комиксов? Потом довезу до дома.

Тот закивал. Отлично. А мне действительно пора. И так задержался.

По плану выехать следовало ранним утром – машин поменьше, добраться можно без пробок. Но и сейчас обошлось. Трасса оказалась полупустой, ненадолго обступили горы. Дальше погрустнее – нелюбимый многими Монбланский тоннель с ограничением

скорости. Монотонно длинный. Зато после – Италия и уступчивые, вежливо пропускающие вперед водители. Впрочем, сами при этом гонят как ненормальные. Рассекающие под двести километров в час лихачи здесь не редкость. Как на немецких автобанах... Хлоя ответила на сообщение через два часа, видимо, в перерыве между занятиями. На мое: «Подтвердилось», пришло облепленное смущенными смайлами: «Я завтра загляну в офис, расскажешь подробнее?». Заинтересовалась. Прогресс.

На горизонте замельтешили однообразные высоты, улицы оживились. Грязь, шум и китайские ресторанчики. Столица моды... В центре города прибавилось вычурных домов, потянулись вереницы бутиков и магазинов, по-старинному запетляли улочки. Брусчатка да куча машин. И любителей парковаться, экстремально расталкивая соседей. На парковке у приземистого здания с покатой крышей и колоннами все вели себя прилично, ровно посередине гордо стоял фиат 500 с заклеенным коричневым скотчем задним стеклом. Символ уже не тот.

За стойкой администратора две юные особы с бейджиками рассматривали какой-то журнал. Увидев меня, дернулись, стукнувшись лбами, и хором поздоровались. Журнал исчез. Новенькие, наверное. Или старые забыли, что такое порядок. Я пересек холл и поднялся на верхний этаж. Два поворота, сдержанный стук в отвечающую глянец дверь.

– Да? – раздалось обеспокоенное.

Я вошел. В кабинете был бардак – пять чашек с зарождающейся внутри жизнью, смятые бумаги, горстка деталей поверх наполовину собранного пазла. Энцо вскочил со стула, стряхнув парочку на пол, и выпалил:

– А я тебя со дня на день и ждал...

Неудивительно.

– Внимательно слушаю.

– Ну... – Он со вздохом опустился обратно на стул, я прикрыл за собой дверь. – Основное ты уже знаешь. Главный офис добрался с проверками и до нас, трясли всех прицельно, в каждую подконтрольную клинику заглянули, не ленились поднимать документы чуть ли не пятилетней давности. Итог – Мартина с поста главы филиала попросили, сегодня должен в отставку уйти.

Головы полетели еще летом, после инцидента в испанском филиале. Следом обнаружили нарушения в Румынии и Болгарии – аналогичные махинации с клиниками, такое недосмотром не назовешь. Помогла лишь полная смена руководства. Но Мартин Герра не из той шайки. Толковый мужик, на своем посту продержался тридцать лет, и ни в чем подозрительном замечен не был. Аргументы в отчете крайне неубедительные, доверия этому расследованию никакого.

– И ведь не нарыли на него ничего плохого, – сокрушенно выдал Энцо, – кроме моей персоны в сотрудниках.

– Твоя персона слишком отличилась.

– Я в прошлый раз тебе все объяснял!

Объяснял он... Сначала мутит в испанском филиале с Гусманом незаконные делишки, затем тихо сваливает в соседний. По благороднейшей причине, потому что рисковать надоело. Пока не прижали – ни слова. Сказал бы сразу, прикрыли бы эту лавочку два года назад. Нет же. А теперь сидит и делает вид, что недоразумение вышло.

– Вот мне ту историю и припомнили... А виноватым сделали Мартина. Будто он знал и меня прикрыл. Или не знал, тогда дурак некомпетентный.

Ну-ну. Вся Европа не знала, пока мордой по столу не повозили. Давайте всех массово уволим.

– Сегодня его последний день, передает дела преемнику. – Он потянулся к чашке, отпил. Надеюсь, все важное рассказать успел... – Дичь это. Я готов подтвердить, что Мартин

был непричастен! Пусть с меня спрашивают еще раз, если уж вперлось, а он тут при чем?...

Совершенно ни при чем. И отчет на факты скуп, одни домыслы. Так себе обоснование для требования уйти в отставку.

- Получится все исправить? - не без надежды спросил Энцо. - Не поздно ведь...

- Выясню.

Мне в спину он выдохнул с облегчением. Или совесть проклюнулась, или новое руководство не нравится. Ставлю на второе. Хотя сложно найти сотрудников, которые бы Мартина недолюбливали. Он много сделал для Совета, считай, у истоков фонда стоял, вместе с Леоном Дорманом. И такой финал карьеры. Нехорошо.

В коридоре ждала секретарь пока еще действующего главы итальянского филиала - полная дама средних лет с единственной седой прядью в старомодной прическе. За круглыми бифокальными очками прятались заплаканные глаза. Сколько она с ним работает, лет двадцать? Поправив идеально ровный воротник блузки, она поздоровалась и повела меня к Мартину. Его кабинет находился за поворотом. Опустевший - голые полки, квадраты снятых рамок на стенах, худые папки. Сам Мартин стоял у окна и аккуратно поливал единственный цветок в горшке.

- Здравствуй-здравствуй, - донесся обманчиво мягкий голос. Сгорбленная над цветком спина выпрямилась. - Заехал попрощаться?

- Эту так называемую отставку я согласовывать не буду. - Я плотно закрыл дверь. - Нужно повторное расследование.

- Спасибо, конечно... - Он обернулся. На дрогнувших губах была усмешка - не злая, не добрая. Снисходительная. - Но это лишнее.

Не лучшее начало.

Мартин неохотно оторвался от подоконника, кивнул на диван в углу. Раньше на журнальном столике были автомобильные журналы бог весть каких годов и стопка раритетных карточек, высота которой с каждым годом увеличивалась. И бессменная металлическая пепельница времен дремучей старины, напоминающая тазик. А теперь - свернутый в кривую трубочку файл. Негусто.

- Чай не предлагаю, все равно откажешься. - Мартин устало откинулся на спинку дивана. - Не нужно ничего расследовать.

- Я чего-то не знаю?

Приглушенно зазвонил на столе телефон. Выкрученный до минимума звук, тише только его отсутствие. Брать трубку Мартин явно не собирался.

- Сочтем за знак судьбы, - развел он руками. - Выгоняли бы с позором, стоило бы побороться... А так - намекнули, что на пенсию пора. И ведь вправду пора. Сколько можно? Дети не особо помнили, как я выгляжу, хоть внукам покажусь. А вы без меня вполне обойдетесь. Оскар парень умный и неплохо справляется.

Его недавний заместитель и протеже Маэвы. Собственно, преемник. Но сейчас не о нем речь.

- Прецедент создавать нельзя, - высказался я. - Чревато.

- Я сам уйду, тот отчет им не понадобился. - Мартин приподнял седую бровь. - Дождись следующего.

Оптимистично. Впрочем, его дело. Помогать тем, кто сопротивляется, тоже своего рода насилие. Как бы многим ни хотелось думать обратное.

- Я вас понял. Прощайте, и удачи.

Он улыбнулся той улыбкой, что обычно предназначалась спонсорам и журналистам -

пристальное внимание и в строгой дозировке отмеренная благодарность. Дежурное рукопожатие, и я оставил его на некогда любимом диване одного. Уже у двери прилетело:

– Участвовать в том, что будет дальше, я бы все равно не согласился.

Я кивнул и вышел. К гулу голосов, смиренно дожидаящейся в приемной компании под надзором бдительного секретаря, и Оскару с фирменным оскалом. Вид новый глава филиала имел представительный и взволнованный.

– У нас какие-то проблемы? – выдал он вместо приветствия.

– Пока нет.

Оскал не дрогнул, напротив – стал шире. Молодец. Впрямь неплохо.

Во дворе успело потеплеть, фиат укоренился в статусе звезды парковки. Из-за забора его фотографировали две явно неместные девы, тыкая пальцем и хихикая. Выехать из Милана удалось нескоро. Пока ждал в пробке, отправил с телефона письмо знакомому из полиции, насчет отчета о вскрытии. До главного офиса добрался лишь к пяти часам. Обильно украшенной лепниной здание в центре Женевы, с острым шпилем черепичной крыши и круглыми ажурными балконами, часто принимали за достопримечательность или какое-нибудь посольство. Приезжие тыкали на усеянный флагами фасад и пытались фотографироваться, вчитывались в золотистые буквы на сплошном белом заборе и мигом теряли интерес. Благотворительный фонд, пусть и международный, – это вам не штаб-квартира ООН. В инстаграме не оценят.

Крыльцо пестрело журналистами, съехавшимися на очередную конференцию по защите детей, уже не вспомню от чего. Второй вход, только для своих – на заднем дворе, безо всяких музейно нависающих колонн. Холл с двумя лифтами, единственными, у которых есть кнопка последнего этажа. Впрочем, и ко мне в дальнее крыло цокольного этажа посторонние не заходят. Слишком много раз надо свернуть не туда, да и табличка «Служба безопасности» на первых же стеклянных дверях мало кого располагала продолжать прогулку.

Неприметный кабинет в углу, без таблички вовсе, десять лет как был моим. Регулярно приходится отклонять предложения перебраться наверх, к тем, кто занимается вовсе не делами фонда. Зачем? И здесь никто лишнего не узнает. За дверью ничего важного нет, ценного – тем более. Ланс придерживался мнения, что там вообще ничего нет. Ну, кроме, стандартного набора: кресло, стол, шкаф. А что еще нужно? Без гостевого кресла даже лучше. Быстрее уйдут.

Я подкрутил прикрытые жалюзи, помещение залил свет не только от монитора. С утра в почтовом ящике скопилось достаточно того, что требовалось просмотреть, а то и ответить. Было письмо из полиции с данными о вскрытии. Натан Берг пятнадцати лет отроду: никогда не принимал, не курил и не кололся. Сегодня утром скончался, не доехав пары остановок до школы. Сердечный приступ.

Вот же...

По глазам резануло, монитор отбликовал красным. Яркая, на мгновение поглотившая буквы вспышка. В дверь дробно постучали, на пороге нарисовался Колвен. При полном параде, небрит и важен. Породистое лицо портил вечно дергающийся кончик носа, отчего казалось, что он все время что-то вынюхивает.

– С тем назойливым блогером надо что-то делать, – прорезалось сквозь набирающий мощь звон. – Расписался... Без аргументов, но народ ведется.

– Твой отчет про итальянский филиал тоже он сочинял? Жаль, что ты не только совесть, но и мозги потерял. Пошел вон.

Колвен поперхнулся и вылетел за дверь, не успев войти.

Так...

Пауза. Глубокий вдох, выдох. Мысли – долой. Холод пустоты и спокойствие. Свет

монитора стал ровным, обычным. Наконец-то тишина.

Есть дело, конкретное, и надо заняться им.

Судя по всему, замешаны эсперы – естественные причины не подтвердились. Хлоя засекала в автобусе что-то, по описанию похожее на выброс эмоций, Ланс определил влияние на Артура, вызвавшее паническую атаку и неизвестно что еще. Уже это повод для расследования, а тут все серьезнее. У Натана зафиксирован дикий предсмертный выброс адреналина и остановка сердца. Ответы на вопрос «как» и «почему» куда лучше искать после выяснения «кто».

Первый вариант – кто-то из местных. Кураторам ближайших окрестностей ушло общее, помеченное важным письмом. Отчитаются, чем их подопечные занимались в семь утра. Сразу отсекутся мирно спавшие дома и находящееся далеко от эпицентра событий. Второй вариант – приезжие. В Европу их приносят регулярно. Задумчиво прогрузив базу данных, ноутбук отобразил актуальный список гостей. Было лишь несколько – Гамбург, Вена, Рим, Париж, в начале декабря мало кого тянет путешествовать. У нас не появлялись, но пусть в региональных филиалах проверяют их перемещения. Третий вариант – новые лица. Каждый месяц прибавляются, мгновенно не отследить. Энергией только спустя полгода отсвечивать начинают, раньше находятся либо по обращениям в клиники, либо по сводкам новостей. Типичный случай: инициация, что-то там свербит, ой, всех рядом вдруг выкосило. Этот мог особенно отличиться. Разыскать его будет непросто, но редко кто катается на утренних автобусах случайно. Остановок там до конечной немного. Одна из них – его...

В дверь постучали – уверенно, по-хозяйски. Здесь без вариантов, кто. Дождавшись пригласительного «да», Маэва вошла. Отчеканив пару шагов каблуками, встала напротив и невозмутимо облокотилась о край стола. Отсутствие кресла ее никогда не смущало. Ее вообще ничего не смущало.

– Феликс, – заместитель главы Совета наклонилась ниже, на уровень монитора. Блеснула брошь на наглухо застегнутом пиджаке. Серебряная птица с широким размахом крыльев. И она явно не собиралась никуда улетать. – В следующий раз сам будешь Колвена успокаивать.

– Успокою, присылай. Недостаточно корпоративно, но действенно и надолго. Тебе не понравится.

Маэва тяжело вздохнула:

– Завал по всем фронтам. И ты не был на сегодняшнем собрании... Что-то случилось?

– Да.

Маэва выпрямилась, в перманентно спокойном взгляде мелькнула настороженность. Птица на броши определенно была хищной – иначе зачем ей такие когти.

– Засекли применение дара сверх нормы, – я оторвался от ноутбука.

– Ну, с этим ты разберешься.

Если отвлекать не будут.

Она сложила руки на груди. Обычный ее жест перед важными разговорами. Половину из своих сорока шести лет занимается тем, что убеждает других сделать все так, как надо ей. С тех пор как переехала в Женеву из Лондона, привезя любовь к формальностям и английскую сдержанность, с годами превратившуюся в невозмутимое хладнокровие.

– У нас своего рода юбилей, – светским тоном произнесла Маэва. – Год как Дорман фактически отошел от дел – не дозвониться стало, не достучаться. Теперь и на письма не отвечает. С каждым днем в его возвращение верится меньше.

Я пожал плечами. Не пробовал ему ни звонить, ни писать, ни тем более куда-то стучаться.

– Пока он пропадает неизвестно где, управлять фондом приходится мне, – продолжила

она без тени недовольства. – Делать это все сложнее – не хватает полномочий. Без согласия главы фонда многое невозможно, а согласия спрашивать не у кого. Так больше продолжаться не может.

Выражаясь более конкретно – а не слить ли Дормана, раз уж он ушел в тень. Филиалы поддержат, об этом заранее позаботились.

– Давай признаем, – в ее голосе прибавилось настойчивости, – сейчас он не лучший руководитель. Я собираюсь вынести на рассмотрение вопрос о его отстранении.

Подготовилась. Выражается красиво. Причины правдоподобные нашла.

– Мне это неинтересно, – я открыл письмо из немецкого филиала. Приезжий куда-то не отлучался.

– Члены правления, – усмехнулась Маэва, – все равно должны будут голосовать.

– Вот вынесешь, тогда и проголосуем.

– Колвену укажу обращаться к тебе исключительно в письменной форме. – Через секунду Маэва повернулась ко мне спиной, по-прежнему неспясаемо прямой. У дверей оглянулась и бросила через плечо: – Я хочу, как лучше.

Кому лучше?

Остаток вечера удалось спокойно поработать. Проверки пока ничего не дали – никто из известных нам эсперов в районе автобусной остановки не светился, подозрительных обращений в клиники не поступало. Отметать эти варианты было рано, нескольких ответов следовало подождать до завтра. Писем в ящик набилось уйма, в том числе и по работе фонда. Выискались мошенники, проводившие акцию от нашего имени. Нашли с коллегами из службы безопасности следы этих клоунов в интернете и сдали полиции. Пришел отчет из Люксембурга – выписали кому-то предупреждение за эксперименты с настроением теперь уже бывшей невесты. Когда он очнулся – из-за полученного нервного срыва та нехило приложила его половником. Предупреждение было не пятым, и мои комментарии не требовались. Колвен тоже прислал письмо – с единственной ссылкой на блог. Начинаящий журналист Михаэль Радос с громким ником Страшная Правда. Читал я его месяц назад. Писал про «других среди нас», спасайтесь кто может. Рядом с записями о крокодиле из канализации, покусавшем чью-то тещу за задницу, и похищениях коров инопланетянами смотрелось замечательно. Поводов для беспокойства ноль. Но сейчас...

Низкопробная дурь из блога исчезла, подписчиков и комментариев прибавилось. Статьи стали длиннее и обстоятельнее, без псевдосенсационных заголовков. Михаэль вещал про мозговые волны, прорывы астральных дыр и сверхлюдей, способных силой мысли всем этим управлять. Советовал ни в коем случае не смотреть им в глаза, а в критической ситуации хватать что-нибудь тяжелое. Уж не почитывала ли его люксембургская невеста? Прилагались репосты таинственных происшествий, лишь один из которых имел отношение к эсперам, остальные были притянуты за уши. Негусто для теории заговора. Куда сильнее напрягала некая Лиссакиса в друзьях, усыпанная лайками Михаэля. На фотографии с профиля было узнаваемое курносое лицо в веснушках. Детский психолог фонда – Лиссандра. Снимает квартиру вместе с ассистентом Колвена. Вот почему его так припекло... Надо выяснить, какая тут связь, и с чего Михаэля разобрало писать на подобные темы.

Статьи я перечитал внимательнее. Конкретики в них не было: расплывчатые догадки, но по сути верные. Читатели активно подкидывали ссылки и делились информацией, что уборщица в их торговом центре «точно ведьма» – безошибочно определяет, кто жвачку на подоконник налепил. Могла ли Лисса услышать что-то лишнее и этим поделиться? Например, небескорыстно – недавно аванс запросила за три месяца вперед и получила отказ, так что явно должна быть на мели. А теперь укатила в отпуск и выкладывала фотографии из пятизвездочных отелей жарких стран. Что ж, с такими вопросами разбираться нужно лично. Жил Михаэль недалеко – в Лозанне, и сегодня собирался на концерт в ночной клуб, чью афишу разместил у себя целых три раза. Подойдет.

Было десять вечера, в коридорах офиса – тишина. От прошедшей конференции остались

только листовки на стендах и обмякший воздушный шар под потолком, с логотипом фонда. Сдулся немного «Идеальный мир». На парковке никого, улицы полупустые. Подсвеченное фонарями озеро пестро отражало неоновые вывески, пока те не закончились. Дорога вдоль берега заняла меньше часа. Однотипная картина: силуэты холмов, рваные линии лысых кустов, мелькание фар и серого бортика трассы. Наконец они сменились оранжевыми огнями города, начали угадываться знакомые места. Пути метро на эстакадах, крутые спуски и подъемы улиц, массив университета вдали. Там мы с Еленой и познакомились, в библиотеке кантона.

Меня туда занесло в поисках диссертации Ланса, а она училась на факультете детской психологии и именно в тот день утащила последний экземпляр, имеющийся в открытом доступе. Пятнадцать лет назад электронной копии еще не было, возвращаться в Женеву ни с чем не хотелось. Это я убедительно и объяснил найденной в читальном зале хорошенькой девушке в вязаном длинном свитере. Она смутилась, выронила спрятанное под стол яблоко, которое в библиотеке грызть запрещалось, и попыталась отдать мне и его, и диссертацию. Из-за перегородки неожиданно высунулась встрепанная голова, хриплым голосом сказала мне, куда я могу отправиться со своими претензиями, и строго напомнила Елене – быть тряпкой нехорошо, особенно когда горит курсовая по редким формам психологических расстройств. Сдавать нужно завтра, тема дико сложная, и единственный доступный источник информации здесь. Та покраснела до слез, но упорно совала мне в руки потрепанную папку, бормоча, что это ерунда, успеет, вся ночь впереди. Пришлось отнекиваться, да еще и уговаривать ее не беспокоиться, писать спокойно дальше. Как выяснилось, не беспокоиться она не умела, максимум, чего удалось тогда добиться – поработать вместе. Кстати, из ее курсовой я потом понял гораздо больше, чем из самой диссертации – обилие терминов и сугубо научных описаний требовали перевода на человеческий язык, раз уж Ланс вздумал партизанить. Неуютно было совсем не помнить, что со мной происходило с восьми до одиннадцати лет. Пробежал в памяти причины имел понятные, но интересовали подробности... Опеку на вопросы не отвечал, лишь один раз бросил опрометчиво – отстань, я по твоему случаю докторскую написал, добавить нечего. Вряд ли он всерьез допускал мысль, что однажды я ее разыщу.

Зачем мне понадобилась та диссертация, Елена и сама догадалась, об остальном я рассказал через два года. Официальную версию. Незадолго до свадьбы. Так было честно. О подобных вещах следует предупреждать.

Припарковаться удалось у моста. Вниз спускал лифт, я предпочел лестницу. В какие-то незапамятные времена тут протекала река, теперь в ее устье было полно магазинов, ресторанов и ночных клубов. Нужный мерцал вывеской на перекрестке, концерт шел уже полчаса, очередь перед входом если и была, то благополучно рассосалась. Внутри из последних сил держался пронзаемый яркой подсветкой полумрак, со сцены лились басы вперемешку со звуками скрипки, облаченная в черную простыню солистка брала невообразимую ноту, народ замороженно внимал, снимая на телефоны. В инстаграме Михаэля пять минут назад появилась плохо сфокусированная фотография пирамиды из бокалов на заставленной разнокалиберными бутылками стойке. По всем приметам – бар. Кажется, музыка не очень его интересует. Стойка с такими же бутылками обнаружилась в конце коридора, на выходе из зала. В баре было светлее и тише, субтильная фигура в красных кожаных штанах бросалась в глаза. Михаэль опирался о стойку, что-то бормоча, и вертел в руках бокал. Не первый, видимо. Рядом утомленно вздыхал мужик с заплетенной в косу бородой.

– ...стерва гребаная, – глубокомысленно закончил блогер.

– Хватит ныть, пойдем. Ребята заждались.

– Ты видел, а? Видел?...

– Слушай, хочешь торчать здесь – ради бога, – потерял терпение бородатый, – а я пошел. И так половину концерта пропустил.

– Да было бы что пропускать! – Михаэль проводил его обиженным взглядом, скривился. – Дерьмо.

Я сел к нему на том расстоянии, когда рядом, но в то же время отдельно. Любитель паранормальных сенсаций опустошил бокал, потребовал повторить. Бармен плеснул до

краев и убирать далеко бутылку не стал.

– Так себе они сегодня играют, – сказал я задумчиво, будто сам себе.

– Да! – Михаэль мигом высунул нос из вновь опустевшего бокала. – А эта... орет. Словно кошке на хвост наступили, ей-богу.

– Живописное сравнение.

– Работа такая... – вальяжно протянул он и придвинулся ближе. Умиротворенный вздох перегара намекнул – и бутылка была не первой. – Хотя у кого-то тут с ушами все в порядке! За это стоит выпить!

Вскоре перед нами оказалось два бокала какого-то местного фирменного пойла. В меню было подписано просто «сюрприз». Михаэль с ходу влил в себя половину, я свой отставил. Не люблю сюрпризы.

– Хорошо хоть за билет платить не пришлось. Позвали, с условием обзор потом написать, – он пьяно хохотнул: – Я им напишу... Про кошку!

– И что, хорошо платят?

– Вполне! – кивнул Михаэль и грустно уставился в бокал. – Но все же недостаточно, чтобы такое слушать.

Информация о трудовых буднях начинающего журналиста хлынула потоком. Бесполезная, но с чего-то начинать было надо. Из производственной исповеди с явками, паролями и вкраплениями неразборчивого сопения представляло интерес только упоминание, что путь к успеху – найти свою тему. Я молча кивал, говорить и не требовалось.

– Да, неплохо я, в общем, устроился, – похвастался Михаэль, и тут же уныло добавил: – А этой стерве мало оказалось... Я ее так любил, а она... Вот, полюбуйся! – Он полез за телефоном. Три минуты сосредоточенного копания в кармане, и мне предъявили дисплей. Лисса в гамаке, с мороженым и счастливой улыбкой. Свежая фотография из отпуска. – Подцепила какого-то мажора, укатила с ним отдыхать... Фотки эти постит и постит без конца. Дрянь!

И добавил пару выражений, по которым любовь чувствовалась особенно.

– На работе, наверное, познакомилась, – предположил я.

– Хрен знает, – булькнул Михаэль, – где она работает. Что-то с детьми. В школе, может быть...

– Учительница?

– Да я ее только на прошлой неделе клеил, – отмахнулся он и чуть не упал. – В комментах. Но это любовь. Вот точно. Ничего... Скоро все изменится. Есть у меня проект... Такой проект – ух! Рейтинги – во! Скоро деньжищи повалят. Сама прибежит.

Наконец-то. Концерт подходил к концу, в любой момент могли явиться его друзья и уволочь домой отсыпаться.

– Собственный проект?

– Блог, – выдавил Михаэль, с трудом вспомнив нужное слово. – Топовый! Об энергуюх.

Много терминов слышал, но такое в первый раз.

– Это типа черти с суперпавером, – пояснил он и таинственно добавил: – Бу!

– Серьезно?

– Более чем, – блогер размашисто кивнул, чуть не слетев со стула. – Берешь людей Икс, суперменов, вампиров за компанию, в правдоподобную обработку, и готово. Верят! Все верят. А она – нет. Говорит – чушь и бред, такого не бывает. У меня сколько читателей

отродясь не было. За рекламу бешено щелкает. Классно придумал? Вот! Главное – фантазия!

Он возвел палец вверх и стек на стойку. В зале стихла и музыка, и аплодисменты. Я заглянул в его телефон. Десяток отправленных сообщений Лиссе с чередующимися признаниями в любви и затейливыми ругательствами, все без ответа. Похоже на правду. И ничего подозрительного. Обычная практика: девять случаев из десяти – мимо.

Михаэль встрепнулся, повертел головой и попытался поудобнее улечься на стойке. Друзья его объявляться не спешили, клуб пустел. Я вывел топового блогера на улицу, пихнул в первое попавшееся такси, сказав адрес, – все равно он не вспомнит, что называл его не сам.

Сзади смущенно хихикнули. Обернулся – клубная дева, обсыпанная блестками. Глаза ее смотрели куда-то внутрь, словно там было нечто интересное. Видимо, спиртное.

– А вы... – робко произнесла она, – альбинос, да?

Первая на сегодня.

– Да, – подтвердил я.

– А у вас... – озадачилась дева, – разве глаза не должны быть красные?

– Должны. Просто еще не созрели. У нас, кроликов, позднее созревание.

– Ага, – она застыла, что-то мучительно обдумывая.

Я вернулся на мост, в машину. Времени было почти час ночи. Пора спать, иначе есть все шансы начать соответствовать ожиданиям.

Обратно проскочил быстрее – по автомагистрали, в объезд Женевы, прямиком к французской границе. Срезая по не самому популярному маршруту, главное, не пропустить, как на фоне гор начинают уплотняться жилые дома, приближая нужный поворот. Маленький городок и так был спокойным, а сейчас будто вымер. Я припарковался во дворе здания, которое считалось здесь многоэтажкой – целый десяток квартир. С краю, под самой крышей, в окнах горел свет. В моих окнах, между прочим. Все бы ничего... Порой бывает даже приятно, что кто-то ждет. Если не живешь один.

Я поднялся по лестнице, замер у двери. За ней позвякивало, приглушенно доносился мелодичный свист. Ясно. Поворот ключа, шаг в коридор. В бок ткнулось что-то холодное.

– Стоять, бояться!

– Когда-нибудь доиграешься...

– Ха-ха! – Анита чмокнула меня в щеку и помахала ложкой. – Далеко поселился в этот раз. Но я все равно нашла!

– А надо было прятаться? – уточнил я. Запер дверь, подергал ручку. – А хозяйка говорили, хороший замок...

– Очень даже хороший замок, – гордо выпрямилась она.

Неисправима. С кухонного угла тянуло чем-то вкусным, мигом вспомнился пропущенный обед. Анита показала язык, одернула кружевную юбку, напоминающую абажур для торшера, и босиком прошлепала на кухню. Я присоединился через несколько минут. Нежданная гостья металась, то звеня тарелками, то нарезаая хлеб. Розовая прядь покачивалась в такт насвистываемой мелодии, в духовке разогревалось мясо. Все-то успела. Утром в холодильнике ничего подобного не было.

– Поздно ты, с вечера жду. – Анита набросила на стол полотенце вместо скатерти, подвинула табуретку к стулу. – Ладно, зато завтра как обычно не поднимешь: «Хватит спать, уже шесть утра...»

– Смотря, чем накормишь.

Она выудила из шкафа две разнокалиберные тарелки и удрученно сообщила:

– Тут всего одна вилка.

– Запасная в нижнем ящике.

Полезла в него тут же, присвистнула:

– Вау, и запасная ложка есть! Шикуюем. Минут через пять будет готово.

Я отошел к окну, приоткрыл форточку. В коробке стало на одну спичку меньше, на улицу полетело кольцо дыма. Анита укоризненно посмотрела на сигарету и вздохнула:

– Опять?

– Не опять, а снова.

– В прошлый раз проспорил! Впрочем... – Она обвела грустным взглядом единственную комнату со скудным минимумом мебели от хозяев. – Как я могу привезти кота в столь ужасные условия?

– Совершенно никак, – согласился я.

Анита уселась на стул, нетерпеливо покосилась на духовку. Таймер был к гипнозу невосприимчив.

– Это какая квартира за год? Теперь вообще в такую дыру забрался! Дай угадаю... В Швейцарии риелторы тебя запомнили и больше ничего не сдают? – Она поводила вилок по пустой тарелке, подняла на меня глаза. – А как насчет вернуться домой?

– Не хочу.

Все равно там никого нет.

– Тебе не кажется... – осторожно спросила Анита, – что пора уже что-то решать?

Затяжка, вдох. Пауза, выдох.

– Когда никакой проблемы нет, то и решать нечего.

Она повела плечом, уставилась в мой телефон на столе. Прицельно щелкнула по кнопке «плей» на экране блокировки, врубилась прослушанная последней песня «Букета бобров». Надрывно заорало: «Я не могу перевернуться... совсем никак... я как блинчик, прилипший ко дну жизни...»

– Ни фиги ж себе, – ошеломленно протянула Анита, – ты это слушаешь?!

– Не только. Потанцуем?

– Нет, что ты, кури, не отвлекайся, – пробормотала она, убирая звук и пряча телефон под скатерть.

Пикнул таймер духовки. Анита вытащила оттуда румяную индейку, погребла ее под копной разнокалиберной травы и гордо бухнула на стол. Это чудовище из магазина или из ресторана напротив? Ужин сопровождался рассказом о тяжелых буднях русского филиала и очередном идиотизме Шульца. Вот кого бы действительно следовало поменять, пока окончательно бардак не развел. Нажаловавшись, Анита повеселела, убрала тарелки и достала из холодильника торт с шапкой взбитых сливок. Сорвав крышку, подцепила ложкой сколько влезло, и отправила в рот. Точно пора спать.

– М-м-м, – она демонстративно облизала ложку. – Здесь через дорогу изумительная кондитерская. Рай! Каждый день бы закупалась. И чем тебе сладкое не угодило?

– Оно невкусное.

– Ты просто раньше не встречал такой обалденный торт. Честно-честно. Попро-о-обуй! Вдруг этот – исключение.

- Слабо верится.

- Исключения бывают везде!

- И от них все зло.

Анита отмахнулась и быстро заработала ложкой, словно боялась, что я вдруг передумаю и полюблю сладкое. Ополовинив торт, она сыто улыбнулась и украдкой потерла висок. Рано с постельного режима выпустили.

- Ложись, - скомандовал я. - Диван весь твой.

- Мне уже лучше, - Анита отвела глаза. - Хорошо, что тогда не получилось...

До сих пор переживает. Но иначе было нельзя. Даже если бы мы знали заранее - это бы ничего не изменило. И она это понимает.

Под скатертью завибрировал телефон. Звонок, от координатора клиник. Что-то важное, раз среди ночи.

- Максимова очнулась, - выпалил он. Этот день определенно не хочет заканчиваться. - Вменяемая. Что делать?

Спать. Остальное - завтра.

- Пока стандартно. Утром приеду.

Анита возмущенно подняла бровь, я положил трубку и констатировал:

- Вовремя ты прилетела.

Глава 3

К выходным снега выпало еще больше. На улицах, по обе стороны от дорог и свежепротопанных тропинок, высились сугробы. Артем с Ариной налепили во дворе армию снеговиков, утащив из холодильника полкило морковки. В обед поднялся страшный ветер, стало не до прогулок. За окном рябило снежное крошево, о Соне не было никаких новостей. Я с трудом удерживалась от звонка Аните... Во-первых, прошло всего два дня. Время в нижнем Потоке течет иначе, и местное «скоро» отличается от нашего. Во-вторых, Тео может не сдержать обещание. Да и что я скажу Аните? Если Соня не очнулась, вопросы задавать бессмысленно, если очнулась – моя осведомленность будет подозрительной. Вся пятерка числится во врагах, о нашей связи лучше помалкивать. К тому же звонками на Совет не повлиять. Захотят – сами сообщат, не захотят – ничего не поделаешь. Я даже не знаю, где она... Но слишком далеко, чтобы выследить ее по энергетическому следу. Остается одно – успокоиться и ждать.

Получалось скверно. Никогда не была такой рассеянной, чтобы забыть поставить пирог в разогретую духовку. Через час прибежала вытаскивать, опасаясь, что уже сгорел, и заметила. Стыдоба! То и дело прокручивался в голове недавний разговор с Базилем. Кама... Девушка, которая пять тысяч лет назад нашла путь в глубокий Лектум, и из-за этого погибла, разозлив Поток и утянув за собой множество одаренных, кроме шести сумевших одолеть Вестника. Ответ скрыт в прошлом, и его кусочки в моем распоряжении. Но что бы во мне ни говорило, как бы меня ни называли, Эсте – не я. Плевать, что энергия у нас одна. Я – это я. И точка.

С осени тянуло разыскать Хранителя и расспросить. О ней, тех событиях, и о том, кто он, черт возьми, такой. Сделать это я так и не рискнула. Ему очень не хотелось, чтобы я выясняла правду о себе. Пусть считает, что не выяснила.

Пирог наконец подрумянился, наполнив кухню запахом выпечки и пряностей, истошно заорал телефон. Неужели?... Я кинулась к трубке, и лишь потом сообразила, какая доносится мелодия. Влад...

– Знаешь, – выдавил он, – со мной что-то не так.

– Конечно, не так, – подтвердила я. – Ты бутерброды ешь с колбасой, которой в три раза больше, чем хлеба.

– Я серьезно! Эта фигня мельтешит странно... или светится. – В его голосе слышались болезненно усталые нотки. – Подобное уже было, но не настолько ярко, я и не парился. А сейчас – аж спит.

Дообщался с Хранителем! По идее, помимо энергии ничего мельтешит и слепить не может. Остальное по телефону не определишь.

– Выезжаю!

Я сбросила звонок и вызвала такси. Нельзя было терять ни секунды. Все обычные люди, которых Хранитель одаривал силой непонятного характера, заканчивали плохо. Загадка – как именно, и почему. Возможно, в архиве Совета есть информация на этот счет, но кто меня туда пустит?

Перепоручив пирог Арине, я плотно закуталась в дубленку и вышла в метель. В лицо ударил холодный ветер, за шиворот посыпались колючки снега. Почти на ощупь добралась до расчищенного участка за воротами, куда подъехало такси. Дворники отчаянно возили по стеклу, дорога была невыносимо длинной. До подъезда я добиралась по сугробам, черпая сапогами мокрый снег. Нашупав в кармане запасные ключи от квартиры, которую сдавала уже лет десять, я с нажимом позвонила в дверь. Не успела даже к шагам прислушаться, как она отворилась. Влад выглядел бледно, отсвечивая нездоровой усталостью и практически осязаемой тревогой. Похоже, мне позвонил далеко не сразу. Его энергия пестрела странными сгустками, отражающими что-то извне. Мощное. Будто перехваченные отголоски чужого, вполне человеческого импульса.

– Рассказывай! – Я сбросила верхнюю одежду и сапоги. – Голова болит? В ушах гул есть? А ощущение, что воздух давит?

– Разве что немного, – улыбнулся он, запустив пальцы в и без того взъерошенную шевелюру. Я перехватила и сжала его ладонь, стараясь почувствовать эти сгустки отчетливее. Обожгло смущением, Влад рывком убрал руку за спину. – Ну, брось, оно терпимо. Вот при температуре тридцать семь и два...

– О, я и не говорила, что ты при смерти. Давно это у тебя?

– С самого начала, как... согласился. Слово где-то периодически свет включается и ненавязчиво светит издалека. Потом гаснет. Это нормально? У всего ведь своя цена.

Вспомнил вдруг! С удовольствием по лбу треснула бы. Но обидится – с героями же так неуважительно не обращаются.

– А сегодня этот свет ярче обычного? – уточнила я.

– Не то слово! – Влад измученно прищурился. – И другой он. Просто другой. Первый слабый, вроде ночника. А этот на полную катушку шпарит. Что за ерунда?

– Отпечатки энергетические. Я их вижу постоянно, твой в том числе. А что видишь ты? Или кого?...

Он раскрыл рот и нетерпеливо, тоном круглого отличника спросил:

– Бессмертных гадов?

Именно. Кто-то из них занял чужое тело, хозяина которого попросту сожрали. И кто-то еще рядом минимум три месяца ползает, но аккуратно. Черт! Артема уже ищут... А я сижу и чего-то жду! Чего? Когда за ним придут?... Будет поздно!

– Выходит, ты видишь, где их искать?

Влад неуверенно кивнул. Да уж... Поиск по отпечатку – сложнее упражнения с энергией не придумаешь. Я не один год училась. Но ему след отсвечивает единственный, причем прицельно, будто на него специально настроились. Справимся.

Я сварила кофе в кастрюльке – на этот раз нашелся молотый, заставила Влада выпить две чашки. Он стойко делал невозмутимое лицо и тайком морщился от каждого громкого звука. Знакомо... При большом расходе собственной энергии слабость гарантирована. Влад не столько видит, сколько чувствует, и тратит на это прилично сил. Черт побери, как работает их связь с Хранителем? Можно ли ее прервать – по желанию Влада или без, навсегда или хотя бы на время? Скоро вся бессмертная компания активизируется, и ему грозит энергетическое истощение, а то и что похуже!

– Сосредоточься, – велела я. – Тот отпечаток, в какой он стороне?

Влад указал на север. Сойдет для начала. Назвать точный адрес никто не способен, а вот идти на след – легко.

– Далеко?

– А как понять?

Проблема. Примеров других отпечатков у него нет, чтобы сравнить.

– Поедем в этом направлении. – Я взялась за телефон, набирая номер такси. – По дороге попытаешься оценить, насколько четким становится след.

– Ты что?... – На меня уставились округленные глаза. – Хочешь поехать... к нему?!

– Он вселился совсем недавно, раз раньше ты его не видел. Подозреваю, должен быть еще слаб, от неподвижного годами тела многого ждать не приходится. Оклемается – нам будет сложнее. Лучше уж сразу... разобраться.

– Наверное, ты права, – Влад глубоко вдохнул. – Пока он тупит и тормозит, шансов с ним справиться побольше. Нельзя дать им добраться до Артема.

Я выронила телефон. Глухой, пробирающий до дрожи стук об стол, оборвавшиеся гудки.

И названное имя обрывочным эхом в ушах.

– Ты знаешь?!

Он пожал плечами, щелкнул пальцем по пустой чашке. Та чуть подвинулась вперед. Затем еще, и еще.

– Догадался... Еще осенью, когда ты про Вестников рассказала. Артем всегда был странный... даже для вемов. И фокусы эти его с мухами, которые на подлете дохли. Не помню, чтобы вы подобное умели.

Конспиратор из меня...

– Я никому не скажу, – сказал Влад, прекратив наконец толкать несчастную чашку к краю стола. – И никто от меня не узнает... другим способом. Хранитель бдит! Итак, найдем гостя, и что?

– Ты можешь нейтрализовать их силу. Как тогда, в моем дворе. Помнишь, ты всех людей, находящихся под внушением, мигом привел в чувство...

– Хорошо, а дальше? Ты уверена, что справишься? – В нем заплескались сомнения. – Это опасно, вот так, вдвоем! Не то чтобы я боялся, но... Может, еще кого-нибудь позовем? Киру, например. Год назад она к Вениамину ломанулась, намереваясь вроде как застрелить. Тоже план, особенно если у нее до сих пор есть чем!

– Без Киры, – отмела я, – и с ее уровнем дара она сильно рискует.

– Разве он не подросток?

Все-то Артем заметил и доложил!

– Не настолько. Прошлой осенью Хранитель таких с десятков подчинил, перекинув в Поток... Значит, и любой из пятерки сможет.

– А Совет? Это ведь по их части.

– Ну нет, – меня передернуло. – Они любители задавать неудобные вопросы. И выяснят про твои способности, еще к себе работать позовут...

– Так уже, – стушевался Влад. – В смысле, звали. Весной. Как я понял, у них все осведомленные о вемах люди при деле. Не пропадать же добру! Не-не, я отказался. Лучше порисую... И вообще, хватит болтать! Вызывай такси. Поехали!

Водителю я наобум назвала адрес на севере Москвы, и всю дорогу наблюдала за Владом. Он щурил один глаз и напряженно всматривался куда-то вдаль. Вскоре наклонился к самому моему уху и шепнул:

– Он ближе, но какой-то... не такой.

– Конкретнее.

– Раньше был похож на плотный шарик, а теперь рассеянный свет, что ли.

Странно. Остаточный след? Гость из нижнего Потока не обязан круглые сутки сидеть в занятом теле. Мог прыгнуть домой... Но вернется обязательно, раз вселился. Как рассказывала Соня, процесс сложный, требует массу концентрации, и любая ошибка подобна смерти. Соня... Нет, не раскисать! Есть дело, и важное. Если наша цель не в реальном мире сейчас, нам же проще. Надо просто избавиться от... тела. Но как?... Думать об этом не хотелось. В любом случае тот человек давно мертв, осталась лишь оболочка, которую варварски используют. Вот только это нисколько не утешало...

Машина притормозила у названного дома, Влад поерзал на сидении и сообщил, что хоть отпечаток и стал еще ближе, по-прежнему не рядом. Пришлось назвать другой адрес – в указанном им направлении. Таксист удивился, но порулил дальше. Во второй раз его удивление было сильнее, в третий он решил, что мы перебрали, и никак не можем вспомнить, куда нам надо. Стемнело, по пути к очередной остановке Влад вдруг выдал долгожданный диагноз: «Где-то здесь». Таксист высадил нас на запорошенном

перекрестке и, мстительно содрав больше, чем положено, радостно отчалил.

Метель усилилась, тусклый свет фонарей и карта в телефоне Влада помогали мало, ориентироваться приходилось интуитивно. Озвученное «где-то» растянулось на пару километров. Яркая энергия на всю округу отсвечивала одна – странная, смешанная, действительно какая-то рассеянная и подозрительно знакомая. Стоило подойти к углу нужного дома, до меня дошло – конечно, энергия знакомая! Практически родная!

Мое приближение заметили раньше. Дверь подъезда распахнулась, в занесенный сугробами двор вылетел Паша. Горячей волной почти смело, к вискам прилила кровь. Метель ему была нипочем, даже плащ не до конца застегнул...

– А ты тут какими судьбами? – жестко осведомился он. Я замерла. В лицо ударил снег, оцарапав щеку. – И какого черта ты пришла сюда одна?!

– Не одна! – возразила я.

Влад независимо покосился на подъезд.

– О, ну да, – ухмыльнулся Паша. – Так впечатлен, что не сразу заметил.

Тот демонстративно фыркнул.

– Между прочим, он единственный, кто может помочь с ними справиться, – напомнила я.

– Слава богу, справляться уже не с кем, – объявил Паша, вогнав меня в ступор. Что произошло, пока мы ехали?... Как он здесь оказался вообще?! – Если ты не узнала, то это дом Дениса.

Точно... Мгновенно показались знакомыми и доска объявлений, и заснеженные качели. Денис – его друг. То есть, был максимально близок к тому, кого обычно называют другом. Пять лет назад попал в ловушку, со всеми известными последствиями.

– Его мать позвонила, – он посмотрел вверх, на тусклый свет в окне четвертого этажа. – Сказала, пришел в себя. Испугалась, врачи обещали быть нескоро. Когда я приехал, он был уже мертв. Подозреваю, сердце не выдержало.

– А энергия? – Я всмотрелась в окна верхнего этажа, откуда пылали ядовитые рассеянные сгустки.

– Хочешь, поднимись. Там еще сильнее чувствуется.

Воздержусь... Значит, вселение не удалось – тело подвело. Их энергия слишком мощная для ослабленного человека. Не все попытки должны быть удачными. Кому-то из пятерых не повезло.

– Итак, зачем ты сюда примчалась своей бравой командой? – настойчиво повторил Паша. – На месте решила разобраться? Тебя Кира покусала? Предупредить не догадалась?

– Не думаю, что ты имеешь право меня за что-либо отчитывать, – отчеканила я, – учитывая, что за последние два месяца не сказал мне ни слова!

Снег закружился сильнее, а бросило в жар. Ярость до меня долетела во всех смыслах обжигающая...

– Э-э-э... – чуть менее независимо протянул Влад. – Это самое, раз проблема решилась, пойду-ка я домой.

И ушел. А я осталась. Убегай, не убегай – эта проблема сама не решится. Только копится все, как снежный ком. Однажды придавит...

– Садись, – Паша кивнул на покрытую снегом машину у подъезда, – нечего на холоде стоять.

Да, нечего. Не хватало еще простудиться.

В салоне было тепло. Я расстегнула дубленку и откинулась на спинку сидения. Куда мы едем, без разницы... За окном мело, видимость порой стремилась к нулю. Казалось, весь мир заволокло обманчиво белой пеленой. Напускное спокойствие давалось тяжело, особенно на поворотах. Наверняка новости пестрят сообщениями об авариях...

Наконец, машина притормозила под крышей мерцающего жизнерадостными огнями ресторана. Подсвеченные ступени увели вниз, в полупустой уютный подвальчик с нарочито домашней мебелью. Я вцепилась в выданный гардеробщицей номерок и в сумку его убрала лишь за столиком, удачно скрытым от посторонних глаз пушистой, увешанной блестящими шарами и игрушками елкой. На потолке лениво мигала гирлянда, с люстр свисали еловые лапы с шишками и серебристыми колокольчиками. Праздники на носу...

Молчание тянулось долго. Кофе заканчивался, в Пашином стакане с минералкой таял лед, насыпанный столь щедро, словно снаружи был не замерзший город, а пляж. Слов не было. Видимо, кончились все тогда, в нашу последнюю встречу. Я хотела правды, и я ее получила. Не скажу, что она меня удивила. Давно догадывалась, что Соня не по своей воле в Нижнем Потоке застряла – Паша помог. Ну а я... Долгие годы была рядом с ними обоими, не замечая, что творится перед моим носом.

Стукнул о стол стакан, я вздрогнула.

– Это было чересчур рискованно, – сказали хмуро, – заявиться туда вот так.

– Ты тоже один приехал.

Он снисходительно усмехнулся. Ну да, ему можно! Всегда открытым текстом говорил мне, что в плане дара я сильно «отстала от поезда». Миры в одиночку не активирую, блоки с чужих подсознаний не снимаю. Впрочем, Паша знал, в каком состоянии «Денис», прежде чем сунуться в квартиру. Я же ехала наугад.

– Не предупредила, потому что не была уверена, – ответила я честно, – что оно тебе надо.

Паша повозил стакан по столу, звякнули льдинки.

– Лейка, что за чушь? Мне казалось, мы это уже прошли.

Я уткнулась в чашку. Черный, идеально ровный круг кофе раздвоился на фоне белоснежной скатерти. Лишь на мгновение. Потом все снова стало нормально.

– Я прочитала книгу. Нового там не было. Зачем ты ее прислал?

– На всякий случай. Я тоже прочел, интересного не нашел. Но мало ли, ты ведь у нас нынче осведомленнее.

Верно... Он многого не знает. Слишком многого, чтобы суметь понять. Я провела по ободку чашки кончиками пальцев, тщетно стараясь впитать ее тепло, и спросила:

– Ты веришь в прошлые жизни?

Паша выразительно изогнул бровь, будто подобное ожидал услышать меньше всего на свете. Вероятно, так оно и было.

– Здесь все просто, – все-таки не растерялся он. – Не помню, значит, не было.

И я бы не поверила, если бы не лавина эпизодов из ее жизни.

– Их было шестеро сначала, – я сделала маленький глоток, горечь приятно растеклась на языке, – переселившихся в Поток после убийства Нири, второго Вестника. Но шестая пробыла с ними недолго... Помнишь, я пыталась выяснить про нее?

– Конечно. Разве это не Хранитель?

– Я тоже так думала, – невольно улыбнулась я. – Но нет. Это не он. Это я.

Паша проглотил воду вместе со льдинками, отставил стакан подальше. Ну... Жаловался ведь, что мало что способно удивить! Пожалуйста. Заберите, распишитесь.

- Ее звали Эсте, - продолжила я. - Она ушла от них сама, чтобы однажды родиться снова. Вот и... через пять тысяч лет. Общая у нас только энергия, но этого хватает, чтобы граница признавала и открывалась. Ставили ее вшестером.

- Поэтому она нам тогда открылась...

- Да. Никаких совпадений. Мне достаточно просто рядом постоять.

Он шумно выдохнул, залпом допил воду. Я добавила:

- Ритуал - и есть вселение в чужое тело. Каждый раз они рискуют раствориться в похищенной личности. Знак нужен, чтобы не потерять себя. Рисуют, каждый свой, и вспоминают, кто они на самом деле. Другого смысла в тех закорючках не заложено. Ее знак на мне работает прекрасно... Столько насмотрелась.

Все. Рассказала. Больше секретов нет. Паша придвинулся ближе, попросил:

- Покажи.

И взял меня за руку. Я замешкалась. Воспоминание Эсте показать? В теории, это возможно. Наверное... Раз собственные при желании передаются легко. Только тут конкретное не выберешь, и не такие уж они мои. Но попробовать стоит.

Он требовательно сжал мою ладонь, я вновь мысленно воспроизвела уже ставшую родной волну, а вокруг нее - недорисованный круг.

...запах костра, плотно закрытые глаза. Подглядывать было бы нечестно. Пусть идет как заведено. Мерно стучат барабаны, людей позади - тьма, чувствую каждого. Но не до них. Будто мы вдвоем. Сжатая им ладонь, шепот моей клятвы - другим слышать не положено. И хорошо, кое-что я перепутала, кажется... Произнесено последнее слово, обратного пути нет. Это смело. Нерационально. Безумно отчасти.

Я так хочу.

- Принято, - говорит он тихо, но, без сомнений, слышат все.

- Отныне и навсегда, - разносится гул голосов, гул в ушах, гул в голове.

Губ касается поцелуй. Я открываю глаза, теперь можно. Темнота растекается шире, редее, сдаваясь языкам пламени. Мгновение, и я увижу его...

Выдернуло резко, словно за шиворот. Тряхнули за плечи, гирлянда на потолке вспыхнула ярче. Ресторан... Я мотнула головой, стряхивая остатки видения. Не стало ни костра, ни толпы, ничего.

- Лейка?... - Паша отпустил мои плечи, усадил обратно на стул.

- Я, да... Это ты прервал?

Короткий кивок. Черт! Я почти рассмотрела его - мужа Эсте. Раньше ни разу не получалось подобраться близко! Вдруг он чем-то важен в этой истории? И опять уплыл в небытие...

- Зачем? - не сдержалась я. - Сам хоть видел то же, что и я?

- Видел, - мрачно отозвался он и вернулся на свое место. - Только здесь сейчас была не ты.

Внутри похолодело.

- Как это?...

- Отклик. По энергии - отличий ноль, но твоя привычная открытость... Ее не стало.

Поверь, с тем, кто тут сидел, я никогда не был даже знаком.

Я зябко поежилась, сделала глоток изрядно остывшего кофе.

– Послушай очень внимательно, – вкрадчиво произнес Паша. – Ты утверждаешь, что знаки – способ не потерять свою личность в чужом теле. Ожидаемые сложности, раз его хозяина сожрали, и энергия, считай, слилась. Твое тело для нее сейчас – вполне чужое, а энергия у вас в принципе одна и та же. Соображаешь, что ты делаешь?

– Хочешь сказать, я... возвращаю Эсте? В ущерб себе?

– Именно это и хочу сказать. Бросай это занятие немедленно. Без ее воспоминаний обойдемся.

– Но я должна выяснить, что тогда случилось...

– Да плевать что! – Он хлопнул по столу, официантка настороженно на нас покосилась. – Сдохли, и сдохли. Наше дело их окончательно уничтожить, а не разбираться в причинах. И уж тем более не вселять в тебя для этого древнюю сущность.

Я помассировала виски, смущенно улыбнулась официантке и жестом попросила повторить кофе.

– Рассуди сама, – сказал Паша уже спокойнее. – Откуда ты взяла шестой знак?

– В первородном мире увидела, на песке у костра. Когда с Хранителем последний раз к Нири ходили.

– Тот мир возник в момент ее смерти от руки шестерки вемов, сумевших дать отпор и остаться в живых. Внимание, вопрос: как там оказались знаки по ритуалу, который появился значительно позже?

Точно... Ныне бессмертная компания переселилась в Поток после тех событий, а до ловушек и знаков потом додумались, чтобы восполнять энергию и охотиться на Вестников.

– Ты заметила какие-нибудь знаки, когда в первый раз туда по милости Ливанова попала?

– Не уверена... Не присматривалась. Мне казалось, на песке были иероглифы. К чему ты клонишь?

– К тому, что Хранитель специально тебе знаки подсунул. Скорее всего, умеет менять миры. Мы до сих пор понятия не имеем, кто он такой, и какой властью обладает.

– Погоди... Хранитель, наоборот, просил в этой истории не копаться. Не хотел, чтобы я выясняла про Эсте.

– Не будь так наивна, – насмешливо протянул Паша. – Он всегда вел нас окольными путями, но приводил туда, куда задумывал. Запуск сценариев, правда о силе Вестников. Или ты ждала от него прямой просьбы: на тебе способ, превратись-ка в почившую тысячи лет назад девицу. Нет, ему гораздо выгоднее, если ты найдешь знак и сама решишь приобщиться к ее воспоминаниям.

– Зачем это Хранителю?...

– Эсте пошла наперекор его врагам. Предположу, что она ему нужна.

Мне она тоже нужна. Без нее я бы из-за границы не вернулась. А уж какова цена... Что если она может спасти Артема, а я нет?... Мысль больно царапнула, бросило в дрожь. Наконец-то принесли долгожданный кофе. Горячую полную чашку.

– Цели Хранителя нам неизвестны, – Паша постучал пальцами по пустому стакану, который официантке почему-то не отдал. – Зато ясно теперь, почему он в тебя намертво вцепился.

– Секрет избранности раскрыт, – развела я руками и наткнулась на предостерегающий

взгляд. – Эсте – не главная проблема. Где-то в городе еще один из пятерки бродит, причем давно и тайком. Уверена, ты уже понял, что Влад их видит.

Ответом был напряженный вздох:

– Давно и тайком – это паршиво. Врасплох его не застанешь. Надеюсь, вы не собираетесь к нему так же нагрянуть? Будет смахивать на форменное самоубийство. Кстати. Может, переедешь обратно ко мне?

От такого предложения я просыпала в чашку лишнюю ложку сахара.

– Из соображений безопасности, – невозмутимо добавил Паша. – Все пятеро тебя запомнили, и ваша связь с Вестником им наверняка очевидна. В первую очередь придут за тобой.

– Возможно, придут, – не стала я спорить. – Но оставлять Артема – не вариант. И рядом с ним безопаснее всего...

– Угу. На Норде натренировался. – Он бегло взглянул на часы, нахмурился: – Мне пора. Допивай, отвезу тебя к нашему истребителю бессмертных чертей.

– Сама доберусь, позже. Если появится кто-то, Влад предупредит. А я сразу позвоню тебе. Идет? Лезть на рожон мы не будем, обещаю.

Паша неохотно кивнул, и вскоре я осталась наедине с кофе и неутешительными мыслями.

Теория о видениях пугала до чертиков. Хранитель манипулировал нами много и часто. Продолжать погружаться в жизнь Эсте рискованно, и нет никаких гарантий, что я получу нужные ответы. К тому же давно чувствую себя странно. Эти сны словно наваждения! А уж после разговора с Базилом... Нет, я не стала ею, я отошла куда-то, на бесконечно далекий второй план, и могла лишь наблюдать.

Что, если в следующий раз она не захочет уходить?

Глава 4

Некоторые вещи в кабинете Ланса не менялись годами. Всегда зашторенное окно, горящий в любое время суток торшер. Диван с горой якобы хаотично раскиданных подушек, плотные ряды комиксов в стеллаже. Сколько юных умов на них сюда заманилось – не сосчитать.

В руках шуршал свежераспечатанный отчет. Ничего нового в нем не было. Копия того, что прислали с утра на почту.

– Повезло вашей Софии, – отметил Ланс из-за рабочего стола, – Анита до летального исхода не дождала совсем чуть-чуть. Последствия серьезные. Даже не энергетическое истощение, а нечто вроде выгорания. Восстановится постепенно, но сейчас полный блок.

– Это я прочитал. Выходит, она не знает?

– Не до разговоров ночью было, хотя на английском девочка говорит сносно... Напоили успокоительным, проснулась недавно.

Я вернул папку с отчетом на стол, Ланс лениво констатировал:

– Не очень ты горишь энтузиазмом с ней общаться. Что-то смущает?

– Карта ее медицинская.

– Да... – Он скосил глаза на папку. – Интересно получилось. Как таковых осложнений нет. Я ожидал худшего. Состояние, в общем, стабильное. Будет паинькой – поправится.

Эта паинькой была разве что в коме. И все врачи клиники дружно утверждали, что шансов оттуда выйти у нее крайне мало. А теперь – пожалуйста. Явно без ментального мракобесия не обошлось.

– Я оставил Артура на наблюдении, – непринужденно переключился Ланс, – на всякий случай. Так-то мальчик в полном порядке, легко отделался.

– Особенно если сравнивать с его другом.

– Не стоит сравнивать вообще. Ни с другом, ни с другим делом...

Вдох, выдох, спокойствие. Два слова:

– Пока непонятно.

– Что за привычка делать вид, что тебя ничего не волнует?

– Как воспитал, – пожал я плечами.

– Рассказывай тут, – хмыкнул Ланс. – Ты отлично воспитывался сам.

В кармане пикнул телефон. Пришло сообщение: «Нууу?!» с выводком подпрыгивающих смайлов. Я кивнул Лансу на прощание и вышел за дверь. Несмотря на весьма деликатные обстоятельства откладывать беседу нет смысла.

В приемной изводилась Анита со стаканчиком горячего шоколада из автомата.

– Ну-у-у?... – нетерпеливо выдохнула она.

– Ценные указания получены, отдельный корпус стационара на том же месте.

– Может, все-таки я с ней поговорю?

– Ты уже поговорила, – напомнил я.

– Было дело... – Анита сдула со лба розовую прядь и щелкнула пальцами по стаканчику. Видимо, пить не собиралась – таскала с собой, чтобы не скучно было. – Но в этот раз вряд ли она всех в здании вырубит и слиняет.

Действительно, вряд ли. Дверь нараспашку открой – далеко не уйдет.

– А если вместе? – поступило компромиссное предложение.

– Тебе от нее кое-что надо. Она это сразу поймет.

Анита встала на цыпочки, отставила стаканчик на крышу автомата и отчеканила:

– Других зацепок нет. А скоро... начнется.

Стажировка в архиве главного офиса сказывается. Начиталась бог весть чего.

– Сто лет назад жертв было много, – продолжила она, понизив голос. Кофейный автомат облепили девы из приемной, зазвенели монеты. – Нельзя дать этому повториться.

Минимум пятьдесят раз дали: вековой перерыв, некий ритуал, пробуждение ловушечных зомби и новый мир в Дромосе, Потоке, или как там еще его называют. Наверняка не стоит лезть, тогда и без жертв обойдется. Пусть ритуалят хоть до посинения.

– Есть проблемы пореальнее теорий ментальных заговоров.

– Если эти проблемы станут реальными, будет поздно, – Анита сжала ладони в кулаки. – Информации катастрофически не хватает. А Соня прямо от них!

Я забрал с крыши автомата стаканчик, вручил ей и отправился в корпус, значившийся на пропуске дополнительным. Отдаленная неприметная пристройка с отдельным входом и охраной, куда мало кого пускали. Во избежание. С виду клиника как клиника, стены того же цвета, двери в тех же углах, но все закрыты. Нужная палата находилась в конце пустого коридора. Внутри было по-стандартному серо и стерильно. Рекордсменка по внезапным пробуждениям плевать хотела на постельный режим, сидела на подоконнике в накинутом на ночную рубашку халате и рисовала на стекле пальцем что-то, похожее на... Хм. Неважно. От звука хлопнувшей двери подпрыгнула. Спешно размазанный на окне рисунок, секундная заминка.

– М-м-м... – она облизала бледные губы и недоверчиво присмотрелась, явно меня узнав. – Ты и есть тот Феликс, который главный по инквизиторским санкциям, трибуналу и спуску в трубу?

А утверждали, что вменяемая...

– Видишь, как хорошо. – Я остался у двери. – Оказывается, знакомы.

Она шумно вдохнула, подавившись нервным смешком, и уставилась в окно. Бестолковое занятие. Ничего там кроме куска серого безликого двора не разглядеть.

– Ну, ты у нас не злопамятный, да? Никто ведь не пострадал.

Память у нее отшибло, видимо, вместе с мозгами.

– А до этого? Или те две женщины – никто?

Причем это нам известно только о двоих – из клиники, где ее осенью угораздило очнуться, и из русского офиса, в котором состоялся дипломатичный разговор с Анитой. Всех посетителей бара и торгового центра не проверишь.

– Я не хотела, выбора не было, – голос спокойный, но плечо дернулось. – На хвосте сидело древнее зло. Очень неприятные давно уже не совсем люди. Я просила вас всего пару дней меня не трогать. С тем, чтобы вести о них откровенные разговоры, были проблемы. Но теперь они решены. Так что если надо – спрашивайте, я вся ваша.

– Мне надо, чтобы ты была от нормальных людей подальше, и вариант последних двух месяцев меня целиком устраивал.

Она соскользнула с подоконника и, держась за него же, дошла до кровати. Села на одеяло и закусила губу, ставшую практически белой. Правильно, обойдемся без истерики, паники, или чем там еще ее может прорвать. Пауза – секунда, вторая, третья...

- Да что я им сделаю-то, людям этим?...

- Ничего. Потому что не в состоянии. Пока что.

- В Поток я тоже вернуться не могу, - сожаления не слышалось, - увы. Дальше-то что?

- Посмотрим. Не в твоём положении новых приключений искать.

- И что у меня за козырное положение?

Все равно кто-то должен ей сказать.

- Ты на втором месяце беременности.

Ее брови поползли к переносице, затем вверх.

- Это шутка?...

- Тебе это кажется смешным?

Она поперхнулась набранным от души в легкие воздухом и заявила:

- Бред. У меня не может быть детей.

Крепко ее приложило. Даже не в силах определить, что правду говорят. Я достал из кармана дважды сложенные пополам бумаги из отчета, бросил на кровать. Сцапала резво. Развернула, бегло прочитала, потом внимательнее. По лицу явственно читались сомнения и вопрос: «Это точно мое?».

- Быть такого не может, - отрезала она.

- Однако есть.

- Как?!

- Я что, на гинеколога похож?

Будущая мать потерла лоб, прищурилась. С размаху швырнула бумаги на подушку и прошипела в никуда:

- Сволочь какая... Скотина... Прибью.

Сомневаюсь, что это было мне.

Шипение стихло, ответно приклеился пристальный взгляд. Нет уж. Достаточно просто уставиться на мысленно нарисованную посередине лба точку - создается впечатление, что смотрят в глаза, но взгляд перехватить невозможно. Это всех бесит, редко кто дольше минуты выдерживает. Эсперы убеждены, что эти фокусы у нас из соображений собственной безопасности. На самом деле наоборот. Нечего себя лишней раз провоцировать.

Она поморщилась, независимо закуталась в халат и обронила:

- Значит, уже зима. Чего ж снега не завезли? Мы хоть где?

- Не в России.

- В жизни бы не догадалась! А это законно? Между прочим, тянет на похищение.

Не там ищет проблему. Впрочем, кто ищет - тот всегда найдет.

- Это благотворительность. Фонд любезно согласился принять личность, недееспособную вследствие психического расстройства. Твоя тетя, как единственная родственница, была счастлива передать опеку. Где тебе быть, решать нам.

Она усмехнулась:

- Так Совет меня удочерил? Мило.

– Вот и чувствуй себя как дома. Останешься здесь, пока суд не признает иное. Но им для этого нужно заявление, подавать которое некому и незачем. Еще вопросы?

– А ребенок?...

– Он тебе разве нужен?

Жертва произвола вцепилась пальцами в одеяло, стиснув зубы. Сразу не вопит, что не нужен. Есть вероятность, что не захочет снова крушить и по дну Потока шлаться.

– Ладно, я все поняла, – дочь фонда склонила голову набок. – Давайте сэкономим друг другу время. Я расскажу про нижний Поток, а вы будете погостеприимнее, ну?

– Расскажешь, – согласился я, – и безо всяких «а вы».

– Кроме меня, никто не поможет разобраться с пятеркой из Потока.

– А какое мне до них дело?

Ее руки сцепились в замок, слегка сползло с кровати смятое одеяло. В глазах было сплошное замешательство. Конечно. Рассчитывала на другое. Думала, можно калечить людей направо-налево, потом поторговаться, и все сойдет с рук.

– Аните было дело, – выдавила она.

– Ты ее тут видишь?

– А какие еще варианты есть? – последовал вопрос.

С видом на море...

Так, все.

Я развернулся. Замок пикнул в ответ на поднесенный пропуск, за спиной захлопнулась дверь. В коридоре было пусто, из палаты донесся приглушенный стук. Кроме кровати пинать там нечего. Это мы переживем. Но врача я в приемной на всякий случай разыскал, пусть присмотрят. Кто знает, что беременной в голову взбредет. При необходимости успокоят – подольше поспит, ей полезно.

Во дворе, на ведущей в главный корпус дорожке, караулила Анита в символически запахнутом пальто, сжимая измятый пустой стаканчик.

– Ну? – Верна себе. – Как прошло?...

– Определенно будет тебе рада.

– Сейчас? – Она уставилась на меня, не моргая, стаканчик с хрустом смяло в пластиковый шарик.

– Забудь о ней до завтра.

Анита протестующе нахмурилась, я взял ее под локоть и повел прочь от пристройки.

– Ты зачем прилетела? Только запасные вилки у меня искать? С Маэвой собиралась поговорить, центральный архив навестить. Вот и вперед. Занимайся своими делами.

– Но...

– У тебя что, свербит? Ей есть над чем подумать. Никуда не денется.

Она вывернулась и на мгновение замерла. Шарик с размаху улетел в урну у входа в главный корпус. Стукнулся о бортик, срикошетил, но упал куда надо.

– Все в порядке, – уверил я. – Успокойся уже.

– Я ее чуть не убила. Их двоих.

– Она чуть не угробила несколько сотен человек. Прямо перед этим.

– Я знаю. Но чувствую себя мерзко, и все.

Это пройдет. Потом.

– Поехали в офис.

– Погоди. Давно хотела спросить. Ситуация не кажется тебе какой-то... странной? – Анита замаялась, с явной осторожностью подбирая слова. – В тот день Соню еле откачали, и тут врачи никаких гарантий не давали. Выжила чудом. А ребенка не потеряла. По медицинским показаниям, у нее его вообще быть не должно. Вдруг это не просто так? Я же чувствовала, что-то мне тогда помешало... закончить. По-моему, он ее и спас. И после с того света вытягивал. Живучий паранормально. Ты подобное где-то видел?

– Ребенок Розмари?

– Не смешно!

– Конечно, не смешно. Захвати с утра святой воды, демонов из нее изгонять будем.

Она фыркнула, я подтолкнул ее к парковке. Хватит с меня теорий о ритуалах, чтобы еще и это выслушивать.

С трафиком повезло, а вот с погодой... На дорожных табло высветилось предупреждение про надвигающийся град, температура разом упала на десять градусов. При въезде в город небо потемнело, ливанул дождь. Ветер посрывал все, что непрочное висело, и расшвыривал вокруг. Анита прилипла к окну, то охая, то снимая на телефон какой-нибудь пролетающий над асфальтом вырванный с корнями кустик. Машины заносило на поворотах, кто-то впереди не справился с управлением. Ничего серьезного, но пришлось объезжать место аварии и потенциально опасные развязки. Дождь усиливался. Впрочем, мы успели заехать под крышу до того, как он превратился в обещанный град. Офисная парковка оказалась предсказуемо полупустой. И погода нелетная, и никаких конференций в субботней программе. В холле было тихо, воздушные шары и гору макулатуры уже убрали. Анита унеслась к тому самому лифту, в святую святых, вылавливать Маэву, я спустился к себе. Наконец, выходной. Можно спокойно поработать.

В почтовом ящике ждали отчеты от кураторов близлежащих окрестностей. Много, подробные и толковые. Изучал пару часов, сомнений не возникло ни в одном. Выходило, что вчера эсперов в районе автобусной остановки не было.

Вообще. Совсем. Никого.

Монитор моргнул, буквы смазались. Медленно моргнуть, точно так же вдохнуть. Выдохнуть. Приоткрытое окно прибавило свежего воздуха, ветер рванул на столе листы блокнота. Теперь лучше.

Варианты с местными и приезжими отпали. Возможно, это кто-то, у кого способности прорезались недавно. Плюсы: вряд ли он мог убить специально. Вообще бы не понял, что сделал. Минусы: найти его сложнее. Первые полгода после инициации ничем не выделяется для своих. Исключение – личное «прощупывание» при встрече, но тут надо знать, кого проверять. Традиционно новички вычисляются по несчастным случаям – чаще всего крепко влетает родственникам, или юный эспер сам жалуется, что хреново себя чувствует. Только у нас по пассажирам автобуса глухо, а в клиниках по-прежнему без подозрительных обращений. Следует заняться окружением жертв.

Главный вопрос – зачем кому-то так сильно пугать посторонних пацанов? Да при этом психовать, чтобы энергетический фон покорежило. Значит, пацаны не посторонние. Насолили чем-то, вот и стали целью. Обоим по пятнадцать лет, самый распространенный возраст инициации. Нужно проверить одноклассников и прочих ошивающихся рядом ровесников. Какое-нибудь тестирование с собеседованием провести от фонда, школы это любят. С этим к Колвену, он у нас главный по работающим на Совет эсперам. Пусть зашлет парочку. Там к каждому и присмотрятся. Если есть особо одаренные – найдут.

И еще вариант. Это не кто-то новый.

Прямое или косвенное влияние, эмоциональные фоновые заскоки, пинки в Лектумы, и даже полный выворот мозгов к смерти не приводят. Никак. Разве что могут спровоцировать, когда здоровье слабое. Но сами по себе – нет. Так считается. А у Натана не было проблем с сердцем.

И у Елены не было.

Сейчас, больше года спустя, остались те же вопросы. И запись на автоответчике. Четырнадцать секунд, считая молчание в начале. Не помню, почему трубку не взял. Меня не было в стране. Сообщили лишь на следующий день, на похороны опоздал. Расследование зашло в тупик сразу. Никто ничего необычного не увидел, не заметил, не подозревал. Зацепок так и не появилось. Я знаю весь ее тот день с раннего утра, все дела и разговоры, маршрут вечерней прогулки от дома до парка. Она заглянула в молочную лавку на нашей улице, поинтересовалась, будет ли завтра ее любимый сыр, в котором зелени в два раза больше, чем того самого сыра. Вышла к набережной, поболтала с туристом. Направилась в парк, у ворот позвонила мне. «Да... – вздох и пауза, – правильно, не надо об этом... по телефону. Возвращайся побыстрее, хорошо? Ну нет, то есть я не тороплю... До встречи!» Голос у нее был довольно взволнованный. О чем она говорила, неясно до сих пор. Да и без этого... Что-то было не так. Никаких причин, чтобы через четыре минуты присесть на скамейку и умереть.

В папку в углу монитора пустило по паролю, я открыл давно выученный наизусть отчет о вскрытии. Будто там могло новое появиться... Все предельно скупое – сердечный приступ. Елена Земан-Дорман, тридцать три года. Для нее было важно оставить фамилию отца. А то вдруг расстроится, что единственная дочь ее сменила. Не помогло. Да и фамилия – меньшее, что его тогда расстроило.

Отчет исчез с экрана, из коридора протяжно вздохнули. Кто так затейливо заблудился? За порогом, на первый взгляд, было пусто. С другой стороны распахнутой двери притаилась Хлоя, сжимая в руках подмокший лист бумаги. С волос стекала вода, куртка выглядела не лучше. На полу целая лужа скопилась.

– О, привет, – буркнула она с невозмутимым видом, будто случайно тут оказалась. В тупике цокольного этажа, перед моим кабинетом. Мимо проходила. – А я тут... стою. Можно же?

– Что-то случилось?

– Да. Нет! В смысле... Ничего плохого. – Хлоя ткнула мне в руки смятый лист. – Вот.

Затертые буквы едва читались, но общий смысл был ясен. Копия заявки в Парижскую консерваторию. Действительно ничего плохого, очень даже смело. Конкурс там впечатляющий.

– Удачи.

Она скосила умоляющий взгляд на бумагу и выпалила:

– Что мне теперь делать?...

– Куртку снять, пока ты не заболела.

Или этаж не затопило. Хлоя принялась растягивать замерзшими пальцами молнию, растерянно улыбаясь и шмыгая красным носом. Похоже, первым делом прибежала в офис, несмотря на бурю. В кабинет она юркнула, бросив смущенное:

– Зайду, ага?

Раз уже там... Я прогулялся до кухни за чаем. Не в курсе ее вкусов, главное, что горячий. Хлоя успела повесить куртку на свободную вешалку и закрыть окно. Сидела на краю стола, нервно дергая ногой. Протянутый стакан обхватила обеими ладонями. Не столько пила, сколько грелась.

– Совершенно не понимаю, что на меня нашло, – чередовался со вздохами сбивчивый шепот. – Подала... Ну, чтобы потом не жалеть. Что не попробовала. Мама мне сказала: за мечту надо хотя бы побороться. А я всегда мечтала, с детства. Там так... Сказочно.

Дыхание от одних фотографий перехватывает! Вот и решилась. А сейчас стыдно. Вдруг они меня возьмут?

Чай кончился, губы у нее стали менее синие. А вот руки еще дрожали. Вряд ли от холода. Хлоя отставила стакан и закончила чуть громче:

– Не представляю, как быть. Если поступлю и поеду туда учиться, у меня не будет времени... на остальное.

– Тебе решать.

– Это же эгоистично! Словно дают суперсилу, чтобы сделать мир лучше, а ты – нет, не надо, пойду-ка я играть себе в свое удовольствие. А я помочь кому-то могу, или даже спасти.

И для разговоров об этом выбор пал именно на меня. Что со мной не так?

– Тебе никогда не хотелось... – Хлоя робко заерзала на столе, – заниматься чем-нибудь другим?

– Нет.

Она озадаченно потерла лоб.

– А ты думал, что если бы... всего этого не случилось. Что было бы?

Толку тут думать? Случилось.

– Поговори с Маэвой, – посоветовал я.

– Не хочу...

А со мной, значит, хочет. Или неведомая подростковая дурь, или градом по голове слишком сильно попало.

– Что с теми парнями из автобуса? – наконец прозвучал от нее дельный вопрос.

– Было влияние, его ты и засекла. У обоих чувство страха резко зашкалило. Первый в порядке. Причины смерти второго под вопросом, официально сердце не выдержало. Ищем кто.

– Это один из пассажиров автобуса, – убежденно заявила Хлоя. – Среди них надо искать.

– На нем мог ехать кто угодно.

– М-м-м... Вообще-то я на телефон снимала, когда всех на остановке через единственную дверь высаживали.

Нет слов.

– Почему сразу не сказала?!

– Так я даже не была уверена, что не зря тебя позвала... – Она густо покраснела. – Вдруг паранойя, еще и видеозаписями кидаться...

– Давай сюда!

Юная шпионка соскочила со стола и кинулась выворачивать карманы в поисках телефона. Нашла. К счастью, не намок. Видео скинули на компьютер, темное и довольно продолжительное – шесть минут. Хлоя выскочила из автобуса в числе первых. Сначала выбиралась к выходу, на записи невнятно мелькала то сгорбленная спина, то перевязанные алой лентой дреды, то рукав с кожаным браслетом в виде оплетенного морскими узлами якоря. После – ступени, темная улица. Картинка выровнялась, сфокусировалась на двери автобуса. Из них повалил народ. По одному, парами, кто осторожно, кто торопливо. С недоумением, паникой, усталостью на лицах и просто сонным выражением. Длинный поток пассажиров почти иссяк, из проема выполз тот самый тщедушный Леопольд, следом его мощная жена. Запись оборвалась.

– Пригодится? – смущенно поинтересовалась Хлоя, замерев за моим плечом.

– Конечно. Многих пропустила?

– Четверо меня обогнали.

Досадно. Если он натворил то, чего сам испугался, вероятнее сбежал первым.

– Я их рассмотрела, при встрече узнаю. – Она взмахнула телефоном, словно надеялась вытрясти из него что-то еще. – Сейчас запишу всякие приметы!

Схватила блокнот и начала строчить. Подробно и яростно, карандаш скрипел. Я загрузил видео в редактор, разложил по кадрам. Не так все паршиво, есть с чем работать. Буря за окном стихла, спокойно темнело.

– Мне так жалко того парня. И его друга. – Хлоя положила передо мной исписанный мелким почерком лист. – Я бы хотела помочь...

Это можно устроить.

– Есть версия, что жертвы не случайные. Нужно узнать о них побольше.

Я записал ей имена, фамилии, адрес школы и прочую официальную информацию, пока никак не проливающую свет на то, чем двое пацанов могли кому-то помешать. Хлоя вцепилась в вырванный из блокнота лист и уверила:

– Поняла. Постараюсь!

Стараться ушла тут же, сначала даже куртку забыла. Вернулась, попросила Маэве о своих музыкальных планах не говорить и унеслась, с диким энтузиазмом в глазах. Пусть. Может, вправду что-то интересное нароет. Когда о школьниках выспрашивают семнадцатилетние девочки, выглядящие их ровесниками, люди отвечают охотнее.

Весь вечер пришлось провозиться с записью. Вытянуть свет кое-как удалось. На раскадровке было четко видно тридцать два человека. Плюс четверых держим в уме по описанию Хлои. Внешне подходящих по возрасту для инициации насчиталось шесть, но двое из них – в блокноте. Четверо пацанов, явно из какой-то одной спортивной команды, та дева с дредами и неопределимого пола обладатель браслета. Уже что-то. Остальное – завтра. Если хронически не высыпаться, можно и очевидное не заметить. Тем более что позвонила Анита и воодушевленно сообщила, что встретила в архиве старого знакомого, и ночевать останется у него. Можно было уезжать.

На потрепанных бурей улицах частично навели порядок и убрали все то, что повырывал вместе с корнями ветер. За городом такой роскоши не было, дорога немного затянулась, но к девяти успел. Хоть иногда удастся выспаться.

С утра достали прямо в спортзале. Обычно до рассвета никто не отвлекает, названивая, потому что все спят. Но не сегодня. Некий аноним в половину седьмого набрал тот номер, который мало у кого есть. Впрочем, звонивший недолго оставался неизвестным, пока не заговорил:

– Наконец-то! Я уж начал переживать, что ты номер для избранных сменил.

Где-то открылись врата ада.

– Опять заскучал? – спросил я.

– Ну, до вашего веселья мне как до луны ползком.

Эмиль Хансен, бывший начальник службы безопасности фонда и заместитель главы Совета. Нынче шестой год в международном розыске. В какой стране отсиживается – неизвестно, но подозреваю, что в далекой и жаркой.

– И ты решил развлечься таким кардинальным образом?

– Ой, умоляю... – усмехнулся он. – Вы собственное начальство-то найти не можете. За себя я и не переживаю.

Наверняка звонит со взломанного сервера какого-нибудь Сомали. В своей сфере был лучшим, и вряд ли это изменилось.

– Дормана все-таки не за массовые убийства разыскивают, – напомнил я.

– А я бы не удивился! Маэва еще не то придумает в борьбе за шефское кресло. Кстати, как она его до сих пор не утянула? Год решила выждать для приличия?

Сколько Хансена тут нет, а о делах Совета осведомлен получше многих.

– Тебя это давно не касается.

– Дележ грядок, слава богу, да. А дело общее. И по-прежнему важное.

Поэтому и додумался застрявших в ловушке эсперов методично изводить. Видите ли, кто-то там сотню лет назад очнулся, нехило покрушил, плюс еще были инциденты. Только отличиться может любой, даже с минимальным набором способностей. Давайте всех прикончим на всякий случай. Вскрылось все как раз благодаря Маэве – проверила в клиниках последние смерти, в прописанных медикаментах нашлось кое-что совсем не по части лечения. Замять дело не удалось, но конфликтов с родственниками и резонанса избежали. Пресса посчитала его тронутым избавителем безнадежных больных от страданий, а сколько таких борцов было... Не сенсация.

– Прогноз грядущего апокалипсиса потихоньку сбывается, – абсолютно серьезно заявил Хансен. – Знаю, у вас летом один ненадолго очнулся. Только это был не он.

– Передать сакральные знания решил? Не по адресу.

– Позже перезвоню, когда вам припечет. Заранее никто умных советов не слушает.

Звонок оборвался с пронзительным писком. Сволочь. В ухе еще полчаса противно звенело. Апокалипсис... У него окончательно крыша поехала. Впрочем, у каждого человека с иммунитетом справка есть. Так и работаем.

Этот идиотский разговор вышел из головы лишь через час, в кафе. Эмма благополучно задремала за стойкой, оставив меня наедине с ноутбуком. Допустим, у Натана была повышенная впечатлительность, восприимчивость, и прочее до кучи, и аномально сильный приступ паники его прикончил. Если к этому причастен пока неизвестный нам недавно инициированный эспер, его найдут. А если не он? Самое простое, с чего следовало начать, это поискать следы жертв в сети.

Артур Кавалли оказался мальчиком не бедным. Отец – владелец крупной сети супермаркетов, разоривший немало конкурентов, мать – известный адвокат с астрономическими гонорарами. Однако чадо не баловали, дома бывали через день, и часто отправляли пожить к бабушке, где, как он жаловался в любимом геймерском сообществе – «интернет дерьмовый, зато кормят вкусно». Ее адрес он мне и называл в машине. Мог ли кто захотеть поквитаться с его родителями или избавиться от единственного наследника? Не стоит отметать такой вариант. Погибший Натан Берг был прост и малопримечателен. Разве что фамилия... Где-то я ее уже слышал. Увлекался он той же игрой, что и друг, учился с ним в одной школе, но учился в разы лучше. С матерью был в нетипично приятельских для своего возраста отношениях, регулярно обменивался лайками и с отцом, и с отчимом. Образцовый ребенок. Подписывался на рассылки университетов и мегабайтами размещал семейные фотографии. Там-то я и узнал знакомое лицо... Ну, конечно. Адам Берг, его семилетний сводный брат. Полтора года назад был пациентом официальной части фонда. Пациентом Елены. Крайне необщительный, с какими-то навязчивыми страхами темноты, и помочь ему никак не получалось. Она переживала, что плохой психолог, и что-то упускает. Затем у нее случился паршивый разговор с его матерью, та нажаловалась руководству «на большую скандалистку» и сына забрала. Сама больная. Елена и скандал – это нечто на грани фантастики...

Совпадение? Прошлой осенью та история мне даже не вспомнилась. Повода и не было. А вот теперь... Некая связь вырисовывается. При варианте – кто-то умеет вызывать сердечные приступы специально. В тот раз шансов найти его практически не было. Времени прошло многовато, домой я прилетел через пару дней после ее смерти. Момент

был упущен.

Оставалось надеяться на одно. Когда-нибудь это повторится. И тогда...

- Так и думала, что ты здесь!

На соседний стул шлепнулась Анита. Без признаков макияжа, с наспех собранными в хвост волосами. Ни одной цветной пряди. Торопилась.

- Старый знакомый занудой оказался?

- Не трави душу, - поморщилась она и цапнула сэндвич с моей тарелки. - Поделишься? А то даму за стойкой будить как-то неловко...

Предположим, целью был именно Натан, и его хотели убить. Друга невольно зацепило за компанию, потому исход не летальный.

- Погодка получше, чем вчера, - прорвалось рядом сквозь ее сонное зевание. - Ничего не пытается пробить голову. Хотя на улицах менее зрелищно без летающих кустов.

Вторая ли это по счету смерть? Хлоя по стечению обстоятельств в том автобусе ехала и влияние засекла. Если бы не она, никакого расследования не было бы.

- Между прочим, завтра уже наступило, - звучал фоном нетерпеливый голос. - Теперь-то можно с Соней поговорить? Я готова, честно. Достали эти непонятки по ритуалам. Звонила Лансу, он на работе, сказал - ждет в любое время. Съездим после завтрака?

Обоих погибших связывает Адам. Или его мать. В любом случае семья Бергов может быть как-то замешана. Надо с ними пообщаться.

- Ты меня не слушаешь, - Анита хлопнула ладонью по столу. Не жуя, проглотила оставшуюся половину сэндвича и мрачно уставилась в пустую тарелку.

- Сегодня уже завтра, тебе необходимо поговорить про ритуалы. Ты готова, Ланс ждет. - Я подвинул ей чай и добавил: - Погода лучше, кусты на местах.

Она отпила и сердито прищурилась:

- Сейчас закажу торт. На завтрак. И буду есть его... большой ложкой.

- От Маэвы вчера ничего не добились?

- Тухло... Она в поведении Шульца проблем не видит. А зря, мы не у себя дома. Ну, я предупредила! Знаешь, кто Маэву очень интересуется? Соня. И то, как способности по внушению своей воли работают. Кстати, не только ее, Колвен тоже спрашивал.

- Скоро узнаем.

Анита категорично мотнула головой.

- Мне этот массовый интерес не нравится.

Сдвинутые брови стерли с ее лица последние следы детского кокетства.

- Все к ней начнут приставать с вопросами, - сказала она. - Многим нижний Дромос покоя не дает, регулярно кого-то срывает. Хансена вспомни. А тут... Это плохо кончится.

- Кто бы их к ней пустил.

- Раз кроме тебя некому, вот и будут лезть к тебе.

Будут. Привалило сокровище...

- Где сядут, там и слезут.

- Ага, первый год обороны пошел. - Сжатая обеими руками чашка скрипнула под натиском длинных ногтей. - Конечно, если посчитать, то Соня заработала куда больше пяти предупреждений. Но силы у нее нет, и восстановится нескоро. Ловушка не грозит,

сама только что оттуда. Куда ее?

- Чем тебя текущий вариант не устраивает?

- А что будет, когда она родит?

- До этого еще дожить надо.

В ответ – опущенные глаза и вздох в чашку. Похоже, назад мне ее не отдадут.

- Это я виновата. Спровоцировала ее. Не ожидала, что она такое устроит. Уверена была – договоримся. Но... все пошло не так. Черт, да я даже о своем плане рассказать не успела! Попробовать ее энергию загасить вместе с бонусами и привязкой. Думала сначала убедиться, что Соня в принципе не на их стороне. А она слишком их боялась, чтобы рисковать. Факт – если бы не я, ее бы не занесло.

- Далеко не факт.

Она разжала пальцы и подняла решительный взгляд:

- Я ошиблась. И должна все исправить.

Бывает.

Чашку я у нее все-таки забрал, та ни в чем виновата не была.

- У тебя обратный вылет сегодня?

- Да, – Анита откинулась на спинку стула, – вечером.

- Сдашь. Самолет будет другой, ночью. Заберешь ее с собой.

Она вопросительно моргнула.

- В каком смысле?

- В прямом. В надежную клинику, под круглосуточный присмотр. Осложнений помимо выгорания у твоей Сони выше крыши, пока долечат – не один месяц пройдет. Выяснишь, что хотела. Мотивации у нее достаточно. Но следи внимательно, если второй раз...

- Глаз не спущу, – следовал кивок за кивком. – Кому-нибудь можно об этом говорить?

- На твое усмотрение.

- А что насчет...

- Все на твое усмотрение, – перебил я. – За последствия отвечать тоже тебе.

Анита снова кивнула, забарабанив ногтями по столу. За стойкой встрепенулась Эмма, протерла заспанные глаза и бросилась к столику принимать заказ. Обошлось без торта.

С темнеющего экрана ноутбука улыбались, стоя в обнимку, братья Берг. Без этой хранильницы ритуальных тайн одной проблемой меньше. Хотя бы временно.

Глава 5

Обрыв приближался, внизу бурлили черные волны. Опять. Накатывали друг на друга, извиваясь и рыча. Вода затапливала берег, холм, сознание. Небо угрожающе нависало, пока не упало в самый омут. Меня накрыло с головой: ни вынырнуть, ни хотя бы шевельнуться. Воздух кончился, ухо резанул короткий пронзительный звук. Извне... Я вздрогнула и распахнула глаза. За окном, в отблеске света фонаря мельтешила покрытая снегом ветка. На мобильном высвечивалась половина третьего и значок конверта. Сообщение! Оно и разбудило. Кто бы ни написал посреди ночи – спасибо ему. Чертовы кошмары... А ведь они даже не мои!

Я закашлялась, все еще пытаюсь отдышаться, высунула руку из-под теплого одеяла и схватила телефон. Яркое свечение дисплея в глаза, список сообщений. Новое – от Аниты... «Прилетаю в восемь тридцать утра, вместе с Соней». Что?... Нижней строкой шел аэропорт с номером терминала. Сон сдуло весь, без остатка. Резко поднявшись с подушки, я непослушными пальцами набрала этот же номер. Абонент вне зоны доступа. Как так?! Где сейчас Анита? Мобильный раз за разом отзывался равнодушным механическим голосом. Спокойно! Если посадка через четыре часа, вероятно, она уже в самолете. Они... А на взлете пользоваться телефонами нельзя. Выходит, мне сообщили в последний момент?

Я выбралась из кровати, перечитала сообщение еще раз, и еще. Оно не думало исчезать или меняться. Те же буквы, как ни смотри. Понимая, что ни за что больше не усну, я нацепила халат и тапочки. На кухне матово поблескивали отдраенные накануне поверхности, на урчащем холодильнике слиплись в безобразную кучу магниты. Только вчера красиво расставляла. Арина, чтоб ее... Я разлепила их снова, равномерно распределила по дверце. Сувенирные из разных стран в один угол, мультяшных персонажей – в другой, доску для записок – посередине. Вот теперь порядок. Ощущение реальности вернулось, глоток свежезваренного кофе окончательно вывел из ступора. Мысли скакали бешено, и отчаяннее всех одна – получилось! Соню выпустили из Потока, и я ее скоро увижу. Тео сдержал свое обещание. Но было бы глупо надеяться, что за это не придется заплатить сполна...

Дверь кухни приоткрылась, по кафелю прошлепали босые ноги. Не одной мне не лежит в кровати... Артем потянул рукав любимой пижамы с пингвинами, все еще пытаюсь убедить всех, что она ему ничуть не мала, и потер сонные глаза.

– Чего тут шастаешь? – нахмурилась я, отставляя давно пустую чашку.

– Тебя искал... Что стряслось-то?

Неважно, как тихо ты ходишь по дому, если при этом бурно фонтанируешь эмоциями. Для тех, кто чувствует больше, они равносильны стуку молотка об стену.

– Садись, раз нашел, нечего босиком стоять, – вздохнула я.

Он забрался на диванчик, рядом с моим стулом, поджал ноги и выжидающе уставился на меня. Да уж... Определенно, мои злоключения – не та тема, которую следует обсуждать с ребенком. Но я обещала, что секретов от него держать не стану.

– Можно сказать, что я... неким образом договорилась, и Соню вернули из-за границы.

– Круто! – радостно хлопнул в ладоши Артем. – Насовсем?

– Не уверена...

– Что они за это хотят?

– Главное, что не тебя. Остального, к сожалению, не знаю.

– Дела-а-а, – протянул он. – Не бойся. Она наша подруга, и мы ее не отдадим. А их – на мыло!

– Наша? – переспросила я осторожно.

– Познакомился же в Потоке. Прикольная. Энергия в ней была плохая... неправильная. Но то была не Сонина. Уйдет.

Я придвинулась ближе и потрепала его по волосам. Пусть так и сбудется. Особенно про мыло. Еще бы собраться духом и рассказать ему об Эсте...

– А вемконтроль? – задумчиво спросил Артем, щелкнув пингвина на колене по носу. – Они ее отпустят?

– Сомневаюсь, – покачала я головой. – Натворила она всего немало... Скоро встретимся, выясню.

То, что Анита не промолчала, обнадеживало, но... Все-таки она не позвонила, а отправила сообщение глубокой ночью. Предельно нейтральное, без приглашения как такового. Я могла его только к обеду заметить, когда ехать было бы поздно. Впрочем, и на том спасибо. С осени наши отношения, мягко говоря, испортились. Прекрасно помню ее последний взгляд. Там была не злость, и не усталость. Гораздо хуже. Разочарование.

– За них потом возьмемся, – воинственно пообещал Артем и смачно зевнул. Следующим зевком он точно себе челюсть вывихнет. – По очереди!

– Иди спи, – хмыкнула я, – а то сил на всех не хватит.

Два часа я крутилась в постели, сбивая белье в кучу, и без конца смотрела на будильник. Наконец, не выдержала и поехала в аэропорт. Лучше там подожду, благо в терминале А народа мало.

Сугробов навалило с избытком, снегопад усилился, машины в полумраке ехали с черепашьей скоростью. До аэропорта добрались впритык, в половине девятого. В здании терминала было пусто, ни пассажиров, ни табло, ни расписания. Куда идти? Побегав кругами, я в отчаянии метнулась к стойке, где приветливо улыбались две девушки. От них узнала, что самолет из Женевы, единственный за час, приземлился двадцать минут назад, и других пока не ожидается. Как?! Я опоздала? Надо было еще раньше выезжать... Сразу! В ушах зашумела кровь, телефон пикнул сообщением, что абонент, которому я набирала ночью, снова в сети. Через силу втянутый воздух, торопливо набранный номер. Гудки, гудки, гудки... Звонок сбросили. Второй тоже. Энергетического отпечатка Сони видно не было. Если она рядом с Анитой, то подобное неудивительно. Люди с иммунитетом и гасить нашу энергию умеют, и просто скрывать. Сама не найду. Кто не успел – тот опоздал. Теперь все. У нее богатый опыт игнорирования моих звонков.

Шум слился в нарастающий звон, сзади тронули за плечо. А дар утверждал, что человека за спиной не было. Неужели?... Я обернулась. Знакомый тощий тип с бакенбардами смотрел на меня не то чтобы дружелюбно, но сдержанно. Кивком велел следовать за ним и направился к выходу. Стеклопакеты разъехались, окутала метель. С трудом разглядела припаркованную у дороги черную машину. Теплая темнота салона, глухой хлопок дверцы. Тут же на плечи легли знакомые руки, притянули к себе.

– Тс-с-с, – обжег висок шепот, – тут я, тут.

Нашлась! Соня... Кто еще будет мерцать солнечной энергией и так душить в объятиях, что не вдохнуть?... Краем глаза заметила на переднем сидении Аниту, уткнувшуюся в телефон. Спустя мгновение стукнула водительская дверь, машина плавно тронулась с места.

С улицы в окно проник свет фонаря, я чуть отодвинулась и смогла увидеть Соню. Довольная, но безумно усталая улыбка, две по-детски заплетенные косы с мохнатыми резинками оранжевого цвета на худых кончиках. Залегшие под лихорадочно блестящими глазами тени, бледность пугающая, и энергия такая же. Не загашенная, а сама по себе слабая, очень. Неудивительно, что я не высмотрела. Сродни истощению, считай, что дара нет. Но отсвечивало с двойной силой. Потому что она была не одна...

– Как?... – выдавила я.

– Ну, Лейка, – тихо хихикнула Соня. – Тебе что, надо объяснять, как это получается?

Я мотнула головой, стиснув зубы. Любые слова были пустыми и неуместными. После той

аварии врачи выражались категорично – детей у нее быть не может. Сейчас беременность вовсе шокировала... В ее-то состоянии! Чудо, что она дышит. Соня уткнулась носом мне в шею, растеклось спокойствие – странное, глухое, обоюдное. Не хотелось ни спрашивать что-либо, ни говорить. Что происходит, куда мы едем... Без разницы. Не думала, что когда-нибудь встретимся вновь. Черт, да я все это время гадала, жива ли она! Равномерная качка усыпляла, вскоре Соня задремала на моем плече. За окном мелькали фары машин, бортик шоссе и косой снег.

Анита изредка косилась в зеркало заднего вида, и если бы не это, можно было бы решить, что ей нет до нас никакого дела. Соня спала. Рядом, близко, до предела открытая. Энергия словно на ладони. Все оказалось еще хуже, чем выглядело. Сияние тусклое, как на последнем издыхании. Жизненных сил наперечет. Смотреть страшно, не то что трогать или пытаться передать свои... Слишком хрупкое равновесие. Единственный мощный сгусток пульсировал в самой глубине, от него и разгоралась ее энергия. Ненормально! Должно быть наоборот. Откуда у еще неродившегося ребенка столько сил?... Дар ужасающе медленно, но все-таки восстанавливался. Не один месяц понадобится, чтобы прийти в норму. И это при условии, что она полностью поправится.

Машина притормозила, Соня нехотя открыла глаза. Снаружи был заснеженный двор, надежно защищенный высоким кованым забором. Переплетенные голые ветви массивных деревьев, чугунные скамейки по периметру. На аккуратном кирпичном здании в три этажа висела вполне современная вывеска клиники. Ну да... Куда еще Соню могли привезти? Тип из Совета остался в машине, Анита подчеркнуто гостеприимно указала на крыльцо и молчаливо пошла за нами. Хотя бы что-нибудь уже сказала...

В холле – обычные коридоры с зелеными стенами, глянцевые двери и ряды мягких кресел перед стойкой регистратуры. Людей мало – пара охранников у входа, медсестры в белоснежных халатах, мужчина почтенного возраста за стойкой и основательно небритый парень, внезапно с даром. Ниже среднего, но все же! Соня отдернула руку, выпрямилась и изобразила улыбку, с которой идут убивать.

– Надо же, и этот успел, – отметила Анита.

Не поняла...

Парень отлип от колонны, подошел к нам и, мазнув по мне любопытным взглядом, подмигнул Соне:

– Познакомишь?

– Ага, – сладко пропела она и по очереди кивнула сначала на меня, затем на Аниту, – это наша избранная, это конвой. – Улыбка превратилась в полноценный оскал. – А это будущий счастливый папочка.

Что?! Я замерла с открытым ртом, у папочки брови полезли на лоб. Похоже, удивился не меньше моего. Уставился на Соню совершенно круглыми глазами и выдал глубокомысленное:

– Хм...

– И все? – едко осведомилась она. – Больше ничего не скажешь?

– Такого в планах не было, – буркнул тот.

– Ути, – Соня впилась в него пристальным взглядом. – Сладкий, а чего ты так схуднул? Плохо кушаешь?

– От тоски... – проникновенно прошептал он.

– Ну, без толстой задницы как-то неинтересно! – рявкнула она.

Медсестра поджала губы, охранник кашлянул.

– София, Арсений, – отчеканила Анита. – Может, вы это потише обсудите или не при всех?

Соня хапнула его за руку и оттащила в угол. Откуда только силы взялись... Анита шагнула к регистратуре и, внимательно следя за ними, принялась давать какие-то указания мужчине за стойкой. Я осталась стоять в ступоре. Хорошо, хоть рот наконец захлопнулся! Соня сердито отчитывала Арсения, и выражение лица у нее становилось все ехиднее, и ехиднее. Он отвечал коротко, когда ему удавалось что-то вставить, и смотрел очень честными глазами. Мысли спутались окончательно. Нет, логично, что раз есть ребенок, то и отец должен быть, но... Кто это вообще такой?!

- Проводи ее в палату, - скомандовала Анита. - Третий этаж, конец коридора.

- Провожу. А откуда тут взялся Арсений?

- Соня позвонила, перед вылетом, - пожала она плечами. - Милый мальчик, проблем с ним ни разу не было. Ей на пользу пойдет. Я надеюсь.

Я выдохнула и направилась в угол, где бушевали тихие, но нешуточные по накалу страстей разборки. Заметив меня, оба синхронно замолчали.

- Нам пора, - сообщила я.

- Иду, - кивнула Соня. Ткнула пальцем Арсению в грудь и прошипела: - Гад ты редкостный...

Тот снова сделал честные глаза, она махнула рукой. А хорошо у него получается... Почти как у котиков. Которые только что стащили у хозяев лакомый кусок и слопали. Странные у меня ассоциации!

Палата была светлой, просторной и больше напоминала номер в отеле: широкая кровать, шкаф с вереницей пустых вешалок, круглый столик, на котором стояла полная ваза блестящих, будто восковых яблок. За отдельной дверью обнаружился туалет и душевая с безумным количеством поручней, плюс жужжащий сушильный ящик. Жить можно. Соня оттянула воротник пушистой розовой кофты, которую добровольно никогда бы носить не стала, и опустилась на кровать.

- Годится! - оценила она, пытаясь рассмотреть, что видно из окна. По другую сторону вычурной решетки раскинулся парк. - Надолго и основательно я застряла. Вернуть дееспособность получится лишь через суд, а моя дорогая тетя опекунство надо мной передала сама догадайся кому.

- И что с этим делать? - выдавила я, слабо понимая, очень ли все скверно.

- Я же не юрист. В любом случае не хочу злить Совет и собираюсь быть паинькой. Неплохо ведь получается, а?

Соня невинно взмахнула ресницами и упала на подушку, устало вздохнув. Присев с краю, я накрыла ее найденным в углу кровати пледом в трогательные ромбики, и тихо спросила:

- Блок и остальное... из-за того, что Анита сделала?

- Не только, - отвела она глаза. - Я и сама прекрасно справилась. Та сила из Потока... как бы это сказать... убивает постепенно.

Убивает? Ничего себе! Знать об этом и использовать ее... Нет слов!

- Поэтому занятые ими тела быстро выходят в тираж, - как-то отстраненно пояснила Соня. - Ресурс организма исчерпывается за несколько недель или месяцев, смотря как усердствовать.

А может и за несколько часов, если с телом не повезет. Вчера убедились.

- Что знает Совет?

- Основную версию, - уверила Соня и украдкой подмигнула. - Без личных подробностей.

Ясно, об Эсте она им не говорила. Уже хорошо.

Занялся рассвет. Сквозь прозрачную занавеску проникли косые лучи, засветилось оконное стекло. Яблоки блеснули гладкими боками, насыщенно красными, словно в краску окунули.

- Почему ты мне не рассказала? - Слова вырвались наружу, без возможности забрать их назад. Соня приподнялась на подушке, выгнула бровь. - О Паше и границе.

- Ого, - вспышку удивления догнал протяжный свист, - он тебе признался? Серьезно?... Во дает.

- Не о нем речь. Почему молчала ты?

- Ну... Тебе так было лучше.

- Это мне решать, - отрезала я. - Заботливые нашлись. Всегда одного просила - правды, как есть.

- А это мне решать! Говорить правду или нет. Жаловаться не люблю, жертву изображать тоже. Забыть хотела обо всем этом. И без разборок потеряла достаточно.

Я отвернулась к окну. Яркие багровые всполохи, пронизанное светом небо. Пусть сами разбираются, оба не маленькие давно. Закончили с этим.

Соня придвинулась ближе, потрясла за плечо - слабо, но настойчиво.

- Было, прошло... - тихо сказала она. - Меня больше интересует, что будет.

Вот именно. Детей Соня всю жизнь не любила. Как таковых, в принципе. Выбирала рестораны и отели исключительно для взрослых, развлекаться предпочитала по ночам и стабильно прекращала общение со знакомыми, стоило тем обзавестись чадом. Собственный диагноз ее ничуть не расстраивал, то и дело повторяла: «Слава богу, что мне это счастье не грозит».

- Что собираешься с этим делать? - я наконец снова посмотрела на Соню. - Ты же говорила, что дети - не твое.

- Конечно, они же чужие были! А этот мой.

«Мой» прозвучало донельзя категорично. Как любое ее «хочу, и все». Попробуй не дай или отбери.

- Уверена? Прекрасно. Теперь ты отвечаешь не только за себя. Самое время прекратить куролесить и взяться за ум.

- Не начинай! - Соня сузила глаза. - От разговоров ты-же-мать меня вырвет! Да я...

- Да ты, - перебила я. - Ты - намертво заикнулась на нижнем Потоке, использовала заведомо опасную силу, втравила в это кучу случайных людей. Пустилась в бега, выдала тайну дара человеку из полиции, чуть не свела с ума целый торговый центр. В итоге фактически убила! Совсем рехнулась?!

- Лейка... - ошарашенно протянула Соня. - Ты орешь?

- Сейчас еще и тресну, чтобы лучше дошло!

- Хватит...

- Вот именно - хватит!

Соня промолчала. Нечего ответить? Еще бы!

- Я сделаю если не все, то многое, чтобы тебя вытащить, - хладнокровно произнесла я, хотя сердце бешено колотилось. - Но оно тебе надо?

Она села и обняла подушку - мягким, неуверенным движением, и уткнулась в нее носом.

- Знаешь, надо... Это странно, но я хочу, чтобы все стало обычным, нормальным. Без

этого... веселья, чтоб его. Крокодилов и их разборок, войнушек Потоковых, тайных сил, древних офигительных историй. М-да. – Ее губы растянулись в насмешливой улыбке. – Вот уж не ожидала, что однажды у меня появятся такие желания.

– Жизнь умеет удивлять.

Соня крепче сжала подушку, я глубоко вдохнула, облизала пересохшие губы. Что-то внутри остывало, успокаивалось.

– Отдыхай, – велела я. – Что нужно Тео?

– О, тут я пас. Не волнуйся, сам тебе скажет. За ним не застрянет.

Кто бы сомневался. Лучше бы он где-нибудь застрял... Желательно в портале на границе! Но нам так не повезет.

– А что собираешься делать ты? – вернула она недавний вопрос. – Защищать ее?

Ну да, *ее*... Пятьдесят Вестников до этого рождались девочками. С чего правила изменились – загадка, но нам оно на руку.

– Справлюсь, – сказала я скорее себе. – Должна справиться.

Дверь дрогнула и отворилась, я тут же вскочила с кровати. Ощущение было дурацкое, словно сидеть здесь мне не положено, и сейчас непременно выставят вон. В палату на мгновение проник холодный свет коридора, внутрь шагнула Анита с пухлой женщиной в кристально чистом белом халате.

– Это лечащий врач Софии, и она введена в курс дела, – известила Анита подчеркнуто официальным тоном. – На сегодня с посещениями закончим.

Я кивнула – ей, врачу, потом Соне и вышла. В коридоре по-прежнему было тихо и пусто. Уже рассвело, и двор за окном выглядел вполне безобидно: деревья как деревья, обычный кованый забор, всюду снег. Сзади процокали шаги, рядом со мной остановилась Анита и тоже уставилась в окно.

– Спасибо, что известила, – я повернулась к ней.

– Я ведь обещала, – ровно выговорила она.

Общаться ее явно не тянуло – либо вообще, либо конкретно со мной.

– Я могу к ней приходить?

– Да, только мне позвони заранее. Без меня сюда никого не пустят.

Остается надеяться, что Анита перестанет игнорировать мои звонки. Все-таки она до сих пор наш куратор.

– Завтра что-нибудь из Сониных вещей привезу. У нее же тут нет ничего...

– Привози, – Анита облокотилась о подоконник.

Ни улыбок, ни привычных располагающих жестов, ни даже цветных прядок в волосах. Конечно, в джинсах в самолете удобнее, чем в кружевной юбке, но... Неужели это та девушка, которая разговаривала с цветком в чайнике и искрилась радостью от всего подряд? Не верится. Притворялась она тогда или притворяется сейчас? Что я знаю о ней настоящей? Черт! Милая Анита определенно мне больше нравилась.

– Что дальше? – не выдержала я.

– Соня пока останется здесь. Во-первых, ты видела – ей необходима помощь. Во-вторых... сама понимаешь.

– А ребенок?

– До этого еще дожить надо, – выпалила она. – Все зависит от нее. Будь добра, объясни

своей подруге, что крушить чужую психику – плохо. Даже если ей очень надо. А темнить вам обоим лучше бы поменьше, окружающие и безо всякого дара не идиоты.

– Ты о чем?... – опешила я.

– Лера, я в своем сообщении ни слова не написала о том, что она очнулась. А ты в машине не очень-то удивилась. Заранее знала, верно?

Так... Вот зачем она мне написала лично и отключила телефон! Подловить хотела. Да и пусть подавится. Надоели эти игры.

– И что с того? – осведомилась я.

– Я сразу поняла, что неспроста ее вернули. В обмен на что?

– Тебя это не касается.

Анита отлипла от подоконника, мигом забыв про равнодушие. Наши взгляды встретились, воздух наэлектризовался, ни намек на сдержанность не осталось. Давно бы так!

– Не касается? – прищурилась она. – Тебе напомнить, почему твоя подруга здесь, а не дома пинетки вяжет? Ты и сама чудом удержалась на плаву, растеряв все свои принципы! Что ждать на этот раз? Нет, это как раз меня касается! Кто-то должен думать про обычных людей, пока вы носитесь со своими секретами. Кучу времени приходится тратить, уговаривая вас сказать хоть слово правды. Влияния, реверансы... Достало!

В ней заискрилась злость, окатила обжигающей лавиной. Я не шелохнулась и глаз не отвела. В одном с ней точно согласна – достало. Еще как! Соня все равно им рассказала, пора завязывать с влияниями.

– А какая Совету разница? – спросила я прямо. – Ну вылезают пятеро из Потока раз в столетие за той единственной, что способна убить их. Вам ее жалко? Она же одна из нас.

– За ней по головам идут, – Анита шагнула вперед, расстояния между нами почти не стало, – ценой чужих жизней. Были случаи. Много случаев!

– О которых кроме вас никому не известно. Потому что официальных возвращенцев из ловушки не существует. Даже в тот раз, когда в Мадридской клинике подобное случилось при свидетелях, во время визита Марии – все быстро замяли, якобы ничего и не было. Это в тему скрытности!

– Неужели? – резко выдохнула она. – Я тебе еще в первую встречу рассказывала о перекидывании энергии Потока в реальность. Хотя информация секретная. Я ее годами собирала по архивам!

– Ты у нас начитанная, значит, – бросила я, совершенно перестав подбирать слова. – Нашла себе легенду, сказочку про древнее зло. Указываешь тут, что и как надо делать. В теории. А я у них была. Не один раз. По-настоящему, но вам не понять. Вас там никогда не будет. И разбираться с ними именно мне. А ты иди, еще почитай.

Анита растерянно моргнула. Я развернулась и пошла прочь, спиной ощущая ее пылающий гнев. Переживу! Просила правды – пусть получает. И не удивляется. Правда – она такая, умеет бить больно.

Из клиники меня выпустили безо всякого пропуска: и через напичканные электроникой двери, и через ворота. Буря внутри постепенно утихала. На фоне других проблем это все – так, плюнуть и растереть. Жаль, конечно, упущенных возможностей. Анита еще год назад упоминала ритуал, позволяющий обычному человеку получить некие способности. Хотелось бы узнать об этом побольше. До сих пор не понимаю, что с Владом происходит! Сама выясню. Без Совета. А сейчас пора домой, к Артему.

Как назло, дорога была пустой – ни людей, ни машин. Заснеженная стройка на поле-стадионе, полные мусорные баки под выцветшей крышей, чуть дальше – железнодорожные пути. По моей стороне тянулся глухой забор, в просветах которого виднелись ряды зеленых гаражей. Куда я забрела? Следовало у клиники такси вызвать, а

не уноситься в неизвестном направлении. Найти бы что-нибудь приметное, чтобы диспетчеру описать. Я пошла вдоль забора, впереди показались распахнутые ворота. Тихие шаги царапнули сознание предчувствием опасности. Поздно. Голова закружилась, мир поплыл, запястье словно тисками сдавило. Рывок, руки заломили за спину. Оказалась прижата лицом к забору, в расстегнутый воротник забрался холод. Шеи коснулось что-то острое, холодное.

– Попалась, – прошептал в ухо голос.

Я инстинктивно потянулась к сознанию напавшего. Тщетно. Дар не спасет. Против этого-то...

– Наконец поговорим, – довольно хохотнули. – А то каждый раз так быстро убегаешь.

Кто из пяти?... Не представился. В нем плескалось ненависть – злая, яростная, раскаленная до предела. Ни разу ее столь густо не ощущала.

– Мне не ты нужна. Сама знаешь.

Лезвие впилося в кожу – можно было не сомневаться, это оно. Я замерла, боясь пошевелиться. Хотя вряд ли у меня бы получилось...

– Где она?

Воздух уплотнялся, давил. Пропитывался удушающей энергией. Явственно чувствовалось – это далеко не предел.

– Что ж, ответь ты сразу, было бы даже скучно...

Шею обожгло, я дернулась. Запястья сдавили сильнее, в глазах потемнело.

– Нехорошо, Эсте. Вышла из игры – твоё дело, зачем другим все портить?

Боль резанула отчетливее, под воротником стало жарко, липко, влажно. Наружу вырвался стон. Ответить, стараясь одурачить? Наоборот, проговорюсь. Кричать и звать на помощь? Никто не поможет. Сжать зубы и молчать? Пожалуй...

– Где эта тварь?

Ужас прокатился волной, комком подступил по горлу. Спокойно! Не хватало еще, чтобы он его почувствовал... Обойдется! Вязкая влага на коже, бешенные удары сердца сквозь шум дыхания. Воздух душил, боль нарастала. Сознание меркло, пытаюсь спасительно отключиться.

– Ладно, – вздох оглушил, лезвие соскользнуло прочь. – Попробуем иначе.

Меня грубо оттащили от забора, встряхнув. Картинка перед глазами прояснилась. Улица, припорошенный снегом асфальт, серое небо. Из ворот прошаркал дед с овчаркой на поводке. Увидев нас, остолбенел. Седые брови сдвинулись к переносице, хлынула тревога. Мгновение, и энергия сгустилась, пространство рассек колющий импульс. Овчарка оскалилась, медленно повернулась к хозяину. И прыгнула. Тот закрылся руками, выпустив поводок. Вскрик, падение на землю. Я зажмурилась, донеслось рычание вперемешку с хрипом. Секунда, другая, третья... Все стихло.

– На соседней улице народа побольше, – многообещающе произнес голос. – Продолжим там?

Хватка на запястьях ослабла, развернуло к тому, кто говорил. Что-то заставило разлепить веки, и я смогла увидеть его – мужчину средних лет, со шрамом над губой и тусклыми, мутными глазами. Ничего в них кроме жгучей ненависти не было.

– Мы ее все равно найдем, – пообещал он. – Ты скажешь. Раз себя и посторонних не жаль, прокатимся. У тебя близких всего несколько человек, много времени не займет. Начнем с твоего дома?

Я зачем-то мотнула головой. Слишком сильно... Улицу заполнили яркие, разноцветные круги. Впереди метнулась тень. Толчок, его пальцы разжались. Я рухнула вниз.

Неразборчивая ругань, тонкий звон металла об асфальт. Он разросся, стал громким, дребезжащим, невыносимым. Подняться. Нужно подняться! Увы... Тело не слушалось, мир отдалялся. От мощной, странно схлестнувшейся энергии рябило вспышками, подкатывала тошнота. А потом все поблекло. Кто-то обхватил меня за талию и поставил на ноги. Замелькал грязный, в багровых разводах снег. Кровь?...

- Не смотри туда, - донесся сквозь пелену голос, уже другой и смутно знакомый.

Я кивнула, подняла взгляд. Стоп! Что он тут делает?... Как его там... Арсений? Застегнув мой многострадальный воротник, он потянул меня в противоположную от ворот сторону. Ладно. Не думать, не вспоминать, не оглядываться... Просто идти. Навстречу попадались люди, сзади испуганно кричали. Я дышала - глубоко, до головокружения. За стадионом оказалась шумная дорога, вереницей выстроились длинные дома с вывесками. Запахло кофе, звякнул колокольчик на двери. Во рту появился противный металлический привкус, снова вспыхнули дурацкие круги. Опомнилась в углу кафешки, на мягком диване. Глянцевое меню на столике обещало скидки и райское наслаждение. Запястья жгло, в шее навязчиво пульсировала боль. Я аккуратно сняла дубленку, размотала пропитанный влагой черный шарф. Провела пальцами по коже. Липко...

- Ничего серьезного, - уверили сверху, - но не трогай.

Я вздрогнула, на диван приземлился мой неожиданный спаситель и ткнул мне в руки здоровенный стакан кофе. Отпила тут же. Глотала отрезвляющую горечь, пока мерзкий привкус не притупился и не исчез. Отставив полупустой стакан, заметила пристальный взгляд.

- Как?... - единственный вопрос, на который меня хватило.

- С трудом, детка, - его губы изогнулись в самой бесстыдной улыбке из мною виденных. - Даже не знаю, чем расплачиваться теперь будешь...

Словно током пронзило. Я вскочила с места, но путь преградили быстрее.

- Сладкая, сядь на место, - вкрадчиво велел он. - Или я тебя сам усажу...

Я сглотнула и благоразумно опустилась на диван. Без паники... Догадываюсь, кто передо мной! Но раз спас, вряд ли мне что-то угрожает. По крайней мере, не прямо сейчас. Прекратив коситься на дверь, я постаралась расслабиться. Мой личный ритуал: обхватить ладонями теплый, остывающий стакан, сосредоточиться на кофе. Крупный глоток, затем еще один, и еще - до дна. Уже не так скверно. Мысли путались, в горле першило.

- А что с... - выдавила я.

- С Крисом-то? - Спаситель в своей типичной издевательской манере изогнул бровь, и последние сомнения отпали. Тео, собственной переселенной персоной. - К сожалению, фокус удался лишь наполовину. Но в ближайшее время не встретитесь. А потом... Побольше ходи темными подворотнями в одиночестве, и новые приключения на твою задницу гарантированы. Может, кого поинтереснее подцепишь!

Пальцы чуть смяли стакан, хруст окончательно привел в чувство. Он прав. Я сглупила, причем сильно. Поддалась порыву, наплевала на осторожность. Не взбреди мне в голову рвануть в незнакомые дворы, не столкнулась бы с Крисом. И тот дед с собакой не пострадал бы. Это из-за меня случилось! Еще с Анитой спорила... Охотятся за Вестником, задевает тех, кто рядом. А ведь Паша тоже предупреждал. Черт!

Я обмотала шарф вокруг шеи и на всякий случай прикрыла саднящее место волосами, чтобы не привлекать лишнее внимание. Тео наблюдал за мной с самодовольной улыбкой, потягивая через трубочку... молочный коктейль?... Надеюсь, надувного розового пони поблизости нет. Или что еще у него списке желаний было. Подумать только, сижу с ним в кафешке после трех стычек в глубоком Лектуме и даже обрушенного на его голову потолка. Внешне мало общего, но жесты... Как я в клинике не заметила? Ах, ну да. Потому что их не было! Тоже мне котик. По энергии - ничего выдающегося, в жизни бы не заподозрила. Уверена, его след Влад периодически и засекал в городе - тусклый и едва заметный, с минимальным отблеском силы. Он вроде как несколько месяцев здесь

ошивается, никем больше незамеченный. Выходит, Арсения поймали в ловушке и сразу оккупировали, минуя клиники. И чем Тео был столько времени в его теле занят?...

– Погоди, – дошло до меня. Разобрал дурацкий смех, еле выдохнула: – Счастливый папочка, да?

– Ну... – Он повозил трубочкой в коктейле. – Физически, биологически или, как бы это сказать, технически... М-м-м... Спорный момент. – Мне отсалютовали бокалом, физиономия напротив стала донельзя сытой и довольной. – А энергетически – определенно, да.

Вспомнилась осень, торговый центр. Несмотря на все ухищрения, у Сони не вышло избавиться от его энергии. Конечно, избавишься тут! Даже Анита всю выжечь не смогла. Но ребенок ее с того света вытянул, и сейчас продолжает. Что же там такое?! Сдается мне, оба будущих родителя сами не знают. Соня о своем положении не догадывалась, он сегодня тоже искренне удивился. Немудрено было не заметить! В ней энергии смешалось много, особенно его, толком не рассмотришь. А вот Базиль понял. Тогда, в глубоком Лектуме, после неудачной попытки их связь разорвать. Что нам сказал с ошарашенным видом? «С этим как-нибудь без меня разбирайтесь». И на том спасибо...

– Базиль знает, – сообщила я. – Намекал еще два месяца назад.

– Это хреново, – отметил Тео, но без особого беспокойства. – Особенно теперь, когда Крис ему нажалуется по поводу одной отжатой в переулке девицы.

Я демонстративно хмыкнула. Нечего на чувство вины давить! Не благодаря героическим порывам он мне помог, отнюдь. И пора уже выяснить истинные причины.

– Чего ты хочешь?

– Остаться.

Сказать, что я растерялась, значит, ничего не сказать!

– Где? В смысле... тут? В реальности?!

– Так точно, – с деланной невозмутимостью подтвердил Тео и задумчиво склонил голову набок. – Первые три тысячи лет еще было прикольно. Ладно, даже четыре. Делай что вздумается, будь кем угодно, почти без ограничений. Собственный мир, вечная жизнь, силы вагон, что столько и не утащить. Но надоело. Смертельно скучно. А начать с нуля и не помнить всего – отстой.

– Ага, – кивнула я в такт излившейся лирике. – То есть ты сожрал несчастного Арсения, украл его тело, а теперь еще хочешь жить в нем спокойно и счастливо?

– Я бы выразился менее драматично. Но по сути, все верно! И ты мне в этом поможешь.

Я?... С одной стороны, уже два раза ему жизнью обязана. С другой... Какого черта?! Нельзя на протяжении веков присваивать половину Потока, поглощать сознания людей пачками, убивать маленьких девочек, а потом переехать обратно реальность как ни в чем не бывало. Заскучал, видите ли. Нет, абсолютно со всех сторон – обойдется!

– Ни за что, – отрезала я. – Не будет этого.

– Это в том варианте, где у тебя есть выбор? – ехидно осведомился Тео.

– Брось, – губы расплылись в невольной улыбке. – Шантаж и угрозы не удались. Ничем ей ваша, так называемая связь не грозит.

– Ух ты, я начал производить столь благоприятное впечатление! Мама бы мною гордилась...

Сомневаюсь. И прямым текстом мои слова не опроверг. Я не ошиблась – ничего он Соне не сделает. Кроме того, что уже есть!

– Ради чего все это? Пары месяцев?... Или сколько у тебя там времени?

– Крошка, это грустно, – картинно вздохнул он, – две жизни подряд быть такой пессимисткой.

Я откинулась на спинку дивана, сложила руки на груди. Внутри пылало возмущение, но вкупе с любопытством. Какой-то план у него должен быть.

– Факторов до фига и больше, – будничным тоном пояснил Тео. – Да, способности сверхдара убивают. Только можно ими и не пользоваться. Все зависит от конкретной поглощенной личности. Чем дольше она сопротивлялась в ловушке, тем навязчивее в родном теле пытается выхватить руль. Уходит много сил, чтобы постоянно ее подавлять. А наш, как ты выразилась, несчастный Арсений после двух неудачных попыток суицида нашел более действенный способ.

– О... – протянула я. – Ты его, получается, осчастливил. Ну раз так, это в корне меняет дело!

Он закатил глаза, я накинула дубленку, поднялась с дивана. Шарф сдвинулся в сторону, задетая рана напомнила о себе острой болью. Потерплю до дома. Шаг прочь, застегнутые на ходу пуговицы.

– Знаешь, почему она ушла? – догнал со спины голос. – Осталась одна. И потому проиграла.

Я не обернулась. Справилась с головокружением и вышла за дверь. Оживленная улица кишела людьми – впервые им обрадовалась. Припаркованное у остановки такси было свободно, в него и села.

Возможно, Эсте проиграла. Но я-то не она.

Глава 6

Свободного пространства в антикварной лавке практически не было. Плотные ряды шкафов, поблескивающие тяжелыми корешками книги, десятки выцветших открыток под стеклом. Стены пестрели картинами в глубоких рамах, монотонно отстукивали маятники старинных часов. Консультант внимательно смотрела на меня сквозь очки в толстой оправе. Образцовая осанка, строгий костюм с иголочки, старательно наклепленная, напроочь искусственная улыбка. Три дня назад она потеряла старшего сына. Шанталь Берг, сорок лет, второй раз замужем, фактически всю жизнь работает здесь. Говорят, фанат своего дела и невероятной честности человек. Проверим.

- Я звонил вам вчера. Вы сказали, лучше лично прийти.

- Феликс? - уточнила она устало. - Насчет марок?

Протянутый альбом избавил от ответа. Шанталь аккуратно взяла его обеими руками, со вздохом отметив:

- Вы опоздали. Ждала вас час назад. У меня обед через десять минут.

Знаю. Она раскрыла альбом, скользнула по нему равнодушным взглядом. Секунду спустя нахмурилась, недоверчиво моргнула и схватилась за лупу. Тихо шуршали страницы, глаза в очках округлялись все сильнее. Шанталь удивленно уставилась на последнюю страницу, потом в монитор. Клацанье клавиш, растерянность на лице. Да не ошиблась, не ошиблась. Все так.

- Это у вас откуда?...

- От отца остались. В наследство.

- Соболезную вашей утрате, - на автомате выдала она. - Неужели отец не говорил вам, что собрал?

- Там что-то редкое?

Шанталь взволнованно развернула ко мне альбом и принялась листать, сыпля названиями, годами и странами. Действительно, много знает. И все правильно назвала.

- Отнесите их лучше в филателистический клуб, - выдохнула она, - адрес я вам дам. Даже приблизительно боюсь сказать, сколько оно стоит, но, поверьте, много.

- Деньги меня не интересуют.

- Да?... А зачем тогда...

- Отец умер почти тридцать лет назад, с тех пор и валяются. Захотелось выяснить, что там.

- О, да, - ее улыбка стала чуть приветливее, - обычно так и бывает. На чердаках столько сокровищ пылится. Десятилетиями лежат на дне коробок никому не нужные, пока случайно не вытащат. Хорошо, если не сразу на помойку несут! Думают - что ценного в этой рухляди... А порой на барахолке такие уникальные вещи попадают.

- Находили?

- Еще как! - Глаза за толстыми стеклами очков азартно заблестели. - Слушайте, если деньги вас не интересуют, отдайте в музей.

- Например, куда?

Шанталь с сожалением покосилась на мерно тикающие часы.

- Давайте я вам на обеде компанию составлю, - предложил я. - Заодно подробнее расскажете.

- А давайте, - охотно кивнула она.

Пока все по плану.

Обедала Шанталь в уютном кафе на углу улицы, которое и самые местные нашли бы с трудом. Поворот в слабоосвещенный тоннель, неприметная дверь без вывески, внутри – всего несколько столиков, нацарапанное мелом на доске меню и единственная хозяйка, заменявшая всех сразу. Готовила недурно, и что хорошо – не особенно быстро. Пока ждали скромно предложенное ею фирменное блюдо, получил подробный список «идеально подходящих музеев», преимущественно французских, рекомендации, на какие условия соглашаться, два номера телефона ее добрых знакомых, которые «непременно помогут», и выслушал рассказ об однажды найденном на барахолке странном мяче, после отмывки оказавшимся раритетным глобусом. Починили, по сей день стоит в ее комнате. Поначалу отвечать не требовалось – лишь заинтересованно кивать и улыбаться, изредка подкидывая наводящие вопросы. Шанталь явно пыталась разговором на любимую тему хоть как-то отвлечься, но мрачная тень не сходила с ее лица.

– Пожалуй, пусть будет почтовый музей в Праге, – сказал я, когда она окончательно замолчала, уходя в себя. – Вполне справедливо – на родину вернуть.

– О, вы оттуда, – заинтересовалась она. – А здесь какими судьбами?

– По работе.

– Хорошая, наверное, работа, – в голосе прозвучало неподдельное любопытство, – раз готовы делать такие подарки.

В удачное русло зашло. Без повода сообщать место работы было бы странно. А тут сама спросила. При упоминании фонда ее улыбка превратилась в жалкую, и та сползла.

– Слышали о нас?

– Не только слышала, – Шанталь поджала губы, – к сожалению.

– Что случилось?

– Неважно.

– Очень даже важно. Вы мне помогли, хотелось бы ответить тем же.

– Да не с чем там помогать... – тяжело вздохнув, она сняла очки, устало потерла переносицу и надела их обратно. – Разобрались давно.

– Вряд ли это сделали должным образом, раз у вас подобная реакция. Поверьте, это не праздное любопытство. Я отвечаю за порядок в фонде уже несколько лет, и подобные случаи меня напрямую касаются.

Еще вздох в ответ. Ясно. Не тот метод.

– У нас безупречная репутация, – продолжил я, – благотворительные проекты с множеством спасенных жизней и психологи отличные.

– Отличные?! – Она подпрыгнула на месте. – Ваш отличный психолог мне такого про моих сыновей наговорил, что волосы дыбом встали! Бред полный! Так ей и ответила, когда ко мне дар речи вернулся, а она скандал закатила – какая из меня мать, если не вижу, что у меня под носом творится.

– Скандал?

– Зато рекомендации у нее были... Безупречные, между прочим. Проблемы младшего пытались решить. Эта ненормальная заявила, что во всем старший виноват, не ребенок, а дьявол во плоти. А он замечательный! Ласковый, внимательный. Круглый отличник. Слова мне дурного за всю жизнь не сказал. Его не стало на днях, Адам с тех пор и не разговаривает ни с кем.

Шанталь набрала полные легкие воздуха и через силу замолчала.

– Сочувствую, – сказал я, выждав паузу. – Жаль, что пришлось эту тему затронуть.

- Извините, - она выдохнула, отпила из чашки. - Не хотела быть резкой... Мне все деньги вернули, другого психолога предлагали. Но доверия им не было никакого. Важная дама из руководства столько передо мной извинялась. Не помню имени...

- Маэва Келлер?

- Верно.

Интересно. Чтобы Маэва, и лично занималась конфликтами психологов с клиентами? Не ее вотчина. Шанталь допила чай, повертела в руках пустую чашку, и растерянно добавила:

- Я почти забыла эту историю. Просто сейчас... все, что касается... Ладно. Возможно, нам тогда просто не повезло.

- Послушайте... - нашлось идеальное решение. - Надо это исправить. Говорите, ваш младший, Адам, ни с кем не разговаривает?

- Они с братом очень близки были. Скучает. И ничего тут уже не исправишь.

- Знаю, кто ему поможет. - Я протянул ей визитку Ланса. - Он у нас лучший специалист, по крайней мере, последние лет сорок. И за это время ни одного скандала. Самые тяжелые и, казалось бы, безнадежные случаи вытягивает. Попрошу с вашим Адамом поработать. От вас - только привести его. Договорились?

- Не уверена, - замялась она, но визитку взяла, - что идея удачная.

- Это меньшее, что мы можем для вас сделать.

На ее губах появилась неуверенная улыбка, визитка исчезла в недрах сумочки. Если позвонит, будет отлично. Ланс выяснит, какие у ее мелкого проблемы. И заодно подскажет, в чем подвох. Что-то в этой истории не так.

По пути в офис сделал на машине крюк. Десять минут от черты города, теряющийся в тумане берег озера. Высокая многоскатная крыша, заметная издали, вечно зеленый холм, пара извилистых, ведущих к воде лестниц. Возвращения были неизбежны - взять что-нибудь или вернуть, и заодно убедиться, что дом стоит на месте. Стоял, всеми тремя этажами, считая подземный. Холл с длинным рядом панорамных окон, за которыми виднелась обманчиво бесконечная гладь озера. Чердак сквозных арок, по-нежилому симметрично расставленная мебель, стерильная чистота, канувшие в наведенном порядке свечи в баночках и прочие безделушки. Домработница - второй человек, у которого есть ключи, и приезжает она сюда гораздо чаще меня.

Альбом отправился обратно в шкаф. Отлично себе лежал, и дальше постоит. По доброй традиции, существующей среди особенных вещей, нашелся случайно. В первый мой визит к Еве. Она решила, что чердак ей для чего-нибудь пригодится, и надо бы разгрести завалы. «Наверное, все-таки пора» - выговорила уверенно, будто меня для этого десять лет и ждала. Лестница вверх скрипела, остро пахло пылью, под ногами вился племянник и бесконечно пиликал на игрушечном синтезаторе. Завалов было на два треснувших, плотно сбитых ящика. В одном из них сверху валялся альбом, под слоем трухи и полосатым шарфом. Слегка топорщился заломленный угол обложки, прозрачные вставки между листами смялись. Ева порывалась его выкинуть, вместе с отсыревшими бумагами и побитыми елочными игрушками. Зачем-то достал из коробки в последний момент. А через пару лет выяснилось, что там коллекция редких марок, и не зря отец его постоянно на верхнюю полку от нас убирал.

Перед кабинетом Маэвы сидела Хлоя. На диване, прилежно сложив руки на коленях и не сводя с них глаз. Либо ждала своей очереди, либо не решалась войти.

- Ой, привет! - Она подняла растерянный взгляд. - А я вчера ездила в школу Артура и Натана. И сегодня с утра тоже. Познакомилась с ребятами из школьного оркестра, затем с их друзьями...

- И? - Я сел рядом. В этом крыле не бывает лишних ушей. - Что выяснила?

- О ребятах практически не отзываются хорошо. Разве что об Артуре... Что был, в общем-

то, нормальный. До того как связался с этим жутким мудаком. – Хлоя запнулась и густо покраснела. – То есть... Э-э-э... Не то хотела сказать. В смысле... Я цитирую первоисточник!

– Первоисточник – это важно.

– Да, – немного успокоилась она. – Школьные короли. Обижали и новеньких, и стареньких, могли жизнь любого в ад превратить, чем занимались часто. И ничего им за это не было. У Артура родители крутые, Натан – гордость школы. Другие ученики обоих боялись и сильно не любили. Ненавидели! Даже якобы приятели и прочие, кто пытался ими стать, лишь бы их не трогали.

– А что взрослые?

– Артура иногда доставалось, наказывали. А вот Натана – никогда. Его обожали и учителя, и директор, и родители... Умел казаться паинькой. Никто не верил, что он способен на что-то плохое.

Слышал сегодня от его матери.

– По-моему, кто угодно мог на них в автобусе напасть, – вздохнула Хлоя. – У половины школы был мотив. Натана никому не жалко... Кроме одной одноклассницы. Кажется, она умудрилась в него влюбиться. Я позвала ее погулять вечером. Попробую разговорить, вдруг знает о нем побольше остальных.

– Отличная идея.

Хлоя улыбнулась – не слишком уверенно и ненадолго. Дверь кабинета отворилась, порог перешагнула Маэва, за ней – Колвен. Я поздоровался, его сдуло в направлении коридора.

– Как раз хотела с тобой поговорить, – кивнула мне Маэва. – Хлоя, подожди еще немного.

Та снова уставилась на свои ладони. Я прошел в кабинет, настолько просторный, что из него легко можно было сделать два, а то и три. Собрания нередко проводили тут – места хватало на всех.

– Хлоя участвует в расследовании? – Маэва медленно опустилась в кресло во главе стола. – Серьезно? Что ты для этого сделал?...

– Не доводил до обморока ожиданием за дверью.

– Уже вторая вдохновилась, – мне досталась ироничная усмешка, – причем в том же юном возрасте. И первая до сих пор регулярно оказывается здесь, в какую страну ни отправь.

– Аните больше нравился архив, чем расследования.

И замки, запертые.

– Верно, – Маэва задумчиво постучала ногтями по раскрытому блокноту с расписанием. – Понять бы, что нравится этой.

– Она пока сама не поняла.

– Значит, шанс есть.

У Парижской консерватории тоже. Впрочем, мне якобы ничего не известно.

– Мы вчера кое-кого в клинике недосчитались, – ровно выговорила Маэва. – Куда делась София Максимова?

– Туда, где ей следует быть.

– В Москве? Важные источники информации следует держать рядом.

– Как только информация будет, ты о ней узнаешь.

- Гораздо лучше для успешной работы, - отчеканила она, - когда советуются, прежде чем принимать подобные решения.

- А еще лучше, - в тон отозвался я, - когда каждый занимается своим делом.

Секундная пауза, сдержанный наклон головы в ответ. Маэва закрыла блокнот, будто он ей чем-то мешал, и перевела цепкий взгляд на окно. Там было пасмурно, ветер трепал вывешенный на верхушке забора флаг.

- Колвен взялся за ту школу, - сообщила она как ни в чем не бывало. То ли мне, то ли окну. - Проведут пару лекций на неделе, присмотрятся к ученикам. Если среди них завелись недавно инициированные - их не пропустят.

Хорошо. Судя по тому, что рассказала Хлоя, вариант с одноклассником правдоподобен. Натан с Артуром много врагов в школе успели нажить, кого-то совсем достали. Этот кто-то вместе с даром получил бы и возможность отомстить - напугать от души, раз их все боялись. Заодно ясно, почему Натану досталось больше, как главному в тандеме. Это если убийство непреднамеренное. А если нет...

- Расскажи про Шанталь Берг.

Маэва оторвалась от окна. В обычно спокойном, годами отрепетированном взгляде мелькнуло беспокойство. Хватило, чтобы понять - проблема была, и запомнилась.

- Феликс, - произнесла она утомленно, - ну, зачем опять? Пора уже оставить в покое все, что связано с...

- Она мать умершего мальчика.

- Адам умер?...

- Нет, старший.

- Вот как... Послушай, никакого отношения та история к вашему расследованию не имеет. - Маэва убрала блокнот в ящик стола и помедлила, явно подбирая слова. Все считают, что стоит только упомянуть Елену, как у меня сразу срыв, агрессия и неадекватные реакции. Год с того случая прошел, никак забыть не могут. - Елена долго занималась с Адамом, прогресса не было. Она решила, причина в брате, что тот младшего тайком от родителей изошренно доводит. Вывод озвучила его матери. Получился конфликт со всеми вытекающими последствиями. Я запретила Елене лезть в это, и извинилась перед Шанталь.

- Ты?

- Дорман попросил уладить вопрос, я уладила.

Уладила... Адам остался один на один со своим братцем, который превратился в полного отморозка. Зато никаких конфликтов.

Вдох, выдох, кивок - он же на прощание. За дверью вжималась в диван Хлоя, лампочки на потолке светили раздражающе ярко. Извилистый коридор, два поворота, узкая комната с круглым диваном, стопкой пепельниц на столе и окном во всю стену. После первой сигареты стало легче, но четвертая была лишней. Впрочем, думалось с ней лучше. Спокойнее.

Несмотря на более чем мирный и уступчивый характер, Елена могла быть и другой. Иногда, в качестве исключения. Такое уже случалось, на моей памяти - дважды.

Пара встреч в библиотеке, несколько - на факультете, и ее курсовую я изучил от и до. Приезжать в Лозанну по идее стало незачем, но поездки реже не стали. Елена говорила очень тихо, постоянно краснела, и на людях смущалась даже за руку держаться. Словно была вообще не отсюда, и ее случайно машиной времени занесло. Мягкие жесты, улыбки и свитера. Совсем несладкие яблоки, которые она грызла, когда волновалась, а волновалась часто. Увлечение чтением каких угодно букв, в том числе с вывесок, афиш и объявлений, делало ее осведомленной обо всех мероприятиях в округе. Парки, театры, музеи - Елене хотелось побывать везде, но непременно со мной, потому что «иначе

неинтересно». В клубы тоже ходили, но реже, поскольку все неизменно заканчивалось одинаково – она пряталась где-нибудь в укромном углу, или подбивала уйти, дыша мне в ухо и сокрушаясь, что мешает «веселиться».

Через год Елена приехала в Женеву на каникулы, с намерением обойти местные парки и познакомить меня с папой, который «всегда страшно занят, и живет как раз здесь». Встреча в ресторане обещала быть скучной формальностью. Вышло иначе. Оказалось, что с папой мы... знакомы. Леон Дорман сидел напротив, терзая вилкой стейк, и от бывшего одобрения, с которым он на меня смотрел на совещаниях, не осталось и следа. Елена удивлялась: «Надо же, как тесен мир – вы вместе работаете». Тесен. Мне и в голову не могло прийти, что она имеет какое-то отношение к Дорману, даже фамилия не настораживала – не настолько редкая. А о фонде мы не говорили, к слову не пришлось. Потом, в офисе, недовольный папа вежливо намекнул, что девушек вокруг много, а дочь у него одна. Нечего ей делать рядом с эсперами и личностями с ними связанными, включая сотрудников Совета, и знать о чем-либо. Следующий разговор был менее вежливым, последний – за гранью деловой этики.

Под конец каникул, глубокой ночью, примчалась Елена. С дорожной сумкой и изгрызенным до хвостика яблоком. Заявила, что временно бросает университет и идет работать, а сейчас переночевать бы где-нибудь. Пока я выспрашивал, что стряслось, у нее зазвонил телефон. Пытавшийся разыскать Елену Дорман огреб категоричных ответов, что впредь не надо платить за ее квартиру и учебу, поэтому и навязывать, с кем встречаться, тоже не надо. Но шокировало не это, а тон и подобранные ею выражения. Елена, которая боялась и слово резкое произнести или голос повысить, уступая всем, лишь бы не ссориться, разошлась так, что трубка улетела в стену.

Проснулся и выполз Ланс, в пижаме и гневе. Правила-то в доме было всего два – от работы его не отвлекать и по ночам не шуметь. Узнав, кто пожаловал, и в чем дело, он озадаченно потер очки. Два раза сказал: «М-да», и больше ничего. В отличие от меня, ему всегда было известно, как выглядит дочь Дормана... Решили с ней найти вместе квартиру в Лозанне, ездить туда я уже привык. А университет бросать лишнее, у меня-то работа есть. Елена успокаивалась долго, отвлекаясь лишь на подсунутый чай и попытки высмотреть, что же в моей комнате моего. Кажется, ожидала увидеть какую-нибудь любимую кружку, альбом с фотографиями, прищипленную к монитору записку, смятую квитанцию в углу и прочую личную ерунду, а не стол, заваленный учебниками по иностранным языкам, вплоть до самых экзотических.

А утром явился Дорман, который авторитарность куда-то припрятал, благополучно помирился с Еленой и увез домой. Она вернулась в Лозанну, и все стало как раньше – относительно, теперь на совещаниях ее отец в мою сторону не смотрел вовсе.

Второй раз был после переезда в новый дом. Навалилась череда командировок, за месяц ни свободного дня. Елена часто звонила, рассказывала о затейной перепланировке сада и о том, что соседская дочка-старшеклассница Аманда повадилась перелезать между прутьями общего забора и сидеть в нашем дворе с книжкой. Думали, что-нибудь эдакое тайком читает, оказалось – уроки учит. Пару раз ее застукала, помогла с домашним заданием, подружались. Аманда продолжила просачиваться во двор, охотно возилась за компанию в саду, но просила ее родителям ничего не говорить. Елена поначалу грешила на подростковый возраст и недопонимание в семье, потом поведение гостьи стало настораживать. Та обучалась дома, с ровесниками не общалась, куталась в закрытый свитер при любой погоде, могла ни с того ни сего расплакаться и практически не ела. Разговоры о девочке вдруг прекратились, будто забор сделали глухим. Я и не спрашивал. В конце месяца вернулся, а дома впервые никто не встречает, на крыльце не караулит, на шее не виснет. Пустой холл и тишина. Доездила – мелькнула мысль. Из гостиной донеслись голоса – Елены и незнакомый женский, срывающийся на визг. Женщина кричала, что дети многое выдумывают, особенно психически нездоровые, ее муж бы подобного никогда не сделал, а у некоторых нет никакого права вмешиваться в чужую жизнь и выдвигать дикие обвинения. Социальных работников натравливать, репутацию портить. Елена ледяным, совсем не своим тоном отвечала, что репутация – меньшая из их проблем, и дело обязательно дойдет до суда, где и поговорят о правах. В гостиной что-то упало, женщина уже не кричала – шипела, что лучше кому-то забрать заявление, иначе пожалеет. Можно сказать, с соседкой я познакомился – выставил за ворота.

Выяснилось, что недавно Аманда призналась, почему убегает из дома. История была

мерзкой, даже для Елены после стольких лет работы в фонде. Обратилась куда только можно и девочку уговорила всем открыть правду. Поверили не все – ребенок с детства «со странностями», родители люди уважаемые, влиятельные, и пользоваться этим не стеснялись. Расследование было напряженным, пассажи от соседей – порой угрожающими. Елена оказалась непреклонна, дошла до высших инстанций. В итоге удалось доказать, что девочка вменяемая, чего не скажешь об ее отце. Отправился далеко и надолго, мать лишили родительских прав, а Аманда уехала жить к бабушке. Связь они поддерживали все следующие годы, вплоть до...

И вот теперь Адам. Талант у нее был находить такие случаи.

Комнату заполнял дым, окурок жег пальцы. Улетел в пепельницу к горстке остальных. Перебор. По всем пунктам. Шаг к окну, осторожный вдох. В кармане ожил телефон.

– Монти с чего-то психанул, – сбивающимся голосом сообщил его куратор. – Забрался на крышу своего дома, грозит прыгнуть.

Фредерик Монти – почетный работник автосалона, по понятным причинам способный впарить любую колымагу по баснословной цене. Дар средний, наглость выше терпимого. С виду безобидный толстяк, в том возрасте, когда от матери пора бы съехать. Безобидность его обманчивая – одно предупреждение уже есть, за чрезмерное, и к тому же кривое влияние на клиента, который вместо навязываемой покупки половину салона разнес.

– Проблемой меньше станет, – отметил я.

– С ним мать. И перед домом народ собирается.

А это плохо. Пока он будет лететь башкой вниз, кого-нибудь своим суицидальным настроением шарахнет. Или еще чем похуже.

– Скоро буду.

Нужный дом находился в пяти минутах езды, набор для чрезвычайных ситуаций неизменно лежал в машине. Рецепт достался от незабвенного Александра Норда, которому тогда повезло скончаться до нашего приезда. Неизвестно, как он дошел до того, чтобы все эти препараты в правильных дозах смешать, но на эсперах работало безотказно – отключались мгновенно, и безо всякого остаточного действия ментальной силы. Формулу чуть изменили, после нее очухивались быстрее. Шприц был в кармане, перед подъездом волновалась толпа зевак. На крыше четвертого этажа мелькала тучная фигура, буйно размахивая руками. Так он прыгает или пытается взлететь? Обыкновенная истерика с сопутствующим шоу... Люди охали, стоило ему приблизиться к краю, и с облегчением вздыхали, едва он отходил. Полиция, скорая, служба спасения и прочие наверняка в пути.

Вдалеке показались машины узнаваемой расцветки, на телефон пришло сообщение от куратора этого психа: «Крыша общая, Монти у среднего выхода». Во внутреннем дворе было безлюдно, что неудивительно – все перебежали на другую сторону, оттуда лучше наблюдать за полетом. Старый дом, камер минимум. Домофон впустил в подъезд по стандартному коду, через четыре пролета встретила решетка с разваленным надвое замком. Лестница вывела на чердак, окно – наружу. Покатая крыша, редкий забор антенн, ряды чердачных «домиков».

Монти метался между антенной и бортиком крыши, явно не зная, куда себя деть. У стены соседнего «домика» причитала его мать. «Милый, все наладится» – «Нет-нет, ты не понимаешь, ни за что»... Из реплик сложилась общая картина – его поперли с работы, за второго устроившего скандал клиента, а он мог развернуться, так развернуться... Придурок. Мало ему первого раза было? Мать разразилась слезами и утешительной речью, но неожиданно замолчала, на половине фразы и съехала по стенке. Точно придурок.

Я нарочито громко чиркнул спичкой, прикурил. Монти обернулся. Остолбенел и выдал:

– Ой.

Их послушать, именно так меня и зовут.

- Я прыгну! - Он выразительно покосился на бортик в нескольких метрах от себя. То ли пообещал, то ли пригрозил.

- Что-то долго возишься. Ждать устали.

Судя по мелькнувшему на откормленной физиономии замешательству, и не дождемся. Хотя убиться - лучшее, что он может в своей жизни сделать. Ладно... Глубокая затычка, выпущенный дым. Храним спокойствие, выбираем подходящий момент. Снизу из громкоговорителя прилетело его имя. Подъехали, время пошло на минуты.

- Прыгать будешь или как?

Монти сглотнул. Почти ответ. Кто-то делает, а кто-то об этом болтает. Еще одна затычка, движение вдоль стены, цель ближе. Рванул ветер, антенна вздрогнула.

- Помочь? - поинтересовался я.

Он инстинктивно попятился прочь от края. Расстояния хватило. Резкий шаг вперед, отброшенная сигарета. Рывком за шиворот этого идиота, и к стене. Пожалуй, сильнее приложил, чем следовало. Переживет. Пришлось полную дозу вкатить, на его-то вес. Сполз рядом с матерью, вполне смирный. Та тут же распахнула глаза.

- Вы из службы спасения? - спросила с сомнением, еле сфокусировав взгляд. - А почему без формы?...

- Внештатно работаю.

Она растерянно моргнула и, крепко зажмурившись, тряхнула головой. Обычная реакция, когда пытаются избавиться от темноты, которая только что якобы мерещилась. Вылет из Лектума на волю получился грубым, но в данной ситуации допустимо. Спишет на стресс. Ей еще повезло: если у тебя такое родилось, шансы на долгую и счастливую жизнь небольшие. Статистика.

Я направился обратно к чердаку, откуда пришел, бросив напоследок:

- Не двигайтесь. И его тоже трясать не нужно. Сейчас вас отсюда заберут.

Я уже спускался по лестнице, как стукнула дверь соседнего «домика», раздались топот и голоса, снизу - радостные возгласы толпы. Монти никого не угрожит ни сейчас, ни по пути в больницу, ни в больнице. С остальным его куратор разберется. Воспитательные беседы проводить и лепить предупреждения не мое дело. Вот после пятого поговорим.

Зазвонил телефон.

- Угадай, что я выяснила! - произнесла нараспев Анита.

- Не лучший день для загадок.

- У меня все в порядке, долетели без приключений, - она мигом посерьезнела. - Слышала, Маэва в бешенстве...

- Пришли ей подробный отчет, успокоится.

- Как раз пишу. Сопоставляю новые факты со старыми, путаюсь немного. Все предстало в новом свете! Ритуал - действительно переброс энергии между Потоком и реальностью, - Анита грустно усмехнулась, - но не тот, о котором я думала. Никакую силу заграничная пятерка не поставляет. Сами являются, лично. Через тех, кто в ловушку попал.

- Зачем оно им?

- Охотятся на некую девочку с супердаром, которая их может в порошок стереть. Если успеет вырасти.

Очевидно, пока не успевала.

- Допишу, расскажу подробнее.

На том и попрощались. Вспомнился другой телефонный разговор, недавний. Что там Хансен говорил про ловушку и того очнувшегося... «Только это был не он».

Совпадение?

Глава 7

Невесомо-прозрачная штора пропускала утреннее солнце, словно ее и не было, косой луч медленно наползал на книжную полку. «Доставляя счастье», «Успех без стратегии», «Слон на танцполе» – удивительно, как он туда поместился... Дальше буквы на корешках не разобрать – слепило, россыпь горящих лампочек на потолке лишь добавляла света. Неуютный простор, под стать разговору. Я отпила чай, устроилась поудобнее на гладком холодном диване. Кира по-прежнему сидела рядом и ошеломленно моргала сквозь очки. Даже ромашки на ее пижаме излучали недоумение. Но отступать поздно – сказанные пару минут назад слова обратно не вернешь.

– Хм, – наконец отозвалась она. – Ничего себе новости!

– Хочу выяснить, что можно с этим сделать, – сказала я, борясь с диким желанием отвести глаза. Кира бросила в рот конфету и аккуратно свернула фантик. – Извини, что обращаюсь именно к тебе... У меня больше нет знакомых юристов, а посторонним не представляю как объяснить.

– Отчего же, – она склонила голову набок и затянула голосом нищих из перехода: – Помогите вернуть моей больной на всю голову и не только, недавно подозреваемой в терроризме, а перед этим четыре года пускающей слюни в психушке подруге гражданскую дееспособность, чтобы ее выпустили домой готовиться воспитывать нового члена общества.

Грубо... Но имеет право. Это с моей стороны невероятная наглость просить помощи. Я выдохнула, пригубила чай. И сделала лучшее, что могла. Промолчала.

– Ладно. – Кира посмотрела на сложенный фантик в своей руке, поморщилась и бросила его на стол. – Сама я не специалист в этой области. Спрошу кое у кого, подскажет.

Я кивнула, боясь, что любой ответ все испортит. Конечно, она не специалист, но полезных связей у нее полно.

– Лейка, я тебе и безо всяких практикующих гениев скажу. – Шок у Киры прошел, а раздражение осталось. – Совет ее крепко за задницу держит, раз сюда привез. Все факты из Сониного прошлого играют против вас. Лучше не дергаться, ей-богу.

– Мне нужны варианты, – твердо сказала я, – на всякий случай. Чтобы подготовиться.

– Случая лучше не допускать, мирно решить вопрос. Уверена, шанс дадут. Они ее не заперли неизвестно где, тебя пустили. Не такое уж хреновое положение. Могло быть хуже. И может быть хуже. Ты ведь понимаешь, им твое вмешательство не понравится.

Да, она во многом права. Но после нашего с Анитой вчерашнего разговора и ее интереса к Вестникам... Артема я Совету не выдам, поэтому не стоит надеяться на благополучное сотрудничество. Впрочем, Кира сказала, что все выяснит.

– Роман уже на работе? – я поспешно сменила тему.

– Вся жизнь господина Саутина там, на работе, – фыркнула Кира. – Завалило, погребло.

– Проблемы? – Остро почувствовался звон натянутых до предела нервов. – Все еще не привык к... тому, что узнал?

– Ну, он очень старается. – Очередная конфета с громким шуршанием лишилась фольги. – Может, наладится.

– Обязательно! Влад поначалу тоже переживал. Пообещала ему не подсматривать его мысли – успокоился.

– О, поверь, – Кира смяла кусок фольги в тугой шарик и швырнула мимо вазы, – у меня подсмотреть и не получится.

Я уткнулась в чашку. Черт! Раз не получится, значит, барьер мешает. Роман ей не доверяет. А раньше у них все было замечательно, сплошь улыбки и теплота счастья. Пока Соня не вмешалась, не сказала ему про дар. Да что там сказала –

продемонстрировала, с самой неприглядной стороны. А я с просьбами насчет нее явилась. Что тут говорить, отличная была идея!

– Времени-то ого-го! – Кира вскочила с дивана и потянулась. – Мне пора на работу собираться. Денек предстоит адовый!

– У тебя что-то случилось? – спохватилась я.

– Да так, – она нервно хихикнула, – Лессер, если ты его еще помнишь, недавно очухался. Просто массовое восстание психов! А ведь не сезон. Навел через адвоката шороху, требует пересмотра дела, обещает доказать, что Зорьева не трогал. На меня стрелки переводит. Типа я ему мозг вынула, и Зорьева убила тоже я, одержимая ритуалами для обретения силы. В голове слякоть, а это, гад, помнит... Я бы не заморачивалась, тоже мне, вопли из психушки, но журналисты пронюхали. Такой визг подняли. Они, заразы, еще с того года ко мне страстной любовью воспылали... Теперь Совет жаждет со мной по этому поводу пообщаться. Как раз сегодня после обеда.

Пространство сжалось. Будто не квартира, а кладовка. Тесно, дышать тяжело... Конечно, Лессера я помнила. И найденное в библиотеке тело, и чудом выжившую Киру, к которой не успела вовремя. Прошлой зимой он убил трех клиентов ее юридической компании, которые одновременно были членами вип-клуба Сигмеон-банка. Очень смахивало на ритуал, а оказалось – последствия финансовых махинаций. Черт! Думала, что хотя бы этот кошмар позади!

– Могу чем-то помочь?

– Вряд ли. – Она смерила меня долгим, внимательным взглядом. – На моей памяти в Совет тебя ни разу не вызывали, не прикапывались и условий не ставили. Шульц вообще делает вид, что ты не существуешь.

– А кто это?

– Пожалуйста! Что и требовалось доказать.

Кира взглянула на часы, ойкнула и умчалась переодеваться за ширму. Оттуда донеслось:

– Шульц – это глава русского филиала, редкостный говнюк. Во все лезет, много кривляется и пафосно командует. Очень жду, когда его наконец разорвет от собственной важности, но пока что-то никак. – Из-за ширмы выглянуло любопытное Кирино лицо. – Признавайся, он тебя боится, что ли?

Я пожала плечами. Если я его когда-то и напугала, то совершенно этого не помню.

За ширмой что-то падало и шуршало, раздавалось чертыханье. Глубокий вдох, телефон в руке, набранный номер. Сознание царапало каждым гудком, неожиданное «Да?» из трубки заставило вздрогнуть. После наших недавних откровений Анита легко могла не ответить на звонок.

– Мы вчера договаривались, – тихо пробормотала я, – что привезу Соне вещей.

– Ага, – как ни в чем не бывало сказала она. – Через два часа удобно будет?

– Да...

– Подъезжай, встретимся в холле клиники.

Я растерялась, Анита сочла мое молчание концом разговора и повесила трубку. Ну и ну!

Дверь за мной Кира закрывала уже в строгом деловом костюме, на ходу расправляя кудри каким-то хитрым устройством. Зачем – не призналась...

На улицу я вышла не сразу, задержалась в пустом холле первого этажа. Огляделась. Никого с даром близости, кроме Киры. Хорошо, приветов из-за границы пока не предвидится! Но куда теперь? Ехать в Сонину квартиру бессмысленно, одежда из любимого шкафа ей с осени не по размеру, да и не успеваю.

Такси привезло к торговому центру – маленькому, полчаса вполне можно было

продержаться без обморока. Я обошла оба этажа вдоль и поперек, магазин за магазином. Размер знала примерно, вкусы Сони – точно. Сама бы я жизни такое не надела... Но то, что для меня чересчур, на ней смотрится как родное. Набрала полную сумку, вместительную и тоже новую. Красное, шелковое, летящее. Блестящие узоры, глубокие вырезы. И плевать, что отнюдь не больничного вида. Того добра ей и без меня выдадут! С обувью было сложнее – высокие каблуки-то лишние. Зато пальто попалося идеальное, ярко-голубое, под цвет глаз. Нижнее белье, в котором помирать определенно рано, всякое по мелочи, и готово. Перед тем как уйти, я зачем-то заглянула в магазин игрушек и прихватила с полки снежный шар. Впервые видела, чтобы внутрь него посадили бабочку. Невероятно пеструю бабочку с впечатляющим размахом крыльев, снег ей был нипочем. Как и любая встряска...

До холла я тащила сумку, жалея, что не купила вместо нее чемодан. На колесиках. Анита ждала меня перед регистратурой. В розовом «вырви глаз» вязаном платье, со знакомыми цветными прядками в волосах и большим кружевным бантом на макушке. Что за?...

– Привет-привет, – защебетала она, излучая искрометную радость по абсолютно непонятному мне поводу. – Ух ты, а у меня похожая сумка есть, только не в полоску, а с ушастыми жирафами! И у них шеи сердечками изогнуты. По-настоящему они так, конечно, не умеют...

Я замерла, пальцы невольно разжались. Сумка бухнулась под ноги.

– Тяжелая? – с любопытством спросила Анита, подхватив ее с такой легкостью, будто там и близко не было всего того, что я усердно напихала, еле застегнув. – Раздевайся, сейчас пропуск выдадут.

Я кивнула и побрела к гардеробу. Она что, издевается?! Или у нее провалы в памяти?

Возвращаться в холл не очень хотелось, решительно не понимала, что происходит. А ведь, думала, что морально ко всему подготовилась... Оказалось, ко всему, кроме этого! Фальши в улыбках Аниты не проскальзывало ни на грамм, сплошное вопиющее дружелюбие. С чего бы?... Впрочем, доверять ее порывам чувств не стоит. Энергетический иммунитет – не только бонус, но и следствие мощного удара по психике. На эмоциях отражается в первую очередь, не самым здоровым образом. А уж кого на чем клинит... Она вот умеет впадать в пугающий детский восторг.

Гостевой пропуск Анита мне вручила вместе с сумкой и, не меняя тона, сказала, что в обед у Сони очередное обследование, а до того все время наше. Почти полтора часа. Поднимаясь в лифте на верхний этаж, я поправляла перед зеркалом шарф, прикрывающий вчерашнюю рану на шее, и никак не могла выкинуть из головы дурацких жирафов. У любой радости есть причина, как ни крути. Что если мой визит сюда Совету действительно нужен? Телефоны прослушивать не стесняются, что мешает делать то же самое с палатой? Разговор со мной Аните ничего не дал, а Соне я могу что-нибудь да выболтать. Пока шла к ее двери в конце коридора, лихорадочно вспоминала, не ляпнула ли вчера лишнего. По-моему, нет... Черт! Надо быть осторожнее.

Соня сидела на застеленной кровати, держа на коленях вазу с фруктами, и уныло втыкала в яблоко зубочистки. Ежик получался грустным, отчасти благодаря надкусанному боку.

– О... – Она зашвырнула измученное яблоко в вазу и с предвкушением кивнула на сумку. – Это мне, мне?

Настроение, серое, как ее халат, моментально поползло вверх. Я водрузила сумку на кровать, Сонины цепкие пальчики мгновенно расстегнули молнию. Раздался близкий к экстазу писк, на постель посыпались обновки. Одна за другой, после тщательного осмотра и ощупывания. Горка росла, а я все больше озадачивалась – как все это влезло в сумку?... Неудивительно, что еле дотащила.

– Жизнь налаживается! – Соня рухнула поверх вороха одежды и растерзанных коробок. Довольно потянулась, достала из оттопыренного кармана сумки последнее – шар. – Ух ты... Миленько.

Она от души его встряхнула, бабочка тут же попала в эпицентр снежной бури.

– А я вчера теснее пообщалась с твоим... – я перевела дыхание, заставив себя ограничиться лишь одним словом: – Арсением.

Соня аккуратно пристроила шар в вазу с фруктами.

– Очень интересно узнать, – произнесла я, цепляясь за остатки самообладания, – как вы познакомились?

– Случайно...

– С подробностями, пожалуйста!

– Лейка... – укоризненно протянула она. – Ты заставляешь меня краснеть... Ладно, слушай. Осенью, когда в бегах была, искала, где переночевать, он удачно подвернулся. В вемовском баре, такая няша-стесняша, обнять и плакать. Уехали вместе к нему домой. Думала, утром смотаюсь, и прощай. Но мальчик оказался затейлив...

Рассказ резко свернул не в те дебри и стал в разы красочнее. Посыпалось такое, что захотелось заткнуть уши. Я это и сделала. Не помогло. Соня придвинулась ближе и томным голосом продолжила посвящать в то, что к делу отношения не имело. Совершенно никакого!

– А ну прекрати... – не выдержала я и бросила в нее нащупанным на кровати свитером.

– Ты же сама просила с подробностями, – Соня невинно моргнула ресницами, поймав его налету. – Я только начала...

– Нет-нет! Хватит. Горшочек, не вари!

– Ладно, – примирительно хихикнула она и куда серьезнее добавила: – В общем, ничего я не знала и не планировала. Сама сильно удивилась потом...

Значит, Соня не подозревала, кто перед ней? Вот гад! Соблазнитель доморощенный! Мы метались по всему глубокому Лектуму, искали способ их энергетическую связь разорвать, а это было попросту невозможно. Представляю, как Тео над нами угорал! Мало я на него тогда потолка уронила...

Следующий час Соня примеряла вещь за вещь, а я крутилась рядом, держа снятое со стены ванной зеркало. Вид у нее стал уже не такой бледный, хотя энергия отсвечивала еле-еле. Красное ей шло, глаза привычно блестели, даже румянец появился. Кое-что оказалось немного велико, но Соня не отдала, чтобы вернуть в магазин, сказала «на вырост». Шутница...

Когда вся одежда перекочевала в шкаф, я решила задать тот самый вопрос:

– И все-таки, что нужно Тео?

– Если идти дальше малиновых йогуртов и того, о чем ты отказалась слушать, то понятия не имею.

– За кого он?

– За себя, – она задумчиво расправила ярко-красную юбку, которую категорически отказалась снимать, – все они только за себя. Цели совпали – хорошо, но щелкать клювом не стоит. Нельзя забывать, с кем имеешь дело. Им по пять тысяч лет, мы для них – даже не дети малые. Хотя было бы чем гордиться... Прожить сотни жизней, а полноценно – ни одной.

Я пристроила сапоги из коробки на нижнюю полку, закрыла дверцу шкафа. Воздух пропитывался странной терпкой тоской, в вазе переливался шар, лежа по соседству с яблочным ежиком, напигованным зубочистками.

– Ты ему доверяла, – напомнила я. – Не просто так ведь.

– Ну... – Она встала с кровати, осторожно крутанулась вокруг своей оси, глядя на

взметнувшуюся солнцем юбку, и довольно улыбнулась. – Помнишь, я говорила, что Тео из всех пятерых самый адекватный? Не фыркай! В нем единственном проскакивало... человеческое, что ли. Нелогичное, на эмоциях. У остальных – считай, по нулям. Трезвый расчет, равнодушие и приросшая к морде маска, давно ими выбранная. А у него как-то отваливалась...

– Жуткое, наверное, зрелище, – все же фыркнула я.

– А то! Стриптиз...

Я снова заткнула уши и твердо решила – ничего больше про него спрашивать не буду. Никогда!

Полтора часов оказалось катастрофически мало – раз, и пролетели. Уходила я с ответами, но при этом еще сильнее запутавшись. Чертов Тео с его нелогичным поведением! В любом случае финал предопределен. Либо мы их, либо они нас... Третьего не дано. И ждать осталось недолго.

Аниты в холле уже не было. Просто гора с плеч... Хватит с меня ее банта и дружелюбных интонаций. Топор в руках и то бы меньше напрягал! И в неискренности ее не упрекнешь, каждая улыбка настоящая. Неужели довольна нашим последним разговором? Что в их Совете происходит вообще?!

Прежде чем вызывать такси, я внимательно осмотрела окрестности в поисках приметных энергетических отпечатков – улицу за улицей, ближайшие дома и далекие, насколько позволяла концентрация. Нашла одного человека с даром, слабым. Что если опять?... Потребовала такси прямо к подъезду и всю дорогу до дома проверяла, не ползет ли отпечаток за мной. Не полз. Может, это и параноя, но... Когда Крис примется выполнять свои обещания – вопрос времени, и только. Я непозволительно сгруппировалась вчера! Наверняка он понятия не имел, с кем живу, и есть ли мне до них дело. А я себя выдала с потрохами. Теперь все, кто находится рядом со мной, в опасности. Особенно Зоревы, а им и защититься-то нечем!

Расчищенный от снега двор выглядел безмятежно тихим. Мощеная дорожка между запорошенных клумб, накрытые до весны чехлом качели, покатая лестница крыльца. Ни следа нависших над обитателями дома угроз. Помимо яркой энергии Артема, отсвечивала и другая – знакомая и необыкновенно теплая. Влад. Ровно к обеду заглянул! В гостиной царил настоящая идиллия: оба возились с огромным однотонным пазлом во весь стол, сосредоточенно хрустя печеньем. Судя по собранной целиком рамке и крошкам на ковре – хрустели давно. Картинка на коробке пазла обещала морской пейзаж: две сливающиеся плоскости, незримо разделенные линией горизонта. Удивительно... Где же анимешные монстры, звездолеты или, на худой конец, разрастающийся ядерный гриб?

– Эту картинку собрать сложнее, – заявил Артем.

– Мы любим трудности! – Влад навис над столом, придирчиво перебирая детали. – Присоединяйся.

К верхней рамке прицепилась вторая, третья, четвертая. И действительно подходили! Идентичные на вид куски превращались в живописную полоску неба с чернильными переливами синего цвета.

– Молодец, – похвалила я. – Быстро их находишь.

– Это особый дар, – гордо выпрямился он. – Дается лишь избранным. Тебе кажется, что они одинаковые, но...

– Помню-помню. Оттенки разные.

Влад картинно щелкнул пальцами, Артем прыснул, ненароком сдвиг со стола пару деталей. Ойкнул и только потянулся их поднимать, как зазвонил телефон.

– Мама, – вздохнул он.

Схватил трубку и понесся за дверь. Я обшарила ковер, собрала улетевшие детали и

аккуратно разложила вокруг рамки. Синюю, синюю и... чуть менее синюю. И они хотят это собрать?!

– Да-да, конечно, пообедал, – донеслось из коридора.

Врет, и не краснеет!

– Кстати, насчет всяких там сил, – Влад придвинулся ко мне и перешел на шепот: – Я его снова вижу.

– Кого?...

– Того типа заграничного. Который почти незаметно светится.

В горле запершило, разобрал смех. Нехороший, нервный. Влад округлил глаза.

– Уже встретились, – пояснила я. Лучше бы Криса вчера приметил, чем сегодня Тео-Арсения. – Неважно. Это Сонин тип, забудь о нем пока что.

Глаза у Влада сделались еще круглее. На мгновение. Затем он странно прищурился, отложил очередной фрагмент неба. Его пальцы ухватились за край моего шарфа, потянули на себя. Среагировала поздно...

– Какого... – возмутилась я, ловя соскользнувшую с шеи ткань.

– Такого, – буркнул он, отдернув руку. Пялился прицельно туда, где все еще ощутимо саднило. Да уж, это художество ни разу не похоже на последствия классического падения с лестницы... – Это он?

Надо кофту с закрытым горлом найти. И поплотнее.

– Нет. – Я намотала шарф обратно. – Другой.

– Когда?...

– Вчера утром. Обошлось малой кровью, честное слово.

– А я таблетками от головной боли закинулся и уснул, – произнес Влад так тихо, что едва расслышала. – Проворонил...

– Брось, – отмахнулась я. – Мне и самой следовало быть внимательнее. Здесь все замки запираю, сигнализацию включаю, а на улице расслабилась. Ты не можешь караулить их круглосуточно.

– Могу, – упрямо возразил он. – И буду. Если бы я тебя предупредил...

– Забывать отдыхать – скверно. В нужный момент толку от тебя не будет. А ты единственный, кто способен их силу нейтрализовать.

– Давай договоримся. – Влад поднял на меня взгляд, в котором и следа привычной дурашливости не было. – Едешь куда-то – звонишь мне. Я прослежу, бегают ли рядом эти бессмертные уроды. Хоть днем, хоть ночью. Я отпуск взял. Все равно не работается с этими световыми вспышками, гулом в ушах и прочими глюками...

– Добро пожаловать в клуб!

Он густо заискрился счастьем. Ох...

– Договорились? – настойчиво повторил Влад. – Если что – приеду. Без своей суперсилы они всяко уязвимее. И вообще не такие уж бессмертные.

Перед глазами встал чертов переулок, грязно-багровый снег. Ощущение беспомощности, подкатывающий к горлу страх. Я через силу кивнула, Влад осторожно похлопал меня по спине. Сама не поняла, как уткнулась носом в его плечо. Стало хорошо. Тепло. Даже спокойно, пусть и всего на секунду.

– Уф, ура, отвязался... – прилетело бойкое от двери.

Я отлепилась от Влада, стараясь немедленно взять себя в руки. Расклеилась тут! Артем хитро улыбнулся и попятился назад в коридор.

– Это самое, – выпалил он, – вспомнил. Мне надо бабушке позвонить!

– Иди пазл собирать, – хмыкнул Влад. – Халтурщики, все я один должен делать, что ли...

Сборка пазла шла полным ходом. В глазах рябило, детали сливались в сплошное синее пятно. Ничего друг к другу не лепилось, как только не крутила. Влад увлеченно рылся в этих кусочках целого, собирая все новые и новые части картинки, Артем ненамного отставал. Кто здесь слабое звено, вопросов не возникало... Но почему-то было весело. В кои-то веки отыскала вполне подходящий к рамочке фрагмент. Нажимала, нажимала – не вставился. Ни в какую! Эти двое давились смехом и предлагали принести молоток. Потом отобрали деталь и поставили куда положено. Надо же, совсем рядом ее место было! Пришла Нина. Жаловалась, что долго возилась со всеми замками и посоветовала мне дом колючей проволокой обнести. Хорошая идея...

После Влада остался собранный контур пазла с зияющей посередине пустотой, и ни капли не радующее чувство уединения. К Артему пришел репетитор, на этот раз по французскому языку. Лишь первый в плотном расписании на сегодня. С верхнего этажа доносился их малопонятный бубнеж, разбавленный звуками включенного Ниной телевизора. Все при деле.

Я создала хотя бы иллюзию порядка, менее размашисто разложив детали пазла, под столом глянцево блеснула еще одна – кем-то оброненная и забытая. Рука потянулась за ней, резко бросило в жар. Фрагмент неба, а может и моря, вспыхнул огненно-красным и отдалился. Сзади сомкнулась душная темнота, ковер зарябил. Искрами, дымом, танцем пламени...

...горизонт пылает, небо давит чернотой. Огонь ближе и ближе. Обступают дома-костры, дышать нечем. В локоть впиваются ногти, тянут прочь.

– Не пройдем, – шепот Иллит сливается с нарастающим треском, теряется в нем, чтобы спустя мгновение найтись в моей голове: – Куда теперь?

– Река, – там же отзывается Кама. Отрешенно, будто не цепляется за мою руку здесь, посреди огненной ловушки.

– Единственный путь, – вдыхаю через мокрую тряпку раскаленный воздух, мутит.

Назад, решено. Сквозь жар, не оглядываясь. Всюду ярко, сыплются искры. Клубы дыма, крики вдалеке. Не слушаю. Нас трое, и точка.

– Она всех убьет. – Кама кашляет. – Все равно убьет. Может, лучше так?...

– Глупости говоришь, – упрекаю я, толкая ее вперед.

Улица за улицей, дым до неба. Не думать, бежать. Едкое марево, опаляющая боль. Минуты, которые потом выкинешь из памяти. Вот – пылающий берег, вода черная, под стать небу. Что лодки, что причал, все одно. Стена огня.

– Наверх и прыгать, – команду из последних сил.

Очертания каменного моста нависают громадой. Набережная тает, ее слизывает огнем. В глазах слезы, горло раздирает кашлем. Это дар, что слова без надобности, их бы и не вышло...

– Еще варианты? – Кама зажмуривается, вязко липнет страх.

– Сгореть или задохнуться.

– Вниз! – оглушает Иллит.

Успеваю рухнуть на пол. Грохот, столп искр. Запястье жжет, каждый вдох – мучение. В ногах воеет Кама, зато жива. Спешу за Иллит, к цели. Ползком, наощупь,

задерживая дыхание. Мгновения рассыпаются, громоздятся друг на друга. Не цепочка, каша. Боль пульсирует, множится. Терпеть! На мост перекидывается пламя, преследует. Наконец высота. Обоих за перила, оцепеневшая Кама улетает с полпинка – не до уговоров! Лезу туда же, шаг. Вода... Мутная, затягивающая. Холод сковывает, мешает. То ли плыву, то ли тоню. Чувствую, берег рядом... За шиворот хватают неласково, воздух душит чистотой. Камни жесткие, глаза щиплет.

– Выбрались, – констатируют сверху.

Узнаю голос и свечение – теплое, сильное. Разлепить веки тяжело, но справляюсь. Эдон смотрит испуганно, и я не помню за ним подобного прежде. Берег тоже полон страхом, пронизан весь. Огонь пылает на той стороне. Сплошная грязно-желтая полоса. Всюду крики, гам. Зевак и погорельцев набилось бесчисленно. Рука до локтя будто и не моя, Кама виснет на Тео, сама идти не может. У Иллит дела хуже... Но не нам жаловаться сейчас.

– Сколько нас? – вырывается.

– С вами десять, – произносит Эдон тихо-тихо.

Половина... Не хочу спрашивать, кто именно. Не спрашиваю.

– Это она устроила? – Тео кивает на берег, с любопытством и сомнением.

Кама мотает головой. Единственное, на что ее хватает.

– Нет. Лайл, – продолжаю за нее. – Напоследок...

– Красиво, – отмечает он.

И глупо. Не спасся бы никак, слишком близко ее подпустил. Но умирать так просто – не его. Многих прихватил с собою. Сосчитают ли верно?

– Это ты... – Иллит метит словами в Каму, – собрала всех тут. Из-за тебя...

Сердце заходится, бьет дрожь. Обжигаящими струями стекает с одежды вода. Ежусь, пусть думают, будто от холода. Полыхает берег, и все за ним, выгорая дотла. Десятая часть города. Один из его кругов.

– Уходить надо. – Эдон перекидывает Иллит через плечо, как водится без неприсущей галантности. – Вместе. Быстро и далеко.

– Отыщет, – равнодушно отмечает ожившая Кама.

– Оу, – умиляется Тео. – Чего ж вы тогда оттуда вылезли?

Молчу. Наши разговоры хорошим не заканчиваются.

– Нас ждут, – твердит Эдон, – остальные, за городом.

– Будь по-вашему. – Я встаю, мутит сильнее. – Идите. Догоню.

Взгляды мажут неодобрением, царапают укором. Даже Камы. Всем ясно, куда я. Домой.

– Не до сборов и прощаний, – зло отрезает Иллит.

– Она здесь, – выговаривает Эдон, словно об этом можно забыть. Особенно мне. – Она знает, что мы знаем.

Разворачиваюсь. Разрешения мне ни к чему. Ни их, ни ее. И не требовалось никогда.

– Пусть, – отчего-то веселится Тео. – Иначе еще и он искать будет. Убегаем.

Ухожу. Что угодно оправданием сгодится – долг, опасения, излишняя сентиментальность. Они не догадываются, никто из них. Разве что Базиль, возможно. Или некому уже.

Ускоряю шаг, берег остается позади. Поворот в нетронутую огнем ночь, как никогда пугающая темнота...

...руку жгло, в ушах эхом раздавалось:

– Ты чего это, а?

Из рассеявшейся темноты выплыла Арина, вместе с озадаченно изогнутой бровью и диваном. Гостиная... Мягкость ковра под ладонью, вечер в окне. Ни пожара, ни треска пламени. На столе лежал одинокий, фрагментами собранный пазл. Древняя головоломка, разделенные части целого. И отдельный выпавший кусочек на полу.

Я схватила его, вернула в кучу неприкаянных собратьев. Сколько в итоге тянулась за ним? Судя по темноте на улице – долго. Арина закатила глаза и удалилась. Пусть. И так считает меня не самой нормальной. Странностью больше, странностью меньше... Я забралась на диван, обняла себя за плечи. Почему накрыло видением? К тому же столь длинным. Откуда?... Знак я не рисовала, не представляла. Даже не думала о нем! Спокойно... В последнее время только и делала, что призывала ее воспоминания. Специально, методично, раз за разом. Сначала погружало с детальной прорисовки, затем от одной мысли о символе. Возможно, сейчас где-то почудился, в детали пазла или волнообразном узоре ковра, и вот вам – пожалуйста. Да. Вероятно, так и есть.

А что касается увиденного... Сегодня я прочувствовала, что общение силой мысли – занятие сложное даже при сверхдаре, энергетически затратное и срабатывает лишь с очень близким человеком. Ладно, Кама... Но Иллит?! Видимо, неспроста она никому не позволила стереть кусок мира Эсте до конца... Ну хоть с Тео без сюрпризов. А Эдон, вероятно, один из тех, кто погибнет в пещере. Вместе с Камой и еще двумя, неизвестными мне. Стоп! Хватит об этом. Что бы ни скрывала ото всех Эсте, гадать бессмысленно. Пора отвлечься от мыслей о жизни, которая все-таки ни разу не моя.

Прекратив пялиться на ковер от греха подальше, я схватилась за телефон. Уже вечер, встреча Киры с Советом должна была закончиться. Надеюсь, благополучно. Надо выяснить, как у нее дела.

Вместо приветствия Кира странно хихикнула в трубку и на вопрос «Как все прошло?» ответила коротко: «Зашибись». Что-то подсказало – это не так... Большого от нее не добились, сплошь смешки и подозрительное бульканье. Выяснила две вещи – она сейчас на работе и, если я хочу, могу приехать. У нее коньяк есть. Много, на всех хватит. И какие-то булочки из приемной, вкусные. Ох...

Я надела кофту с идеально высоким горлом, перед выходом позвонила Владу, как условились. Путь был чист, занятия у Артема – допоздна, а меня ждали Кира, коньяк и булочки. Здание банка сияло издалека, отражая черными стеклянными боками свет придорожных фонарей. У входа колыхался запорошенный снегом флаг, шпиль башни сливался с темнотой. Внутри пустили, сверившись с каким-то списком, в который Паша внес меня еще в незапамятные времена. Основательно внес. До сих пор неизменное «Рады вам», карточка пропуска и вперед – в бесконечное царство стеклянных дверей и коридоров. Киру я отыскала по энергии. Вечеринка была в разгаре! Дверь с выдранной табличкой, бодрое мяуканье песни, вроде корейской. На журнальном столике гора булочек в огромной тарелке, ведро льда и впечатляющий ряд начатых бутылок всевозможных форм и размеров. Хватит на всех... сотрудников банка. Кабинет растерял всякую представительность: стеллаж подпирала доверху заваленная комками бумаги урна, на письменном столе возле клавиатуры покоился единственный лист, в углу переливался длинный кактус с цветком на макушке, обмотанный гирляндой и новогодним «дождиком». Сама хозяйка валялась на диване, забросив ноги в чулках на подушку, гремела льдом в пустом бокале и невпопад подпевала песне. Пиджак покоился под журнальным столиком, рядом со сброшенными туфлями. Кажется, все очень плохо...

– Заходи, заходи, – изрекла Кира, когда я уже и дверь за собой закрыла, и на край дивана присела. – Тут полно вкусного!

Она потянулась к столику с коньячно-ликерочной выставкой, наполнила бокал. Между бутылками нашелся второй. С задорным бульканьем в него влилось содержимое трех

бутылок, плюхнулся лед. Хорошенько взболтав, эту ядреную смесь янтарного цвета поставили передо мной.

– Я это пить не буду!

– Будешь, – заявила Кира пугающе уверенно. Отсалютовала мне бокалом и хитро добавила: – А то ничего не расскажу-у-у.

От возмущения я позабыла все слова отказа, хотя знала их предостаточно. Мрак. Кругом одни шантажисты, спасу нет!

– Да что ты как эта... – Она поморщилась. – Можно подумать, у тебя нет повода выпить. Давай, слезай с вершины своих моральных убеждений, пока к ней не примерзла на фиг.

В горле встал дурацкий ком. Да уж... Поводов-то полно. Ночные кошмары, неконтролируемые видения, открывшаяся охота на того, кого я должна защитить любой ценой, беспомощная подруга в лапах могущественной организации, друг под опасным влиянием коварного сверхсущества, грядущая битва с теми, кто прежде не проигрывал. Плюс бессмертный психопат пообещал убить моих близких! Бокал оказался в руке, приятно прохладный, источающий безобидный запах лимона. Ком нарастал и кололся, мешая все больше, в глазах предательски щипало. Не хватало разреваться тут... Позорище! Пришла, называется, поддержать. А еще совсем не хотелось быть как неведомая «эта», неудостоенная даже эпитета. Я набрала полные легкие воздуха, будто могла задохнуться, и осторожно пригубила бокал. Хм... Обжигаяще горько.

– Ты так не распробуешь, – фыркнула Кира. – Нормально пей. Не бойся, оно слабенькое! Шибко одаренных тоже особо не штырит. Годный коктейльчик. Лично проверяла.

Я зажмурилась, сделала крупный глоток. Терпкий, вязкий, насыщенный до тошноты. Никакого лимона и в помине. Выпитое подскочило обратно к горлу, растворив колючий ком, и согревающим сгустком бухнулось в желудок. Дыхание перехватило. Открыла глаза под Кирины громкие аплодисменты. Издевается, не иначе...

– Чем закончилась встреча с Советом? – выдавила я, надеясь, что мои страдания окупятся. Пусть только попробуют не окупиться!

– Два, – она показала мне столько же пальцев и влила в себя половину бокала вместе с льдинкой.

– Чего два?

– Предупреждения! – объявили мне.

Я зачем-то кивнула и на автомате отпила еще. Тьфу... Зря. Голова закружилась, кактус засверкал ярче, словно попал под луч невидимого прожектора. Что так не понравилось Совету? Конечно, Кира набедокурила с «Перспективой», и Лессеру облаву с использованием дара устроила, но это, как говорится, дела давно минувших дней, а за них спросу нет. Тогда в наших краях официального «вемконтроля» не было. Кстати, смешное слово... Стоп. О чем это я? Ах да. Не станут они нарушать собственные правила. Неавторитетно!

– У Аниты есть жирафы на сумке, и она больше не хочет со мной ругаться... – Вырвалось само, проскочив перегородку между мозгом и языком. Ой. – А за что предупреждения?...

– Роме лишнего рассказала. Про дар. – Кира усмехнулась, и мне срочно понадобился третий глоток. Опять продолжение истории с Соней... – Докопались до него, заразы, как веселуха с Лессером началась! Прицельно так, будто очень подловить хотели. Без помощи наших не обошлось, по Роме в жизни не поймешь, знает он там чего, или впервые слышит. Подозреваю Олечку, бывшего ассистента моего, курицу идиотическую, она теперь у них работает. Небось кучу всего по «Перспективе» слила, вот Совет и сплющило. Но за те дела уже не предъявишь... А тут нашли повод. Выказали мне сегодня в красках, что язык за зубами держать надо, и вообще моя персона давно «вызывает опасения», ох ты ж. Второе предупреждение в нагрузку, потому что с повинной не явилась, и в своей болтливости не покаялась. Осведомленный о вехах целый следователь – это проблема проблем, а я – злостная нарушительница-рецидивистка! И следить за мной будут пристально. Анита, кстати, всю встречу сидела не в меньшем

афиге, чем я.

– То есть, высказывала не она?

– Шульц, – зло ответила Кира, хрустнув льдом. Я поежилась. – Скотина с манией величия... Показательную порку устроить, видимо, понадобилось. Или недобор по предупреждениям на подконтрольных просторах. Еще и смотрел на меня так, словно с радостью бы оставшиеся три влепил, да не придумал за что. У-у-у, козел!

Ее бокал опустел и тут же наполнился вновь. Я уставилась на письменный стол, где лежал одинокий лист бумаги, приветливо помахивая мне загнутым уголком. Но раз уверили, что от коктейля «не штырит», вероятно, со мной не оно...

– А это я заявление написала, – гордо объявила Кира, кивнув в направлении моего взгляда. – Об уходе!

– Из банка?... – в горле запершило, пришлось сделать пару глотков. Или больше. – Почему?

– Потому! – Бокал со стуком приземлился на поверхность журнального столика. – Служба безопасности домогается по поводу Лессера и активности журналюг – чего да как, кто виноват, чем закончится... Проверки, расспросы, выговоры. Скандальная я личность, что плохо для имиджа банка. Нормально, а? Сами ни утечку инсайдерской информации отследить не смогли, ни этого маньяка выловить. Все я! Лично! А теперь вылезли, герои... Лопнуло мое терпение. Они идут на хрен, а я домой!

Озадаченно оглянувшись в поисках бокала, Кира махнула рукой и отпила прямо из бутылки. Стало ясно – до дома не дойдет. По крайней мере, сегодня. Я подавила тяжелый вздох и попробовала изобразить голос разума:

– Слушай, не пори горячку. В таком состоянии решения принимать – все равно что кроликами Кису пугать. Нет, Кису кроликами. Так, что-то не то... В общем, не лучшая идея. Тебя работать Николай Левицкий позвал, а это дорого стоит. Кто бы перечил владельцу банка? Выброси это заявление, и забудь о нем. Никто не уволит. И Паша...

– Гад твой Паша! – перебила Кира, разойдясь по кабинету волнами возмущения. – Ни разу безопасникам не возразил – будто и нет их наездов. Плевать ему на меня абсолютно. Стряс, что хотел, и брысь. На встрече сегодня тоже ни слова не сказал. Ни одного, никому! А ведь он застал тогда, в баре, Сонино показательное выступление. Видел, что с Ромой творилось. Я все тайны разболтала, ага, как же!

Секундочку. Паша был на встрече?... Его-то зачем позвали?

– Пусть катится на... в... О! – Она уставилась на найденный посреди столика бокал. Цапнула обеими руками, чуть не расплескав коньяк на дне, или что там было. – Пора делиться.

Я предусмотрительно накрыла свой бокал ладонью, она встала и прошагала в угол. В кактус щедро выплеснулись остатки спиртного, а у меня отвисла челюсть.

– Ты чего?...

– Спокуха, – уверила Кира, присаживаясь у его горшка. – Это кореш мой, мы на Лессера вместе ходили...

– Обними его еще!

– Справедливо, – обронила она задумчиво и потрогала колючку у цветка. – Любовь – это боль.

Я потеряла нить разговора и сделала очередной глоток. Пространство забавно расплылось, потеплело. словно издали накатывала горячая неуправляемая лавина чего-то... Черт! Дверь распахнулась, порог перешагнул Паша. Весь такой красивый, в костюме. Его взгляд метр за метром прочесал кабинет и недоверчиво замер на мне.

– Развлекаетесь?

Я хотела поздороваться, увы – подходящие выражения вылетели из головы. Кажется, из нее все вылетело. Так легко стало... свободно...

– Заявление вон, – отчеканила Кира и кивнула в сторону мяукающего песней компьютера. – Только твоя подпись осталась.

Паша невозмутимо прошел к столу, на ходу достав из кармана пиджака ручку. Ни вопросов, ни сожаления, решительный росчерк внизу листа. Звучное царапание по бумаге странным образом заставило вздрогнуть, повисла не менее царапающая тишина, которую даже музыка не могла разбить. Захотелось запеть в голос, чтобы исправить положение. Но слов-то я не знала, все они были какие-то не русские... Кира резво поднялась с пола, пылая обидой. Невообразимо жгучей, с россыпью ядовито-красных искр гнева. Пожалуй, зажатый в ее ладони бокал сейчас улетит прямо в бывшего начальника...

– Удачно, – отметил он, явно не сомневаясь в собственных способностях уворачиваться. И действительно увернулся! Расплата просвистела мимо, осколками осев на полу. Ну вот, пожалуйста, бардак. Паша как ни в чем не бывало помахал заявлением и спросил, по-моему, ехидно: – Сама в отдел кадров отнесешь или вместе со своим захватить?

Кира мигом растеряла боевой задор и все прочее, одна растерянность и осталась. Я мотнула неприятно потяжелевшей головой и допила содержимое бокала. Все равно немного оставалось...

– Сдулась, крестница? – удивился Паша. – Тогда моя очередь! Так, заявление я написал, сейчас начну красиво страдать и напиваться, слушать корейскую музыку и швыряться бокалами. А этого алкоголика – он злобно ткнул пальцем в кактус, – вообще утоплю!

Нет уж, с кактусом пусть разбирается, а бокал тут только у меня остался. Гладенький, блестящий... Не отдам. И врет он, что страдает. Скорее, злится. Интересно, почему?

– У него тоже два предупреждения, – отмерла Кира.

Приплыли! Сознание прояснилось. Насколько вообще могло проясниться.

– Тебе-то за что?...

Паша выразительно скосил глаза на Киру, та скорчила рожу, но пояснила:

– Ему мои засчитываются.

Что?! И кто такое придумал?... Хотя логично... Она со слабым-то даром наделала шуму, а снятый Пашей блок – масса новых способностей. Пришлось учить ее справляться с ними. Не просто так за каждую ошибку отчитывал, они для него были как собственные. Но, черт возьми, в ситуации с Ромой их вины нет!

– Ладно, признавайся, – хмыкнула Кира, – пока сарказмом не придавило. Почему уволился?

– Сложно работать одновременно в двух местах. – Паша уселся за стол, вальяжно откинувшись на спинку кресла. – Разыскал компанию, владеющую памятным нам психологическим центром имени Вениамина Ливанова. Ныне без имени, да не суть. Сговорчивые люди, готовы продать, причем в короткие сроки. Буквально завтра.

Журнальный столик задвоился, бутылки слились в сплошную бесконечную полосу.

– Зачем его покупать? – пробормотала я, начиная ненароком подозревать, что меня все-таки это самое... Вштырило, да. Слышится черт-те что.

– Как зачем? – невинно моргнул Паша. – Строить империю зла. Не с нуля, так сказать. А используя несколько запылившийся бренд. Отряхнем, и в путь! Как там было: взаимопомощь, объединение вемов под одной крышей, остальных – за борт. Только без морализаторских лекций. Схема Ливанова давно устарела, особенно по финансовой части. Будет у нас свой центр, с блэкджеком и...

С чем?... Кира хохотнула, а до меня начало плавно доходить. За борт – это о Совете. При

действующем центре Вениамина их тут не было. Но у него имелись договоренности с Советом, а у Паши лишь предупреждения. Пахнет если не войной, так конфликтом.

– Что думает по этому поводу твой отец? – применила я запретнейший из приемов.

– Я как раз от него, – довольно произнес Паша. – Выслушал столько неумных восторгов насчет того, что у меня наконец появились собственные проекты. Он уж и не надеялся! Предложил дополнительно профинансировать, да так, что я, право слово, не знаю, куда все это тратить. К счастью, у меня есть заместитель, который прекрасно разбирается в этих вопросах.

Кира подлетела к столу, опустилась на край и уточнила:

– Я? Это же я?

– Непозволительно разбрасываться такими кадрами, – ухмыльнулся он. – Мне еще народ привлекать... Пригодится твой бесценный опыт.

А раньше на «Перспективу» исключительно наговаривал! Минуточку. Какой еще опыт?! И что за разговоры про финансовую часть?...

– Кира, – взмолилась я. – Скажи ему, что это скверная идея...

Она поерзала на столе, искрясь смятением. Упрямо задрала подбородок и выпалила:

– Без Совета было лучше. Катились бы обратно. Мотивирующий пинок им в помощь. Положение в России у них непрочное, филиалу всего год.

– О, вы даже не представляете, – мечтательно протянул Паша, – сколько гадостей можно сделать иностранному фонду.

Мне икнулось. Появилось стойкое ощущение, что пить не стоило. Вот вам последствия – дурной сон, и ни малейшей возможности проснуться... Опять.

– Лейка, – сказал вдруг Паша без тени язвительности. – Совет и в дела нижнего Потока лезет. Насчет Дениса допрос устроили. Им нужно быстрее с подобными визитами покончить, в опасности обычные люди. И где-то рядом Вестник, способный убивать силой мысли всех подряд. Думаешь, Анита и прочие будут на нашей стороне? Теперь, когда знают все из первых уст.

Я до боли в пальцах сжала пустой бокал, Кира отвела глаза. Конечно, я не просила держать Сонино возвращение в секрете, но... Ладно, все равно он имел право знать. Только мотивы Совета лично мне не очевидны. И что станет с Соней, если с ними поссориться?...

– Не хочу в этом участвовать.

– Да я и не сомневался, – мрачно отозвался Паша. – Твой выбор всегда неизменен.

Я придвинула к себе булочки и попробовала одну, затем другую, третью. Все оказались одинаковыми – с сыром, и удивительно отрезвляющими.

Он не прав, и сам это знает.

Я выбрала Артема.

Глава 8

Не самое удачное начало дня – отойти за чаем, вернуться в кабинет и обнаружить на своем столе длинные, с профессиональной грацией вытянутые ноги. В туфлях на острых шпильках и черных прозрачных чулках. Узкая юбка с разрезом, строгая блузка, небрежно заколотые на затылке рыжие кудри, помада цвета сигнала бедствия. Лучше бы к Маэве на собрание сходил.

– Скучал? – улыбнулась та, кто уже пять лет как здесь не работала.

Я поставил стакан на подоконник.

– Выметайся.

– Где твоя галантность? – томно вздохнула. В полужакрытых глазах скакали чертики. – Впрочем, о чем это я...

Вторник, чтоб его. Очередная конференция, пускают кого попало. Потом выясню, как мимо охраны прошла. По настоящим документам сразу бы развернули, на входе. Хотя эта и через форточку пролезет.

– Дважды повторять не буду.

– Даже слов жалко? – Она закинула ногу на ногу, мелькнув в разрезе юбки оборкой чулок. – Боюсь, выгонять меня окажется не так приятно, как в прошлый раз... Уже уволил ведь.

Легко отделалась, хотя иммунитета у нее нет. Веских доказательств не нашлось, а то отправилась бы туда же, куда и бывший начальник службы безопасности, ассистентом которого была на тот момент. Защищала его до последнего. Подумаешь, пару десятков человек убил ради великой цели.

Я шагнул к столу, гостя села ровно, отъехав вместе с креслом до упора к стене. Плохой путь к отступлению.

– А я по делу заглянула... – донесся многообещающий шепот.

– Адель, у тебя есть еще пара секунд, чтобы к нему перейти.

Выжидающий взгляд прилип ко мне намертво. Секунда, вторая... Под локоть, и долой из кресла. Она дернулась, другая ее рука с чем-то зажатым в ладони скользнула к моей. Еще секунда, перехваченное запястье, обиженный писк. Угол сделался тесным. Расстояния между нами было мало, а тут вовсе ушло в минус. Зато встала смирно, выбившаяся из-под заколки прядь прилипла к ее виску. Ну, и что это были за фокусы? В разжатой ладони блеснул маленький ключ.

– От Хансена, – хихикнула Ада на ухо. – Куда вставить – сам догадаешься.

Давно подозревал, что связь поддерживают. Редкая преданность. Единственное, что вызывало уважение. Подарочек перекочевал ко мне и улетел на стол, гулко звякнув.

– В следующий раз пришли по почте.

– Пф-ф-ф, это скучно, – она дернула плечом, на иные маневры места не хватало. – Надо делать, что хочется. Так лучше...

Вытащить из-за стола ее было проще – замешкалась. Под белы ручки, и в коридор. Дверь захлопнулась, дрогнула от протестующего пинка с той стороны. Она права. Действительно, лучше.

А ключ должен что-то открывать. Неизвестно что, где, и какие сюрпризы могут быть внутри. Позже разберусь. Сейчас – остывающий чай и отчет Ани. Пятьдесят страниц мелкого шрифта, со схемами и картинками. Разошлась. Сразу видно, любимая тема. Байки, легенды, факты. Из прочитанного напрашивался вывод – на каждую хитрую задницу найдется... что-нибудь свое. Стоит эсперам хапнуть из ментальных закромов лишнего, как по их душу является нечто: Вестник, тьма, Инита, страж баланса или

просто Смерть. В разных источниках ее называли по-разному, но назначение одно – фиксировать баги. Когда они накапливались, какой-нибудь эспер при инициации получал карающие способности. Справился с миссией только первый Вестник. Заодно, не особо церемонясь, прибил все живое, до чего смог дотянуться. Потом что-то пошло не так, и теперь кто на кого охотится – вопрос спорный. Второй оказался скромнее и погиб сам. С тех пор они рождаются каждые сто лет, но умирают раньше, чем успевают научиться пользоваться силой. Пятьдесят миров – пятьдесят девочек. Глухая у Потока система защиты.

При всей многовековой драме, Вестник на жертву тянул слабо. Потусторонние связи, не пойми с какими сюрпризами дар, фокусы с тьмой. Смерти, вызванные силой мысли. Которые выглядят как сердечные приступы...

В кабинете резко потемнело, экран сделался невыносимо ярким. Отчет улетел с экрана. Все уже понятно. Первая угробила целый город, а вторая без этого слилась перед финишем. Если завершит начатое, сколько народа пострадает? В перспективе больше, чем от тех пятерых вместе взятых. Так надо ли ей помогать? Высоковата цена ради порядка в ментальном домике. Одним крышу снесло из-за жадности и собственной исключительности, других великой местью свыше озадачило, а боком вышло нормальным людям. Вся суть. И за тысячи лет мало что изменилось.

Чая осталось на дне, зазвонил телефон. Кейн. Вот уж с кем быстро ни один разговор не закончишь. Лучший сотрудник моего отдела, но слишком общительный. Правда, треп у него далеко не всегда пустой.

– Видели в здании несостоявшуюся мадам Хансен, – весело доложил он. – Хороша, зараза...

– Я в курсе.

– Первого или второго? – развлекались в трубке. – Догадались, к кому пожаловала. Так тебе и надо. Переезжал бы к нам, наверх.

– Она не стоит таких жертв.

– Талантливую во всех отношениях ассистентку по наследству передали, а ты... – продолжал веселиться Кейн, – не оценил. Помнится, Дорман был не против ее оставить.

– Оставлял бы себе.

– Он не в ее вкусе. А собрание утреннее ты зря пропустил, новости были занятные. Впервые не скучно! Прямо даже теряюсь, с чего начать. В итальянском филиале косячат страшно, чую, пахнет назначением нового главы. Баэс таки женился. Ну, на этой. В Москве трэш и угар.

Это у них перманентно. И трэш, и угар, и сезонный апокалипсис.

– Взались возрождать ту организацию, которая там когда-то рулила. – Повисло заговорщицкое молчание. – Угадай кто?

– Левицкий?

– Ну, так неинтересно, – расстроился Кейн. – С первого раза. Кстати, это кто?

– Вроде Норда. Только без склонности к суициду.

– Что-то не похоже. Или он настолько крут?

– Его отец.

– Хм... – отчетливо слышался скрип мысли. – Тот с банками и промышленными группами, из списка Форбс?

– Тот, – подтвердил я, краем глаза заметив в ящике сообщение от Колвена. В письменном виде обращается, как Маэва велела. Послушный. – Но нагнетать заранее ни к чему. Если речь идет про центр их наставника Ливанова, то рулил он исключительно силой

собственного авторитета. А когда перед смертью преемника искал, никому его детище даром не сдалось. Есть вероятность, что поиграются и бросят.

– Это самое, – ележно произнес Кейн. – Ты Баэсу-то поздравление отправишь?

– Конечно. Прямо сейчас пойду сочинять.

Ржать его после этого разобрало как припадочного коня, зато трубку удалось повесить. Ожидаемо, что без Мартина в Милане многое не слава богу. Столько лет на нем все держалось, небыстро перестроится. Испанский филиал после смены руководства тоже шатало, и ничего – теперь тишь, благодать и счастливая свадьба. Последнее сейчас даже к лучшему, учитывая, что особо одаренные эсперы до сих пор скалятся из-за попытки бывшей главы филиала их порешить. Консонанс словят наконец. Совет да любовь.

Письмо Колвена было немногим короче отчета Аниты. Писал о проведенных в школе Натана Берга семинарах, за участие в которых – по договоренности с директором – давались бонусы. Охватили всех учеников, никого с признаками инициации не обнаружили. Списки прилагались – длинные и подробные. На распечатках кадров с записи Хлои ни одного ученика школы не узнали. Возможно, версия была тупиковая, и убийца там не учится. Или у него хватило ума не попасться на глаза. Список отсутствующих учеников состоял из четырех имен. Лежащая второй месяц в больнице девочка, уехавший на две недели с родителями за границу пацан – эти мимо. Как и Артур Кавалли, временно находящийся на домашнем обучении. А вот четвертый не появлялся в школе с того самого дня «по личным причинам», с позволения матери. Некий Лукас Вебер. Звучит знакомо. На фотографии в личном деле – лохматый, со следами пирсинга на ухе сверху донизу, и намеком на неформальный вид. Высокие оценки, блестящие рекомендации преподавателей, примерное поведение. Один из лучших учеников... был. Два месяца назад начал прогуливать, шарахаться от одноклассников и вести себя замкнуто. Загребел на беседу к психологу и получил отметку про эмоциональную нестабильность. Так-так.

В социальных сетях Лукас держал лишь пару картинок с сомнительными шутками, на школьных мероприятиях не светился. Битый час поисков в сети, и его физиономия нашлась на фотографии в журнале кантона. Клуб скаутов, три почетных члена. Среди них – он. Бардак на голове, ряд разнокалиберных колец в ухе, кожаный браслет в виде оплетенного морскими узлами якоря. Знаю, где я такой уже видел. В видео Хлои. Мельком, на рукаве того, кто мчался впереди нее. Лукас ехал в том автобусе. И сбежал из него в числе первых. А затем и из школы.

Попался.

Но откуда он в шестнадцать лет знает, что с ним, от кого скрываться, и как пугать людей до смерти? Надо найти его, срочно. В лифте я понял, что именно звучало знакомым. Этан Вебер, четыре предупреждения. Эксперименты с чужими эмоциями, та самая встреча в офисе, которую мне любят припоминать. Не помер же он. Сбежал в Штаты, на радость местной курирующей организации, больше года назад. С тех пор о нем ничего не слышно. Кто Лукас ему?

На экстренно собранном совещании отдела и выяснили. Племянник. В Женеве жили вместе до прошлой осени. Мать Лукаса – врач скорой помощи, отца официально нет. Воспитывал дядя, за его учебу платит до сих пор. Если инициация и застала пацана врасплох, то на самочувствие наверняка жаловался матери, и в сводки для фонда не угодил, остальное прояснил Вебер-старший. Расстояние не помеха, мог и по интернету полный арсенал эсперовских фокусов изложить. Включая один... особый.

Неоновые линии над столом вспыхнули ярче, расплылись раздражающим пятном. Неозвученная вслух мысль, глубокий вдох. И снова на стене просто светильник. Белое чучело в перечеркнутом красном круге, эмблема «Охотников за привидениями». Шутники. Пауза затянулась. Кейн почесал небритую физиономию, крутанул на стуле, развернувшись к аквариуму, и подхватил:

– Точно Этан просветил, как знакомства с нами избежать. Два месяца не палиться – это ни хрена не случайность.

Его неизменный щелчок пальцами вспугнул рыбку. Пестрая тварь стукнулась о стекло и,

отлетев назад, юркнула в пластиковый замок. Кейну ее подарила бабушка, на двадцатипятилетие. Весь этаж соревновался в остроумии, а он назвал рыбку Принцессой и поселил в кабинете. Привык с ней в одностороннем порядке беседовать, излагая факты, по которым потом делал выводы. Мол, ему так думается лучше.

Райнер молча хмурился из своего угла – шкаф в папках, древний монитор на половину стола, несколько семейных фотографий – и вертел в руках чайную ложку с самым безобидным видом. Это обманчиво, он ею и убить может. Работал здесь задолго до меня, в городе и за его пределами имел массу незаменимых знакомств, и порой решал проблемы, не вставая с любимого кресла. Кейн, наоборот, ненавидел отсиживаться в офисе. Если бы не собрание Маэвы, вряд ли бы я его застал. Собственно – раз, два, и весь отдел. Если не считать народ по филиалам.

– Не случайность, – наконец высказался Райнер, отложив ложку, – но смысла прятаться никакого. Через полгода он бы начал бы полноценно энергией светить, сразу бы засекали.

– Юное дарование до этого момента тихо не досидело, – ухмыльнулся Кейн и отлип от аквариума. – Отличилось – грохнуло одноклассника.

Рыбка высунулась из оконца замка и тут же забилась обратно, хотя очередного щелчка не последовало. Похоже, проклинает тот день, когда попала на глаза бабушке Кейна.

– Лукас знал, что мы будем его искать, – я загрузил на телефоне расписание клуба скаутов. – Со дня смерти Берга в школе и дома не появлялся. Матери наврал, раз она по телефону отвечает, что сын умотал с клубной секцией в горы. Естественно, никаких походов у тех не запланировано.

– Умотал? В одну каску, с перепугу? Да он крут, – оценил Кейн. – Станет местным Йети, будет пугать туристов...

– По энергии его не высмотрят, – задумчиво отметил Райнер. – Отпечаток незнакомый, и оформился не до конца.

Верно. К Колвену и его подчиненным эсперам можно не обращаться.

– Куда этот Лукас денется? – зевнул Кейн. – Несовершеннолетний, погода не летная. Где-то в теплом спокойном местечке отсиживается. Он все-таки ребенок, а не гений побегов. Проверим его друзей, знакомых, адреса в окрестностях, по которым пускают без документов, и далее по списку.

– Этим и займемся, – сообщил я, – в приоритетном порядке. Пока к трупку из автобуса не прибавился второй. Если, конечно, счет именно такой.

Два осторожных взгляда, и тишина. Лишь прилетал через приоткрытое окно гул с улицы, и булькала пузырьками вода в аквариуме.

– М-м-м, – протянул Кейн с той интонацией, когда нужные слова никак не подбираются, а сказать надо. – Может, мы сами?

Началось...

– Гены дело такое, – вздохнул он и радостно напомнил: – А учитывая, как ты пообщался с Вебером... Все эти вопли, щепки, осколки. И вообще. Маэва тогда переживала, что его зубы и кровяки на ковре не вписывались в интерьер.

– Она ничего не понимает в интерьерах.

– Вполне официально пообщались, – прокомментировал Райнер, уткнувшись в монитор, – его куратор рядом стоял.

– Ага, стоял, – согласился Кейн, – но недолго. От ковра после еле отодрали!

Лучше бы завернули и выбросили.

– А выход Колвена? – Кейн ностальгически улыбнулся. – С той речью: «Это совершенно непозволительно...», ах. Жаль, не узнаем вторую часть предложения. Вот не мог ты дать

ему закончить, а потом уже?... Он так и не огласил нам свой список непозволительного. А мы, между прочим, поспорили, что именно шло первым пунктом...

Что же никто в тот вечер видео не снял? С каждым разом эта история обрастает такими деталями...

– Спросить его?

– Нет-нет, – замотал головой Кейн. – Пусть остается тайной. Ладно. Это был единственный на моей памяти нескучный разбор предупреждений! Да и принимая во внимание, что Вебер ляпнул про...

Позже я и решил, что раз он это ляпнул, к тому же мне в лицо, то правды там мало. Не настолько идиот ведь, чтобы намекать на свою причастность к смерти Елены, причем в нашем офисе. Видимо, исключительно поддеть пытался. Возможности расспросить его об этом не представилось. Случилась Маэва с ультиматумом и отпуск на месяц, а после Вебера след простыл. Невелика была потеря. Но теперь...

– Мы разыщем младшего Вебера, – подал голос Райнер. – И все выясним.

– Вперед.

– Тут срочное. – Райнер клацнул компьютерной мышью. – На волейбольном матче между школами игрок со скамейки запасных «завис», откачать не могут. Девочке четырнадцать лет, физиологических причин не нашли. Врачи со стадиона в ступоре. Нам заскочить по пути, или...

– Или. – Я шагнул к двери, прочитав то же письмо с телефона. Инициация? То годами тихо, то повалило. – Проверю.

Райнер кивнул. Кейн что-то невнятно пробормотал и щелкнул пальцами, аквариум расчертило пестрым зигзагом. Когда-нибудь Принцесса пробьет стекло и вlepится хозяину в болтливую физиономию...

Пусть ищут. Остается дожидаться новостей – от них, от Ланса, от Хлои. Больше тут рыть нечего. Да и другие дела никуда не делись, в том числе по фонду. Всегда навалом умников, желающих поживиться за чужой счет.

Стадион находился недалеко, матч был в разгаре. Забитые ряды сидений, нескончаемый гул, ободряющие крики. Многовато людей, и разойдутся нескоро, последняя партия только началась. На скамейке запасных перешептывались игроки, косясь на пустое место рядом. Итак, варианты. Первый – зависшая дева приняла что-то и ее вырубил, второй – словила какой-нибудь психоз, третий – устроила показательное выступление от обиды на судьбу. Согласно истерике в блоге, из главного состава команды ее убрали несправедливо. Ну и четвертый – возможно, наш случай. Стало плохо среди толпы, нырнула в Поток и потеряла счет времени. Или с ней это впервые: попала случайно в ментальные края, и сейчас не понимает, что происходит. Последний расклад самый опасный. Очнется и натворит чего с перепугу, а вокруг полно народа, включая детей.

В коридоре металась взволнованная чета, очевидно, родители. Дама рыдала, пытаясь просочиться мимо охранника, тот равнодушно врос в проем. Махнув удостоверением фонда перед его носом, я толкнул дверь и шагнул через порог. Девочка сидела на кушетке с безмятежным выражением конопатого лица. Взгляд в одну точку, внешняя расслабленность, дыхание при этом тяжелое, побелевшие пальцы вцепились в края сиденья. Где она, было ясно на уровне ощущений. Прожженное насквозь пятно, вырезанный силуэт с фотографии. Никого нет дома, пусто. Стопроцентно наш случай.

Врачи топтались рядом. Один считал пульс, второй размахивал пузырьком с чем-то вонючим, третий как раз говорил, что надо вызвать скорую, и пусть там разбираются, что с девицей. Итак, мнения разделились. Из коридора донеслись причитания, что-то упало. Надеюсь, не охранник. Надо решать проблему, пока родители дверь не вынесли.

Достаточно внимательнее присмотреться, и почувствуется напряжение воздухе – легкое, но отчетливое. По умолчанию раздражающее, абсолютно лишнее здесь. Зияющая черт знает чем дыра, на которую так и просится крышка. Если прекратить сдерживаться, все сработает само, по старой памяти. Просто звон, выпущенное что-то, рывок вглубь. Он

там. Выключатель. Поддавался со скрипом, сопротивление было нехилое. Понятно. Вляпалась в сценарий, потерялась, о боже, где выход. Будет сложнее... В висках стрельнуло залпом, кабинет превратился в сплошной фон. Знакомое покалывание, с каждой секундой жгло сильнее. Для аналогичного эффекта можно сунуть пальцы в розетку. А они еще ноют, что им, видите ли, больно... Вдох. Больше усилий, вперед, до упора. Конец. Юная дева вздрогнула и распахнула глаза. В них мелькнул страх пополам с осмысленностью. Отлично, очнулась. И никому мозг не вынесет – по крайней мере, ближайшие три дня. А за это время ей объяснят.

Она вскочила, в панике огляделась. Ну да, опять эта паскудная реальность. Заминка была секундной, после оптом – всхлипы, сопли, слезы. Ворвавшаяся внутрь мать протолкалась сквозь врачей и стиснула дочь в объятиях, завыв в унисон. Ясно, в кого та уродилась... У всех заложило уши. Зато воздух становился обычным, жжение стихало. Терпимо. Скоро пройдет, эта не сильная. Едва стало потише, начались выяснения, что же все-таки случилось. И родители, и врачи быстро согласились со мной, что тут необходим психолог. Я вызвонил куратора Монти, он задолжал за прошлый раз, пусть отработывает. Забирает ее в клинику, и далее по регламенту. Заботливая мать предложила мне подвезти их с «бедным ребенком немедленно». Дождутся отдельной машины, за ними уже выехали. Шесть лет назад, с похожего вызова я увез Хлою, из музыкальной школы, где так же ученица «зависла». Только, отвиснув, успела барьер сломать давней сопернице, которая у нее все первые места на конкурсах уводила. Не то чтобы специально полезла, но...

Матч закончился ничьей, проблемное семейство отчалило в клинику. Настало время обеда, только было совсем не до перерывов. В кармане лежал презентованный Адой ключ. Надо выяснить, что им открывать. Планы спутал звонок.

– Встретить меня, а? – огорошила Ева, вздохами заглушая нарастающий на фоне гул. – Я в аэропорту. Только что прилетела... Мне так нужна поддержка сейчас! Понимаю, что внезапно...

Не то слово.

– Что случилось?

– Не могу больше... Не могу! – Она шумно перевела дыхание. – Эти двое, которым я посвятила всю свою жизнь, смерти моей хотят. Неблагодарные! Такое... Боже. Дома находиться невыносимо, стены давят. Вот собрала чемодан, и... Ты ведь не очень занят? Надеюсь, родной брат-то меня не бросит...

– Еду.

Ева судорожно всхлипнула и повесила трубку. Помнится, в наш последний разговор она получила ответ, где искать любимого сына, и намеревалась тащить его домой из другой страны, хоть за ухо.

Аэропорт можно было любить уже за то, что он в черте города. Добираться быстро, дорога давно выучена наизусть. Если перестать следить за поворотами, автопилот выведет именно сюда. К вытянутому, сплошь состоящему из окон зданию, с массивным навесом над входом. Ева ждала у широких дверей терминала, близоруко вглядываясь в проезжающие мимо машины. Узнаваемый рыжий мех на куртке, чемодан внушительного размера, с каким впору не путешествовать, а переезжать. Извечная улыбка всем и каждому, выбившиеся из-под шляпки темные кудри. С годами все больше становилась похожа на свою мать со старых выцветших фотографий из семейных альбомов.

Стоило притормозить, как она кинулась к машине, громя чехом об асфальт. Катиться на такой скорости он мог разве что с горы. Кувирком.

– О, я так рада увидеться! – На ее лице нарисовалась улыбка до ушей. Увернуться от семейных чмоканий в щеку помог перехваченный и пристроенный в багажник чемодан. – Соскучилась ужасно, тебя ведь за весь год не получилось в гости заманить... Кстати, долетела я замечательно, но кормили какой-то ерундой. Только аппетит раздразнили!

Сегодня от обеда не уйдешь... Поблизости было полно ресторанов, заехали в тот, что

приглянулся Еве по названию. Она придирчиво листала меню, поправляла то прическу, то салфетку на столе, и жаловалась на судьбу, периодически повторяясь и сбиваясь на вопросы о том, вкусно ли «вот это». Все бы ничего, да раздел был с десертами.

– Тебе прям не угодишь, – Ева перелистнула очередную страницу с тортами. – На чем я остановилась? А, точно. Паршивец, по недоразумению называемый моим мужем как выдаст мне – никуда ты за ним не поедешь. Не пущу. Я говорю – поеду, первым же рейсом, и верну сына домой, где ему быть полагается. А он – нет, не смей позорить парня, пусть поступает, как решил. Представляешь?! Я позорю! Я! Этот обалдуй бросает учебу, пропадает, оставив записку дурацкую. Ни слуху, ни духу. А виновата я! Так и сказал – замордовала ребенка, отстань.

Впервые за двадцать пять лет брака ей возразил. Прогресс.

– Такого наслушалась... – Она опустила влажные глаза. – Что нечего в жизнь сына лезть, он вырос. Ага, взрослый нашелся... Ума палата! А как же моя жизнь? Которую я ему посвятила?! И кого в итоге воспитала? А этот... этот... с позволения сказать, его отец, знаешь, что заявил? «Тебе дома скучно – найди хобби или работу». Хам! Ну раз не нужна я им... Собрала вещи и...

Ева в сердцах захлопнула меню, подняла на меня взволнованный взгляд и дрогнувшим голосом закончила:

– Надо развеяться, успокоиться.

– Надо, – согласился я.

– Перед друзьями и знакомыми стыдно... Все уже знают. Ты слышал эту его, прости господи, музыку? Жуть и кошмар!

– Слышал. Оно весьма креативно... по части метафор.

Она фыркнула и вновь уткнулась в меню. Оторвалась от него, лишь когда подошел официант. С французским языком у нее было примерно так же как у него с чешским – никак. Спас английский и глянцевые картинки. Странная с ее приездом ситуация. Склонность придумывать драмы никогда не давала Еве жить спокойно, и от мужа она порывалась уйти в среднем раз в год. Допустим, решила отдохнуть. Рванула бы на курорт. Почему ко мне?

В ожидании заказа салфетка трижды переключалась со стола ей на колени и обратно, с многократно облизанных губ стерлась вся помада.

– А помнишь, – Ева сложила руки перед собой, – ты папин альбом в старом хламе находил? Давно... Увез вроде. Он у тебя остался?

Это многое проясняет.

– А зачем тебе?

– Захотелось найти, – пожала она плечами. – Приступ ностальгии! Так остался?

Кто не задает честных вопросов, тот не получает конкретных ответов.

– Где-то в доме лежит.

– Я поищу? – оживилась Ева. – Все равно у тебя остановиться собиралась...

– Поищи, – разрешил я. Развлечение ей будет недели на две. – Только я там не живу.

Она растерянно моргнула.

– А где? Или с кем-то?...

– Еду несут.

Явление официанта с подносом не сделало ее мир лучше. Ева уныло ковыряла суфле в тарелке, размазывая его по дну. Я за это время успел и доест, и оплатить счет, и

ответить на пару рабочих писем.

– Ладно, – она, наконец, отложила вилку. – Какие у тебя планы? Да-да, помню... Не знаешь, где окажешься завтра. Но мне-то как быть?

– Оставайся на сколько угодно. Ключи от дома отдам. Делай там, что хочешь. Но домработницу не трогай. Пусть приходит, когда ей удобно, и убирает, как привыкла.

– Приходит, пока нет никого? Ничего себе! У нее и ключи есть? Как можно? Вдруг она лезет, куда не следует... Надо проследить.

– Если уволится, будешь сама убирать.

Ева вспыхнула, задетая ее локтем салфетка спикировала со стола на пол.

– Вот всегда ты со мной так разговариваешь... Будто я тебе не сестра, а неизвестно кто. Да... Это моя вина, знаю. Что мы не близки. Нельзя было тогда соглашаться...

Конечно. И что бы она делала в восемнадцать лет, одна, с маленьким братом, которому к тому же поставили безнадежный диагноз? Отдала, и отдала. Ланс умеет быть убедительным.

– У тебя не было выбора.

– Почему все так вышло?... – Ева дергано отодвинула тарелку. – Если бы не она...

По официальной версии случившегося.

– До сих пор понять не могу – с чего? – Взгляд из-под кудрявой челки стал злее. – Говорили же папе все – не женись на этой русской вертихвостке. Что ей в голову стукнуло? Будь я в тот вечер дома... Смогла бы что-нибудь сделать?...

– Ева, – я поднялся из-за стола. – Лучшее, что ты можешь сделать. Это не говорить об этом.

Не зря советуют есть молча.

Она догнала меня у машины. Села на заднее сидение, не обронив ни слова. Всю дорогу рассматривала то свой маникюр, то улицы за окном. Салон пропитывался терпкими духами, которые уверенно выигрывали битву с кондиционером и освежителем воздуха. Евы в дозировках не существует, ее мгновенно становится слишком много. Телефон выдал десяток сообщений о непрочитанных письмах, по радио передали о приближающемся похолодании – единственное полезное из всей сводки новостей. Озеро за городом привычно слилось с небом. Чуть не пропустил поворот к дому.

За воротами стоял старый Фольксваген. Приоткрытая дверца, груда деревянных ящиков на заднем сидении. И никого. Интересно... Ева резво выскочила наружу, нарезала по лужайке сердитый круг.

– Зачем твоей домработнице ящики? – подозрительно прищурилась.

– Незачем.

– Вот, – Ева указала на дверцу и торжествующе подняла палец вверх, – что бывает, когда раздаешь ключи кому попало.

– Иди в дом, – я протянул ей связку.

– Ну нет, – буркнула она, но ключи сцапала. – Чтоб она там меня ящиком стукнула? Вызывай полицию, сдадим с поличным!

– Успокойся. Это машина подруги Елены.

Ева поджала губы и направилась к крыльцу, а я – за дом. Разросшиеся ветки деревьев нависали над площадкой для барбекю, сбоку вилял спуск к озеру. Она была в саду. Копошилась в облетевшем кусте роз, хрипло напевая что-то себе под нос. Прижатые наушниками коротко остриженные волосы, бесформенный джинсовый комбинезон,

армейские ботинки и прочий унисекс. Тогда, в университетской библиотеке, долго сомневался друг это или подруга. Пока имя на читательском билете не подсмотрел.

Я обошел залежи садовых приبلуд, немного постоял за ее спиной и громко сказал:

– Здравствуй, Леда.

Она дернулась, сбив ведро под ногами.

– Твою ж... – Наушники слетели на шею, к вытертому в спешке лбу прилип пожелтевший лист. – Что ты тут делаешь?

– Вообще-то, это мой дом.

– Вообще-то, мог хотя бы покашлять! – Леда подняла ведро и кивнула на моток белой ткани под кустом. – Приехала накрыть розы. Холода обещают.

Не удивлюсь, если ездит к ним весь год. Доступ к воротам у нее есть давно, с тех пор как они с Еленой ударились в садоводство. Над этими розами особенно тряслись. Какой-то редкий сорт. Хотя с виду розы как розы.

– Забирала бы их себе.

– Пробовала. – Она безнадежно махнула рукой. – Не приживаются. Я и так, и эдак... Ни в какую. А что, я кому-то мешаю? Домработница на мое присутствие не жаловалась!

Узнаю этот гибрид танка с катком. Зато не было страшно никуда Елену с ней отпускать.

– Развлекайся. Но учти, приехала моя сестра.

– А, Ева... – Леда многозначительно закатила глаза. – Наслышана.

Да наверняка. С Еленой они близко общались. Столько часов наедине провели, ковыряясь в саду, можно было все на свете обсудить. Включая...

– Ты слышала про мальчика по имени Адам? – спросил я, очень надеясь на положительный ответ.

– Адам... – она задумчиво оттянула палец резиновой перчатки. – У которого брат-изверг и мать-скандалистка?

– Тот самый. Снова в фонде нарисовался, а о прошлом разе известно мало. Елена рассказывала что-нибудь?

– Рвала и метала. Привязалась к мальчику, помочь хотела. А маманя его оказалась за старшего сына горой, и ваша стерва из правления удружила. Запретила в это дело лезть. Елену чуть ли не дурой некомпетентной выставила, но она сказала, что плевать ей на запреты. Адама все равно не бросит, и по-другому разберется.

– И как, разобралась?

– Наверное. Больше о нем не упоминала. Остального не знаю.

Не упоминать могла по нескольким причинам. Эта – наиболее вероятная... Но что она сделать могла?

– Надеюсь, обошлось без глупостей, – Леда на мгновение обернулась на куст. – Елена на того братца злилась очень. Убить была готова! Это ж ее больная тема – дети... Она всегда их любила. До безумия. Не понимаю, почему своих-то не заводила?...

Я пожал плечами и пошел обратно к крыльцу. На этот вопрос у Елены был единственный ответ: «Как-нибудь потом». Почему – не спрашивал. В конце концов, у каждого есть что-то, о чем он не хочет говорить.

На захваченном по пути чемодане болталась багажная бирка из Вены. Именно там у ее сбежавшего сыночка на днях был концерт. Если повезло, то уши остались при нем. Ева стояла в холле, у панорамного окна, всматриваясь во двор. Край сада отсюда было видно.

– Теперь еще и садовник завелся, – усмехнулась она. – Кто следующим объявится? Чистильщик бассейна?

– Тогда точно звони в полицию. Тут нет бассейна.

Ева повернулась, бросила задумчивый взгляд на чемодан, затем на меня.

– Останешься? – Бонусом шел примирительный вздох. – Хотя бы ненадолго. Я тебе кое-что привезла...

– Давай в следующий раз. Мне пора.

– Понимаю, работа. Ничего! – Она рассмеялась. – Я здесь в любой день.

На прощанье Ева клятвенно пообещала не обижать домработницу и новообремененного садовника. Ну-ну, эту обидишь. Чемодан отправился в комнату для гостей, его хозяйка – разведывать кухню. Разберется. Не в первый раз в этом доме.

А у меня оставалось незавершенное дело – ключ. Маленький, потертый, из темного металла. Очень легкий, почти не чувствовался на ладони. Не от банковской ячейки – ни цифр, ни подписи. Мог быть от сейфа, но полиция еще пять лет назад всю учтенную и неучтенную собственность Хансена вверх дном перевернула и выгребла все мало-мальски сомнительное. Сейф бы не пропустили. Отмечаем, ищем менее приметное. Что-то с замком, любое, хоть офисную тумбочку, шкатулку или детскую пластмассовую копилку. Находиться оно может где угодно. Но раз Хансен это затеял, значит, хочет, чтобы ключом воспользовались, а загадочность развел из-за Ады. Та бы любопытный нос сунула непременно.

Пара звонков по дороге в город, и подтвердилось – его бывшей жене по-прежнему принадлежит квартира в Женеве. Сама она живет на их родине в Дании, сюда приезжая лишь изредка. Гостей не приглашает, с арендой не связывается. Элитный дом, закрытая территория. Начать следует оттуда. Других подходящих мест и нет. Только квартиру уже неоднократно обыскивала полиция, и попасть внутрь будет тяжело. Но, скорее всего, и не придется... При очередном взгляде на ключ в голову пришло очевидное. Почтовый ящик.

За высокий кованый забор удалось попасть быстро, не успел даже докурить. Сработало самое банальное – пройти в ворота следом за шумной семьей, возвращающейся с прогулки полным составом. У подъезда было тихо, блестели стеклянными крышками стальные квадраты почтовых ящиков. Ключ подошел. Давно мадам экс-Хансен корреспонденцию не выгребала! Целая стопка бумаг. Счета, купоны на скидку, письма из налоговой, несколько открыток. И пухлый широкоформатный конверт без обратного адреса. Видимо, нашел.

Предназначенное хозяйке квартиры добро еле поместилось обратно в ящик, вызвав закономерный вопрос – как оно туда влезло вместе с конвертом? Его я унес в машину. Далее – строго по инструкции. Надеть перчатки, осторожно провести пальцами по краям. Досконально проверить. Ничего лишнего или подозрительного. Оторванный от дальнего угла мелкий клочок позволил взглянуть, что там в конверте. Теряет хватку! Ни тебе взрывного устройства, ни сибирской язвы. Какие-то бумаги потрепанного вида.

Стало быть, подвоха нет. Я вытащил наружу толстую стопку архивной макулатуры. Аните бы понравилось. Сверху – материалы по широко известному в узких кругах случаю. Двадцатые годы прошлого века, городок на севере Франции. Некий Герман, очнувшийся из ловушки. Точное количество жертв так и не подсчитали, но речь шла о половине квартала. Массовое помутнение рассудка и суицидальные действия под ментальным внушением. После этого и пошла практика держать притихших эсперов под присмотром. Во избежание. Но повторения истории не было, хотя кратковременные «пробуждения» несколько раз фиксировались.

Под вырезкой из газеты того же года с некрологом девочке, свернувшей шею в заброшенном депо, лежали мемуары исследователя, который в начале девятнадцатого века устроил не самую удачную экспедицию в джунгли Амазонии. Почти все участники погибли, включая его внука с явно эсперскими замашками. Прилагались выдержки из отчетов следующей экспедиции. О том, как к их приезду местные племена выкосило

подчистую. К чему Хансен клонит?

Восемнадцатый век давал новую подсказку. Японская легенда о юной «говорящей с духами», погубившей родную деревню. Духи восстали, и все в округе тронулись умом. Виновницу сбросили со скалы, чтобы снять с людей проклятие. Классический фильм ужасов. Но были намеки, что легенда основана на реальных событиях. Например, в работах гостившего там проездом художника, впоследствии ставшего довольно знаменитым. Он утверждал, что видел все своими глазами, и рисовал увиденное неоднократно. На картинах и гравюрах то и дело встречался высокий водопад, кроваво-красные пенные брызги и тонкий силуэт на вершине скалы. Плюс бабочки ненормальных размеров, разрезающие острыми крыльями небо. Знатно его переклинило. Видимо, тоже под раздачу в той деревне попал.

Веком ранее – похожая история. Бумаги с древним преданием выглядели так, будто сейчас рассыплутся. В горах Кавказа «умеющая читать людей» своенравная дева, воспитанная неизвестным поэтом, прогневала мстительного старейшину отказом выйти замуж за его сына. Фигурировал рябиновый сад, лирика на тему «предательство, кровь, ужасная смерть» и заслуженная расплата злодеям. Поселение сравнило с землей пробегающее мимо воинственное племя, от которого прежде удавалось успешно отбиваться. К слову, после про то племя никто больше не слышал.

Неудивительно, что Хансен не побоялся отправить конверт обычной почтой. Попади он не в те руки – не страшно. У полиции, бывшей жены и любых случайных людей эти «байки» вызвали бы исключительно недоумение. Было очевидно – подборка о Вестниках. Значные закрома Потока, а значит и места убийства, по описаниям совпали. Пригодилась брошюра для кураторов, где расписаны все пятьдесят штук. Последние четыре мира один в один. И пятый, бумаги по которому были фанатично обмотаны упаковочной пленкой. Еще бы. Там уже не старье, а антиквариат. Две не пойми откуда выданные страницы на устаревшем русском и рукописное письмо с полустертыми абзацами.

Продираться сквозь гущу архаизмов было во многом даже интересно. Злая сказка о еще одной девочке, на этот раз из Испании шестнадцатого века. Вестником ее называли открыто, приписывали уникальные способности, о сути которых таинственно молчали. Однако она была «более особенная, чем другие особенные». Подозрительно осведомленный автор, наверняка сам эспер. Особенную сожгли на костре, приняв за ведьму. Весьма тривиально для тех времен. Но какого черта в русских старинных книгах пишут об испанских Вестниках? Откуда у них информация из далекой страны, с которой практически не было контактов? Из письма выяснилось, что книга была написана на двести лет позже смерти девочки. Ее отец был из первого русского посольства, отправленного в Испанию. Там его свои же и прибили. Думали, с концами, а он выжил, да еще женился и открыл в городе стекольную мастерскую. На этом везение кончилось. Желу потерял рано, любимую дочь сожгли на костре вместе со вступившейся за нее служанкой. Куча явившегося за ней народа без видимых причин полегла прямо в доме или перед ним. Но еще больше жертв было, когда костер догорел. Город накрыла настоящая истерия, ведьму видели в каждой соседке, спалили несколько районов. Неудавшийся дипломат бежал на родину и даже добрался, но вынужден был скрываться. Это не помешало ему обзавестись новой семьей и дожить до глубокой старости. Его рассказы передавались из поколения в поколение, пока праправнук, он же автор письма и книги, не решил увековечить «историю бедной Исабель». Считал ее «исключительным вемом, вестником перемен», о чем распиался другу библиотекарю. Вот и первооткрыватель термина, чтоб его. С таким почерком только письма писать...

Запихав бумаги назад в конверт, я убрал его в бардачок, с глаз долой. Прислали подарочек... У кого о чем болит, а у Хансена до сих пор о том же. И нарыл столько! Ясно, что сущности из нижнего Потока каждый раз ищут Вестника. Ищут с размахом, ни в чем себе не отказывая. И сделают это снова. Уже начали, судя по отчету Аниты.

Вопросы. Как избежать жертв? Насколько опасно вмешиваться? Вестник способен на большее, чем те пятеро, вместе взятые. Можно ли их всех скопом отправить в... И главное. Почему вся муть всегда происходит именно в Москве?

Глава 9

На окна липли снежинки, одна за другой, каждый шаг отзывался гулким эхом. Мраморному полу огромного холла катастрофически не доставало ковра, зато в диванах недостатка не было. Во всю стену тянулась глянцевая стойка, коридоры убегали вдаль залитыми светом тоннелями. Широкая двойная лестница навевала мысли о Зимнем дворце, разве что обошлось без позолоты. Снаружи здание смотрелось несколько не скромнее. Вереница колонн, двор размером с футбольное поле, забор до небес. Войти не так-то просто. На дверях хитрое устройство наподобие домофона, над крыльцом – камера...

– Как тебе? – небрежно спросил Паша. Я растерянно пожала плечами. – Многое еще не доделано. Но и открытие не завтра.

Получив приглашение посмотреть на будущий психологический центр, я втайне надеялась отговорить его от этой затеи. Вспылил из-за Совета и тех предупреждений, на следующий день успокоился, вернее, я думала, что успокоился. А тут... Целый дворец с немаленьким участком. И совсем не на окраине Москвы. Похоже на гостиницу или дом отдыха – на третьем этаже полно уютно обставленных апартаментов, и кухни там такие милые, без новомодной ерунды. Хоть заезжай и живи. Основательный подход, и отговаривать, видимо, бесполезно...

– А зачем было покупать центр Вениамина? – задала я единственный вроде бы не провокационный вопрос. – Если здание и имя в итоге другие.

– Ребрендинг. – Паша по-хозяйски облокотился о перила лестницы. Ну, теперь все понятно, да... – Не с нуля же начинать. Это у вемов осадочек остался, а клиентам жаловаться не на что. Среди психологов тоже репутация отменная. Дар, знаешь ли, неплохо помогал в проблемных мозгах копать. Чтобы прогореть, надо было очень постараться. Один Дима чего стоил... Димы у нас нет, но полно других хороших специалистов. И скоро будет еще больше, когда наши подтянутся.

– Между прочим, дар – вовсе не гарантия того, что из человека получится психолог! Этому учиться нужно...

– Юристы получались, – усмехнулся он. – Здесь даже проще. Ты не там ищешь проблему. Каждому найдем занятие. Было бы желание и место.

Вот именно, что проблема в другом. Вениамином руководил чистый альтруизм, мало кто из его учеников оставался работать в центре, а если и оставались, то делали это исключительно по призванию. А Пашина идея от «Перспективы» недалеко ушла: толпа коллег, использующая дар фактически за деньги, в одной организации... Совет будет, мягко говоря, не в восторге.

– Допустим, место есть. А как насчет желания? С чего ты взял, что наши захотят в этом участвовать?

– Во-первых, этим занимается Кира. После того как Игорь добил «Перспективу», почти никто из ее орлов нормально не устроился. И помимо них достаточно тех, кто не слишком своей жизнью доволен, а священные заветы Ливанова уже таковыми не воспринимаются, после того как он сам их феерично нарушил, уничтожив тридцать учеников. Во-вторых, Совет всех достал. Ты поначалу их люто ненавидела, и была не одинока. Русские вемы годами жили без кураторов, и отчитываться за каждый чих не привыкли, а теперь всюду контроль. Никому это не нравится. Появится реальный шанс избавиться от Совета – все поддержат. В-третьих, когда еще объединяться как не перед лицом опасности? Сейчас вовсе не Совета стоит бояться, и все это прекрасно понимают.

– Секундочку! – Я замерла у лестницы. – Какой опасности?!

– Из нижнего Потока, – невозмутимо пояснил Паша. – Потусторонние твари лезут, новый мир скоро должен появиться по расписанию, Денис очнулся и умер. Кстати, нехилый переполох устроил.

Голова пошла кругом.

- Ты рассказал про Дениса?... - в собственные слова не верилось.

- Конечно. Без деталей, само собой. Народу хватило, чтобы запаниковать. Мысль съехаться сюда им понравилась, всем необходима защита. А у кого дар предельный и опыт отбивания заграничных атак? Они думают, что используют нас, а на самом деле все наоборот. Это нам с тобой необходима помощь. Со дня на день явится кто-то еще из бессмертной пятерки. Обычные люди против них - ничто, вемы хотя бы под влияние не попадают. Так что пакуешь вещи: свои и Артема, и переезжаем сюда. Или чего ты ждешь? Пока к тебе с топором постучатся?

Ноги подкосились, я опустилась на ступеньку лестницы. Грязную наверняка... Отмеренные мне Тео «спокойные» дни прошли. Крис мог заявиться в любую минуту. Я названивала Владу, прося проверить окрестности, держала сигнализацию включенной, запиралась на все замки и вздрагивала от каждого шороха. Замки... Смешно. Они его остановят? Да и сам Тео после моего отказа легко мог вернуться к поискам Вестника. Постоянно где-то в городе мелькал, словно в Потоке у него дел совсем не осталось.

- У тебя есть то, что им нужно, - как сквозь вату донесся голос, - и они об этом знают. Ты под удар ставишь не только себя, а всех вокруг.

- Помнится... - Я глубоко вдохнула, силясь удержать поплывшую в глазах картинку. - Кое-кто однажды объединял наших перед лицом опасности. В своем доме собирал.

- Норд-то? - Паша выразительно фыркнул. - Куда нам до него. Жертвоприношения в программе не запланировано.

- Ты вмешиваешь посторонних людей. В войну, которая их не касается. Они страдают...

- Жертвы неизбежны, - перебил он. - Хочешь обойтись малой кровью? Отдай бессмертным Вестника и попроси прикончить подальше ото всех. Не вариант? Значит, кого-то да зацепит обязательно. Так пусть это будут те, кто может защищаться!

Я отвела глаза, Паша шагнул ко мне, расчертив мутное пространство искрами гнева.

- Я не намерен тебя уговаривать. И оставлять одну тоже. Считаю, ставлю перед фактом. Злись, сколько влезет. Зато жива останешься.

- Артем... - произнесла я, слабо соображая, что именно хочу сказать.

- Должен их убить. Или он, или его. Другого выхода нет. Ты понимала, на что подписалась. Даже крайние меры сгодятся. За ним пришли.

Ступенька показалась ледяной, рана под горлом кофты заныла. Паша прав - пришли, и жертвы уже есть. Но они случайные, а теперь мы умышленно подставляем кучу народа. Отвечать ему не хотелось. Ни спорить, ни соглашаться... Да и что от меня зависит? Моего мнения не спрашивали.

- Лейка, - он сел рядом, - просто доверься мне. Я все продумал. Это не обиды из-за вчерашних предупреждений, не игра в революцию и не какая-то там отсебятина. Иначе нельзя. Не справимся. Только так.

Его ладонь легла на мою. Потянуло теплотой и непоколебимой решимостью. Не отступится. Остается надеяться, что его идея сработает, как задумано... Я зажмурилась, выждала пару секунд и распахнула глаза. Мутных кругов не стало. Просторный холл, лестница. И направленный на меня выжидающий взгляд.

- Я хочу спасти Артема, - сказала я то, что знала точно. - Но по-прежнему не считаю, что все средства хороши.

- Тебе всегда мешали приличия, - усмехнулся Паша. - Не переживай. Самое неприличное я беру на себя.

- У нас пятеро из Потока на хвосте. Отличное ты нашел время злить Совет возрождением психологического центра.

- Исследовательского центра, - поправил он и с ехидным злорадством продолжил: - А что до Совета... Плюнь и разотри. Они круты в Европе, у нас - не очень. Фонду в России первый год, компания иностранная, офисы в нескольких городах, договоренностей с клиниками мало, партнеров как таковых нет, а скоро еще и проблем прибавится. Которые, кстати, было довольно легко организовать! И без того задержались в нашей песочнице. Пойдут обратно в свою командовать.

- Не надо с ними ссориться... сейчас. Вот потом...

У них Соня. По словам Киры, вернуть ей дееспособность со свободой тяжело, да и с судом можно не успеть. Мне нужно время. Нам исключительно по доброй воле дают общаться. Увезут ее, и все.

- Не будет никакого потом! - Прикосновение стало горячим, обжигающим. - Они начнут мешаться, лезть - уже лезут, и на сторону Вестников не встанут ни за что. Им не выгоден ни кем с такими способностями, ни избавление от ловушек. И самое время их вышвырнуть домой, пока нашим припекает из Потока, и взбрыкнуть не страшно. Другого шанса не представится.

К горлу подкатил ком. Сглотнула с трудом.

- А твоя Соня пусть отсиживается в клинике, меньше накуролесит. - Паша убрал руку, поднялся со ступеньки. - Даже если увезут, позже разыщем и разберемся. Толку-то нам от нее, в ее нынешнем состоянии?

В нынешнем состоянии... Черт! И правда. Чем дальше Соня от Артема, тем лучше. Сначала подпитка заграничная, а теперь и ребенок, непонятно с какой энергией. Порвет ее Вестник за компанию с вечножителями на энергетические лоскуты. Если случайно заденет.

- Хорошо, - я встала следом, отряхнула дубленку. - А Влад?

- Его я взял в расчет. Но делать этому оленю тут нечего, это жирно намекнет, что он у нас не такой, как все. Пятерка просечет - чем, и прощай преимущество. Еще и голову ему оторвут, чтоб неповадно было. Так что давай вези Артема.

- Ты представляешь себе это вообще? - Я поежилась от одной мысли. - Как я, по-твоему, должна забрать у Нины сына?

Воздух резко сгустился, окатило яростью.

- Как угодно! Ты с ней почти год живешь. Найди способ. Любой! Лишь бы подействовал. В данный момент нам не до чьих-либо чувств.

Он выдохнул, мгновенно взяв себя в руки. Посмотрел на меня странно.

- Поговорю с ней, - пообещала я.

- Прямо сейчас и поговоришь. Я тебя отвезу.

Ни намек на возможный компромисс. Да и спорить не с чем, откладывать некуда. Лишняя минута промедления может стоить кому-нибудь жизни. Я покорно вышла из здания, обещающего ненадолго стать домом, прошагала через наглухо огороженный двор и села в машину непривычного для Паши бледно-серого цвета. пышное крыльцо в зеркале заднего вида отдалилось, едва слышно отъехали вбок ворота. Я откинулась на спинку кресла и всю дорогу подбирала выражения, которыми предстояло убеждать Нину. Не подобрались, и близко даже. Она была не дома, а где-то недалеко в городе. Вместе с Артемом. Хоть что-то удачно... Сразу его и заберем. Если, конечно, отдадут.

Его родная, невероятно теплая энергия с каждым поворотом становилась ближе и ярче, пока не засверкала совсем рядом. Развлекательный центр, значит. Опять... Машина въехала на тесно заставленную парковку подземного этажа, найденные с горем пополам слова вылетели из головы - и подходящие, и не очень. К черту! Справляюсь. Не для того я прошла через все испытания последних полутора лет, чтобы сомневаться перед финишем.

Я решительно отстегнула ремень безопасности и выскользнула наружу, Паша бросил мне вдогонку, что ждет здесь, и уткнулся в телефон. По пути вызовов пять пропустил. Артем отвечивал с территории обещающих неистовое веселье квестов, а вот Нина была выше. Это хорошо, поговорить нам лучше без него. С какого перепугу она вообще притащила сюда сына? Впрочем, не удивлюсь, если он настоял, а теперь после пары игр прячется в укромном углу с планшетом. Лифт увез на последний этаж, сплошь состоящий из вереницы кафешек и расставленных за декоративными заборчиками диванов. Народа было немало, но терпимо. Около получаса в запасе до обморока есть. Я по возможности отгородилась от чужих назойливо липнущих эмоций и двинулась на отпечаток.

Нина сидела у окна в компании импозантного мужчины средних лет, словно сошедшего с обложки бизнес-журнала. Улыбки, неотрывные взгляды, сияние оранжевых оттенков. По всем признакам влюбленность. Ох... Вот почему она в последнее время в таком хорошем настроении! Снова расцвела, нарядов накупила и каждый вечер ходила в той подозрительной косметической маске из меда столь же подозрительных зимбабвийских пчел.

Не думаю, что мне будут рады, но ждать некогда. Лучше уж мое вмешательство, чем Криса... Мысль подстегнула, я без колебаний прошла к дивану и под села к Нине. Та округлила красиво подведенные глаза, ее спутник завис с поднесенной ко рту чашкой. Поваяло обоюдным замешательством и немножко раздражением. Третий лишний...

- Надо поговорить, - выпалила я ей в лицо. - Срочно. Это важно.

Тип с обложки вопросительно уставился на меня, потом на Нину.

- Это... э-э-э... - отмерла она. Кокетливый изгиб губ растаял без следа. - Няня Артема.

- Извините, что помешала, - добавила я, чувствуя себя совершенно по-дурацки.

- Ничего страшного, - он символически постучал по массивным часам на запястье. - Все равно мне скоро пора.

Нина понимающе улыбнулась, но импульсом прилетело негодование. В мою сторону. Она выразительно скосила глаза на соседний свободный столик. Я села туда и заказала кофе, чтобы не выглядеть глупо в компании меню и салфеток. Ее кавалер уходил целую вечность. Медленно допивал чай, потом ждал счет, потом - оплаты счета, ничуть не торопя официантку. Затем взял Нину за руку и устроил прощание в трех актах. На меня - ноль внимания. Ну да, няня - это практически мебель. Эмоции в зале с каждой минутой давили все сильнее, голова тяжела. Когда он наконец удалился, я была недалеко от своего предела - и по пребыванию в толпе, и по терпению! Некоторым людям что, совершенно не знакомы слова «срочно» и «важно»?!

- И что же такого произошло, - недовольно осведомилась Нина, едва я заняла его место, - что никак не могло подождать до вечера?

Подбор слов в очередной раз скончался в муках. Ладно... Вряд ли можно сказать иначе, чем прямым текстом. Сколько ни смягчай правду, суть останется прежней.

- Мне необходимо уехать, - выдохнула я, наблюдая, как она нервно болтает трубочкой в пустом стакане. - С Артемом. Ненадолго. По нашим... делам.

Обдало смесью крайнего изумления. Понимания - ни капли.

- По делам, - задумчиво повторила Нина. - И это все объяснения?

- Объяснить сложно. Нам нужно разобраться с возникшей из-за дара проблемой. В безопасном месте.

- По-твоему, наш дом недостаточно безопасен? Вот для чего были те показательные игры с замками и сигнализацией. Мой ответ - нет! - Согнутая пополам трубочка улетела на дно стакана. - Надоело выслушивать эту чушь, которую и проверить-то нельзя.

- И мне надоело, - ровно выговорила я, - постоянно уговаривать тебя не мешать спасать жизнь твоему сыну.

– Именно, что постоянно. – Она изменилась в лице, идеально ровный лоб расчертило морщиной. – Заезженная пластинка! Хорошо придумала, знаешь, на что давить. Так вот – больше я не позволю собой манипулировать. Никуда из жизни Артема не денусь, даже ненадолго. Хоть тебе это и не нравится, его мать – я.

Мать, чтоб ее. Выбрала же момент для сцены ревности!

– Считаешь, я не понимаю, как у вас все устроено? – Нина засверкала злорадным превосходством. – Одна милая девушка объяснила мне что к чему. Из той организации, которая за вами присматривает.

Ох... Ну, конечно. Раз Анита убеждала Влада хранить дар в тайне, то и с ней должна была побеседовать. Наверняка тоже визитку оставила. Выходит, у Нины есть связь с Советом? И были разговоры об Артеме?... Я напряглась, она истолковала это по-своему:

– Хватит меня дурачить, ясно? Ничего ужасного с ним не происходит! Многие так живут. Нормально живут, без военного положения. Со своим даром Артем справляется отлично, несколько месяцев никаких проблем нет.

– Пожалуйста, не стоит благодарности! – не удержалась я.

Внутри плескался гнев, тянуло разбить стакан о ее бестолковую голову. Собственная гудела вовсю – время поджимало.

– Давай начистоту, – усмехнулась Нина. – Это он тебе нужен, а не ты ему. Артем уже не нуждается в присмотре. Я молчала, потакала. Твоя помощь действительно была неоценима тогда, вначале, и он к тебе привязался. Я решила – пусть. Но ты переходишь всякие границы! Тебе надо уезжать? Отлично! Уезжай. Давно пора.

Дура мнительная! Воздух сгушался, окатывало ярким сиянием, и оно приближалось. Устал ждать, видимо... Положив руки на колени от греха подальше, я перевела дыхание и как можно спокойнее произнесла:

– Ему угрожает опасность.

– Ага, неведомая. Только ему.

– Всем людям с даром.

– Даже так. – Ее взгляд стал цепким, длинные ногти забарабанили по столу. – А Анита об этом знает? Она говорила, что их фонд раз вопросами безопасности занимается.

– Не нашей, – ехидно подсказала я. Кажется, прозвучало угрожающе...

– Возможно, мне стоит беспокоиться насчет своей? – с вызовом спросила Нина, не отводя глаз.

Возможно! В висках ломило, рос соблазн вырубить ее к чертям. Но толку? Увозить чужих детей незаконно, никого не волнует, что они Вестники... Полицию уж точно. Она торжествующе сложила руки на груди. Сиянием на мгновение ослепило, я подвинулась, на мой диван приземлился Паша. Сбросил звонок завопившего в кармане телефона и ласково произнес:

– Девочки, ну хватит фонить, аж до парковки долетает.

Нина ошеломленно моргнула, разом потеряв уверенное выражение лица. Раскрытый рот и сплошь недоумение. Ох уж эти Пашины эффектные появления!

– Что, и ты... – выдавила она, крепко обхватив пальцами стакан, – тоже?

– Есть такое, – невозмутимо отозвался сын ее давней знакомой.

– А Роза знает?!

– Нет. И не узнает.

Нина поспешно закивала, всячески демонстрируя полное согласие, повозила по столу

стакан и нехотя отпустила. Да уж! Если ей хотелось походить на Розу – пожалуйста. Частично сбылось!

– Точно, – она потерла лоб, – вы же у нас на приеме втроем в библиотеке переждали. С Кирой, у которой тоже дар... Мне следовало догадаться. Ах! Так вот почему...

Посмотрела на него, потом на меня, затем снова на него. И понимающе улыбнулась. Само собой, с чего бы еще ему со мной быть!.. Тайна века раскрыта!

– Нам нужно ехать, – Паша сделал вид, что ее последних слов не услышал. – Времени попрощаться было достаточно.

– Мы еще не договорились, – озвучила я очевидное.

– Тогда я забираю тебя одну, – он равнодушно пожал плечами. С явным намеком прилетел успокаивающий импульс. Я прикусила язык. – Здесь может быть опасно, все-таки общественное место.

– Опасно? – переполошилась Нина. – Почему опасно?

Надо же! Заинтересовало.

– Вемов преследуют не самые дружелюбные ребята, – сухо пояснил он. – У нас возникли некоторые проблемы с тем, чтобы оставаться целыми и невредимыми.

– А как же Артем?... – Она растерянно уставилась на Пашу.

Стукну ее, честное слово...

– Могу взять твоего сына за компанию, если Лера за ним присмотрит.

Нина покосилась на меня и поджала губы:

– А Анита может с этим разобраться?

– Какая нафиг Анита? – Он красноречиво изогнул бровь. – Она из Совета, который веками заботится лишь об одном – как оградить от нас обычных людей. Вплоть до крайних мер. Рассказывай ей побольше, если ребенок надоел.

Гамма эмоций от нее прилетела насыщенная – страх, замешательство и всполохи вины.

– Все, некогда, – отрезал Паша. – Леру я уважу, и это не обсуждается. Не хочу, чтобы она пострадала. Если что – звони, попытаемся помочь.

Что?... Ведь прекрасно видит, что почти дожал! Клиентам в банке так же мозги промывал?

– Возьмите Артема с собой, – выпалила Нина. – Сейчас. Ну... туда, где безопасно. Это хоть в Москве?

– Недалеко, – как ни в чем не бывало ответил Паша. – Адрес оставлю. Иначе как ты ему вещи привезешь?

Она признательно кивнула. Я не стерпела и закатила глаза. Фарс!

– Найди мальчика, – велел он мне и отодвинулся, освобождая выход, – и спускайся к машине.

Я сорвалась с места. Хочет ей наедине еще пару слов сказать? Да сколько угодно! А мне пора к Артему. Наконец-то...

Шаг, другой, третий, злосчастный столик остался позади. Поворот, длинный коридор, наводненный людьми и вкусными запахами, череда вывесок кафе. В глазах помутилось, лифты отпечатались невнятными пятнами. Вот же... Чертова толпа! Сколько ни отгораживайся, откат все равно догонит. Глубокий вдох, выдох, концентрация. Вытерплю... Сытых семей с детьми в лифт набилось словно огурцов в банку, и я не рискнула туда втискиваться. Выбрала эскалатор. Артем отчетливо светился парой

этажей ниже, доеду как-нибудь. Ступени под ногами зашуршали и поползли вниз, померещился не то прилив, не то отлив. Мир поплыл, родной отпечаток приближался ужасно медленно. Внутри что-то скреблось, странное, напуганное, не мое. Спокойно! Крепче схватиться за поручень, сохранить шаткое равновесие. Отсчитать бесконечные секунды и наступить на твердую плитку пола. Не едет никуда, уже радость... Это он – нужный этаж. Холл зарябил, исказился, разошелся волнами. Нет, нет, только не ими! Откуда ни возьмись запахло воском, затрещали свечи.

...огни вытягиваются змейками, дрожат. Не страшно. Уже все. Слова сказаны, правда открыта. Духота объятий, зажатые словно в тисках плечи, мой шепот:

– Ты был прав. Мне жаль.

Тихое, едва слышно «тс-с-с», горячее дыхание на ухо. Жар нарастает, оцепенение сонное, приятное.

– Да, – отвечает он на тот вопрос, который я задать не решилась. – Отпускаю. Иди.

– Я не вернусь, – говорю как есть. – И дойду вряд ли.

– Стоит попытаться.

Оправдания застревают в горле, кивок тонет в темноте. Время неумолимо, ожог на руке пылает. Зажмуриться, вдохнуть полной грудью. Не надышишься, но можно растянуть мгновение. Поймать, запомнить. Отныне и навсегда.

– Я все испортила, – еще одна правда.

– Исправишь.

Смех вырывается некстати, впору захлебнуться. Висок обжигает поцелуем, густо разливается тишина. Я знала, с самого начала знала. Он поймет.

Пора.

Спокойствие пугает, всюду плещется тоска. Прощаться глупо. Лишнее. Пусть последним будет обещание:

– Исправлю...

Полыхнуло ядовито-ярким, наваждение схлынуло. Звуки донеслись странные – то ли взрывы, то ли выстрелы, бесконечные «бац-бэмц» и надрывное пиликанье. Что за... Постепенно проявились разноцветные железные коробки, мерцающие экраны и напряженные спины перед ними. Игровые автоматы?... Так и есть – целый зал. Сморгнув остатки ряби, я протерла глаза. Парочка подростков пыталась отстрелить хвост мультяшной змейке, группа парней резалась в настольный футбол, лысоватый мужик с внушительным пивным пузом крутил руль виртуальной машинки. Как я здесь оказалась?!

И где выход? В полумраке и отсветах бликов я разглядела штору в углу. Сделала шаг, отцепившись от искусственной елки в кадке, за которую держалась, и... Чуть не врезалась в непонятно откуда взявшуюся девушку. С даром... Знакомое сияние, да и лицо тоже. Субтильная фигурка, внимательные глаза. На вид лет восемнадцать, не больше. Вспомнила! Та трусиха из Диминой группы. Что она здесь делает?...

– Валерия, – задумчиво кивнула девушка, непонятным образом заглушив громкую очередь электронного бластера.

– Маша? – напрягла я память.

– Нет, – расцвела усмешка на ее губах.

Разве я перепутала? Олей там была другая. Или... Ощувив настойчивую вибрацию в

кармане, я потянулась за телефоном. Дисплей отразил три пропущенных вызова от Влада. Черт. Черт! Черт!.. По спине пробежала дрожь, направленный на меня взгляд стал пристальнее. Отчетливо ощутила опасность.

Игровые звуки разом стихли, согнутые перед автоматами спины распрямились. Все без исключения посетители замерли, разлилась мощная, удушающая энергия.

Не Маша...

Кто?! Яника, Иллит?

- Ты ведь сказала, - подмигнули мне, - что наша очередь нагрянуть в гости.

Базиль?...

- Не я... - вырвалось само.

Тонкая бровь вопросительно приподнялась.

- Не я сказала.

Посмотрели как душевнобольную. Она... Точнее, он. Нет... Не понимаю. Как так вообще?!

- Приходится работать с тем, что есть, - последовал равнодушный комментарий. - Все равно это ненадолго.

Ненадолго... Слово эхом прокатилось в глубину сознания. Артем! Где он?... Из нижнего Потока пришли за ним?! Или уже... Я нервно сглотнула, сосредоточилась. Его отпечаток, Пашин, Нинин... Все вместе, живы, и разделяет нас несколько этажей. Артем сам к матери прибежал, видимо. А если побежит ко мне?...

Я попятилась, воздух тотчас завибрировал. На мгновение дышать стало нечем, притихший народ развернулся и потек к выходу. Кто-то рывком отодвинул штору, едва не оборвав, и все вывалились в коридор. Внушение? Что им велено делать?...

- Они... - я покосилась на спины геймеров, перегородившие проход, - зачем там?

- У них новая игра. - Побледневшие губы изогнулись в подобии улыбки. - Называется «не впускай никого внутрь». Никто нам не помешает.

Не помешает... заняться чем? Что он задумал?! Так, спокойно. Я огляделась в поисках чего-нибудь потяжелее. Надо как-то защищаться. Ту же елку толкнуть. Не всемогущий же! Особенно в теле слабой девочки.

- Не дури, - тон не Маши заставил вздрогнуть. - А то верну в зал кого-нибудь особо фанатичного, призовой уровень проходить, а роль мишени достанется тебе.

Сволочь... Мысли прочел?

- У тебя на лице все написано, - пояснили насмешливо. Шаг ко мне, расстояние между нами вновь сократилось. - Ты мне кое-что обещала.

Приплыли! Эсте наговорила невесть что про Каму, ее изначальные цели и неразгаданные загадки, а расхлебывать мне.

- Да-да, обещала тоже не ты. - Явственно повеяло усталостью. - Без разницы. У тебя есть ответ.

Вот зачем Базиль явился! Впрочем, поэтому в прошлый раз и отпустил. Ради тайны, которую подруга Эсте унесла с собой в могилу.

- Я ничего не знаю, - призналась я честно.

- Но помнишь. Покажешь.

- Как?! - Страх притупился, выплеснулось возмущение. - Это не конспект, и не

автобиография! Чтобы по заказу выдавать. Не было видений об этом.

– Будут. Всего-то нужна правильная ассоциация. Сядь, – скупой кивок указал на диван. – Любишь же ты усложнять. А потом: ах, как так вышло, я не хотела, почему все умерли...

В коридоре воинственно засвистели выставленные из зала геймеры, испуганный женский голос обозвал их идиотами и пообещал позвать охрану. Лучше Базиля не злить... Мало ли какой фокус выкинет. Мы в развлекательном центре в выходной день. Детей вокруг полно! Я стиснула зубы и села, куда велели, не упуская из вида меняющие положение знакомые отпечатки Паши и Артема. Надеюсь, они не на мои поиски отправились. Надеюсь, Влад позвонил и им, рассказал, кого заметил. Пусть уедут отсюда, пусть-пусть-пусть...

Спустя бесконечно долгую минуту напротив оказалось кресло. Теперь призрак Маши был ближе некуда. Щурился. Одно радует – в голову ко мне залезть нельзя. Иначе любой из пятерки еще при первой встрече вынул бы все о Вестнике. Значит, не могут.

– Расслабься, – он откинулся на спинку кресла, видимо, подавая пример. – Тебе самой неинтересно? Чего же тогда роешься в ее памяти который месяц? Что хочешь найти?

Вопросы поставили в тупик. Действительно, что? Я хотела восстановить картину событий, понять, что произошло тогда – пять тысяч лет назад. Почему закончилось в пустыне вот так... Разве сейчас мне не предлагают помочь это сделать?

– Что за ассоциация? – спросила я осторожно.

– Говорю же – расслабься.

Легко ему командовать! Я зажмурилась, глубоко вдохнула. Выкинутые из головы мысли, медленный выдох. Тихо. Я смогу. Справлюсь. По венам растеклось напрочь искусственное умиротворение, от кресла прилетел колющий импульс энергии. Растворился в воздухе, превратив его в нечто вязкое, холодное, смутно знакомое.

...скрип досок, покалывание ледяных игл на коже. Выбежала в ночь в легком платье, когда было успеть одеться?... Кама застывает на ступенях, в ее волосах – ветер, в глазах – обида. Не на меня, но от этого не легче.

– Оставь, – говорю. – Оно того не стоит. Помирись.

Тяну к ней руку, окна манят светом и теплом. Кама делает шаг – не ко мне, назад, и вздыхает:

– Иди в дом, простудишься.

– Да она у нас сама забота, – из дверей льются вялые аплодисменты. Хрупкое спокойствие бьется вдребезги, звенит. – Святая. Во всем.

Порога Базиль не переступает, Кама морщится, словно от боли:

– Я открыла вам все. Путь в самую глубину, силу, о которой никто не смел мечтать. Ограничение единственное – сверх оговоренного не брать никому, чтобы не были наказаны все. Но ведь и того достаточно...

– Одарила с головы до ног, – подхватывает он. – Ты нас по всему миру здесь собирала. Собрала. Чего ради? Два десятка человек играют в богов, энергия в твоём хваленном сосредоточении силы хилеет. Эсте, ты видела. Скажи ей.

Говорила, не раз. Наедине. При нем повторять не стану. Что-то не в порядке стало там – где поначалу было прекрасно.

– Я одного желала, – отвечает она с вызовом, – правды о том, на что мы способны. Для нас, не для себя. Эсте знает.

Молчу. Два взгляда колются, тишина холоднее ветра. Кама разворачивается, несется прочь. Пять ступеней, скрежет ворот, и нет ее. Базиль ждет меня пару мгновений,

после исчезает за порогом, прикрыв дверь. Холод сковывает, платье треплет ветром. В голове – ни мысли...

Я шумно выдохнула, распахнула глаза. Подсвеченный экранами игровых автоматов зал, мельтешение теней за шторой. И сгусток мрачного ожидания в кресле.

– Ну, спасибо... – Сквозь прищур проглядывал упрек. – Неоценимо было. Столько нового!

– Ассоциация, видать, провальная, – тоже прищурилась я, тщетно пытаюсь избавиться от ощущения холода, забравшегося под платье. – Или сам способ.

Обожгло чужой злостью, в горле моментально пересохло. Не Маша подалась чуть вперед, меня вжало в спинку дивана. Так... Надо бы выбрать другую интонацию. Хотя, помня провальные переговоры с Ниной, лучшее, что я могу сделать – это прикусить язык. Хотелось вовсе исчезнуть. Увы, как ни представляла символ, ни открывала ей дверь, ни звала – ничего. Сквозняк и пустота. Чертова Эсте! Заварила эту кашу, пригласив Базиля, сама бы с ним и общалась.

– Еще раз попробуем, – сказали мне с тем фальшивым спокойствием, от которого до срыва шаг.

Из коридора доносились повышенные голоса, требования прекратить безобразие и детский плач. Чем быстрее мы закончим, тем меньше вероятность, что кто-то из посетителей пострадает... Кроме того, и Артем, и Паша все еще были в здании. Что будет, если придут к нам? Вестник может случайно кучу народа зацепить, и Базиль явно не тот, кто легко сдастся. Соня предупреждала, что он из пятерых самый опасный противник. Вдруг Артем с ним не справится?...

Выжидательно изогнутая бровь собеседника намекнула, что терпение на исходе. Я обняла себя за плечи в попытке расслабиться. Отключить разум, притупить чувства. Разлитая вокруг давящая энергия помогала, толкая не то в сон, не то в обморок. Я позволила ей. Получилось. Размеренное дыхание в темноте закрытых глаз, пойманный импульс энергии. Звуки отдалились, в сознании вспыхнул образ – теплый, мягкий, родной.

...ночи тают в рассветах. Подкрашенное малиновым небо, оживающий город с высоты крыши. Кама ерзает на выступе, подносит к губам кубок.

– Этот лишний, – отнимаю и отставляю прочь.

Она вздыхает, почти ложится рядом. Упадет – так в шкуры, растянутые во дворе для сушки. Возможно, просушится тоже.

– Как было не отпраздновать, – доносится сбоку бормотание Камы, чтобы мгновение спустя утонуть в ее звонком смехе. – Сбылось. Все-все. И даже больше! А ты не верила: страхи, сомнения, ой, не надо... А я знала, всегда знала – надо. О, гляди, глава округа идет! Отправим его, осла ленивого, в той канаве убирать? Он, помнится, обещал порядок блюсти...

– Отправим тебя спать, – запрещаю я тем тоном, с которым редко кто спорит. С ней сложнее, приходится еще и по плечу хлопнуть. – Сказано, не трожь! Нечего себя тратить, впускую к тому же.

– Иногда – можно, – шепчет она. – По праздникам... Не кривись. Сил уходит много, то правда. Однако никто не умер пока что.

– Некоторые на верном пути, – имена произносить желания нет. – Стоило ли показывать глубокий мир всем, без разбору?... Чувство меры не у каждого есть.

Кама приподнимается на острых локтях, смотрит хитро.

– Их тело – их дело! Нужны были все. Я подарила ответы им, они – мне. Помогли

главное найти, разглядеть. Цель, суть, конец пути...

- И что там в конце? - уточняю я недоверчиво. - Обрыв, бездна? Нет? Неужели дно?

- Спа-се-ние, - мечтательно тянет она слог за слогом. - Вся жизнь, все жизни - повторы пройденного, иллюзия выбора, мучение сплошное. Без конца и края. Тебя заперли и гоняют по кругу. Но можно вырваться. Не потакать порывам, желаниям, отыскать ключ. Стать выше этого. Вне правил! Быть не здесь, а везде. Всем сразу.

Свою энергию изменить? Ясно. Влиться в большее, потерять себя.

- Сомнительное счастье, - говорю, как думаю, - быть сразу всем. Равно, что ничем.

- Это свобода, - фыркает Кама. - Ты не видишь целого. Вся в частях и крошках... Ловушке чувств. Муж, любовь, счастье быть. Думаешь, смысл в том? Оно ничто.

Отодвигаюсь от края, от рассвета, от нее.

- Мгновения мимолетны. Пройдет время, - она обводит взглядом город по ту сторону от нас, - этого не станет. Ничего не станет: ни этих мест, ни тебя, ни их, никого. А я останусь.

- Не собой.

- В этом и ключ!

Я отмахиваюсь, смотрю вверх. Кама смеется. Небо становится более глубоким, ярче, ближе. Вот-вот упадет...

Я дернулась, потолок отбликовал пятнами света. На диване было жестко, как на чертовом выступе, ныла затекшая спина. Призрак крыши рассеялся, из кресла смотрела недо-Маша: зло, пристально, не моргая.

- Потрясающе! - Зал взорвал хохот, заглушив возню в коридоре. - Сеанс откровений! И билет не вернешь. Вот это, я понимаю, был план... А уж конец-то какой заманчивый на горизонте, всем концам конец! Спасительные высоты, энергетическая, мать ее, эволюция. Надмозг недоделанный, одарительница гребаная...

- Она умерла, - напомнила я зачем-то.

- Повезло! - Рядом клокотала ядреная смесь досады и разочарования. - Камочку пристукнуло философскими раскопками и идеей превращения хрен знает во что. А мы в итоге получили выставленный счет и нескончаемый отряд Вестников на хвосте. Шикарно вышло! Браво!

Я выпрямилась, облизала пересохшие губы. Из коридора доносились крики, звон и звуки борьбы. Явно подключилась обещанная охрана. Геймеры держали оборону, тонкий девичий голосок вопил, что пора вызывать полицию. Скоро сюда половина развлекательного центра сбежится! Паша точно поймет, где я. И Артем тоже...

- Может, хватит? - прошептала я.

Прошиб холодный пот. Базиль получил что хотел. То, за чем пришел. Больше я ему не нужна...

- До вас все равно доберутся, рано или поздно, - решила я ни в чем себе не отказывать. - Не этот Вестник, так следующий границу подвигает.

- О, как! - Насмешка засквозила откровенная. - Думаешь, ее двигает Вестник? Эсте, ку-ку...

- Я не...

- Да плевать, - практически рявкнули, - кто ты там сейчас. Причину и следствие путаешь так же.

Не Вестник двигает границу, а наоборот?... Значит, это она движется при его появлении в Потоке! Так сезон охоты и объявляют открытым... Но умышленно урезать себе территорию? Зачем?!

– Миры с воспоминаниями, – ответ пришел сам. – Им нужно место.

– Мозги включила? Похвально.

– Оно кончается, верно? Однажды весь Поток займут призраки погибших Вестников. А вам не останется ничего.

Вот почему Яника искала другой выход! С Вестником подружиться пыталась, его силу получить. Решить проблему раз и навсегда. Вовсе не потому, что пятерке охотиться на них надоело... Поток не резиновый.

– Как это ничего? – Взглядом прожгло даже сквозь Машину густую челку. – Подружку не слышала? Перспектива карьерного роста. Вширь!

В воздухе запылало что-то ядовитое, с привкусом застарелой горечи. Въедалось в кожу, мутило сознание. Я мигом проглотила вертевшиеся на языке слова. Вход отдалился, потасовка стала тусклой и странно приглушенной, реальность норвила уплыть.

Меня затрясло, неизвестно отчего. Нельзя... ни секунды здесь больше находиться. Попыталась подняться с дивана, тело не послушалось. Царапало каждым вдохом. Собственное молчание давило похлеще захватившей зал энергии. На запястье сомкнулись тонкие, но сильные пальцы. Сжали до боли.

– Пора в гости. – Звуки смолкли, пропали. В мозг абсолютно не девичьим голосом вклинилось: – Там давно ждут.

Резко потянуло прочь. Сквозь границы миров, в глубину, в Поток. Нет! Я сосредоточилась, как могла, ухватилась за ускользящую реальность. Тщетно, сопротивление растворилось в напоре подчиняющей энергии. Сколько я тут просидела? ... Никаких сил не осталось! Танец бликов на потолке, бешеное вращение. Автоматы слились в разноцветное пятно, зал померк.

Всюду окружили волны света, вперед потащило с сумасшедшей скоростью, словно на буксире. Куда?! В их продвинутый Лектум? Сразу за границу? А там ловушка, и все. Выпотрошат мои воспоминания без остатка, узнают об Артеме... Перебьются! Глубина нарастала, крючок Базиля слабел. Недостаточно, чтобы вырваться, но все же. Еще посмотрим кто кого... Дар откликнулся согласием, прилило сил. Понадобилась вся концентрация, и даже больше. Выбросило посреди проявляющейся картинки, я приготовилась защищаться. И замерла в недоумении. Знойно палящее солнце, сплетение лиан, шелест папоротника. Заросли пальм, цветущие орхидеи на шершавых стволах. Разноцветные лепестки: белые, розовые, пурпурные. Дружелюбная, податливая энергия. Определенно не ловушка. И мир знакомый! Джунгли, попугай с пастью крокодила на ветке. Тянуло гарью, вдалеке, где хижина, поднялся дым. Запястье по-прежнему было в тисках пальцев Базиля, взглядом из-под рыжей челки буравило насквозь. Ну хоть не Маша! Отсвечивал он как-то слишком ярко, до чудовищного неправильно. Слепило, хоть в упор смотри, хоть зажмуривайся.

– Похоже, – усмехнулся Базиль куда-то в заросли.

Мы... действительно в верхнем Потоке? Для чего?... Никто из пятерки сюда не совался! Насколько я знаю, из-за границы – пятьдесят веков ни ногой. Неспроста же Тео сам не полез эти миры проверять, а Соню отправил.

Земля задрожала, трава под ногами потеряла объем. Стала какой-то ненастоящей, будто в спешке нарисованной. Я попятилась, Базиль крепче вцепился в мою руку.

– А это смешно, – отметил он, однако веселья в нем не было ни на грамм. – То, что ты делаешь. Так отчаянно пытаешься вспомнить то, о чем мечтала забыть. Что тебе вообще рассказали об Эсте? О той, которая, конечно, не ты, не ты...

Попугай склонил страшную морду набок, хлопнул и цветастой лужей стек с ветки. Над головой низко нависло плоское небо, чувствовалась нарастающая вибрация. Черт! Что

происходит?

– Она ушла, – пробормотала я. – От вас. Сама...

– О, да. Ушла. И ты решила, что в приступе правильности. Эдакая оскорбленная невинность. Блюла черно-белую мораль, не допускала жертв. Щас! На ее совести их было больше, гораздо.

Пространство сжималось, солнце палило ненормально. Не бывает таких температур... Надрывно звенел, сталкиваясь на ветру листьями, папоротник, словно был сделан из стекла. Дым закручивался воронкой, огромной, густой. Точка выхода там... Надо бежать туда! И быстрее. Что-то с миром явно не так!

– Знаешь, что ты хотела исправить? А почему? – Базиль притянул меня ближе, с ненавистью встряхнул. В ухо проник шепот: – Это ведь все из-за тебя...

Небо застыло. Раскатистый звон, дрожь по спине.

– Сказать, в чем ирония? – Он оглянулся, хватка ослабла. – Она меня даже не узнает.

Все утонуло в шуршании смятой бумаги. Лепестки орхидей скукожились, как от огня, пальмы от лиан было уже не отличить – сплошное зеленое месиво. Пора! Прочь оцепенение, предельная концентрация. И я ударила его. Свободной рукой, атакующим импульсом, одолженной у мира энергией. Та пришла на помощь так пришла! Столп искр, разорванное пополам небо, зияние пустоты. Я отлетела, благо, одна, и провалилась в кусты. Не мягкие, не жесткие, никакие. Совершенно никакие. Пробралась через гущу этого непонятно чего, на автопилоте свернула на тропинку – на то, что от нее осталось. Прорезающая джунгли линия, невнятный контур. К хижине, срочно к хижине! Понятия не имею, на месте ли она, но точка выхода сияла отчетливо. Успею? Должна!

Жара плавилась листья, воздух, мысли. За спиной и чередой преодоленных кустов что-то сердилось, бурлило неистово. Спасительное сияние приближалось. А потом словно электричеством шарахнуло. Энергия плотно сгустилась, ноги увязли то ли в ней, то ли в том, что раньше было землей. Расстояние исчезло, перестало существовать. Зацикленная вереница кустов, схематичных и одинаковых. Что за... В небе расползались следы ржавчины, обрывки каких-то страниц со старинными буквами. Неразборчивыми. Ни дыма, ни точки выхода. Из транса вывело шипение, забыть которое было невозможно. Я оглянулась. Сзади, на горизонте, переливалась тьма – странная, искрящаяся. Двигалась рывками, неотвратимо заполняя собой все. Это конец...

Стоп! Я же прекрасно знаю, чем ее одолеть. Однажды получилось. Нужен свет, много чистой жизненной энергии. На этот раз дар у меня полный – смогу гораздо больше! Я не стала убежать, все равно было некуда. Развернулась к тающим под натиском тьмы джунглям, выпустила в нее ослепляющий сгусток. Густая чернота вдалеке вздрогнула, проглотив его целиком. Вторым подавилась, третий прожег ее ядовитой белизной. Но всего на мгновение. Я повторила фокус десятков раз, не то чтобы добилась успеха. Тьма жадно заглатывала смешавшиеся фрагменты мира, вбирая в себя его энергию и разрастаясь. Шла единой высокой волной, подобно цунами... Не так, как в первородном мире, да и сама была не такой. Немудрено! Там – лишь ожившее воспоминание, отголоски битвы прошлого, когда-то имевшей место в реальности. Сейчас передо мной – настоящий Вестник. Его истинная энергия, суть, основа этого мира. Душа? Выползи тогда в пещере призрак Нири, мне бы мало не показалось. Ее при жизни-то только шестером победили! Нет, полумеры – не вариант. Необходим массивный удар. Всем и сразу!

Цунами из тьмы надвигалось, джунгли бежали ей навстречу. Подобие кустов и дгорающее небо сливались, превращаясь в невнятное месиво. Я послала Поток призрак, точнее, тому, что еще оставалось от мира. Услышал, откликнулся. Отлично... Мне пригодится помощь, вся какая найдется. И так, замереть, сосредоточиться. Ощутить себя гигантским сияющим шаром, готовым взорваться. Главное – не переборщить! Всюду чувствовалась энергия, та самая – чрезмерно яркая и неестественная, но какая-то рассеянная. Словно ее размазали тонким слоем по воздуху. Кажется, предназначение Вестника выполнено, цель уничтожена... А теперь убирают остатки. Вместе с сошедшим с ума миром, потревоженным воспоминанием. И мной!

Окружило мешаниной из лиан, огня и разодранных на сотни отдельных строк страниц, сверху нависла необъятная чернота. Пора. Но... Черт подери, это же не тьма на самом деле! Не злобная лужа, жестокая тварь или что-либо еще. Это девочка. Просто девочка, которая не хотела умирать, особенно здесь и так. Надо ли защищаться? Разве она нападает?... По крайней мере, не на меня. Накопленная мной сила пульсировала внутри, ждала приказа вырваться. Не дав его, я заглушила сияние. Прислушалась и шагнула во тьму.

Там была боль. Гневные искры недоумения, обманутые надежды и обида, очень много обиды. Горячей, пульсирующей. По-моему, Базиль ошибся. Она его все-таки узнала... Я протянула руку туда, где что-то металось, упрекало, жалело об утраченном. А еще дико злилось, в холоде и пустоте. Я нащупала горсть странного, совершенно постороннего тепла. Оно было вопиюще неправильное, но искреннее. Тело угольками, разгораясь, вспыхивая ярче и ярче. Согревая, заполняя пустоту. Плотные сгустки боли таяли, гнев сменялся мрачным, тоскливым пониманием. Обожгло, я одернула руку. Ничего чужеродного кроме меня здесь не стало, в этой насыщенной, удивительно живой темноте. Общий, слившийся воедино привкус сожаления, дымка спокойствия. И то, что ни с чем не спутаешь... Прощение.

Тьма закрутилась воронкой и схлынула, на секунду мир проявился вновь. Привычный, зеленый, с жарой и шумом. Застыл поставленной на паузу картинкой и перевернулся. Буквально! Небо рухнуло на землю, все полезло друг на друга: тропинка в обрамлении кустов, шаткий мост, усеянный камнями пляж. Клочки облаков, смятые обрывки страниц. Рядом забурилась река, мимо проплыла хижина. Точка выхода! Я рванула к ней, вцепилась в выросшее на пути бревно. Нашупанная граница миров, долгожданный побег.

Вспышка. Невообразимой яркости. Запредельной! Догнала на самом выходе... Поток отозвался гудящим эхом. Мир схлопывался – иначе не скажешь. Меня засасывало туда же. Повеяло родной энергией. Будто за шиворот схватили и потянули вверх.

Вынесло на берег. Очень памятный берег! Щекотная трава, стайки бабочек. Возвышались скалы, ревел водопад. Попыталась встать, но на меня с зареванным лицом навалился Артем.

– Вытащил... – выдохнул он, потом обвил мою шею руками и прошептал: – Там джунглей больше нет, вообще ничего нет. Рухнуло... Пошли отсюда...

Скорее бы обняться по-настоящему! Совместный нырок – стремительный, настигшая врасплох реальность. Точно она... Голова гудела подобно улью с пчелами, тусклая лампочка резала по глазам. Тело не слушалось, в ушах стоял звон. Без сомнений, тот же зал с автоматами: мягкий диван, пиликанье заставок, жутко давящая энергия.

– Очнулась, – доложил кто-то, бесцеремонно меня щупая.

– Что со второй? – осведомились сбоку.

– Не очнется...

Я с трудом сглотнула и, стряхнув чужую руку, села. Явственно чувствуя прилипшие к себе взгляды, протерла глаза. Людей вокруг было полно: сердитых, напряженных. В костюмах охраны, полицейской форме и белых халатах. Ох...

Глава 10

Тесно втиснутые на подоконник горшки с пушистыми зарослями скрывали комнату от посторонних глаз куда качественнее, чем прозрачная розовая занавеска в рюшах. В окне дома напротив застыл на наблюдательной позиции красномордый очкарик, правда, без бинокля. Не повезло ему сегодня – по двору метался снег, мелкий и беспокойный, облепляя стекла. Хоть где-то зима.

Из притормозившего у подъезда такси выскочила фигурка, обмотанная длинным белым шарфом, и устремилась к крыльцу, исчезнув из вида. Счет пошел на секунды. В прихожей лязгнул замок, с тонким скрипом открылась дверь. Мягкое буханье сумки на пол, усталое бормотание под нос. Возилась долго, видимо, из шарфа так легко не разматывается. Зато в комнату влетела на всех парах, на ходу набирая кому-то сообщение в телефоне и сдувая лезущую в лицо челку. Склонилась над заваленным чем попало столом, не глядя пошарила свободной рукой.

– Заколка левее, – подсказал я из угла.

Анита подпрыгнула, телефон выпал в гнездо разноцветных пряжей. Бонусом шла пара фраз на венгерском, которым в учебниках не учат. Интересная игра слов... Исконно-общались на чешском – традиция, порожденная ее желанием не забыть дедушкин родной язык.

– Ты! – Она перелезла через пуфик с залежами кружев непонятного назначения, кинулась ко мне с радостным писком и объятиями. – Ура!.. Вовремя... Тут такое... Это жуть. Жесть. Кошмар! Не представляла, как одна буду все это разгрести...

– Одна – не будешь, – пообещал я, когда наконец представилась возможность что-то сказать.

Анита отступила, ловко задвинув пуфик под стол, и поинтересовалась:

– Как тебе дверной замок?

– Хороший. И ключи, которые ты мне осенью оставила, к нему подходят.

Разочарованным вздохом челку сдуло с лица, и заколка не понадобилась.

– За обедом расскажу, чего как, – Анита одернула свитер, – только переоденусь. Быстренько.

Прежде чем переступить порог, я предупредил:

– Если быстренько, то твоему соседу будет обидно, с утра караулит.

– Что?... – Она медленно повернулась к окну, высмотревшие цель глаза сердито прищурились. – Вот придурок! Сейчас устрою ему. Незабываемое шоу...

Я ушел на кухню – от греха подальше. Там никакого шоу не планировалось, и должна была остаться с прошлого визита упаковка нормального чая, без модной ерунды и ванильных запахов. Нашел – за банкой с растворимым кофе без кофеина. Надеюсь, нигде не притаились безалкогольная водка и электронные сигареты. Чай успел завариться до насыщенного темно-янтарного цвета, когда сосед шарахнулся от окна вместе со шторой, в которой он с перепугу запутался. Из коридора к холодильнику прошествовала Анита, довольная, и в том же свитере.

– Я ему сообщение на стекле оставила, – улыбнулась она азартно, распахнув дверцу, целиком облепленную коллекцией магнитов со всех концов света, – чтобы ждал в гости через час!

На стол бухнулась внушительных размеров глубокая миска, прикрытая крышкой от кастрюли.

– Похоже, он планирует побег, – отметил я, наблюдая за мельтешением тени в окнах напротив.

– К нему уже выехали! Точнее – за ним. Госпожа Анна, чудесная девочка с одного узкотематического сайта. Вмиг объяснит, как себя ведут хорошие мальчики.

– А ты жаловалась, что город новый, полезных знакомств нет...

– Кажется, – Анита мстительно покосилась на буфет, – стоит начать обед с десерта!

– На десерт есть кое-что другое, – я кивнул на висящий на дверной ручке пакет.

Она тут же цапнула его, извлекла толстую папку. Не сводя с нее глаз, опустилась на соседний стул. Шелест бумаг, тихое оханье, ноль реакции на что-либо еще. Я заглянул в миску. Салат, с курицей. Ложка лежала рядом. Оказался очень даже вкусным, как и чай.

– Обалдеть, – отмерла Анита, пробежав озадаченным взглядом последние страницы. Те, что на старинном русском. – Я так и знала, так и думала! Не бывает столько совпадений. Ой, тебе тарелку дать?

– Мне и эта нравится.

– Ладно... Не десерт, а настоящее сокровище! Невероятное исследование проделано. Связаны воедино легенды, выдержки, свидетельства... Архиву и не снилось! Почитали бы те, кто меня паникершей обзывал. – Она бережно погладила папку. – Откуда у тебя это?

– Считаю анонимным пожертвованием.

Ответ ей не понравился – хмыкнула, но обошлось без лишних вопросов. Правильно, присланным сокровищам в строку отправителя не смотрят. А упоминать Хансена нигде не стоит, учитывая, чем закончились его невероятные исследования.

Анита немного посверлила задумчивым взглядом скатерть, видимо, переваривая прочитанное. Потом аккуратно сложенные листы отправились обратно в папку, а папка – в пакет. Из холодильника на стол перекачevano несколько пластиковых контейнеров и обернутая пакетом кастрюля. Узнаю меню ресторана в конце улицы. Анита извлекла из посудомоечной машины любимую розовую тарелку и, проигнорировав залежи щедро посыпанных сахарной пудрой пирогов, налегла на салат.

– Нам повезло, – вздохнула она, щелкнув пальцами по боку опустевшей тарелки, – что заграничная сущность наконец постояльца нашей клиники выбрала. За особыми пациентами следят внимательно, быстро засекли, как эта очнулась. Вкатили ей успокоительного и прочего, прежде чем воспользовалась своим ментальным внушением, вырубанием, или что она там еще умеет. Увезли туда, где точно никому не навредит. Но с медикаментами перестарались... Девушка и так в полубоморочном состоянии была. Очевидно, вселение – ритуал не из легких. Говорят, в лучшем случае к вечеру в себя придет.

То же самое во вчерашнем срочном отчете из русского филиала прочел. Первый официально подтвержденный случай возвращения канувшего в ловушку эспера. С учетом последних новостей о жителях ментального дна переполох в главном офисе поднялся знатный. Маэва угомонилась, только когда сказал, что лично съезжу и разберусь.

– Это не все, – поделилась Анита. – Был еще один. Мать его – упертая особа, сына в клинику не отдала, сколько ни уговаривали. На прошлой неделе звонила в скорую и уверяла, что он очнулся. Пока доехали, скончался. Явно попытка вселения, но неудачная. Энергетический фон в доме был дико тяжелый. Я эту гадость ни с чем не спутаю, после фокусов Сони Максимовой. Кстати, о ней! Через улицу от клиники, куда ее определили, на днях странное случилось. Собака ни с того ни с сего загрызла хозяина и совсем свихнулась – никого к телу не подпускала. Усыпили. Домашние утверждали, что на редкость спокойная была! Думаю, наш клиент отличился.

– Зачем им рядом с ней бродить?

Вряд ли соскучились.

– Я спросила, – сообщила Анита мрачно. – Соня ответила, что четверо ее отпускать не хотели, и долго выясняла, легко ли в клинику пробраться. Она их сама боится.

- А тот пятый ее отпустил по доброте душевной?

- У них сделка была. Соня ищет того, кто в прошлом Вестников не убивал, а приручить в своих целях пытался. Сдает имя, ей взамен – свободу.

- Недружный коллектив, – обозначился первый плюс. – В отчете этого не было.

- Там далеко не все есть, – хитро улыбнулась она и с наигранной серьезностью добавила: – Нехорошо в служебные документы всякие сплетни включать...

Представляю, каким пугающим был бы полный отчет. По объему.

- У меня обо всех пятерых файл составлен, – Анита сыто откинулась на спинку стула. – С именами, описаниями, пристрастиями и всем-всем-всем, что удалось выяснить.

- Покажешь, пригодится.

Всегда лучше знать, с кем имеешь дело. Хотя бы примерно.

Наглухо зашторенные окна соседа погрузились в темноту, в кармане зазвонил телефон. Шульц, наверняка с дежурным отчетом. Стойкая у него нелюбовь к электронной почте. Анита сердито покосилась на дисплей, вскочила с места и принялась убирать со стола. Если можно так назвать метание в холодильник контейнеров снарядами и дерганое оттирание практически чистого чайника в раковине. Ее непосредственный начальник, как обычно, не был краток: вывалил тонну общих слов о клиниках, партнерах и успешном сотрудничестве с полицией, уверяя, что в филиале все под контролем и вообще замечательно. По делу – лишь то, что о пробуждении псевдо-Белоснежки знает ограниченный круг лиц, и без спросу к ней не сунутся. Из наших не то чтобы кто-то жаждет соваться, а родственники ею не интересуются, друзья не навещают. Повесив трубку, я остался убежден – замечательного мало. Анита зло натирала крышку от чайника, вылив не меньше половины средства для мытья посуды. Пена поднималась до потолка, убойно пахло ванилью. Это месть, не иначе.

- Давай, – я отложил телефон, – выкладывай, в чем проблема.

- В том, что Шульц идиот! – Она плюхнула крышку в воду, брызги пены полетели во все стороны. – Я тут год к каждому подход ищу, улыбаюсь. Слова подбираю, углы сглаживаю. А он что творит? Лезет ко всем подряд, предупреждения лепит, не спрашивая кураторов. Причем внезапно! Давно я себя давно такой душой не чувствовала, как на прошлом собрании. Мне потом сказал – я слишком цацкаюсь, пожестче надо. Ага, крутой нашелся, а главное, умный, власть не к месту показывать. Она у него есть-то? В итоге у нас куча недовольных вемов-эсперов и реинкарнация Ливановского центра.

Пена полезла за пределы раковины.

- Слышал об этом.

- Еще аукнется, – уверенно заявила Анита. Закрутила кран и с чувством пнула умывальник. – С какой радости Маэва Шульца главой назначила?...

- Он был заместителем в родном немецком филиале, и язык знает.

- Лучше бы не знал! Молчал бы... М-м-м... Сказка! Так и подмывает признаться, что драгоценный руководитель клал на мое мнение и делает, что ему вздумается. Но я должна делать вид, что с ним согласна и, конечно, заранее была в курсе.

- Корпоративная этика.

- Много ты ее соблюдаешь! Помню, помню.

Она фыркнула, вытащила из пены несчастный чайник и засунула в посудомоечную машину. У соседа вспыхнул свет, очертив за шторами два силуэта, один из которых беспорядочно метался по комнате. Видимо, и эта Анна приглянулась, раз дверь открыл. Что до прочего... Сиганет в окно или нет? Организатору незабываемого свидания было любопытно и все остальное – прилипла к подоконнику, потирая руки. Я забрал чашку с остатками чая и ушел с кухни.

Во второй комнате было меньше розового и девичьих вещиц непонятного назначения, просто потому что места было меньше. И окна выходили в другую сторону. Чтобы сесть на диван, пришлось потеснить грустную плюшевую панду в натуральную величину. Она досталась Аните от некого Кирилла, «на память». Сработало – действительно часто его вспоминала, и в красочных выражениях, каждый раз, когда спотыкалась об это чудовище. Пристроенный на столике ноутбук успел зарядиться, в рабочий ящик набилось новых писем. Важное – одно. Из тех случаев, в которых необходимо мое согласование, и срочно. Кто-то получил пятое предупреждение.

Давно никто не отличался. В норвежском филиале это и вовсе впервые, по крайней мере, за последний десяток лет. Я не сразу вспомнил, о ком идет речь. Криворукий, судя по количеству увольнений, программист Эсбен ни в каких скандалах замечен не был, в отчетах не фигурировал, разве что однажды лишнего в фейсбуке настроил, и то сам удалил. Обычно всех кандидатов знаешь задолго до того, как они окончательно палку перегнут. Обоснование было скупым и занимало половину страницы. Странно. Кураторы склонны выдавать сочинения в пару томов, расписывая нужные и ненужные подробности. Одни стараются быть максимально обстоятельными, все-таки отправляют подопечного туда, откуда не возвращаются, другие переживают и пытаются себя же убедить, что иначе никак, третьи, наоборот, под впечатлением и щедро этими впечатлениями делятся. А тут – донельзя официально сформулированные фразы, и все пять предупреждений за чрезмерное влияние на чужое настроение с губительным для объекта исходом. Единственное, что толком не докажешь. Не факт, что именно из-за него хозяйка квартиры впала в кому, а бывший начальник покончил с собой. Первой было почти сто лет, а компанию второго накануне объявили банкротом. Констатировать бы недостаточное обоснование и отправить на дополнительное расследование, но... Подозрительная история. Куратор у Эсбена бессменный, разница в возрасте небольшая. В фейсбуке значились друзьями, до недавних пор. Что-то здесь не так.

Понадобилось перерывать их историю за полгода, чтобы найти ответ. Точнее – деву роковой наружности, фотографии которой оба потеряли. Зато она кое-что у себя оставила. Пару не самых многозначных снимков с нашим любителем краткости, и несколько с Эсбеном, но датированных месяцем позже. Теперь активно вываливала кучу весьма откровенных фото с каким-то спортивным тренером. Бывшие друзья одинаково в пролете. Не знаю, что там произошло, и знать не хочу. Пусть глава кураторского отдела выясняет. Снимает последние предупреждения и назначает нового куратора, с которым нет общих девушек. Уже неважно, за уши он все притянул или был прав. Нечего работать с тем, к кому объективно относиться не можешь. Тот же Баэс умнее оказался.

Письмо с отказом улетело, поверх почтового ящика вылез запрос на видеозвонок. Хлоя, с глазастой музыкальной нотой во весь аватар. Принял. Появилось знакомое лицо в натянутой по глаза вязаной шапке на фоне стены с обоями в полоску и обклеенного постерами шкафа. Либо только что с улицы, либо у нее дома слишком любят проветривать.

– Привет! Я в офисе была, мне сказали, ты в командировке. – Она поерзала на месте и наклонилась ближе, напряженно всматриваясь в монитор. – А у тебя камеры нет?...

– Есть.

В прекрасном отключенном виде.

– Ну... ладно, – Хлоя стащила с головы шапку, пригладила волосы. – Я насчет расследования в школе. Кажется, кое-что выяснила. Не суперважное, но вдруг пригодится. Помнишь, я рассказывала об однокласснице Натана, с тайной безответной любовью? Так вот – она два года как на нем конкретно помешалась. Сталкерша! Знала все: во сколько и куда он ходит, чем занимается, с кем. Дневник вела, сделанные тайком фотки туда вклеивала. Пока мы их рассматривали, ее истерикой накрыло, что его смерть не случайна. Натан кого-то боялся и, возможно, ему даже угрожали. Анонимно, по интернету. Она однажды пыталась знакомство с ним завести на каком-то научном форуме. Зарегистрировалась под левым ником «Прелесть99» и начала стучаться в личку с соблазнительными, по ее мнению, фразами вроде: «угадай кто» и «ты ничего не хочешь мне сказать?». Натан нервно ответил, что «давно не трогает его», и пусть отвянет. И кинул ее в черный список. Конечно, это мог быть кто угодно из учеников, их родителей или друзей. Учитывая, что он всю школу третировал. Хотя наша сталкерша говорит, Натан не такой уж плохой, просто с богатым внутренним миром, и никто его не

понимал. Хм... Меня слышно?

– Да. И видно тоже.

Она смущенно моргнула в камеру, снова пригладила волосы и продолжила:

– Хочу лучшего друга расспросить про угрозы, наверняка Натан ему жаловался. Но Артур пока в школу не ходит... Кстати, есть еще мальчик, Лукас Вебер, которого неделю никто не видел. Мать отпросила, на дому позаниматься. С того самого дня. Не находишь странным совпадение?

– Не нахожу. Это он. На днях по твоему видео вычислили.

Хлоя раскрыла рот. Брови возмущенно взлетели вверх, из динамиков вылетело обиженное:

– И мне ничего не сказали?... Я... А я... Тут дневники маньячек рассматриваю... Переключаюсь на Лукаса!

– Нет. Это опасно.

– Чем? – Она скептически скривила губы. – Что он мне сделает-то?

– Что тебе сделает напуганный парень в бегах, на счету которого уже одно убийство, вероятно, предумышленное? По-твоему, кроме ментальных фокусов он ни на что больше не способен?

– Я буду осторожна...

– Ты вообще в это лезть не будешь. – Прозвучало резко, зато доходчиво. – Нужно третий раз повторить?

Хлоя закусила губу, отъехала чуть назад вместе со стулом. Но сдаваться и не думала:

– Я всего лишь разузнаю, куда бы Лукас мог деться. Вы же его ищете, верно? Вот я и помогу. Обещаю, сама разыскивать не стану. Информацию пособираю, и все. Ну, пожалуйста...

Умоляющий взгляд из монитора смотрел, не моргая. Все равно полезет, только еще и не признается, даже если вляпается во что-нибудь серьезное.

– Попробуй разузнать, где или у кого он может скрываться. Ненавязчиво, без самостоятельности. Выяснишь что-нибудь полезное – сообщишь Кейну.

– А это обязательно?... – расстроено спросила она. Тут же спохватилась и выпалила: – В смысле, ему.

– Какие-то проблемы с Кейном?

– Нет... Вовсе нет! – Хлоя размашисто замахала руками. В дирижеры подалась? – Лучше тебе позвоню. Можно? Привычнее.

– Как хочешь.

– Договорились! Пойду дальше расследовать. Очень-очень ненавязчиво, честное слово.

Она широко и воодушевленно улыбнулась, я сбросил звонок. Многовато у нее прыти. Напишу Райнеру и Кейну, чтобы присмотрели. Не то, чувствую, допрыгается...

Не откладывая, отправил письмо, вместе с поручением проверить компьютер погибшего Берга. Пусть достанут информацию из того чата, любым способом. Лукас – главный подозреваемый, но исключать прочие версии нельзя. Если Натану действительно угрожали, нужно знать кто и каким образом. Вероятно, пацана вынуждали оставить кого-то в покое. Гадать без толку, доставал он многих, кандидатов в жертвы – вся школа, и даже больше. Интереснее другое. Раз послушался, значит, чем-то его сумели зацепить. Чего он боялся? Именно страх его и прикончил.

Удружила эта ментальная сущность внезапным пробуждением... Сложно вести расследование, находясь за три тысячи километров. Впрочем, Вебера младшего ищут, а Ланс утром отписался, что Шанталь все-таки воспользовалась полученной визиткой и привела к нему Адама. Исключительно вопрос времени, когда наш гений выяснит, что с мелким за проблемы. По всем фронтам остается только ждать, а это вполне можно сделать и здесь.

Порог комнаты накрыла тень, в дверном проеме появилась Анита. Накрутила на палец почти сползшую с волос розовую прядь, как бы ненароком пряча вторую руку за спину, и обронила:

- Он вывел на окне «спасибо». Вместо «прости, я больше не буду». И Анна прислала счет. Мне.

- Просто «спасибо» короче.

- Это еще не конец... - К такой красноречивой ухмылке только вил в комплект не хватало. - Я сделаю то, с чем ему не справиться, ни за что. Против подобного нет приемов. Безжалостное решение, но... Он будет повержен. Раздавлен. И ничего не сможет сделать!

- Купишь шторы?

- Да, - кивнула она со вздохом.

Коридор взорвался бодрым «ла-ла-ла» предельной громкости, разбавленным мультяшным хихиканьем. Бессменная у нее мелодия для звонков по работе. Кажется забавным, если не знать, как обычно заканчивают эти счастливые лесные друзья. Аниту сдуло к телефону, хихиканье смолкло, в напряженной тишине прозвучали лишь ее «поняла» и «передам». Вернулась через минуту, без тени бывшего веселья и накладной пряди, видимо, окончательно сползшей.

- Роберт сигнал получил, - она сосредоточенно постучала пальцем по трубке. - В московском развлекательном центре странное происходит. Очевидцы пишут, что человек десять вход в зал игровых автоматов собой забаррикадировали, никого не пускают. Массовое помешательство! Ведут себя неадекватно и крайне агрессивно, на диалог не идут. Драку с охраной затеяли, полиция на подходе. Похоже, опять кто-то с контролем и внушением вылез!

- Сезонное. - Я захлопнул крышку ноутбука. - Это далеко?

- Не очень.

- Поехали. Проверим.

Анита оделась за пару минут, на улице безошибочно вычислила машину из проката, которая на ближайшую неделю стала ее. Забравшись в салон, отыскала и продиктовала адрес. Навигатор насчитал полчаса пути. Повезет, успеем быстрее. Роберт был далеко за городом, брать его в расчет не стоило, как и поднимать на уши весь офис. Если тревога ложная, делать в развлекательном центре нечего, а если нет, то людям без иммунитета соваться туда опасно. Пока доберемся, либо полиция утихомирит попавших под влияние людей, либо их станет больше. В первом случае по горячим следам выясним, что произошло, во втором... кукловод должен будет находиться рядом. Новый пожаловал или тот объявился, которого засекли клинки? Там Максимова, а здесь ему какого черта понадобилось? Игровой зал, раз выдал подвернувшему под руку народу установку никого не пускать. Что-то должно быть внутри. Но, вероятнее, кто-то. А нам известно, что интересуется их в первую очередь Вестник.

Занесенная снегом Москва не располагала к тому, чтобы куда-либо торопиться. Местный трафик - главная достопримечательность, вкупе с любителями агрессивного стиля вождения. Хаотичных перестроений между рядами и езды по обочинам хоть отбавляй. Впрочем, итальянцы в этом плане не отстают. Проложенный маршрут корректировался с учетом пробок, предлагая новые извилистые объезды. Анита времени зря не теряла: отыскала пару твитов, что в развлекательном центре «тупая охрана огребла от хилых геймеров» и «все еще творится чертёж», а также фотографию «клевого замеса»

в инстаграме, на которой мало что можно было разобрать, кроме смазанных спин служителей правопорядка. Явно пропускаем развязку.

Случай все-таки был наш. Анита почувствовала это уже на подземной парковке. Тяжелый воздух, жесткий дискомфорт, интуитивно крепнущее убеждение, что надо бы убраться отсюда. Куда идти, вопросов не возникло. На втором этаже у зала с игровыми автоматами действительно творилось черт-те что: оцепление, участок перед входом в клочках оборванной шторы и кровавых разводах, равнодушного вида полиция, взмыленная охрана, несколько скучающих зевак. Что бы тут ни произошло, оно закончилось. Дальше никого не пускали. Скамейку неподалеку оккупировали две дамы, которых сплетни волновали гораздо больше, чем собственные внуки, радостно громящие горшок с елкой. В углу толпились довольные парни, просматривая видео с телефона и наперебой комментируя, что «зачетно вышло, прямо фильм».

– Чур, мои эти, – Анита расстегнула верхнюю пуговицу пальто, взбила прическу и подлетела к ним.

На обрушившееся на них внимание парни отреагировали улыбками и возбужденным галдежом, мгновенно потеснились. Она томно выдыхала вопросы, закатывая глаза, те охотно отвечали и подсовывали телефон. Я направился к дамам, встал рядом со скамейкой.

– Ужас, мрак, кошмар, куда смотрели родители, – причитала дама в элегантной шляпке. Сбежавший от нее малолетний бандит сосредоточенно жевал землю, закусывая оторванными иголками. – Видела их взгляд? Наверняка наркоманы.

– Почти, – соглашалась другая, заученным жестом поправляя круглые очки с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались удивленно распахнутыми. – Геймеры же. Доигрались до кровавых глюков. Вот и результат!

– Конечно, – поддержал я. – Компьютерные игры провоцируют агрессию. Это всем известно.

– Именно! – Дама в очках обрадованно повернулась ко мне. – Постреляют в монстров, потеряют связь с реальностью, и на людей потом кидаются. Я в журнале читала.

– В журналах глупостей не пишут, – я подошел ближе, второй малец вцепился в гирлянду и яростно дергал, еловые лапы ходили ходуном.

– Правильно, все беды от этих игр, – подхватила дама в шляпке, назидательно подняв указательный палец. – У меня старший внук вечно пытается на ночь глядя бесов в зеленых кружочках гонять, замучилась ругать, компьютер из розетки вынимать, а его за уши оттащить. Но что поделать? Не то вырастет злой и нервный.

После такого психолог ему точно не помешает.

– И хуже последствия бывают, – я кивнул на оцепленный вход в игровой зал. – Этим повезло еще.

– Той девочке не повезло, – возразила дама в очках. Так... – Внутри нашли, мертвую. Бедная, сколько ей лет-то было...

– Говорят, лет шестнадцать-семнадцать, – пробормотала дама в шляпке, хватаясь за сердце. – Надеюсь, запретят автоматы проклятые и прочие игры тоже!

– Кто вам про нее говорил? Вы уверены, что она умерла?

– Полиция расспрашивала, помнит ли кто, как она в зал входила, – обе дамы переглянулись и вздохнули. – И медики тело увозили. В мешке! Без вариантов. Сами видели, мы внимательные.

Набравший полные ладони земли ребенок принялся увлеченно размазывать ее по лицу.

– Угораздило же одной в зале застрять, – отметил я, – когда потасовка рядом.

– Так не одна она была, еще вторая есть. Там до сих пор. Мы слышали, охранники

недавно переговаривались, что очнулась.

Вот как. Гирлянда лопнула, малец шлепнулся на пол и заревел.

– Лешенька! – заголосили дамы хором.

Заметили. Со скамейки вскочили обе, и синхронно. Ринулись к детям. Тут же подбежала Анита, утянула меня в угол за пальмой. В развале мощных листьев как ладони виднелся оцепленным вход в зал и собранный из лего громадный лев с надкусанным хотдогом на удивленной морде. Кто-то угостил.

– На видео дикость, – прошептала Анита, сцепив в замок дрожащие пальцы, – местами тошнотная. Народ совсем с катушек слетел, точно под внушением был. Счастье, что никого не пришибли – ни они, ни их. Остальное заживет... и срастется. Полиция всех повязала. Придут в себя, будут в шоке. И ведь не оправдаются, неприятностей у них теперь по горло. Уроды бессмертные, снова куче народа жизнь испортили... А ты выяснил что-нибудь?

– Из зала труп выносили, девушки лет семнадцати. О второй известно, что она внутри, и пришла в чувство.

– Ты же понимаешь? Понимаешь, что случилось?... Они убили Вестника. По возрасту подходит, и девочка. Пострадали случайные люди, и неизвестно еще, скольких ненароком задело. А мы не смогли помешать... Опять. И через сто лет все повторится!

Она разжала пальцы, резким движением обняла себя за плечи.

– Не паникуй. – Я отодвинул пальмовый лист. У входа в зал суежилась охрана, хмурился выползший наружу медик. – Тут что-то другое.

– С чего бы?...

– Зачем этой второй оставаться? С полицией пообщаться? Убитый Вестник – выполненная миссия. Она бы не очнулась. Следующий шаг – возвращение в родные ментальные края. Ты психуешь, и не думаешь. Есть эсперы подходящего возраста, попавшие в ловушку?

Анита живо взяла себя в руки, задумалась. Победно щелкнув пальцами, ответила:

– Есть одна. Ей восемнадцать, но выглядит мельче. Полгода назад попалась. Родители наотрез отказались ее в нашу клинику класть, видите ли, в соседней их тетка работает, так надежнее и навещать ближе. Ничего не помогало.

– Связаться с ними можешь?

– С теткой могу. – Она достала телефон, резво отыскала в контактах номер. – Здравствуйте, это... О, прекрасно, что вы меня помните. Я насчет Маши. Помню, вы отклонили наше предложение, однако... Что? Утром?! Ох, ничего себе. Да, конечно. Радостная новость... Извините за беспокойство...

Сброшенный звонок, тяжелый вздох.

– Скоро их совсем не радостная новость ждет, – бросила Анита в никуда и чуть не сунула телефон мимо кармана. – Ты был прав. Умершая девочка – не то чтобы девочка. У нас второй выбывший из гонки нелюдь. Кто-то ему помог?

Она уставилась вперед, склонив голову, я отпустил лист. Тот с шелестом вернулся на место, не особо засланив обзор. Хмурый медик посторонился, из зала вышла Лера. Бледная, но твердой походкой. С неизменно прямой спиной, расправляя на ходу юбку. Неторопливые шаги, обманчиво потерянный вид. Перед ней возник бормочущий что-то полицейский. Огреб яростный взгляд, бонусом – короткую фразу сквозь зубы. Благоразумно захлопнул рот и уступил дорогу. Она убрала упавшую на лицо прядь, решительно вышла за оцепление и устало огляделась.

Ну, конечно. Как тут без избранных? Везде, где творится какая-то дичь, там и она.

- Подробности выяснишь сама, - сказал я Аните, обходя пальму с другой стороны, - поеду в клинику нашей третьей дожидаться.

- Заранее? - удивилась она. Медленно перевела взгляд на Леру, потом обратно на меня. И сказала с намеком на шутку: - Знаешь, мне уже кажется, что ты ее специально избегаешь.

Я развернулся и пошел к лифтам.

Ей не кажется.

Глава 11

Голова трещала, пространство расплывалось мутными кругами, сквозь которые просачивались всполохи чужого сочувствия и любопытства. Каблуки гулко цокали по липкому полу, шуршали какие-то обрывки. Вырваться из зала было непросто. Бесконечные расспросы, попытки напичкать таблетками, предложения поехать в больницу... Отстали лишь после того, как подписала бумажку, что никаких претензий к развлекательному центру и его врачам у меня нет. В холле привязался полицейский: знала ли я погибшую. Ну сказано же было их главному – потом пусть вызывают, свои данные я оставила. Задерживать меня абсолютно не за что, наоборот, пострадавшей считаю. Ухожу, и точка! Пакостная энергия нижнего Потока хоть и немного рассеялась, все равно давила сильнее всех эмоций в здании, вместе взятых. С каждой секундой становилось все хуже, соображала я уже с трудом. Убраться бы прочь немедленно, да Паша где-то рядом. Значит, лучше стоять на месте и ждать. Жадный глоток воздуха приглушил боль в висках, мерцающая рябь сложилась в картинку. Незнакомые люди, обеспокоенные лица, внимательные взгляды. Под ногами пол, рассматривать который было страшно, у скамейки накренившаяся елка в мотках мишуры, с рассыпанной вокруг землей, чуть поодаль – гигантский лев, кем-то собранный из мелких деталек лего. На львином носу лежала надкусанная сосиска, стиснутая между такими же надкусанными булками. Бр-р-р...

– Лера? – осторожно тронули за плечо, обдало смесью тревоги и интереса. – Ты в порядке?

Я кивнула и повернулась. Анита, без цветных прядок и довольно растрепанная. Впрочем, наверняка я выгляжу не лучше... Но что она здесь делает?

– Шумно тут сегодня, – пояснила та, словно из нас двоих способность считывать мысли была у нее. – Потасовка аномальная, участники явно под внушением.

Ну, конечно... Совет отслеживает подобные случаи.

– Обошлось без жертв?... – с надеждой спросила я.

– Никто не умер, – пожала плечами Анита, – кроме Маши.

Все-то они уже знают...

Во рту разлилась противная горечь, пол шатнулся, будто палуба корабля в шторм, я вдохнула поглубже. Равновесие удержала, а вот умение здраво рассуждать – едва ли.

– Только это была не она, – добил тихий голос, – а гость из-за границы. Туда ему и дорога. Ты его так?

– Верхний Поток, – выдавила я, толком не понимая, лишнее говорю, или факты и без меня сопоставят.

– Им там опасно, – буднично произнесла Анита, и стало ясно – для нее это не новость. – Он к тебе приходил или ты сама его как-то нашла?

– А то! С лупой и фонариком, – раздалось сбоку ехидное. Локоть сжали сильные пальцы, окутало спасительным теплом. Наконец-то... Паша притянул меня к себе и куда жестче добавил: – Допрос окончен.

Из-за его спины высунулся Артем. Нашелся! Украдкой мне подмигнул и свирепо уставился на Аниту.

– Привет-привет, – невозмутимо улыбнулась она обоим. Оглянулась на охрану и шепотом продолжила: – Кстати, про допрос. Полиция вызовет. У нас Машина история болезни есть, сердечный приступ из-за волнения мог быть легко. Проблем у Леры возникнуть не должно, она просто свидетель и...

– Саутина подключим, – перебил Паша, и улыбка вмиг сползла с ее лица, – если что. У нас за него по двойному тарифу проплачено, не пропадать же добру.

Анита ничего не сказала, хотя злость мелькнула отчетливо. Зачем сдерживается? Уж я-то знаю, она не только милой быть умеет.

– Ух ты, не свистнули! – издал радостный вопль Артем.

В несколько резвых прыжков подскочил к лего-льву и потянулся за обгрызенным хот-догом. Это безобразие он оставил?...

– Не трогай! – рявкнул Паша, и мальчик отдернул руку. Мы с Анитой вздрогнули, орудуя у елки уборщица выронила швабру. – Даже не думай! Иначе в следующий раз из сортира не выползешь.

Вот почему они задержались... Ясно, понятно. Но если так орать, туда и безо всякого фастфуда очередь выстроится. Артем с независимым видом засвистел, косясь на хот-дог. Негодник! Сколько раз предупреждала грязными руками не есть.

– Угрозы больше нет, – ровно выговорила я, борясь с тошнотворной слабостью. – Энергия рассеется, люди придут в чувство.

Бедняг геймеров увезла полиция. В отделении и очухаются, без вреда для себя или окружающих. Не самый плохой вариант...

– Это не конец, – Анита покачала головой. – Я переживаю за вас.

Прозвучало на сто процентов искренне. Черт!

– Мы уже разобрались с проблемой, – отрезал Паша.

– Не со всеми... Осталось еще четыре.

– Пять, – поправил он.

– Кто пятый? – заинтересовалась Анита, излучая доброжелательное участие. – Хранитель?

– Вы.

Меня обдало его жгуче-холодной яростью, хоть предназначена она была и не мне. Ничего себе! Анита натянуто улыбнулась. Паша потащил меня прочь, к лестнице, Артем рванул за нами. К счастью, без хотдога. Самое время убраться отсюда...

Череда ярких, будто игрушечных указателей, блестящий свежeweымытый пол. Скользкий... Но под локоть держали так крепко, что распластаться не получилось бы при всем желании. Ядрено пахло чистящим средством, голова кружилась. Шаги на автопилоте, дышащий в спину Артем. Злосчастный зал остался позади, вместе с любопытными людьми и эпицентром энергетической катастрофы. Мысли немного прояснились.

– Как вы поняли, что произошло?

– Твой ручной олень позвонил, – пояснил Паша с небывалой любезностью, Артем сердито запыхтел. – Доложил, что кругом враги, а ты трубку не берешь. Но я и так уже насторожился, когда тебя вдаль унесло, хотя должна была видеть, что мелкий сам в кафе примчался. Отпечаток твой отсвечивал с места локальной энергетической катастрофы, пока добрались до места, у зала уже была потасовка. Едва высмотрели за толпой, что ты жива, и не в реальности находишься, подоспели оленьи новости – вражина с радара исчезла. Поняли, что она тебя в Поток утащила. Вот этот зас... герой и полез в Поток тебя вытаскивать. Сказал, в последний момент успел. Потом заел стресс мороженым с хот-догом, попросился в туалет, где и застрял покруче, чем ты с полицией.

Емкое изложение... Пыхтение Артема стало еще громче, из его плотно сжатых губ вырвалось возмущенное:

– Я хотел тебя идти спасать! Туда, в зал. Гасить эту противно сверкающую гадину!.. А он не пустил...

– Перебьешься, – хмыкнул Паша, утягивая меня за собой на лестницу.

Она была относительно безлюдной, особенно если сравнивать с лифтами. Ступени уплывали из-под ног и казались бесконечными. На подземной стоянке Паше пихнул меня на заднее сидение машины, Артем юркнул следом, стиснул в объятиях. Я слотнула скопившуюся во рту горечь, потрепала его по стоящим торчком волосам. Стало спокойнее, почти хорошо. Неужели все закончилось? Да, закончилось... на этот раз.

– Мы бы раньше пришли, прям вот как мир схлопнулся, – затараторил Артем. – Но там такая засада! Полицейские, блин, и охранники еще, говорили: ждите-ждите. Гады... А в туалете вообще немного сидел, честно-честно! И хот-дог ни при чем! Просто Владу смску писал, что все разрулилось. Думал, успею обратно. А тут эта приперлась... коза!

Понабрался выражений... Паша провернул ключ зажигания, машина тихо загудела.

– Аните можно было и не грубить, – заскреблось во мне чувство вины. – Она на самом деле переживала, это же видно.

Он медленно обернулся с водительского места, и меня невольно вжало в кресло. Салон показался ужасно тесным, воздух – накаленным до предела.

– Лейка, – сказал Паша тем неестественно ласковым тоном, каким обычно сообщал людям о том, что они идиоты. – Совет испереживался вусмерть, сто процентов! Какая на фиг безопасность нормальных людей при таких заварушках? Пятерку уже к террористам приравняли и караулят. Теперь догадайся, кем будет он.

Последовал выразительный кивок в сторону насупившегося Артема. Ответ был очевиден, воображение живо дорисовало остальное. Фокусы с внушением – ерунда, по сравнению с тьмой, однажды стершей с лица земли целый город! Внутри предательски похолодело, и я не сдержалась:

– Надо было сразу уводить его оттуда. Подальше от вылезшего визитера, чертовой заграничной энергии и Аниты.

Артем отодвинулся и сложил руки на груди. Остро полоснуло обидой. Но...

– Так ты ведь должна была его увести, – еле слышно произнес Паша. – За тем и пошла.

– Я...

– Несколько метров пройти не можешь! Не вляпавшись хрен знает во что. Шаг без присмотра, и кровавый ад, бойня, апокалипсис со схлопыванием миров! – Взбешенным взглядом пригвоздило, густо разлилось раздражение. – Какого черта ты оказалась в гребаном игровом зале?...

– Не помню, – выдавила я. – Ушла от вас с Ниной, очутилась там. А до этого... помутнение будто.

– Ах, помутнение. Ничего не напоминает?... Я предупреждал. Продолжишь лезть в дебри ее воспоминаний – мутная лужа от тебя и останется. – Он зло стукнул по рулю. – Допризывалась?!

Артем покосился на него хмуро, но с некоторым уважением. Приплыли... И обсуждать мои видения так открыто совершенно лишнее! К счастью, притихший ребенок явно не понимал, о чем речь, озадаченно ерзая на сидении.

– Чтобы больше никакого рисования этого символа! – рявкнул Паша. – Забудь, как он выглядит. Не трогай ее!

– Я не... – в горле запершило, я облизала пересохшие губы, – не трогала. С того дня.

– Значит, теперь ты это даже не контролируешь? Блеск! Из дома без присмотра не выйдешь.

– Что?...

– Я присмотрю! – рьяно вызвался Артем. – Вот глаз не спущу. А то опять потеряется, ищи ее, спасай.

- Да-да, а в ответ ноль благодарности, - язвительно отозвался Паша.

- Эй! - возмутилась я и напомнила на тот случай, если они вдруг забыли: - Между прочим, я тут рядом сижу.

- Сидишь, ага, - фыркнул маленький негодник. - А недавно мы не знали, успеем ли помочь! Не могли в зал дурацкий попасть. Думали, может, опоздали, и этот гад тебя доедает уже!

Он гневно сдвинул брови, Паша кивнул, выражая полнейшее согласие. Не поняла... Двое на одного?!

- И не надкусил, - буркнула я. - Впрочем, возможно, просто не успел. Умер.

- Причем с концами, - задумчиво отметил он. - В одном из миров, в которые им нельзя из-за злопамятных девочек. Чем ты его туда заманила?

- Ничем. - Я устало потерла виски, пытаюсь заглушить в голове образ той странно неравнодушной к Базилу тьмы. - Он сам... Мы просто поговорили. О прошлом.

- Доводим врагов до суицида в устной форме? - Паша приподнял бровь. - Похвально! Всегда подозревал у тебя этот талант.

Ну, спасибо... Я сложила руки на груди, он отвернулся. Машина тронулась с места, за окном замелькала парковка, затем улица. В приоткрытую полоску окна ворвались колючие снежинки и свежий воздух, ощутимо полегчало. Все еще пропитанное давящей энергией здание в последний раз мелькнуло в зеркале заднего вида и исчезло, воцарилась тишина. Относительная. Артем пыхтел злобным ежиком, демонстративно уставившись в телефон, Паша сосредоточенно следил за дорогой. Я прикрыла глаза, стараясь собрать мысли в кучу. Паша все сделал правильно. Пока меня носило по центру, он следил за Артемом, удержал от героических порывов рвануть в бой. А если бы совсем увел... Без помощи Вестника, умеющего игнорировать законы Потока, я бы отправилась в ментальный утиль вместе с джунглями. Артем перехватил меня и вытащил, но для этого кто-то должен был страховать его в реальности.

Головная боль отступала, приятно укачивало. Сама не заметила, как задремала. На грешную землю вернули громкие всплески эмоций под боком. Артем прилип к окну, напрочь забыв про телефон, и переполнялся волнением с примесью исследовательского интереса. По ту сторону красовалась дворцовая громадина с колоннами, пригодная скорее для музейных экспонатов, чем для жизни. Ну, ему не привыкать.

В полупустом холле Артем сунул нос во все пыльные углы, съехал по перилам, бросил Паше великодушное: «Сойдет», и убежал вверх по лестнице. Выловили его на последнем этаже с апартаментами. Оказалось, он уже выбрал их и себе, и мне. В самом конце коридора, друг напротив друга. На мой вкус все они были почти одинаковые, поэтому я не глядя прошла в указанную блестящую дверь. Скинула сапоги и рухнула на погостиничному застеленную кровать. Накатила слабость, веки потяжелели. Поняла: хочу спать, очень. Паша с Артемом замерли посреди комнаты.

- Здесь не потеряюсь, - пообещала я, зачем-то заворачиваясь в невесомое покрывало.

Мягонькое и... широкое. Пожалуй, перестаралась. Настоящий кокон получился.

- Если что размотаем и найдем, - скептически прокомментировал Паша и переключился на Артема: - Пароль от вай-фая записан на доске в коридоре, еду и прочее заказывай по интернету. Во двор выходи сколько влезет, за ворота - ни ногой. И вынь пропеллер из задницы, нечего носиться безумными зигзагами. Шею свернешь, обидно будет. У нас тут планы по спасению Потока с твоим участием. Вот спасем - тогда хоть засворачивайся.

Ох... Слова о его воспитательных навыках вертелись на языке, да еще какие. Но я так устала, что едва им ворочала. Пусть сами разбираются. Все равно я в опале.

Артем прищурился, переступил через порог, и как бы мимоходом обронил:

- А я могу убить силой мысли...

- А я могу позвонить твоей матери и сказать, что все-таки пушу репетиторов, - ухмыльнулся Паша, и того моментально след простыл.

Ладно. Бывает и хуже... Наверное. Я уткнулась в подушку. Стоило закрыть глаза, как сверху навалилась приятная обволакивающая темнота.

...вода яростно плещется. Бурлящий поток в почти крошечной мгле. Вдалеке чадит костер, одиноким пятном света. К нему не хочется, он это чувствует, тает. Базиль на берегу, у края, а мне приблизиться страшно. Там, внизу, будто сама бездна. Неосторожный шаг, и все.

- Ты не ошибся, - говорю, хотя смысла в том ноль.

Я знаю, он знает. Про Каму, про цену, про все. Толку от слов? Пожимает плечами, не оборачиваясь даже. Силуэт меркнет, вот-вот окончательно растворится в темноте.

- Ты редко ошибался.

- Достаточно и одной, - доносится равнодушное.

- Фразы об этом?

- Ошибки.

Плеск стихает, как и подгоняющий в спину ветер. Решаюсь, подхожу чуть ближе. Глубокий вдох, взгляд вниз. Река течет плавно, размеренно, огибая лениво берег. Большого не разглядеть.

- Все должно заканчиваться, - бросаю я, - так устроено.

- Тогда зачем ты здесь?

Базиль поворачивается. Смотрит пристально, в глазах - насмешка. Не злая.

- Я бы хотела все изменить.

- Для этого придется начать сначала.

Костер отдаляется, более не пятно вовсе - гаснущая искра, точка, ничто. Небо черное, без звезд и глубины. Вокруг тишина. Ни волн, ни течения. Вода становится гладкой, спокойной. Мертвой. Выше берега. Растет вширь, ползет к ногам.

- Не пойду туда, - мотаю головой и отступаю прочь.

- И не надо, - кивает он, не двигаясь с места. - Тебе важно быть на земле.

Мрак сгущается. Густо, больно и беспросветно. Берег с рекой исчезают. Холодная пустота, звон в ушах...

Я распахнула глаза. Светло... Полосы тени на глянцевом потолке, наполовину опущенные жалюзи, налипшие снежинки по ту сторону стекла. Пуфик на колесиках, пустой шкаф с приоткрытой зеркальной дверцей, крошечный кухонный уголок. Все та же комната. Входная дверь прикрыта, из коридора доносился невнятный бубнеж. Никакого надрывного звона и кошмарной реки. Что это было?... Воспоминание? Сон? Или... Неважно. Высмотрев в доме два десятка человеческих отпечатков, я выпуталась из покрывала. Дисплей практически разряженного мобильного показывал четыре часа. Следующего дня. Ничего себе поспала!

Сброшенные вчера неизвестно где сапоги были заботливо пристроены на полку для обуви, под вешалкой лежал вспухший от напиханного добра чемодан. Тот самый, который я покупала вместо потерянного в Испании. Молния возмущенно трещала, не лопаясь каким-то непостижимым чудом. Я осторожно ее расстегнула, крышка отскочила, выплунув ворох белых маек и шелковый шарф. Одежды внутри оказалось

навалом, в прямом смысле – валялась как попало, даже не притворяясь сложенной. Но грех жаловаться. Есть во что переодеться, и то радость. Видимо, приезжала Нина, и привезла не только вещи Артема, но и мои. Собрала от души, весь комод выгребла, добавив содержимое тумбочки из ванной, зарядку от телефона, несколько книг и бабушкину вязаную салфетку. Хорошо хоть ковер не зачихала. Право, не стоило так стараться. Или это она с надеждой, что я не вернусь?...

Вещи я быстро определила по новым местам, телефон – заряжаться, а салфеткой накрыла пуфик. Снять вчерашнюю одежду было истинным наслаждением, а вот тесниться за перегородкой под душем – не очень. Ну, зато все свое, отдельное. Интересно, как в этом доме стирать? А готовить? Надо выяснить. Заодно разыскать кофе и то, в чем его варить. Шкафчик над электрической плиткой был стерилен, холодильник мог похвастаться лишь бутылкой минералки. Надеюсь, что Артем заказал еды. Только бы не хот-доги!

Его отпечаток отсвечивал из подобия общей гостиной, оттуда же звучали возбужденные голоса. Звонкий и писклявый хихикал, недоверчивый мужской генерировал бесконечные «о-о-о», детский с наигранной серьезностью вещал:

– И ее жуткие щупальца с острыми, как лезвия, когтями метнулись вперед! Длинный фиолетовый язык свесился набок, капая на траву ядовитой слизью и гася замешкавшихся светляков. Но храбрый зайка с порванным ухом не испугался... Не отступил! Заслонив несчастных маленьких братиков пушистым тельцем, он из последних сил воспротивился власти волшебного кольца и прыгнул на чудовище!

Про Кису и кроликов, что ли?... Я поправила маскировочный шарф на шее и вошла в арку. Девушка с огненно-красными волосами подпрыгнула на диване, хмурый субтильный парень отодвинулся в угол. Узнаю ребят из последней группы психологического центра... Оля и Костя, повзрослевшие за год. Артем запнулся посреди рассказа об эпичной битве, прямо с поднесенным ко рту куском пиццы. Рядом со стопкой картонных, пропитанных маслом коробок, красовалась начатая бутылка колы. Наказывал!

– Что ты делаешь? – спросила я, давая ему возможность покаяться.

– Слагаю легенды, – нахально ответил он и прищурился. – А ты куда пошла? Я за тобой присматриваю. Мне поручили!

Спелись, значит. Ничего-ничего, будет ему сейчас каша на завтрак. Овсяная. И молочко кипяченое. С пенкой пожирнее! Всю эту вкусноту пообещала вслух, Артем мигом распахнул глаза и поспешно отложил пиццу, с таким невинным видом, будто она в его руки случайно попала. Прямо-таки коварно напрыгнула, как кролик на чудовище!

– Здравствуйте, – выпалила Оля. – А я люблю овсянку. В виде печенья, вот...

Костя зачем-то кивнул и любому, у кого есть дар, стало очевидно – нет, не любит, причем вообще.

– Валерия, – он снова кивнул. Шею свело, что ли? – А мы недалеко от вас поселились, через две комнаты. Обещаем не шуметь!

О, как. Живо народ собрался. Практически на второй день! Дальше по коридору была компания побольше, еще несколько человек мелькало на нижних этажах. Паша за свою идею взялся всерьез.

– У меня вид из окна на внутренний двор, там прям целый парк, крас-и-ивый. – Оля ослепительно сверкала желанием делиться впечатлениями, причем долго. – Мы готовы помочь всем-всем, чем сможем! Опять из Потока всякая убийственная фигня полезла, надо с ней разобраться. У вас ведь получится, правда? В прошлый раз получилось...

– Пусть эти гады за все ответят, – мрачно добавил Костя. – За каждого, кто в ловушку попался, и за тех, кого отпустили, запрограммировав на других вемов нападать. И отдельно за Машку! Честное слово, она бы сама никогда такого не сделала. Боялась и своего дара, и любого шороха.

Артем тихонечко мне подмигнул. Вот она какая, значит, официальная версия – перепрограммированные мозги, задание... И про короткое возвращение и смерть Маши

они уже в курсе. Неудивительно, в одной группе учились, хоть и не особо дружны были. Правда, эти двое не случайно вместе сейчас сидят. Обоюдно полыхающая оранжевыми всполохами энергия выдавала в них пару. Такую, нестабильную... Переменное напряжение, но им хватало.

– Тут так круто, – протянула Оля, сковыривая с пиццы колбаску под недовольным взглядом Артема. Судя по изрядно облысевшему куску, отнюдь не первую. При этом на ее тарелке лежал другой кусок, абсолютно целый. – Новый центр будет просто вау, не то что старый. Я бы и после осталась. Ну, работать. Психология – это очень увлекательно!

– Неужели? – засомневалась я. В памяти всплыла приемная перед кабинетом Киры в «Перспективе», загроможденный техникой стол и юная секретарша за ним. – Ты разве не юристом быть собиралась?

– О... – смутилась она. – По-моему, психологом быть гораздо интереснее.

– Ее с юридического отчислили, – заржал Костя, мгновенно получив в бок тычок острым девичьим локтем. – Ой, извини. Немножко отчислили. Так ты сказала?

Оля вперила в парня раздосадованный взгляд, Артем воспользовался моментом и положил лысый кусок пиццы ей на тарелку, ловко стащив старый.

– А где Эдик? – вспомнила я четвертого из младшей группы, самого толкового. – Не с вами?

– Он в прошлом году к родителям вернулся. – Оля вспыхнула таким осуждением, будто считала его решение невероятной глупостью. – В какую-то унылую глубинку.

– Угу, в Ярославль, – весело вставил Костя, – та еще глухая деревня.

– Вот и я говорю, дере... – та осеклась и прищурилась. – Опять троллишь?! Ничего говорить не буду, ни-че-го-шень-ки!

И вгрызлась в подложенный кусок лысой пиццы, явно не заметив подмены.

– Я Эдику письмо подробное написал, – со всей серьезностью сообщил мне Костя. – Рассказал, что происходит и позвал к нам. Думаю, он приедет. Уж кому, а ему рассудительности не занимать...

– Стопудово приедет, – перебила Оля с набитым ртом, напрочь забыв про собственные угрозы. – Никому не охота, чтобы на них напали их же недавние друзья, находящиеся под контролем злобных сверхсуществ! А вы нас, если что, защитите.

Я натянуто улыбнулась. Пятерке из Потока до случайных людей никакого дела нет, охотятся именно за мной, чтобы узнать кто Вестник. Самое безопасное для ребят – находиться подальше отсюда. А уж Оле... Ей лет восемнадцать, инициация прошла примерно в то же время, что и у Артема. То есть, совпадает с движением границы, и она девочка. С виду канонический Вестник. Враги вполне могут углядеть в ней потенциальную кандидатуру... Она теперь со мной под одной крышей! С другой стороны, вдруг Крис, не сумев до меня добраться, решит перестраховаться и убить всех подходящих по возрасту одаренных девочек в городе, стране или вообще? С него станется, да и с прочих заграничных товарищей тоже! Тогда ей, наоборот, под охраной надежнее...

– Все, не мешай, – бросил мне Артем, по-прежнему с заметной обидой. – Так вот, храбрый зайка прыгнул на чудовище. Щупальца вмиг окутали его, подняв высоко над землей!

Слушатели уставились на него, затаив дыхание, я пожала плечами и вышла из гостиной. Все равно заметила, что к компании неподалеку присоединился новый отпечаток. С его обладателем-то мне и надо поговорить! О том, что творится в доме, и как с этим жить.

Знакомая энергия привела меня в зал с множеством стульев вокруг овального стола, три из которых были заняты. За сквозной аркой была видна напичканная бытовой техникой комната. О, здесь есть кухня с нормальной духовкой! Увы, это был единственный повод для радости. От уделанной с особой жестокостью плиты расползался запах

пригоревшего молока, на стеклянной поверхности отпечатался круг от стакана. Свинство! Я застыла на пороге, позабыв, зачем пришла. Видимо, раздражением от меня полыхнуло неслабо, обсуждающие чересчур мощное отопление голоса стихли, вся троица повернулась ко входу.

– Приятного аппетита, – сказала я вежливо и посмотрела на того, кого узнала. – Как Оксана?

– Какая Оксана? – пробормотал Лёня и подергал кончик обмотанного на вокруг шеи шарфа.

Снял бы его, на отопление бы жаловаться не пришлось! Впрочем, не мне сейчас насчет шарфов замечания делать. Остальные одаренные типы тоже были мне смутно знакомы: и пухлый любитель подтяжек, и обладатель густой черной бороды. Но имен не вспомню.

– Ах, та Оксана... – В Лёне забрезжил проблеск осмысленности. – Хорошо. Наверное. Давно ее не видел.

Вот это любовь! А проблем-то год назад было, когда они ее с Владом поделить не могли. И зачем я переживала? Что я вообще понимаю в отношениях?...

На кухне что-то гроыхнуло, из арки выбежала Кира, с закатанными рукавами помятой блузки.

– Кофемашина работает! – отрапортовала она и покосилась на любителя подтяжек: – Просто тыкать куда попало не надо.

Хапнув меня под локоть, потащила в коридор, бросив столу на прощанье:

– Осваивайтесь, не стесняйтесь. Захотите отлучиться – звоните, открою ворота.

Вдогонку прилетело коллективное облегчение. Видимо, обрадовались, что можно и дальше кипятить молоко до умопомрачения и ставить стаканы как попало. Нет, от готовки на общей кухне я лучше воздержусь. Успеть за Кирой оказалось непросто: то ли она куда-то очень торопилась, то ли я слишком выпалась. Настоящий бег с препятствиями. Черт подери тех, кто разлил на полу скользкую гадость и выкатил пухик из своей комнаты за дверь! Чтоб он им всю жизнь по пути попадался, и безо всяких колесиков... Кириной спиной я любовалась до конца коридора, догнала лишь у поворота к панорамным окнам. Ого! Во внутреннем дворе раскинулся сад, огромный, размахом действительно напоминающий парк. Заснеженные дорожки, лавочки, деревья и кусты сливались однотонную белую картину, но весной вид должен быть впечатляющим. Только кто за всем этим ухаживать будет?...

Рядом с окнами, за обыкновенной, похожей на все остальные аркой, пряталась дополнительная лестница – боковая, ведущая наверх. Оказывается, в доме есть мансардный этаж. Череда крутых ступеней, устланный ковром холл и всего две двери. За одной из них такая же комната, как моя. Разве что вместо кровати – диван. Кира плюхнулась на него, напротив заваленного бумагами столика, и кивнула на холодильник с магнитом в виде... хм, задней части плюшевого кота, предположительно застрявшего между камерами. Сдается мне, этот креатив в комплект не входил.

– Все, что найдешь, все твое, – обрадовала она, поправив съехавшие на нос очки. – В смысле, наше. Я до сих пор не позавтракала, каждую секунду кому-то внимание нужно. То Расскажи-покажи, то курьера встретить, то кофемашина у них не машинит, то работы дай. Нетерпеливые какие!

Ожидая очередного разгула фастфуда, я осторожно приоткрыла дверцу и обнаружила стену из контейнеров с наклейками итальянского ресторана. По сравнению с пиццей просто праздник! Плюс пугающие запасы кефира. Пока я разогревала еду в микроволновке, Кира сгребла свой канцелярский кошмар в тумбочку и накрыла на стол.

– А почему Паша поручил всех гостей тебе? – спросила я, давно заметив, что в здании его нет. – Сам-то где?

– В Питере, – огорошила Кира, намотав на вилку спагетти в таком количестве, что получился шарик. – До завтра. Есть там один вем, из старых знакомых Ливанова,

психолог от бога. С нашим дорогим наставником разругался в незапамятные времена, не сошлись в подходах руководства психологическим центром. С тех пор практикует в крутой клинике, имя себе сделал. Если получится его переманить, будет м-м-м...

К чему относилось последнее – к божественному психологу, или целиком запиханному в рот шарикку спагетти, я не поняла. Ясно, что кадровая работа идет вовсю. Если память на энергетические отпечатки меня не подводит, половина «Перспективы» уже тут. Филиал практически! Под Пашиным руководством. Мир сошел с ума, иного объяснения не вижу.

– Я до сих пор в шоке, – призналась я.

– И я! – горячо поддержала она, проглотив не жуя. – Захапал себе мою идею. Бессовестно, будто так и надо. А фыркал-то сколько, вспомни. Корпорация зла, ерундой маюсь, фу-фу-фу, страшно и стыдно! А теперь делает умное лицо. Гад. Ну, ничего. Я ему это припомню... еще пару сотен раз!

Еще? А он точно именно по работе в другой город сбежал?...

– В «Перспективе» вы за рамки не выходили, – высказалась я, ковыряясь вилкой в тарелке. Желудок урчал, но кусок в горло не лез. – А у Паши всегда с тормозами туго. Особенно по части использования дара... Вечно выходит перебор.

– Ой, брось, – удивила Кира скептически приподнятой бровью и ярко зародившимся протестом. – Он же не ради денег, у него их всю жизнь завались. Цель большая и светлая. Надрать кое-кому задницу!

– Вот именно. – Я попыталась воззвать к ее благоразумию. – Мало нам конфликта со всемогущими тварями из Потока, будет еще в реальности развлечение. А оно нам надо? Между прочим, недавно ты Совета боялась.

– Одна-то, конечно! А сейчас расклад изменился, не воспользоваться было бы глупо. Благодаря вашим тварям нас столько вемов поддержало! Все путем, правда. И у нас впечатляющий бюджет...

Ясно. Поддержки не найду. Это ведь ее старая идея – собрать людей с даром вместе, и не просто дружной компанией, а рабочим коллективом. В стороне не останется хотя бы из принципа.

– И как жить, в этой твоей ожившей мечте? – взвилась я, надеясь, что елозя вилкой не поцарапаю несчастную тарелку. – На кухне бардак, в коридоре бардак, и это я еще дальше не выходила... Кто будет его убирать? Вообще есть чем?...

– Не вздумай! Милые девочки из клининговой компании возьмется на втором этаже, и к нам обязательно поднимутся. Вылижут все начисто, до блеска.

Я хмыкнула и открыла было рот, но и слова вставить не дали:

– Прачечная в конце крыла, рядом с ней кладовая с бытовой хренью. Насчет продуктов тащи мне список, привезут в тот же день, как и любые вещи. Народ бездумно слоняться не станет, не курорт. Вениамин старательно разорился, и новые хозяева не из-за ошеломительного успеха психологический центр охотно продали. С отчетностью муть, маркетинг сдох, сотрудники расслабились совсем. Одно хорошо – репутация держит на плаву. Но разгрести прилично, и начнем очень скоро.

Я уткнулась в тарелку. Гляжу, тут все схвачено, устроено и распланировано. И возражения хозяевами не принимаются! Да и на что я им? По уборщицам и то набор закрыт!

– Лейка, не парься, – Кира тихонько толкнула меня плечом, – разберетесь с этими ментальными уродами. Мы поможем здесь, Хранитель в Потоке. А пока отдыхай после вчерашнего.

Интересные у Паши объяснения. Получается, про Вестников она не знает...

– Выйти отсюда можно? – проворчала я.

- Само собой, открою в любое время, только скажи. И обратно звони – впусти. Дежурю до утра так точно.

Высочайших наказов не выпускать меня не передавали? Поразительно!

Я немного успокоилась и наконец приступила к еде. Соседняя тарелка опустела быстро, корейской песней замыкал телефон. Судя по реакции Киры – что-то важное. Спешно взятая трубка, зудящая напряженность, скупые брошенные: «Внимательно слушаю» и «Сколько-сколько они хотят?». Минута, вторая, третья, чередование возмущенных «Офигели» и «Хрен им по всей морде». Кажется, это надолго. И, надо думать, несмотря на впечатляющий бюджет, разбрасываться им не собираются.

Я прикончила содержимое тарелки, запила кефиром – больше было нечем. Вымыла посуду и, не мешая Кире решать вопросы с неизвестными мне поставщиками неизвестно чего, выскользнула за дверь. Коридор внизу был приятно пуст, на улице начинало темнеть. Декабрь... Самая длинная ночь в году уже очень скоро. И сразу за ней день рождения Артема. Есть в этом, пожалуй, некая ирония! Я немного постояла у окон, наблюдая за стремительно погружающимся в темноту садом и приводя мысли в порядок. Что бы ни произошло в мире с джунглями, врагов у нас стало на одного меньше. Легче, как ни крути... Но это была не более чем счастливая случайность. Мне невероятно повезло – что с Базилем, что с Крисом. Первый, считай, ушел добровольно, от второго меня спас Тео. У которого, кстати, теперь вообще непонятно что на уме. Стоит прислушаться к Паше и впредь не допускать подобных встреч. Быть осторожнее! Мысленно повторив эту установку с десятков раз, я примирилась с вынужденным переездом и отправилась заниматься делами. Решающая битва явно состоится не сегодня, а пока жить как-то надо.

Прачечная в конце крыла ослепила количеством блестящих поверхностей, а в надраенный пол можно было смотреться как в зеркало. Загрузив стиральную машинку, я выбрала программу по приклеенной на стене инструкции и открыла дверь кладовой. Ох... Кажется, мои методы уборки безнадежно устарели. От крутящихся ведер и прочей автоматической ерунды зарябило в глазах. Нет, пусть те милые девочки сами в доме порядок наводят. Я – пас.

Список продуктов и прочего необходимого занял три мелко исписанных блокнотных листа. Отлично! Кое-что смогу и прямо в комнате приготовить. Если Артем надеется питаться пищей, то глубоко заблуждается.

Только собиралась занести список Кире, как она явилась сама. Не поднимая головы и набирая кому-то сообщение с телефона, заявила с порога:

- К тебе гость. Ворота и главные двери я для него открыла, иди вниз встречай.

Я присмотрелась к энергетическим следам в доме. Влад! Ничего себе... Примчался лично. Нового переселенца из Потока засек?... Кира уткнулась в мобильный, не обращая внимания ровным счетом ни на что, я запихала сложенные пополам бумаги в карман ее джинсов. Надеюсь, заметит.

Влад стоял посреди холла первого этажа, задумчиво разглядывая то пустую стойку регистрации, то собственную куртку на вешалке, то бесконечную вереницу одинаковых диванов, и стряхивал с влажной шевелюры снежинки. Помню-помню, шапка для слабаков! Я спустилась с лестницы, оказался тут как тут – передо мной. Обдало морозной свежестью, от крепких объятий перехватило дыхание.

- Ура! – выдохнули в ухо. – Жива! Артем мне писал еще вчера, что ты в порядке, но захотелось проверить...

- ...и додушить, – прохрипела я.

- Да, – охотно согласился он, – чтобы в следующий раз не забывала звонить.

Точно...

- И как я этого гада прощелкал? – Влад нехотя убрал руки и отстранился. – Теперь глаз не спущу с окрестностей!

– Я недавно проснулась, а здесь это общежитие...

– Крутое, – ничуть не посочувствовал он, заинтересованно пялясь на лестницу. – Отдельный домик. Школа, логово и штаб в одном флаконе! Как у Людей Икс.

– У кого?... – растерялась я.

– Из фильма. У них был замок для не таких, как все... Одаренных, короче. По-разному, в том числе и всякими молниями из глаз. Хочешь, посмотрим?

– Воздержусь. Хватит мне здесь этого добра...

Влад хохотнул, но взгляда от лестницы не отвел. Любопытство в нем разгорелось сильнее. Того гляди что-нибудь подпалит!

– Давай покажу, – предложила я.

Раз девицы из клининговых компаний ходят, ему тоже можно. И Артем будет рад его видеть.

– Ну, покажи, – равнодушно отозвался он и, в ответ на мою выразительную улыбку, независимо засвистел. Ай-яй-яй, конспирация хромает!

На первых этажах ничего интересного не было, сплошь залы да кабинеты, в большинстве своем запертые. Повела прямиком на третий, по той самой лестнице, разу уж она так его привлекла. Выяснилось, что у нее лепнина высокохудожественная, а перила вовсе «вау». Дизайнерские заморочки! Коридор встретил нас автоматически вспыхнувшим ярче светом, рядами дверей-близняшек и башней коробок в углу. Кто-то основательно к переезду подошел! Я направилась к гостиной, где до сих пор заседал Артем. Увы, в холле с лифтами Влад застрял намертво. Перед картиной с невразумительными перекошенными ромбами.

– Дай-ка угадаю, – пробормотал он, уставившись на такую же кривую подпись в углу, – ты мало знаешь об общежитиях.

– Между прочим, – фыркнула я, – в одном я даже была.

Целых пятнадцать минут. Соня снимала там комнату вначале, по соседству с кучей шныряющих туда-сюда и ворующих чужие сосиски людей. Единственного визита хватило, чтобы понять – это ужасное место! Благо, можно было встречаться у меня дома, где забытые ключи личности не норовят залезть в окно, спутав его со своим. Как она сейчас?... Надеюсь, идет на поправку, и в клинике ей хорошо...

Рядом пронзительно дзынькнуло, загорелась кнопка над лифтом. Двери с шуршанием разъехались, Влад моментально отлип от картины и уставился на колоритную парочку, которую я уже встречала на кухне. Пухлый и бородатый замерли, не решаясь выйти на этаж.

– Снова здравствуйте, – сказала я со всем дружелюбием, на какое была способна. – Хорошо здесь, в общем-то.

Пухлый тип оттянул подтяжку, она звонко хлопнула его по плечу. Лифт попытался закрыть двери, но тут же распахнул, напоровшись на живое препятствие и возмущенно пикнув.

– Хорошо, да, – повторил бородатый, недоверчиво хмурясь. – Уютно.

– Точняк, – бодро отозвался Влад. – Дача у вас тоже уютная. Далековато, правда. А чего на лифте? По лестницам гораздо быстрее бегаешь.

Тот растерянно кашлянул в бороду и шмыгнул в коридор. Пухлый попятился, лихорадочно шаря по стене, вжал кнопку первого этажа и поехал вниз. Стоп! Так это они преследовали его год назад?... Черт! Конечно, «Перспектива» и ее бывшие сотрудники, под Кириным руководством... Впрочем, расстроенным Влад не выглядел. Наоборот! Улыбался, светясь каким-то злорадным превосходством. Забыл о дурацкой картине и наконец дошел за мной до гостиной.

Артем сидел на прежнем месте, и в той же в компании. Видимо, кролик из легенды уже отпрыгал свое, теперь все увлеченно обсуждали некий пропущенный ход. Стол усеивали изрисованные листы, карандаши, крошечные фигурки каких-то гоблинов и игральные кости с безумным количеством граней. В коробке значительно убавилось пиццы, под диваном валялись пустые бутылки из-под колы. На подлокотнике лежала толстенная раскрытая книга с пугающе мелкими таблицами на пестрых страницах. Понятия не имею, во что они играли, но Оля явно проигрывала – безнадежно рассматривала выброшенную «единицу» и кусала губу. Костя озадаченно почесал затылок, Артем довольно хихикнул и высыпал на нарисованный лес охапку фигурок пауков.

– О, привет, – мимоходом бросил он Владу без малейшего удивления.

Ну, ясно, где тот адрес взял. И каким образом подгадал приехать, когда я уже проснулась!

– Устал за мной приглядывать? – насмешливо поинтересовалась я, но маленький нахал лишь отмахнулся.

– Вы свернули в темную пещеру, забыв зажечь факел, – мрачно прогудел он, кивнув на стол. – И на вас, бессмысленные мои путники, напали пауки. Гигантские, радиоактивные, семь штук.

– Сколько?! – тяжело вздохнул Костя, чуть не сдвув жутких тварей на пол. – По-моему, это безнадежно.

– Чумовой расклад, – Влад со знанием дела склонился над столом. – Вы продули.

– Давайте заново начнем, – предложила Оля, невинно хлопнув ресницами. – Все равно я больше не хочу за паладина играть... У которого даже лошадь умнее его самого.

– Надо было персонажа нормально создавать, – хмыкнул Артем, – и кинуть хотя бы пару очков в интеллект, а не все во внешность!

– Зато ты умерла красивой, – Костя утешительно погладил ее по плечу и усмехнулся. – А нет, погоди... Нас же сожрали пауки!

– Вот сейчас создам страшно умную, – мстительно пообещала она, хватая построчно расчерченный лист. – Закачаетесь...

Костя взял такой же и принялся задумчиво заполнять непонятную табличку. Очевидно, ту самую, дарующую интеллектуальное превосходство над лошадьми. Артем бережно сгреб ныне сытых пауков в мешочек и подбодрил путников:

– Давайте-давайте. А я скоро вернусь.

Взял меня за руку, будто забыл, что показательно дуется, и повел устраивать Владу демонстрацию своих апартаментов. Пока хвастался сценарием некоего придуманного для игры модуля, я прибралась в комнату и проверила холодильник. Запасы конфет и газировки впечатлили... Слипнется!

– Игроков бы побольше, – с явным намеком протянул Артем, – тогда развернусь. Эпично будет!

– Позже – обязательно, – пообещал специалист по гоблинам. – А сегодня я хотел вас вытащить прогуляться.

Артем просиял.

– Нам не следует выходить, – строго напомнила я. – Это может быть опасно.

– Да с кем безопасно, если не с ним? – парировал он и хитро улыбнулся: – Сходим, разрешаю.

Просчитался Паша с выбором присматривателя! Но верно – только Влад способен предупредить о появлении бессмертных гостей в городе.

– Докладываю, врагов на радаре ни одного, – отрапортовал он. – Слежу внимательно.

Если появятся: ноги в руки, и домой. Подобраться близко не успеют. Лейка, нельзя постоянно сидеть в вемовском штабе взаперти и напруге. Вам бы расслабиться после вчерашнего, настроение поднять, боевой дух, и все такое. У меня билеты в театр есть!

– В театр?! – опешила я.

Вот уж никогда не считала забитый народом зал местом для расслабления. Через несколько минут голова вспухнет. Интересно, что за представление? На подобные жертвы я не готова даже в память о любви к балету. К тому же, заниматься им мне нравилось гораздо больше, чем смотреть... Особенно потом. Когда точно знаешь, что твоим мечтам сбыться не суждено.

– Маленький театр, представление короткое и нескучное, – уверил Влад, ни капли не сомневаясь в собственных словах. Артем раскрыл рот с признаками загадочной глубокой мысли на лице. – Слушайте, мне тоже сейчас неуютно в толпе. Я знаю, что делаю!

Это что-то новое... Впрочем, у него с некоторых пор завелась неизведанная сила, налагающая похожие ограничения, что и дар. Ответственного подхода заметно прибавилось. И он единственный умеет снимать эффект внушения. Если не доверять ему, то можно сразу сдаваться. А еще... Так. К черту поиск причин! Действительно, хотелось выбраться отсюда. С ним.

– Хорошо, – согласилась я и, унимая вспыхнувшее чувство вины, добавила: – Ненадолго. И чуть что – возвращаемся.

– Идите, – заявил Артем, – а я останусь.

– Не хочешь в театр? – расстроился Влад. – Без проблем, что-нибудь другое придумаю.

– Нет-нет, – он попятился к выходу из комнаты. – Просто я понял, что хочу еще поиграть с теми ребятами. Втроем. Их подлавливать прикольно, такие нубы! А вы идите-идите, тоже развлекайтесь.

Правды в его пылкой речи было едва ли наполовину. Я вопросительно изогнула бровь, Артема тотчас сдуло за дверь. Что это было?... Влад проводил его задумчивым взглядом, развернулся ко мне и как ни в чем не бывало спросил:

– Поехали? До начала не так много осталось.

Ладно... В театр, так в театр. В хваленном замке-логове заняться абсолютно нечем, Артем и тот бросил!

Кира пропадала где-то в неизведанных недрах здания, но ворота открыла прямо по телефону, не спросив ровным счетом ничего. Просьбе заглянуть в карман своих джинсов очень удивилась, и с не меньшим удивлением обнаружила там мой список. Ну, если судить по протяжному «о-о-о» и вопросу, откуда он взялся. С ее внимательностью, в следующий раз туда паука засунут, огромного и радиоактивного...

В такси Влад отмалчивался, таинственно пообещав незабываемых впечатлений. Первые нехорошие подозрения у меня закрались, когда нас высадили у глухого деревянного забора. Ничем не примечательная улица, узкий тротуар, невзрачная калитка. К ней он и направился. Вжал кнопку домофона и сообщил, что мы на спектакль. Дверца с пронзительным писком отворилась, пропуская в окутанный кромешным мраком двор.

– Э-э-э... – озвучила я свои мысли.

Влад изобразил галантный жест «дамы вперед», я машинально вошла внутрь. За нашими спинами захлопнулась тяжелая калитка, щелкнул замок. Обратно-то выпустят?...

Захотелось развернуться и проверить, так – на всякий случай... Но это было бы глупо. Впереди сияли человеческие отпечатки, да и мы в центре города, а не на какой-нибудь далекой от цивилизации окраине. За забором ходили люди, сигналили машины, на крышах соседних зданий мерцали вывески. К тому же в планах было расслабиться, а не развивать паранойю! Глубокий вдох, шаг за Владом. Навстречу обещанному прекрасному, мимо заснеженных кустов. За поворотом темнота немного рассеялась. В свете фонаря удалось рассмотреть скамью, занятую компанией в куцых куртках и

крыльцо с деревянной лестницей. Сам одноэтажный дом напоминал что-то древнее, из частного сектора.

– Это точно театр? – засомневалась я.

– Точно, – подтвердил заядлый театрал, – и мы очень вовремя пришли!

На крыльце скрипнула дверь, высунулся патлатый тип, по сравнению с которым шевелюра Влада являла собой образец причесанности. Во дворике началось шевеление, народ потянулся ко входу. Мерзнуть не придется, и то хорошо. За дверью всем вручили нечто похожее на билеты, где утверждалось, что ставить будут Шекспира. Вот и замечательно. Его-то, наверное, сложно испортить. Пока я рассматривала этот глянцевого кусок бумаги в тщетных поисках указанного места, народ куда-то делся. Влад поманил меня к крутой лестнице, ведущей вниз, по всей видимости, в подвал. Тут-то я окончательно усомнилась в своей любви к искусству.

– Не бойся, – подбодрил тот, кто меня сюда притащил. Глаза у него были честные-пречестные, протянутая ладонь намекала – убьемся, так вместе. – Они клевые ребята, а помощник звукорежиссера – мой друг.

У них есть звукорежиссер? Радует. Звучит солидно, по крайней мере...

Под руку с Владом я осторожно одолела ступени. В полумраке коридора подрагивали огоньки свечей, отражаясь в зеркальных поверхностях. Сюда еще сектантов, и полный комплект... Я вцепилась в ладонь Влада, который искоса на меня поглядывал, явно наслаждаясь ужасом на моем лице. Наконец, уже неприкрыто веселясь, он вывел меня в зал. Здесь было светло и без изысков, перед дверью с перечеркнутым значком мобильного телефона сидело человек десять ожидающих зрителей. Имелся накрытый стол с чаем и печеньем, а также подобие гардеробной. Влад повесил туда мою дубленку с таким воодушевлением, будто надеялся, что теперь я вряд ли сбегу. И не подумаю – даже любопытно, что там за той дверью... Впечатления уже незабываемые!

От чая я отказалась, скромно села в углу. Вроде все пристойно, и по уверениям Влада – даже Артем бы не испугался. Тоже мне успокоил. Артем и кровожадным кроликам умиляется! Через десять минут дверь открылась, нарисовался все тот же патлатый тип. Оказалось, у нескольких человек, включая нас, особенные билеты с некоей красной полосой, поэтому мы входим первыми. Внутри, в небольшой комнате не было ничего, кроме тесно расставленных у стены трех рядов стульев, самых обычных – обеденных. Дощатый пол, россыпь лампочек под потолком. Влад утащил меня в конец первого ряда, с другой стороны мгновенно набилось народа. Чудесно... До конца спектакля отсюда не выбраться!

– Если что, слиняешь в Поток, я подстрахую, – заговорщицки шепнул Влад, – ну, чтобы ты со стула не упала.

За такое щедрое предложение получил тычок в бок и обещание отомстить – и за себя, и за Шекспира!

Зрители укомплектовались плотно, стульев хватило не всем. Некоторые устроились на лавках, кто-то на полу. Но никто не думал возмущаться, более того – и искорки раздражения не мелькнуло. На редкость лояльная публика! Дверь закрылась, комната погрузилась в кромешную тьму. Возня в рядах наконец стихла, воцарилась тишина, разбавленная шумом дыхания и поскрипыванием стульев. Чужие эмоции почти не давили, в воздухе витала безобидная смесь любопытства и предвкушения. Темноту неожиданно разбавило светом. И началось... Звуки музыки, натянутая поперек простыня, за ней – движение теней. Пластичное и странное, будто прямиком из безумного сна. Детский картавый голос зачитывал пережившую века историю, кратко и очень... своими словами. Силуэты сливались и разбегались, жили и умирали, возникали из ниоткуда и уходили в никуда. Песни становились тревожнее, как и паузы между ними. Задавала все тот же вопрос застывшая маска Гамлета, кружилась Офелия в пышном платье. Во всяком случае, было похоже на платье, пока она не выбралась из-за простыни. Я ахнула. Это была фата! Вернее, целый шлейф фаты непонятного происхождения. Спина устала, я прислонилась к плечу Влада. Он кинул на меня быстрый взгляд, словно опасался, что я уже в Потоке, и вот-вот рухну со стула. Нет уж, хочу узнать, что они такое ей на голову нацепили! Действо на сцене набирало обороты:

удаляющаяся фигурка девушки в белом платье, десяток невидимых рук. Фата превращалась в реку, дикую и бурлящую, ту, в которой тонут вечно. Она заполнила всю комнату, растеклась от края до края. Мощные волны, пробивающийся сквозь музыку шелест. Это же... Гигантский целлофановый пакет?! Пожалуй, впечатлиться еще сильнее уже невозможно!

Когда все закончилось, я с трудом вынырнула из прострации, и Влад потянул меня прочь. На выходе караулила девушка, громко повторяющая каждому, кто выходил: «Ступенька». Ох, действительно! Я аккуратно перешагнула порог, она рассмеялась и добавила, что такая у нее работа. Забавно...

Влад не проронил ни слова, но в гардеробной задумчиво протянул мне ослепительно белую песцовую шубу. Спасибо, конечно, но я и своей дубленкой вполне довольна. Эмоций в нем бушевало навалом, но все какие-то неопределимые. Возвышенные, видимо. Дворик оказался пуст и тих. Не было ни ветра, ни снегопада, холод волшебным образом не чувствовался. Темнота успела стать гуще, фонарь светил на полную катушку: так ярко, что лежащие всюду сугробы сверкали подобно декорациям к зимней сказке.

– Интересные увлечения у твоих друзей, – сказала я Владу, который явно жаждал комментариев, но почему-то молчал.

Он улыбнулся и, наконец соскочив с одного лишь ему ведомой волны, смахнул с волос залетную снежинку.

– Я же говорил, тут классно! И посетителей мало, тебя ведь не крыло, да?

– Если не считать ударной дозы креатива, – рассмеялась я, но мелькнувшая догадка вмиг сбила беззаботный настрой. – А тебе почему плохо в толпе? Ты же эмоции не чувствуешь. Дело в чем-то другом?

– Мне кажется, это вроде сканера, – охотно поделился Влад, шагнув на покрытую снегом дорожку. – Ну, сканера, устанавливающего степень нормальности окружающих. Тех, кто рядом, он проверяет более дотошно, что ли. Вот и получается перегруз системы, пип-пип-пип...

А ведь я практически ничего об одолженной Владу силе не знаю. Более того – даже его самого не спрашивала. Сначала злилась я, потом злился он, так нормально и не поговорили.

Спина в куртке с налипшими снежинками исчезла из вида, я свернула следом, за дом. Там Влад остановился, у раскинувшихся перед забором деревьев. Хорошее место: тихие звуки улицы, далекий свет фонаря, блеск заснеженных кустов-сугробов – не бьющий по глазам, а спокойный, серебристый.

– Расскажи, – попросила я. – Как это случилось?

Влад укоризненно покачал головой и усмехнулся:

– Я уже думал, ты никогда не спросишь!

Я натянула капюшон по самый лоб и, спрятав руки в карманы, обогнула сияющий в отсветах фонаря сугроб.

– На самом деле это случилось еще прошлой осенью, той ночью, – негромко начал Влад. – Хочешь помочь незнакомому человеку пережить сердечный приступ, а огребаешь кучу проблем и провал в памяти, который никто не может объяснить. Я тогда Димы к тому же коснулся не раз, мне по телефону врач инструкций надавал. М-да... Все равно без толку было. Неважно. Кира, посмотрев воспоминание об этом моменте, сказала, что заметила сильную энергию, которую я по идее чувствовать не должен. А я почувствовал, хоть и не запомнил. Можно сказать, так мы с Хранителем впервые... хм... пообщались. Я в трансе, он весь такой очень занятой ментальными убийствами. Но главное, что меня-то запомнил. Понимаешь?

Я кивнула. Состоялся некий контакт, и Хранителю его хватило, чтобы связаться второй раз.

- Аукнулось через год, - с внезапным приливом позитива продолжил Влад. - Сначала я думал, что это бредовые сны. Мне и без того полно ерунды снится... У-у-у, тебе лучше не знать. Твари из Потока отдыхают. Но тот сон был навязчивым до жути: белое пространство, постепенно тонущее во тьме. Каждую ночь одно и то же...

- Хранитель говорил с тобой в Лектуме? - не стерпела я. - Пудрил мозги? Фразами ниочемными о поиске ответов и болтовней о великом и вечном?...

- Нет, он ни разу со мной не говорил, - последовал грустный вздох. - Думаю, не может. Показывает одинаковых сюрных глюков, а после них приходит уверенность... Будто что-то знаешь. И - опа! - действительно знаешь. Вспоминается всякое, ощущение, что в мозг загрузили паранормальный раздел википедии, и читай, сколько влезет. Про пятерку вашу, их штучки внушительные, ритуал и остальное.

- И ты начитался...

- Но-но, - Влад мотнул головой, внеся весомый вклад снежинок в сугроб, - я всем делился. Просто... ну, в форме догадок.

- Ты был сама догадливость, диву давалась!

- А что было делать? Представь, как бы звучало: «Лейка, я уверен, что эти черти вселяются в чужие тела, приснилось мне».

Конечно... Рассказать бы сразу пришлось о порочных ментальных связях.

- А согласие? - не унималась я. - Хранителю нужно было твое согласие.

- Оно само!

- В банк с ним не ходи, а то мало ли...

- Как ты себе мое согласие представляешь? - развеселился он. - Бумажкой с печатью и подписью? Я же понимал, что это касается вас. Тебя, Артема. Вот и все.

Я уставилась под ноги. Сугроб блестел и переливался, капюшон подло сползал на макушку. Странно - столько времени тут стоим, и дело к ночи, а холодно до сих пор не стало.

- В общем, эта сила - словно прокачанная интуиция, - солидно сообщил Влад. - Едва ли смогу объяснить, как она работает, но... Похоже на доступ к чужому сознанию. Нет, части сознания. Потому что все эти подсказки, истории, картинки совсем не мои, хоть и у меня всплывают.

- Картинки? - насторожилась я. Любая потусторонняя информация в его голове - исключительно из одного источника. - Что еще за картинки?

- Из прошлого, сумбурные, - поморщился он. - Древнота дремучая, суeta и скука смертная. Покормил кур, пришел старейшина - отчитался ему за кур, нагрянули типы свирепые - нету кур. Землянки какие-то кривые везде, пахнет отвратно. А, и развлечение единственное - гонять кур. Ну, когда они есть...

Какие к черту куры?! При чем тут Хранитель?... Сомневаюсь, что в этом захватывающем сне некое послание скрыто.

- Негусто у тебя, - вывела я с усмешкой, - как вы говорите... суперпавера.

- Да уж. - Влад зачерпнул пятерней снега, смял в подобие шара. - Пылесосится почти никому не заметная энергия, злобные черти на горизонте мельтешат и башка раскалывается. Не о таком я в детстве мечтал!

В детстве, ну-ну...

- А ты что хотел? - Я сделала вид, что задумалась. - Дай-ка угадаю... Молнии из глаз?

- Ты слишком много знаешь, - пробубнил он. - Ладно, могли достаться способности и похуже. Глупее, нелепее, бесполезнее.

– Гнуть ложки взглядом? – не удержалась я, за что получила символично слеplенным снежком в плечо. – Ой, нет, невидимость в темноте!

Вдогонку полетел второй, сбив капюшон. Я ахнула, Влад ликующе хохотнул. Что?... Охамел! Руки невольно потянулись к снегу, вторя жажде мести. Воспитанной буду потом... позже. Кандидат на упокоение в сугробе удивленно подался вперед, опрометчиво вытянув шею, куда мгновенно морозной свежести и получил!

– О, твоя сила слишком сильна... – с наигранным испугом прогундосил он и зарядил снежком в ответ. Где только прятал?!

Я увернулась, в бок тут же врезался новый. Затем другой, третий... Целый залп! Последний – чуть ниже спины. Вот теперь пощадь ему не будет!.. Запустила наспех скомканный снаряд от души, но промазала. Влад спрятался за кустом, сиганув через сугробы, еще и гоготал издевательски. Чтоб меня! Дубленка белая, перчатки влажные... А, плевать. Так уж повелось – справедливость требует жертв!

Горсть снега, шаг к цели. Не спасут его эти несчастные ветки, ох не спасут... Самоуверенное хмыканье из-за куста лишь раззадорило. Ну, все. Нарвался! Я храбро сошла с расчищенной дорожки, о мой удачно подставленный локоть разбились очередные снежки. Налепил-то! Я запустила один, зато качественный. Большой. В лоб не целилась, но попала именно туда... Ой. Влад театрально качнулся, отчего-то в мою сторону. Я замешкалась и внезапно потеряла опору. Подножка – это подло! Инстинктивно схватилась за рукав куртки и очутилась в сугробе, рядом с поверженным противником. Снег был колючим, вопиюще холодным. А вот отпечатавшийся на губах поцелуй – очень даже теплым...

– Ладно, сдаюсь, – пробормотала я.

Он отстранился, насколько позволяли вцепившиеся в его рукав пальцы, и спросил:

– Ну что ты делаешь, как тебе не стыдно...

Нормально, а? Кажется, минимум одна моя бровь уползла куда-то под капюшон. Изобразив пристыженный вздох, я убрала руки. Влад резво выбрался из сугроба, вскочил на ноги. Помог мне подняться и принялся сосредоточенно отряхиваться. Невольно засмотрелась – дивная гамма из замешательства, смущения и паники. А какой ядреный переполох в мыслях! Интересно, они теперь в кучу вообще собраться способны?

– Я не хотел! – выпалил он и на целый шаг отошел.

– Ах, так ты еще и не хотел? – развеселилась я.

Влад вспыхнул новыми оттенками смятаия пополам с растерянностью.

– Нет, то есть... В смысле... Ты красиво падаешь!

Я пожала плечами, счищая с дубленки налипший снег. Вряд ли стоит беспокоиться. То ему нужна Оксана, то кто такая Оксана. С другими – аналогично. Однокурсница, две коллеги, соседка по лестничной площадке, продавщица крендельков из торгового центра... Всех не упомнишь. И Кира всего год назад была единственной настоящей любовью. Учтывая, как быстро он переключается между девушками, даже странно, что до меня очередь только сейчас дошла.

– По-моему, – произнес Влад глубокомысленно, – что я ни скажу, получается только хуже. Пожалуй, лучше... М-м-м... Помолчу. Хорошо?

– А сможешь? – рассмеялась я, разворачиваясь в направлении выхода. – Поехали по домам.

– Лейка, постой, – вдруг сказал он совершенно серьезно и изменился в лице. Ни тени сомнений, сплошная концентрированная решительность. – У нас гость, из Потока. Новый. Далеко, где-то за городом.

Черт!

Глава 12

Электронные часы у пустой стойки регистрации высветили девять часов вечера, автомат в очередной раз выплюнул в стаканчик то, что считал чаем. Но это лучше, чем ассортимент местной кухни. Загородный дом отдыха, пару дней назад закрытый якобы на ремонт, ратовал за здоровое питание, как итог – ромашковая бурда и пюре из брокколи на все случаи жизни. Говорить пока было не с кем, подхватившая левую сущность дама не очнулась ни вчера, ни сегодня. Врачи уверяли, что это должно произойти вот-вот, буквально в любую минуту. Один из них, единственный, кто мог здесь находиться, не рискуя получить установку выйти в окно, безвылазно суетился вокруг пациентки, прижав к уху телефон. Что ей в клинике вкатили с перепугу? Переборщили. Как бы ни откинулась вслед за товарищами раньше времени.

Пристроенный на столике ноутбук впервые за день встретил спокойным экраном, а не мигающей иконкой нового письма. Утром Ланс написал, что Шанталь привела к нему Адама, и этого сеанса хватило, чтобы сделать выводы. Мальчик действительно скучал по погибшему брату, и был привязан самым болезненным образом. Жутко боялся чем-то расстроить, ждал одобрения на все, что делал, или только думал делать. Распространенный эффект для тех случаев, когда тот, кто тебя третировал, резко меняет отношение на противоположное. В прошлом Натан именно так и вел себя с братом, причем не напрямую, и очень осторожно, что со стороны и не подкопаешься. Елена была права, он мелкого до невроза и довел. С какой радости оставил в покое? Подробности в письме не было, поскриптумом шло витиевато выписанное одобрение по поводу того, что я передал дело коллегам. А то, много ли нарасследуешь из другой страны. Через пару недель вернусь. После Рождества Маэва назначила голосование по поводу отстранения Дормана с должности главы. Это не подвигло его объявиться, до сих пор пропадал неизвестно где, будто ему плевать. Вероятно, так оно и есть. Результат голосования предсказуемый, его сторонники больше никакого влияния не имеют, даже Мартина умудрились сместить. Кого выберут новым главой, совершенно ясно. Кандидатура одна.

Наверху послышалось торопливые шаги.

– Она пришла в себя! – по лестнице сбежал наш гений усыпляющей медицины.

Наконец-то.

– У нее дезориентация после долгого сна, скоро пройдет, – доложил специалист по Белоснежкам, устало бухаясь на аскетичный диван в приемной, – будет вполне адекватная.

Я бы на это не рассчитывал. В досье Аниты один заграничный обитатель другого краше. Каждый еще при жизни отличился, после все заскоки лишь прогрессировали и усугублялись. Маньяк с навязчивой идеей, любительница интриг, бандит без тормозов, возвышенная актриса и социопат с претензией на гениальность. Образцовый террариум. Удивительно, как они не перегрызлись за столько веков в замкнутом пространстве. Сидели по своим углам? Бессмертие, да... Выдавать им возраст в пять тысяч лет было бы ошибочно. Замуровались в резервации с придуманными глюками и ускоренным течением времени. Что они там видели? Единственный источник информации – из ловушки. Учитывая, кто туда попадается, в меню преимущественно самоуверенные идиоты. Однако недооценивать их компанию не стоит. Фокусами Максимовой осенью весь офис накрыло, и в торговом центре чуть ли не две сотни посетителей охватило внушением. А эта особа умеет куда больше. Хотя проблем быть не должно: безлюдное здание в подмосковной глубинке с внушительной прилегающей территорией, самый опасный предмет – пластиковая ложка на кухне. Ни за входные двери, ни за ворота не улизнешь. И маячок на себе она вряд ли заметит. Если, конечно, накануне не закусил каким-нибудь эспером-суперхакером.

На втором этаже было тихо и светло. Просторный коридор, приоткрытая дверь в пустую комнату. Она стояла в конце коридора, у окна с фигурной выпуклой решеткой. Смотрела задумчиво то ли на нее, то ли на снегопад в свете уличного фонаря. Босиком, поверх больничной сорочки – накинутое на плечи одеяло. Бледная, хрупкая, с шапкой черных волос. Белоснежка, версия «десять лет спустя», когда с птичками уже не поют.

Я остановился в паре метров, она обернулась, медленно и осторожно. В прищуренных

глазах мелькнуло удивление. Секунда, вторая, третья...

– Странное место, – беспомощно прошептала Белоснежка. – Где я?

Браво. Тяжкий вздох и дрожащие губы изобразила особенно хорошо.

– В брэнной реальности, – просветил я. – За сто лет здесь все немного изменилось.

– Да уж, – цинично усмехнулась жертва обстоятельств. Невинно-растерянное выражение с ее лица слетело разом. – А Софи-то трепло.

Спокойно реагирует. Расчет, усталость? Отходняк от лекарств? Шаг от окна ко мне, поправленное сползающее с плеча одеяло. Безобидное движение, но расслабляться не следует. По медицинским прогнозам, ей на ногах стоять не положено, а ничего, стоит, и даже довольно устойчиво. Неизвестно, на что еще способна. Если это, конечно, вообще она. А не он. Ментальный бардак...

– Бывали пробуждения и похуже, – сказала эта непонятно кто. С трудом сглотнула и выдавила: – Где здесь...

– Обратно, и в другую дверь.

Она скользнула по стене в направлении комнаты, я пошел за ней. В ванной она засела на полчаса. Судя по долетающим звукам, ее как минимум наизнанку вывернуло. Добро пожаловать в реальный мир, тут вам не там.

Комната смахивала на номер в дешевом отеле: тумбочка без дверцы, пустые полки шкафа, разобранная кровать и стол с задвинутым до упора стулом. Прочее увезли подальше, во избежание. Проходить дальше порога я не стал, примчавшегося некстати врача развернул на подходе. Пусть отдыхает, иначе сам где-нибудь свалится. За стеной на несколько минут включилась вода, после наступила тишина, разбавленная едва слышным шуршанием полотенца. Что ж, не утонула. Роберт на отправленное сообщение ответил, что уже едет сюда, на пару дней, как и договаривались. Караулить ее вторую ночь желания не было. Надо выяснить главное – сколько их еще может выползти из закровов Потока и сколько попыток при этом у каждого.

Она вывалилась из ванной еще бледнее, чем прежде, в махровом халате и белых тапочках. Отличный выбор. Опустилась на выцепленный из-под стола стул, вытянула ноги. Через проем не до конца прикрытой двери виднелось брошенное прямо на пол одеяло, ворох салфеток и запотевшая плитка, с которой исчезали зигзагообразные следы. Хриплый кашель, мельком мазнувший по мне утомленный взгляд. Не особо ей лучше, но потерпит.

– Хоть бы зеркало оставили, – посетовала она, с интересом прислушиваясь к собственному голосу. Поправила влажные волосы, и уставилась на меня так прицельно, будто призвала сделать то же самое в ответ. – Ладно, давай сразу к делу. Раз уж ты в курсе, кто я.

– Яника, я полагаю.

– Даже так, – кивок и приподнятая бровь подтвердили догадку.

Знаки Анита в файле зарисовала тщательно. Очнувшись, заграничная сущность первым делом должна была его воспроизвести – где угодно, чтобы из захваченного сознания в ментальную трубу не вылететь. А зигзаги лишь в единственном символе есть. Передо мной именно та, что заговорами баловалась за спинами остальных. Бледные губы дрогнули в усмешке:

– А ты, значит, не представишься.

Угадала. Ответа она прождала от силы пару секунд, после равнодушно пожала плечами.

– Отвечу заранее, и оптом, – скучающе заявила королевская особа. – Нам у себя хорошо сидится. Приходится иногда вылезать, разбираться с одной и той же проблемой. Новых неприятностей не ищем, задерживаться не будем. Устраним угрозу, и про нас долго никто не услышит.

- Шумно вы ее устраняете.

- Так уж получается, - она откашлялась и вынужденным шепотом добавила: - Когда не мешают, выходит тише.

- Может, вам еще и помочь?

- Мы просто защищаемся. Не будь у нас тьмы на хвосте, не было бы ни ловушек, ни ритуала.

Ясно, все зло от Вестника. А они святые люди, и вообще - на диете.

- В этот раз скверно сработало, - отметил я. За провокацию сойдет. - Минимум двое выбыли, и тебя туда же стоит списывать. Сезон охоты близок к провалу.

Она села ровнее, не переставая вызывающе прямо смотреть и улыбаться. Интересно, ее энергия через зрительный контакт гасится, как и любая другая? Проверять не будем.

- Это всего лишь тело. Одно из... многих, - в ее голосе при всей любезности прорезалось снисхождение. - Правильно, за сто лет все изменилось. Раньше те, кто не мог о себе позаботиться - день, неделя, ну месяц, и сгинули. А теперь - клиники, круглосуточное наблюдение, поддержание жизни. Прекрасные времена, удобные.

- Твоей готовности по разным телам прыгать я не наблюдаю.

- Зачем? Меня и это устраивает, - она придиричиво оглядела вытянутые ноги. - Искать новое, вселяться, приживаться... Муторно.

- А какая надобность была вселяться полгода назад в Испании?

На мгновение в ее глазах мелькнуло оно - изумление. Не в курсе была, значит.

- Это связано с Марией? - уточнила она.

Наверняка. При ней Гонзалес в Мадриде на пару секунд в сознание якобы и пришел. А в конце лета скоростно скончался. Но в моих планах получить информацию, а не делиться.

- Вечно у вас проблемы с залетными девицами, - я увел разговор в сторону. - Не учили не играть с едой? Одна толпу на заклание привела, чтобы вас стереть, вторая сдала с потрохами. Зачем вы ее отпустили?

В ответ - усмешка, и никаких комментариев. Не Яника отпускала, это известно. Максимова ссылалась на Тео, без подробностей. Не догадывается, что у него в голове, и с головой. Взял и отпустил, мол, отработала. Очевидно, остальные с его позицией не согласны. Не так уж сообща действуют, а некоторые что-то затевают, возможно, против своих же. Перенести бы их разборки в Поток, пусть там делают что хотят, с Вестниками или без.

- Побудешь здесь, под присмотром, - сообщил я. На сегодня, считай, закончили. Сама ничего нового не скажет, а давить бессмысленно, смотается на родину, и прощай. - Не советую высовываться из дома, тем более за ворота.

Она хмыкнула, я вышел в коридор. Не готова пока к разговору по делу, пусть - не у нас время поджигает. Подождем, заодно поищем Вестника, подходящих под описание эсперов в России не так уж много. Анита составила список еще вчера, насчитала семерых. В срочном порядке эвакуирует, опасаясь, что им грозит опасность. На самом деле это они опасны. Одна из девочек - бомба замедленного действия, и лучше ей быть от нормальных людей подальше.

Роберт доехал быстро. Получил указания с королевской особы глаз не спускать, докладывать мне обо всем, а с ней не болтать. Сейчас и не получилось бы. Она то ли уснула, то ли вернулась в Поток. Думаю, еще очнется, сделает вторую попытку договориться или выкинет что-то порадикальнее. Терять ей нечего.

Припаркованную за воротами машину завалило снегом, как и выезд на дорогу. Для

визита в офис было поздно, и кое-что следовало обсудить с Анитой лично. Трубку она не брала, на сообщения отвечала смайликом с вывешенным набором языком. Заработалась. Поехал к ней, в квартире ее выловить шансов больше.

Итак, что мы имеем. Раз – Яника с собственной игрой в борьбе за власть. Получив ее, вряд ли она мир во всем мире устроит. Чем нам аукнется измененный расклад, неизвестно. Два – Тео в странных отношениях с фактически бесполезной Максимовой. На кой черт бы он ее ни отпустил, сделал это не из альтруистических побуждений. Она ему зачем-то нужна. Три – кто-то, вьющийся вокруг Марии. Про ритуал та была ни слухом, ни духом, иначе мы бы знали, после пятого предупреждения ее пробило на откровенность. Итого, предположительно трое из пяти жителей нижнего Потока замышляют нечто, выходящее за рамки обычной охоты на Вестника. Что точно – наши интересы не совпадают.

Несмотря на ночное время, на улицах кипела жизнь, магазины светили вывесками, и не только продуктовые. Действительно, вдруг кому-то взбредет в голову срочно купить джинсы или рамку для фотографии. Аниты дома не оказалось. Холодильник снова приютил половину меню соседского ресторана. В рабочем ящике прибавилось письмо от Кейна. Он добрался до компьютера Натана Берга, но «не надо спрашивать, каким образом». Опять водопроводчиком прикинулся и диск стащил? Марио... К словам «угроз погибший не получал и ничем эдаким в интернете не занимался» прилагалась ссылка на содержимое диска.

Среди скачанных файлов интересного не было: фильмы, музыка, материалы по учебе. Ни одной игры, в почте – сплошь уведомления от роботов. Десяток сохраненных учетных записей, толку от которых чуть, в социальных сетях и блогах Натан практически не сидел, переписывался вяло. В основном размещал фотографии с матерью и братом, образцово-показательные, как для каталога «Счастливая семья». Словом, подозрительного ноль, и Кейн далеко не дурак, чтобы не проверить каждый лог, однако... Ему об этом деле известно не все.

Научный форум Натан посещал чаще, чем другие сайты, особенно разделы по химии и биологии. Вел подробные дискуссии со студентами и преподавателями, много умничал и черпал информацию для собственных работ. Идеальный отличник, предельно вежливый, и не поверишь, что главный школьный хулиган. В переполненных личных сообщениях велись более приватные, но такие же скучные беседы об учебе. В черном списке значилась «Прелесть99», та самая поклонница-сталкерша из школы, о которой рассказывала Хлоя. Девочка была не одинока, компанию ей составлял некто «Четырнадцать». Пустой профиль, больше года оффлайн. Если Натан принял одноклассницу за однажды угрожавшего ему человека, и отправил туда же – в игнор, то «Четырнадцать» и есть тот человек. Переписку с забаненными он, очевидно, потерял. Но на сервере она должна храниться, вместе с данными обо всех пользователях.

Повезло: одному полезному знакомому как раз не спалось, а крепко заваренный чай помог дожидаться необходимых доступов к форуму. Административная часть была стандартной, вся информация – в наличии. Недавняя удаленная Натаном переписка почти дословно совпадала с пересказом Хлои, вторая утонула в недрах прошлогодней истории. Гораздо проще будет эти сообщения у его собеседника найти. Пользователь с ником «Четырнадцать» заходил на форум только в день регистрации, тогда же написал единственному контакту. Целенаправленно пришел именно с Натаном связаться. В профиле – ни одного опознавательного знака, кроме безликой электронной почты и ай-пи адреса компьютера. Набор чисел, цифра к цифре. Каждая расплылась, норовя слиться с соседними. Полоснуло ярким светом с красными бликами, закрытая крышка ноутбука мигом погрузила комнату в темноту. Без надобности рассматривать. Свой-то статический домашний адрес, который помнишь наизусть.

Рука потянулась за сигаретами. Сквозь настежь открытое окно кухонного балкона отрезвляюще дуло, на подоконник падал снег. С улицы долетали звуки изредка проезжающих машин и пьяный хохот. После четвертой сигареты, согласно количеству окурков в салатнице, отпустило.

Ноутбук послушно вышел из спящего режима, форум выдал нужный архив. Переписка была короткой, восемь отправленных друг другу сообщений. Первое содержало ссылку на видео, ныне недоступное, и вопрос Натану, как бы это понравилось ученикам его школы. Он впал плохо скрываемую истерику, вывалив воплей на тему «какого черта»,

«откуда взялся ролик» и «кто еще видел». Получил ответ – «пока никто». Стал умнее и уже спокойнее поинтересовался, что от него, собственно, хотят. Условия выставили интересные – не просто оставить Адама в покое, но и стать любящим братом. Не с виду, а на самом деле. Чтобы ребенок был счастлив, и души в нем не чаял. Обещали проследить, и в случае невыполнения – сделать звездой ютуба. Тот попытался выяснить, причем здесь его семья. Подозревал одноклассников, видимо, и ждал более приземленного шантажа. Ему заслали ироничное объяснение, что постоянное близкое общение с надоедливым мелким сойдет в качестве расплаты за грехи. Натан отписался, что эти условия выполнит, но если будут новые, то он пас, и плевать на последствия. В подтверждение отправил собеседника в игнор.

И ведь сработало. Фотографий Адама, со счастливой физиономией обнимающего брата, набралось бы на целый альбом. Ответственно подошел...

В отличие от ай-пи, электронный адрес в профиле был мне незнаком, видимо, использовался лишь для регистрации. Почтовый сервис авторизовал сразу. Пароль у Елены везде стоял одинаковый. Комбинация букв и цифр, с первого взгляда бессмысленная. В действительности же номер ее первой машины. Писем в ящике было мало. Помеченное как важное – от самой себя с прикрепленным видеороликом. Натан в костюме пухлой пчелки танцует под дурацкую мелодию. Явно несколько лет назад дело было, но лицо узнаваемо. Какое-то прослушивание. Музыкальное шоу? Да уж... Вот чего боятся отмороженные хулиганы. Ущерб имиджу вышел бы непоправимый, обиженные одноклассники могли весь интернет увешать пчелко-кадрами с убийными подписями. Где Елена этот ролик отрыла? Кроме как во внутреннем архиве шоу ему храниться негде. Помнится, у нее друг там оператором работал, а о факте участия немудрено за полгода занятий с мелким узнать. В любом случае, как она Леде и говорила, Адама не бросила, и разобралась по-другому. Теперь понятно, почему Натан резко сменил отношение к брату на противоположное.

Другим письмам в ящике тоже было полтора года, и относились они к одной ветке. Без темы в заголовке, неопознанный адресат, который начал с вопроса: «Что ты решила?». Елена была краткой: «Отказалась». Ей отвечали: «Твой муж точно не в курсе?». Так... Следующее письмо: «Папа, хватит этих шпионских игр!». Дорман, значит. Его привычный тон в каждой букве чувствовался: «Это не игры, и ситуация серьезнее, чем тебе кажется. От членов правления фонда держись подальше. Я предупреждал, еще тогда, ты забыла?». Все интереснее, и интереснее... «Я помню. С детства помню! Делаю, как ты сказал, не переживай». И снова Дорман: «Вечером приезжай, поговорим».

На этом все.

Вдох, через силу проглоченные остатки чая, изрядно остывшего. Отставленные кружка и ноутбук, выдох. Компьютер Елены я проверил давно и досконально, не было у нее ни такого ящика, ни научного форума в истории посещений. Чистить ее она умела, так что если бы не расследование вокруг Бергов, ничего бы не нашел. Все равно понятного мало. Что это за ситуация, из-за которой понадобилось держаться подальше от членов правления? Их у нас, помимо меня, было шестеро: заместитель главы фонда Маэва, руководитель юридического отдела подхалим Кауфман, медицинского – Ланс, финансового – умеющий быстро приспосабливаться Хубер, и пара добрых приятелей Дормана, в этом году отправленных на пенсию. Теперь главный по благотворительным программам и связям с общественностью Колвен, един в двух лицах. Дорман всех имел в виду или кого-то конкретно? Спросить бы его самого. Вот только где он, никто не знает. После похорон Елены исчез сразу, в лучшем случае по телефону отвечал. Популярное мнение: не выдержал удара. А если был другой повод скрываться? О чем Дорман, мать его, предупреждал Елену?...

На балконе из-за незакрытого окна стало еще холоднее, снега на подоконник навалило с сугроб. Спичка зажглась с третьего раза, осветив на мгновение заваленный пустыми цветочными горшками угол. Несколько затяжек, улетевший в темноту дым. Пепел упал мимо салатницы, в снег. Контур отпечатка сложился яркий, четкий, но тут же исчез, будто и не было. По двору неспешно проезжали машины, окурков в салатнице прибавлялось. Написал Роберт, отчитался, что все спокойно. Сигареты кончились некстати, а идей так и не появилось. Скрипнула входная дверь, в коридор, судя по звуку, ввалился мешок картошки. Я мельком глянул на часы – три часа ночи. Стряхнул снег на улицу, захлопнул окно и вышел с балкона. На кухню просунулась Анита, в расстегнутой,

но не снятой шубе.

– Ничего себе ты напроветривал! – она показательно клацнула зубами.

– Какие новости?

– Убегалась... Одна девочка радостно едет отдыхать в Европу, купилась на якобы халявную путевку и обещания сказочного Рождества. Другую заманила программой студенческого обмена, выезжать, конечно, нужно срочно. Третью без проблем забрали на лечение, дурочка умудрилась найти работу в торговом центре и даже стойко туда ходила, пока не слегла. У четвертой выискала ненормальная мамаша с подозрениями – полдня ее уговаривала отпустить ребенка на наши курсы и международные сертификаты показывала. Та носом воротила и задавала идиотские вопросы. Думала, прибыю... Вроде в итоге убедилась. Еще до троих не добралась, завтра продолжу. А у тебя чего? Она очнулась?... Кто это? Что сказала?

– Да. Яника. Во многом подтвердила слова Максимовой.

– И-и-и? – Анита замерла, стиснув в руках пухлую варежку. – Исторический момент! Состоялся контакт с практически потусторонней цивилизацией... Как впечатления?

– Никак.

– Это все декабрьская морозилка виновата! У меня уже мозги к черепу примерзли. М-м-м... Яника столько всего интересного должна знать. Даже самое банальное – как жили тысячи лет назад! С ней кто остался, Роберт? Давай я его потом подменю?

– Нечего тебе там делать.

Она переменялась в лице, задумчиво закусил губу. Подошла ближе и спросила:

– Что случилось?

– С этим делом оно не связано.

– Я чем-то могу помочь?

– Нет.

Снаружи засвистел ветер, сквозняк за спиной распахнул дверь. Надо было окно получше закрыть.

– Так, – Анита цапнула меня за плечо, оттеснив от порога балкона, – однозначно пора спать. Я тебе сейчас на диване постелю. И даже без панды!

Запахнула шубу и выскользнула за дверь с громким «бр-р-р». Окно заперла, дважды подергав за ручку.

– Даже без панды... – оценил я.

– Заберу себе, – донеслось с балкона. – С ней теплее будет!

Выскочила она со снежинками на макушке и салатницей в руках.

– Кстати, – взгляд сквозь мстительный прищур переместился с горы окурков на меня, затем обратно, – тебе какие котики больше нравятся?

Этот вопрос я оставил без ответа, к расстеленному дивану получил бонусом розовую подушку в цветочек. Панда перекочевала в комнату Аниты, а оттуда в коридор, подпирать грустной плюшевой мордой шкаф.

Не засыпалось долго.

В последний раз я видел Елену за две недели до, в доме, на лоджии второго этажа. Озеро внизу разбушевало, в тишине всплеск волн слышался отчетливо. Мне пора было выезжать на самолет, а прощаться она не любила. Куталась в накинутый на плечи свитер и задумчиво разглядывала горшок с трудноопределимой растительностью, потом

обронила: «Когда ты вернешься, как раз зацветут хризантемы». Может, и зацвели. Я с самого начала знал – что-то с ее смертью не так. Впервые с прошлой осени нашлась хоть какая-то зацепка. Совершенно случайно нашлась, благодаря обиженному до потери конспирации Веберу-младшему. Но дальше что? Как упомянутый Еленой в письме отказ мог привести к сердечному приступу? Чем Дорману не угодили ключевые фигуры Совета? Об этом она собиралась сказать мне тогда по телефону? Толку рассуждать отсюда... Через неделю на месте займусь. Ее переписка с отцом в ящике год с лишним лежала, еще постоит. Надо решать вопрос с Яникой. Оставим ее просто куковать в четырех стенах – смоемся, наплевав на сложности повторного вселения, и до свидания. Второй раз может не повезти ее выловить.

Разбудил звонок. Ева. Восемь утра, в Женеве – так вовсе семь.

– Я нашла его, нашла! – вылетел из трубки радостный вопль. – Альбом! Ну, папин. В кабинете, в дальнем шкафу, среди книг, на самой верхней полке. Как новенький!

– Поздравляю.

Быстро управилась. Все трое суток без перерыва и искала? Неудивительно, что на сон времени не осталось.

– И этот негодяй, который по нелепой случайности мой муж, звонил, извинялся и звал обратно. Я еще не решила, прощать его или нет, но... Не обидишься, если я домой пораньше вернусь, а не через пару недель, как собиралась?

– В добрый путь. Удачно поностальгировать.

– На самом деле, – шумно вздохнула Ева, – я про альбом вовсе не из ностальгии спрашивала. Признаюсь, накануне гостила у своей крестной Лилечки... Такой славный дом ей внуки построили, и виноградники во дворе чудесные. Ай, все равно ты ее не вспомнишь. Так вот, она перебирала старые письма, всякие истории травила, и упомянула, что марки на одном конверте нет, потому что наш родитель выцепил – себе в коллекцию. Спросила меня, помню ли его альбом. Я ей ответила – конечно, забудешь тут, он вечно над ним трясся, чуть что: «положь и не трогай, помнешь». А Лилечка мне – еще бы, там какие-то жутко редкие экземпляры были.

Неожиданное признание.

– Ты меня слышишь? – Голос зазвенел волнением. – Хочу отнести его кому-нибудь, кто разбирается. Выяснить примерную стоимость.

– Это я тебе и так скажу.

Сказал. А то потащит куда попало, неизвестно на кого нарвется.

– Что?! – В трубке затрещало, будто ее выронили. Через секунду раздалось возмущенное: – Ты знал, что это не хлам? И давно?...

– Как привез.

– То есть... Шестнадцать лет?! Ну, братец! Мог бы и просветить. Уму непостижимо... Знать и забросить в шкаф! А если бы я не навестила Лилечку?

– Валялся бы себе спокойно в шкафу. И мы бы оба выспались сегодня.

– Да я уже и не усну, – запричитала она. – Новостями поделиться хотела, обрадовать! Дура я, набитая. Волновалась, что не найду, все комнаты перерыла. Наверняка ты прекрасно помнил, что он лежит! Вот и не стыдно же...

– Ева, – перебил я, – тебе этот альбом сильно был нужен, когда ты его вышвыривала?

– Я ведь не догадывалась, столько он стоит!

– У вас что, были проблемы с деньгами? Сейчас есть?

– Ну, нет...

– Тогда чего тебе надо?

– Как ты не понимаешь! – Убранная от уха трубка громкости не уменьшила. – Мне обидно! И не только в этот раз! Всегда одно и то же: обо всем молчишь, на вопросы не отвечаешь, о твоей жизни узнаю чисто случайно. Мы вообще-то одна семья. А с тобой невозможно общаться!

Да если бы.

– И так все было сложно, теперь с альбомом сюрпризы, – всхлипнула она. – Что мне делать?

– Что хочешь, – я сбросил звонок.

Интересно, чем Яника в это чудесное утро занята... Сообщений от Роберта не приходило. Достучавшись через мессенджер и получив ответ, что пока она своим сверхсознанием в наш бранный мир не возвращалась, я встал и пошел собираться в офис. Спать все равно некогда.

На щелчок замка входной двери из комнаты высунулась замотанная в одеяло Анита. Протерла заспанные глаза и поинтересовалась:

– К Шульцу? – После моего утвердительного кивка умчалась в ванну с криком: – Я с тобой, подожди десять минут!

Ровно через столько и подбежала к машине. Ярро-розовая помада, платье с безумным количеством кружев, пряди трех цветов в хвосте. Любимый образ на случай неприятных переговоров. Видно, господин начальник ее прилично достал. Не знаю, что за проблема, которой он жаждал поделиться еще вчера, но о нашей отдыхающей за городом даме разговор зайдет непременно. И Маэва ждет отчет. А первая, с кем стоило бы обсудить эти дела, сидит рядом. Анита поерзала на сидении, вглядываясь в темноту покидаемого родного двора, и повторила вчерашние вопросы. Озвученный расклад ей не слишком понравился, особенно по части намерений Яники и прыжков по телам с неизвестным лимитом. Сошлись во мнении, что идти у нее на поводу нельзя. В перспективе получим всемогущее нечто, от которого неизвестно чего ожидать. Уж лучше как сейчас – всплески активности раз в сто лет, какая-никакая, а стабильность.

Начинало светлеть, идеально расчищенный двор «Идеального мира» заставлял усомниться в том, что всю ночь валил снег. Русский филиал, в отличие от большинства других, историческим колоритом похвастаться не мог. Три этажа футуристического здания, в вестибюле – украшенные пластиковыми шарами абсолютно симметричные елки и запах свежееотпечатанных брошюр, стопками втиснутых на стенде. Никаких затей с входом, череда электронных замков и стеклянных дверей, отдельное крыло по особому пропуску. Кабинет Шульца был открыт нараспашку, внутри орудовала тряпкой уборщица. Она бережно приподнимала то кучу ручек с логотипами фонда, то башню из упаковок стикеров, то гирлянду скрепок, возвращая строго на прежние места. С нашим появлением ее сдуло, напоследок был бережно поправлен сдвинутый в сторону календарь на стене. У уборщиц Шульц явно пользуется авторитетом. Я устроился на диване, напротив журнального столика с якобы незаконченной шахматной партией. Фигуры расставлены вопреки любой тактике, логике и здравому смыслу. Для красоты, подозреваю. Анита неведомо откуда притащила чай – кипяток в обжигающе горячих чашках. Обхватила свои ладонями и притихла в кресле. Остыть чай не успел. Дверь распахнулась, врезавшись в стену и сдвинув набор календарь. В кабинет ворвался Шульц, будто от кого-то убежал, и этот кто-то – по меньшей мере стая голодных псов. Впрочем, он всегда такой. Сгорбленная щуплая фигура, дерганные движения, размашистые шаги. Увидев меня, обрадованно потер руки, потом заметил Аниту, и его слегка перекосило. Гляжу, у них полная взаимность.

– Гостя у нас прямиком из нижнего Потока, – перешел я сразу к делу. – Дом отдыха на ближайший месяц наш – с запасом, она так надолго не задержится. Роберт пока останется там, в нем я уверен, другим туда соваться не стоит. Ей никакие ментальные способности не нужны, чтобы собеседнику мозги промыть. До отъезда я решу вопрос, тебе беспокоиться не о чем.

– Ясно, – глубокомысленно кивнул Шульц. – Из нижнего Потока, надо же... Однако я не

об этом хотел поговорить.

И выразительно уставился на Аниту, указав подбородком на дверь, намекая, что там ей и полагается быть. Она невозмутимо закинула ногу на ногу и отпила чаю. Там же кипяток...

– Я не собираюсь что-либо скрывать от Анны, – сообщил я. – А ты?

Он поперхнулся, передернул плечами. Повисла длинная пауза, я отодвинул чашку подальше, показывая, что весь во внимание. Все равно ее лишь в качестве обогревателя использовать можно. Шульц закатал рукава, поморщился, словно готовился вытаскивать нечто липкое и скользкое из... ну, скажем, проруби. Сел в придвинутое к дивану кресло и мрачно сообщил:

– У нас проблемы. Минус два партнера, закрытая за надуманные нарушения клиника. Внезапная проверка властями нашей благотворительной кампании. Замороженный счет из-за нелепых подозрений в мошенничестве. И это еще не все, каждый час новое всплывает. В повальное невезение я не верю, начал проверять, откуда тут ноги растут, и кто у нас такой предприимчивый. Оказалось, Левицкий.

Анита расплылась в улыбке – медленной, довольной и очень ехидной.

– Ты! – среагировал Шульц. – Его куратор, и должна была выяснить это первая! Как ты за ним следила, а?

– Никак, – буднично произнесла она. – Прогуливала.

– При Сталине бы за такое расстреляли!

Глубоко он проникся местными традициями. Только какими-то устаревшими.

– Знаешь-ка, что, – Анита со стуком поставила чашку на столик, – мы ведь не на собрании. Посторонних здесь нет. Могу прямым текстом сказать: ты идиот, и виноват сам!

– Да-да, я помню! – Шульц густо покраснел. – Не надо было его трогать, тревожить, косо смотреть, и даже дышать при нем. Обращаться осторожно, вежливо и нежно, не дай бог, расстроится. Может, еще в задницу поцеловать?

– Боюсь, он бы предпочел пятое предупреждение, – она сделала страшные глаза и прыснула в чашку. – Хотя я бы на это посмотрела...

– Как тебя из детского сада выпустили?! – оскорбленно зарычал тот.

– Прекратили оба! – повысил я голос. Подействовало. – Успокоились, и отвечаете только на мои вопросы. По порядку. Какие предупреждения? За что?

– За Неборскую, – Шульц оттянул пальцами воротник рубашки, будто она его душила, – которая про дар бойфренду проболталась, а он из полиции, между прочим. И не признавалась, пока к стенке фактами не приперли. А поскольку у них с Левицким солидарная ответственность... Кстати, твое решение.

– Это делалось, чтобы ее не оставили саму с повышенным даром разбираться, – рывкнула на него Анита, – а помогли и подстраховали. Сработало, никаких проблем с Кирой не было. Он присматривал за ней, даже к себе в отдел забрал.

– А сейчас генеральным директором своего психологического центра назначил, – прошипел Шульц, – из той же трогательной заботы.

– Отвлекаетесь. Про психологический центр я слышал, еще на прошлой неделе. Опасений оно не вызывало. Для них это привычная форма организации... сообщества. Ливанов к себе учеников лет сорок таскал, пока его не осенило их ряды проредить.

– Он создавал то сообщество с благородными целями, запрещал вредить людям и открывать дар, – продемонстрировал знание темы приосанившийся глава филиала, – а таких, как Неборская, вышвыривал. Ее ничего кроме денег не волновало, попала

стараниями наставника под запрет аки алкоголь после десяти часов вечера. Показательная с ней была история! А теперь дорвалась, устроит то же, что и в «Перспективе».

– Сравнил, называется, – фыркнула Анита. – Там Кира выполняла задания клиентов, используя дар, и дико палилась. Вемы, которых она к делу приобщила, не особо осторожнее были. Прозвучит цинично, но нам повезло, что Лессер, чтоб ему в психушке сгнить, избавился от слишком просвещенных людей. Единственная выжившая после нападения клиентка переключилась с бизнеса на семью и о прошлом хочет забыть, а вовремя сделавшая из компании ноги журналистка не порывается снимать сюжеты о сверхсилах, ее канал больше интересуют экономические проблемы. А что, скажи на милость, Кира устроит в психологическом центре? Специфика разная. Они в мозгах клиентов копаются, причем по их желанию. Ни к чему шокировать фокусами угадывания мыслей, чтобы произвести впечатление.

– Мне кажется, – Шульц поджал губы, искоса глянул на меня и вновь уставился на подчиненную, – или ты их вечно защищаешь? Твоя работа не в этом состоит. Полнейшая профнепригодность!

– Зато наезжать очень профпригодно, – не полезла она за словом в карман. – В итоге же так замечательно получается. Например, как у тебя в этот раз. Нравится?

Утомили.

– Еще одна непрошенная реплика, – предупредил я, – и тот, кто ее произнесет, окажется за дверью.

Анита уткнулась в чашку, Шульц подскочил в кресле. Судя по сведенным в одну линию бровям, хотел напомнить, в чьем кабинете мы находимся, но предпочел разумно промолчать.

– Продолжим. Зачем Левицкому этот аттракцион пакостей?

– ЧСВ прищемило, – хмыкнул профпригодный специалист.

– Хочет, чтобы мы ушли, – нарочитым тоном отличницы вывела Анита и с широкой улыбкой повернулась к Шульцу. – Это объявленная война. Иначе фиг бы ты его вычислил.

Может, и прищемило, но на агрессивного идиота он не похож. Тут другое. Не личное, а глобальное.

– Значит, он взялся реанимировать ливановскую светлую идею с меркантильными поправками, – восстановил я общую картину событий, – и все резво кинулись ему помогать, без оглядки на возможные последствия. Откуда такая массовая поддержка?

– По слухам, – осторожно сказала Анита, явно опасаясь сболтнуть при начальнике лишнее, – они боятся тварей из нижнего Потока. Считают, те решили захватить все, поэтому возвращают попавших в ловушку эсперов безумными, жаждущими крови остальных одаренных. Маша с переполохом в развлекательном центре и умерший при попытке очнуться Денис тому подтверждение. Вемы объединяются, ищут защиты у тех, кто сильнее.

Нордовский расклад. А истинная цель и рядом с озвученной не валяется.

– Не до нас им, у них есть враги страшнее, – злобно процедил Шульц. – Надо с этим что-то делать!

– Надо, – согласился я.

Наверняка стремление эсперов объединиться действительно связано с активностью нижнего Потока. Есть чего бояться, особенно когда не понимаешь, что происходит, и с какой стороны может задеть тебя. Но Левицкий и компания точно знают правду. Больно часто бегали по уровню с ловушками, плюс знакомство с Хранителем и активации миров. Запустить три сценария и не заметить, что везде в центре сюжета чья-то смерть? Ну-ну. Вот им, вероятно, и грозят ментальные санкции за любопытство, остальную тусовку они

используют как пушечное мясо. Главный вопрос: чем им мешает Совет? Именно сейчас, в сезон охоты. Очевидно, наши интересы заведомо по разные стороны. Заграничные пожиратели эсперам нравиться не могут по определению. Остается Вестник.

- Обнародуем данные по пятерке, - объявил я, - Вестнику, охоте и ритуалу. Придумайте, через кого это лучше запустить в массы, чтобы побыстрее разошлось.

- Что? - Круглые глаза в обрамлении блесок смотрели не моргая. - Предлагаешь рассказать вемам все, что мы выяснили?

- Так нельзя, - струсил Шульц, который даже приблизительно не мог понять, о чем идет речь. - Разве это не закрытая информация?

- Закрытая или нет, решаю я. Пока она неизвестна большинству, ею вертят как хотят. На выходе получаем настроенное против нас стадо баранов, уверенных, что им угрожает опасность, когда единственная угроза - лапша на их ушах.

- А не перебор? - Анита заерзала на кружевах юбки и выдохнула с сожалением: - Дарить добытый такими трудами эксклюзив...

- Тоже мне секрет Полишинеля, - усмехнулся я. - Хранитель с испытаниями, болтливая Максимова. Думаешь, она лишь с тобой была откровенна? И гуляющий по неполюженным Лектумам народ не в курсе? А Хансен с его гениальными мерами предосторожности? То, что однажды прорвалось наружу, обратно не запихаешь. Со временем расплзется, это неизбежно. Кто первый сумел повернуть ситуацию в свою пользу, тому и бонусы.

Она задумчиво закусила губу и откинулась на спинку дивана.

- А при чем тут Левицкий? - почесал затылок Шульц. Видимо, аллергия на мысли.

- Он манипулирует фактами, - пояснил я. - Окружающие не любят, когда их держат за дураков. Лишится всеобщей поддержки, тогда и можно будет решать проблему.

И с заграничными пришельцами спокойно разобраться, пока никто палки в колеса не вставляет. Интересно, как сами эсперы с ними планируют бороться? Вестника натравить, и прощай родной город? Лучший вариант - не ходили бы в Поток, не попадались ни в какие ловушки, пятерка давно померла бы от голода.

- Выходит, мы поделимся информацией, что потусторонние сущности лезут в тех, кто попал в ловушку? - Шульц сглотнул. Дошло наконец-то. - Начнется паника...

- Уже началась, - отметил я. - Беспричинная.

- Вему ничего не угрожает, если он не Вестник, - подхватила Анита. - Это спутает им все планы.

На то и расчет.

Глава 13

Снег шел всю ночь и все утро, темнота за окном казалась непроницаемой и какой-то живой. Я просидела на кровати до самого рассвета. Запасы чая кончились на пятой кружке, солнце взошло, и тут же потерялось за крошевом метели и густыми облаками. Посмотрев на едва пробивающиеся во двор лучи, я все-таки уткнулась в подушку и закрыла глаза. Проспала до обеда. Протравив глаза, постаралась убедить себя, что все не так уж плохо. Ну, хотя бы ради того, чтобы окончательно не расшатать нервы. Надо, как там говорится... Набраться позитива? Попробую. Итак, я до сих пор жива, рассудка не лишилась, нахожусь в охраняемом здании, в компании одаренных людей, которым внушение не грозит. Сегодня пока не было ни ночных кошмаров, ни чужих искаженных воспоминаний. Это почти счастье – время наедине с собой, без рвущейся наружу Эсте. Артем со мной, личность Вестника не раскрыта, круг осведомленных лиц без изменений – я, Паша и Влад. Обоим можно доверять. И что бы ни втемяшилось в творческую голову моего дорогого друга, это скоро пройдет. С девушки на девушку он переключается быстро, не принимая во внимание, ответила ли та взаимностью. Появляется новая – хоп, и все. Почему я должна стать исключением? Закончится история с заграничными гадами, и успокоится. Главное, чтобы цел остался, и успешно потом избавился от связи с Хранителем.

Я перевела дыхание, еще раз проговорила все хорошее по пунктам. Вроде получилось убедительно. Проснулся аппетит, причем так качественно, что я готова была хоть пиццу Артема слопать. Позитив – страшная вещь! Надеюсь, у Киры осталось что-нибудь съедобное.

Я привела себя в порядок и шагнула из комнаты и сразу замерла. Из глубины коридора фонило жутко – тревогой, ни капли не сдерживаемой паникой, пробирающим до дрожи страхом, горячим сочувствием и скептическим весельем. Совершенно дикий коктейль! Голоса знакомые, отпечатки тоже. Что бы ни стряслось, как минимум двоих это довело до истерики. Донесся нервный девичий смех, после протяжное «о-о-о...» Артема, и я сорвалась с места. В гостиной было целое собрание: на диванах, вокруг них, на стульях и подоконнике. Оля рыдала в три ручья, не переставая хватать из рук недоверчиво шутившегося Кости бумажные платки. Двое из лифта, что вчера так мастерски сбежали от Влада, взволнованно на нее пялились; нарезал круги по комнате и хмурился Эдик. Приехал все-таки... Артем выглядывал из-за занавески, с загадочным выражением лица. Леня ерзал на подоконнике, и в кои-то веки был без шарфа. Видимо, на нем уже кто-то повесился. Остальных не менее возбужденных личностей я в лицо не помнила. Эмоциональный фон зашкаливал, всюду плескалась энергия – яркая, мощная. Накатывала резко, не просто волны – цунами. На берегу сплошь брызги, осколки и месиво из бурных чувств...

Кажется, меня никто не заметил. Оля взвыла, шумно высморкалась в платок.

– Успокойся, не тронут тебя, – ободряюще бросил ей Эдик, и мое сердце ухнуло вниз. – С чего ты вообще взяла, что Вестник – это ты?

А?...

– С того, – огрызнулась та, судорожно смяв платок. – Я знаю, что я избранная! Чувствую!

Из-за занавески насмешливо фыркнули. Негодник... Стоп. Откуда они знают о Вестниках?!

– Чувствуешь? – Костя с нарочитой пытливостью потыкал ее пальцем в бок. – Темная сторона зовет? Где-то свербит? Есть желание кого-нибудь убить?

– Тебя – постоянно! – Она швырнула в него смятым платком. Попала в нарезающего очередной круг Эдика. – Так что не злите меня лучше...

– С той же вероятностью Вестником может быть и Дина, – возразил Леня, кивнув в сторону.

Я не сразу заметила ее – девушку в углу второго дивана, на вид чуть постарше Оли. Сгорбленная фигурка, подтянутый к коленям подбородок, липкий страх. На окружающих она не смотрела, тихонько раскачивалась, какой-то парень в кепке жалостливо гладил ее

по спине. Эти разговоры... Вестник, тьма, подходящие кандидатуры. Как так?... Что за... всеобщая осведомленность?!

- За компанию убьют, и разбираться не будут, - махнул рукой бородатый недруг Влада. - Им же безразлично: девочкой больше, девочкой меньше...

Дина вздрогнула, Олин вой пугающе затих.

- Между прочим, они и для нас опасны, - заявил любитель подтяжек. Лучше бы он в лифте застрял, с концами! - Забыли, сколько народа в первородном мире полегло? Этим Вестницам сердечный приступ у любого вызвать - нечего делать. Их даже пришельцы из нижнего Потока боятся. Доброе утро, Валерия...

Все взгляды разом обратились на меня, из-за занавески высунулся нос в веснушках. Спокойно! Глубоко вдохнуть, загнать собственный испуг в самый дальний уголок сознания. Понятия не имею, что здесь произошло, но нужно срочно взять себя в руки. Люди с даром почуют и ложь, и просто подозрительные эмоции. Однако сбежать молча еще подозрительнее. Я выдавила улыбку:

- Не такое уж доброе.

- Вы ведь нам поможете? - выпалила Дина, подняв заплаканные глаза. - Правда? Вы обещали...

- Правда, - подтвердила я, вперив в болтуна злой взгляд. Он попятился. - Всем поможем. А теперь объясните, из-за чего собрание.

И почему вы, черт подери, обсуждаете Вестников...

- Оля испугалась! - Артем выбрался из укрытия. Подмигнул мне и скороговоркой доложил: - Ей куратор рассказал, а она нам. Что ритуал - это когда гады заграничные в попавших в ловушку вселяются. Чтобы Вестника найти, который тьма, девочка и любой мир в верхнем Потоке. Первая целый город убила, ничего себе, да?

Голова пошла кругом. Выходит, открылось практически все!

- Да-да, девочки, - Оля уткнулась в Костино заботливо подставленное плечо, - моего возраста как раз. Давид предупредил, что мне надо быть осторожнее, защиту предложил.

Какой Давид?... Впрочем, не одна же Анита всю толпу курирует.

- Странно это, - вставил Лёня. - Совет такой заботливый стал. Я им не верю.

- Зато теперь мы знаем, - парень в кепке пристыженно покосился на Дину, - что нам твари из нижнего Потока не угрожают.

- Ничем, кроме ловушки, - едко напомнил Эдик. - Или роль еды всех устраивает?

- Роль жертвы в чужой войне меня тоже не устраивает, - пробубнила девица, в завитых волосах которой поблескивали забытые бигуди.

- Вдруг легенды расшифрованы неверно? - с надеждой спросила Дина. - И ничего подобного на самом деле нет...

- Доказательства у Давида убедительные, - бородатый поскреб щеку. - Заварушки в последние пять веков совпали с возникновением миров и по времени, и по сюжету сценариев.

- Интересно, - прокомментировала я от души.

Развернулась и пошла прочь с этажа - к не приметной лестнице в конце коридора, и наверх. Судя по отсветам энергии, из командировки Паша вернулся. Он вообще в курсе, что происходит, предводитель бандерлогов?!

Перед его апартаментами сомнения на этот счет отпали. Оттуда сквозило злостью - не той иступленной, волнообразной, что ненадолго затмевает рассудок и быстро утихает, а

холодной и пугающе ровной, как залитый с утра пораньше каток. Кажется, не стоит стучаться. Благоразумнее вообще не показываться на глаза, переждать где-нибудь подальше! Отступить от двери не успела. Она резко распахнулась, явив на пороге хозяина при полном деловом параде. Идеальная причесанность, выглаженный костюм. Даже ненавистный ему галстук нацепил. Внешне – не подкопаешься, а вот внутри... Невольно перехваченной ледяной яростью окатило с головы до ног, следом припечатало тем самым взглядом, от которого очень тянет извиниться, но не знаешь за что именно.

– Проснулась, – констатировал Паша.

– Вышла на шум и... долго поверить своим ушам не могла.

– Ты про вопли в гостиной? И не надоело им, по которому кругу уже.

Я перевела дыхание, стараясь не потерять контроль над эмоциями, он посторонился, пропуская меня вперед. Спасибо. Колени подгибались, присесть хотелось дико. Диван в апартаментах был, вместе со стандартным набором безликой мебели, заваленной какими-то папками, исчерканными распечатками и документами. Обстановка сильно напоминала рабочий кабинет, на ворохе бумаг устало гудел ноутбук, исходя жаром.

– Всем стал известен истинный расклад, – мрачно сказал Паша, подперев стену возле дивана. – Считаю, наши страшные тайны подали в общественной столовой на тарелочке с голубой каемочкой. К счастью, не все. Просочилось лишь то, что было известно Соне.

Я молча помассировала виски, выдерживая необходимую паузу. Он не прав. Соня скрыла подробности об Эсте... обо мне. Но спорить не буду, остальное-то – да, Совет, несомненно, выяснил у нее. Только выбора ей не оставили, и кто предполагал, что добытая непосильным трудом правда разлетится горячими пирожками?

– Куда смотрит Совет? – возмутилась я вслух. – Закрытая информация утекла!

– Утекла, ага, – поморщился Паша, – с сопутствующими бережно собранными доказательствами. Реальные прототипы последних пяти миров отыскивали, легенды о Вестниках тех времен. Подобным просто так не разбрасываются. Руководство согласовало.

– Какое?...

– Вышнее, я полагаю. А нам подсунили Давида с кастрюлей секретов и половником. Спроси у Аниты, вдруг она до сих пор страшно переживает и жаждет объяснить тебе, что это за на фиг!

Вряд ли... Война, значит, война. В конце концов, начали ее мы. Я откинулась на спинку дивана, шумно выдохнула. И предательски дрогнувшим голосом спросила:

– Что теперь делать?

– Варианта два, – ответил он спокойно. – Либо признать, что мы все знали, но умышленно недоговаривали, и после этого потерять доверие других вемов, либо делать вид, что мы сами в шоке, выставив себя некомпетентными идиотами.

Оба варианта – то еще издевательство. Удружили, чтоб их...

– Я выбрал второй. – Паша поправил и без того безупречный узел галстука. – Должно сработать. По крайней мере, утренний разговор вышел убедительным, во многом благодаря Кире – она-то действительно о Вестниках впервые слышала.

Ох...

– Поэтому я и не рассказывал тебе сразу. Нужно было твое неподдельное удивление, а не попытки что-либо изображать.

– Да уж, наизображала бы... – кивнула я, выживая из гудящей в унисон ноутбуку головы умные мысли. – Преподнесения поддержки мы все равно лишимся. Старый план больше не в силе?

- Вот еще! Бессмертная пятерка по-прежнему тянет на общего врага. Сделаем упор на борьбу с ловушкой. Никому в нее попасть не хочется, особенно с учетом открывшихся перспектив тела напрокат. Само собой, не каждый воодушевится бросаться грудью на амбразуру. Кто-то из вемов уйдет, это неизбежно. Кто-то останется, с теми и будем работать. Пригодится любая помощь. Ну и для конспирации надо держать рядом «потенциальных» Вестников. Хорошо, что есть несколько на выбор.

- Две девочки подходят.

- Три. Еще одна у себя в комнате закрылась.

Ясно. Некоторые не любят переживать прилюдно.

- Четверых перехватил Совет, – усмехнулся Паша. – Ради бога. Главное, чтобы защитили в случае чего.

- Ладно... Справимся.

Он оказался рядом, близко. Протянул мне руку и сказал то единственное, что я всегда была рада услышать:

- Идем пить кофе.

По коридору я шла на автопилоте, старательно приводя мысли в порядок. Ситуация скверная, но не критичная... Узнали все правду, и узнали. В каком-то смысле это честно. Будут понимать, ради чего рискуют. Смогут сделать выбор, свой, а не продиктованный лживыми опасениями. Нечего Алексу уподобляться. Если поддержат – хорошо, нет – увы.

На кухне умопомрачительно пахло свежесваренным кофе, у стойки с чашками шуршали двое парней. Со спины непонятно кто именно, но отпечатки смутно знакомые. Первый поздоровался с нами и направился к выходу, второй неторопливо налил полную кружку, повернулся... И я застыла, тщетно пытаюсь проморгаться. Как это?! Арсений?... Точнее, не-Арсений. Не поняла! У меня галлюцинации?

- Нашел малиновый чай, – доложила галлюцинация, довольно отсалютовав мне дымящейся кружкой. – Мне у вас уже нравится.

- Ты совсем охамел?... – рявкнула я. – Какого... ты сюда приперся?!

Он невозмутимо принялся помешивать чай ложечкой, Паша испытующе изогнул бровь. Кошмар наяву, и никакой возможности проснуться!

- Пригласили, – заявил самый незванный из всех гостей. – Разве не тут собираются, чтобы навалить страшным бессмертным гадам? Боже, какие ужасные люди. В смысле, эти гады. Я обязан был приобщиться, да-да.

От подобной наглости у меня пропал дар речи. Благо, ненадолго. Как только вернулся, в выражениях я не постеснялась:

- ...и чтобы ноги твоей здесь не было, – закончила, прикидывая, куда можно засунуть ему эту мерзко звенящую ложечку.

Паша уставился вопросительно, причем почему-то на меня. Чтоб его! Конспирация, охрана, забор в три метра. И кто в итоге в его суперштабе оказался?!

- Сладкая, ай-яй-яй, – наградили неизменной похабной улыбочкой. – Как можно не желать большого семейного счастья лучшей подруге?

- Ты...

- Приличный человек. Я на ней женюсь, честное слово!

У Паши забрезжил проблеск понимания. Знал бы он... Черт!.. Воинственный пыл исчез моментально, к горлу подкатил страх. Тео нужна моя помощь, поэтому меня он вряд ли тронет, но сейчас я не одна, а опасных способностей у него навалом. Возьмет и применит их. Народа в доме полно, и никто не ожидает нападения. А еще Артем на том же этаже! Я усилием воли подавила панику. Прикидывается Арсением, чаек спокойно

попивает, значит, выдавать себя не собирался. Надо подыграть. Может, получится увести его отсюда и уладить вопрос по-тихому...

- Давай это наедине обсудим, - предложила я сдержанно.

- Нет уж! - Он сделал испуганные глаза, демонстративно подвинулся к Паше и пожаловался: - В прошлый раз она мне потолок на голову уронила. Ну, ты видел...

Тот медленно кивнул, я нервно сглотнула. Все... Приплыли. Кухня показалась невероятно тесной, а арка входа слишком близкой. Только бы никого не принесло... К счастью, не приносило. Народ шел мимо или разворачивался на подходе. Впервые впору было радоваться, что я местная бука и загодя отбиваю у людей аппетит. Но не у Тео, чай его интересовал куда больше нас. А на закуску что? Мы? Голова загудела пуще прежнего, самообладание skonчалось. А вот Паша и не шелохнулся. На материализовавшуюся проблему смотрел пристально и энергией отсвечивал предельно нейтральной, такой идеально маскировать напряжение. Если что, вдвоем осилим хотя бы защититься? Или пытаться бесполезно?

- Ой, да расслабьтесь вы, - Тео отставил наполовину пустую кружку, покосился на нее с заметным сожалением. - Не буду я устраивать все то, что вы себе успели представить. Дороговато выйдет.

- Потому что силы надо экономить, - ввернула я, стремясь ненароком ввести Пашу в курс дела. - Иначе Арсений закончится, а тебе вздумалось остаться вместо него.

- Ага, мы с тобой так и договаривались, - охотно закивал он. Я округлила глаза. - Недавно ведь, забыла? Когда ты к нам за границу прорвалась, пыщать по старой памяти супердаром и требовать подружку обратно.

Ох... Паша перевел на меня взгляд. Кроме ярко выраженного негодования в нем читался укор. Ну кто этого проклятого болтуна за язык тянул?!

- Детка, прости, перепутал, - бесстыже улыбнулся он. - Там мы в общих чертах обсудили, конкретика была позже. После твоей прогулки в гаражах, где ты подцепила Крису, а ему, прежде чем что-то скушать, непременно надо в капусту порубить. Кстати, зажило уже?

Я машинально поправила воротник кофты, Паша стал мрачнее туч за окном, и намеревался прожечь во мне взглядом дыру. Тео когда-нибудь заткнется?! Все, нарвался. Чай он любит? А у себя на голове?... А если еще кружкой в лоб?!

- Я четко сказала «нет», - процедила я, спрятав руки за спину от греха подальше. - Ты псих, раз думаешь, что можно убить десяток маленьких девочек, сожрать кучу народа, а потом занять место одного из них и жить припеваючи!

Паша неизвестно чему ухмыльнулся, подошел к кофемашине. Поцелкал рычажками, та с готовностью заурчала. Нашел время!

- Раздвоение личности у тебя, а псих я? - дико развеселился Псевдо-Арсений. Схватил кружку с недопитым чаем - как чувствовал! - и мстительно добавил: - Ну все, я глубоко расстроен и оскорблен. Так и знай, если родится девочка, в честь тебя мы ее не назовем!

- Не смей приплетать Соню...

- Между прочим, - обиженно отметил он, - это она вломилась ко мне, как к себе домой.

Паша забрал наполненную кофе чашку, вручил мне. Взяла ее на автомате, ощутив теплоту чашки и его ладонь на своей спине. Развернуло в сторону арки, легкий толчок задал направление, а не терпящий возражений голос велел:

- Выпьешь в комнате.

- Никуда я не пойду! - вырвался протест.

- А раньше она мужа слушалась, - со вздохом доложил Тео. - Во времена, во нравы...

За дверь я вылетела, пока он еще что-нибудь не ляпнул. Удивительно, как кофе не расплескала. Сволочь болтливая! Ненавижу!

Я свернула в кладовую с вертящимися швабрами и прочей жутью, села на пуфик. В какой именно комнате мне кофе пить, уточнений не было, должно засчитаться, что я слушаюсь? Зря все же в него не бросила кружкой-другой! Не было бы сейчас так обидно. Зачем Паша меня выпроводил? О чем собирается с ним говорить? Вспомнилось недавнее: «Пригодится любая помощь». А осенью был категорически против союзников из нижнего Потока! Но это было до того, как Совет нам подлянку устроил. Отныне, выходит, все средства хороши? Война как-никак!

Я бессмысленно пялилась на разноцветные упаковки стирального порошка, пила кофе по глотку и укреплялась в решении на кухню не возвращаться. Буду считать, что Паша понимает, что делает. И надеяться, что их разговор не завершится чем-нибудь непоправимым...

Артем прочно засел в своих апартаментах, и как я ни порывалась кинуться к нему – терпела. Нечего при Тео выделять его из общей массы обитателей психологического центра. Влад на отправленное сообщение ответил, что в реальности чисто, ни одного «яркого пятна» нет. Интересно... Часы на стене отсчитали четверть часа, кофе остыл, а затем кончился. Народ из гостиной рассосался, энергетический след не-Арсения начал отдаляться, и через несколько минут оказался за пределами дома. Приблизился другой отпечаток, за которым я следила не меньше. Дверь неминуемо отворилась, вошел Паша. Руки в карманах, выражение лица загадочнее некуда, злость не такая уж холодная – напротив...

– Нормально поговорили? – торопливо спросила я.

– Сладким он меня не называл, если ты об этом, – последовал ехидный ответ.

И то радость! Он плотно закрыл дверь, воздух тотчас накалился, до духоты. Я поерзала на пуфике, вцепившись в пустую чашку. Девать ее все равно было некуда – ни к чистящим средствам же ставить, да и хотелось чем-то руки занять. Взгляд, которым меня сверлили, по-прежнему ничего хорошего не предвещал.

– Его здесь больше нет? – спросила я очевидное, просто чтобы не молчать.

– Естественно. Договорились, чтобы сидел тихо и ложками не гремел, раз в недалеком будущем мечтает стать простым смертным.

– Договорились?... На счет чего?

– Корректировки расстрельного списка Вестника, – пояснил он раздраженно. – Или ты рассчитывала более радикальным способом избавиться от этого любителя сладостей? Мериться с ним силами рискованно, как и Артему давать команду «фас». Проще позволить Тео нам помочь, и потом слить. А сейчас он может пригодиться. В отличие от той неровно дышащей к Вестникам дамочки, мотивация у него... довольно приземленная. К тому же выбора не было. Думаешь, он бы твоими грозными воплями проникся и ушел?

Сомневаюсь... Всеми путями попытается получить желаемое, помнится, обещал шантаж и угрозы. Чего я, собственно, ждала? Что Тео отступится после моего отказа? Аж два раза! Хотя, реши он действовать по стандартному плану минувших пятидесяти веков, было бы намного хуже. А так – на Артема не покушается, силой действительно не пользуется, потому Влад и видел его еле-еле – вначале, а сейчас вовсе не замечает. Выходит, в реальности своим товарищам Тео не помощник. Уже легче – по существу, врага пока три.

– Хорошо, – согласилась я с собственными рассуждениями.

– Хорошо было бы, – отчеканил Паша, забарабанив пальцами по полке с щетками, – если бы ты заранее уведомила о наличии среди вемов данного объекта.

Плохо дело... Казенные обороты пошли.

– Благодаря твоему молчанию у него появился шанс сюда пробраться, – вьелся в

сознание каждый слог. – Арсений никаких подозрений не вызывал. Ну, замкнутый чересчур, но кого этим удивишь? Лейка, черт возьми! А явись он нас убить? Застал бы врасплох. Ты должна сразу сообщать, что один из них тут, особенно когда знаешь кто. Как и об остальном!

Я опустила глаза. На дне чашки чернела каемочка подсохшего кофе, пространство болезненно сжималось.

– Я не сказала, потому что... – слова застряли в горле.

– Потому что это связано с Соней, – закончил Паша с кривой усмешкой. – Всегда подозревал, что, когда она наконец найдет себе мужика, это будет что-то адовое, но чтобы до такой степени!..

Я с глухим стуком отставила чашку. Постоит рядом с моющим средством, ничего с ней не станется.

– Зачем было лезть за границу? – вернул он мне вопрос, который я ему задавала не раз, и не два. Какая ирония!

– Решила от вас не отставать.

Паша отдернул руку от полки, шумно выдохнул. Я же, наоборот, тщетно пыталась вдохнуть. Духота нарастала, наэлектризованный воздух царапал легкие. Находиться в подсобке было невыносимо. Подчинившись единственному желанию – выйти вон, я поднялась с пуфика. Концентрация, вдох через силу, шаг к двери. Вместо нее передо мной оказался Паша. На протянутой к дверной ручке ладони сомкнулись его пальцы, но бушующая в нем ярость почему-то не обжигала. В висках пульсировало вовсе не от боли, окутывало пронзительным теплом.

– Я очень хочу, чтобы все закончилось благополучно, – произнес он без малейшей издевки или претензии. – Для тебя, для меня, для мелкого террориста, будь он неладен. Для других – по возможности. Я на твоей стороне, в любом случае. И делаю так, как тебе лучше. Это сложно. Мне станет гораздо легче, если ты начнешь предупреждать, во что вляпалась. До того, как оно нагрянет к нам чаек попить!

Паша сердито стукнул по стенке шкафа, стопка банок с кондиционером накренилась и съехала вбок. Задела стоящие рядом отбеливатели, упаковки дружными гирьками посыпались вниз. От неожиданности я вздрогнула. Уткнулась носом в подставленное плечо, хотя терять равновесие не собиралась, и озвучила то, что вертелось на языке:

– Ну давай, разнеси тут все...

– Я работаю над этим.

Осязаемая еще секунду назад злость утихла, его пальцы скользнули с моей ладони на запястье. Замерев на мгновение, устремились дальше – провели по сгибу локтя, коснулись шеи, зарылись в волосах. Теплота разрасталась, дышалось свободнее. Ни духоты, ни давящей тяжести. Пахло невообразимой свежестью и фиалками. Кондиционер разлили все-таки...

– Хотела проверить, – ответила я, – сумею ли снова открыть границу, и что там. Насколько опасно, какая энергия. Даже получалось ею управлять... пока остатки мира Эсте не стерли. Считаю, смухлевали. Не так уж они непобедимы, противостоять им можно. Но второй раз фокус не пройдет, а жаль.

Паша убрал руку, отстранился и задумчиво переспросил:

– Жаль? Намеревалась повторить?

– Посещает идея, – признаваться, так признаваться, – вместо того чтобы прятаться и отбиваться тут – пойти туда, к ним. И пусть Артем их...

– Рано, – покачал он головой. – Время работает на нас. Вестник становится сильнее, а этих неудачников наоборот выматывают его поиски и прыжки в реальность. Глубокий Лектум, в котором они пасутся, не безлимитный, иначе бы им не нужно было ловушками

энергию добирать.

– И что делать? Отсиживаться в твоём центре? Надеяться, что Артема не вычислят, пригодные для вселения тела кончатся, а куча невинных людей попутно не пострадает? Какой у нас план вообще?...

– Ждать подходящего момента. Самый опасный из них убится без нашей помощи, другой фактически собирается выйти из игры. Удастся подловить кого-нибудь в реальности и выдать Артему для опытов, будет совсем замечательно. Больше шансов загасить за границей вымотанную ритуалами парочку, чем слаженно действующую команду.

В этом есть смысл. Главное, чтобы ожидание не стоило слишком дорого...

– Базиль проговорился, – вспомнила я, – что верхний Поток не резиновый, и места для новых миров кончаются.

– Одно он заботливо освободил, – прокомментировали язвительно. – И граница может двигаться ещё долго, эдак десяток веков. В тесноте, да не в обиде! Так что нам без разницы. Меня больше интересует тот маньяк, который тебя преследует.

Бросило в дрожь, дико захотелось натянуть кофту по подбородок.

– Ну, – буркнула я, – Крис требовал сдать Вестника. Обещал убить всех, кто мне дорог, а потом его... отвлекли.

– Мило, – оценил Паша, – особенно то, что он до сих пор где-то рядом. И, вероятно, не только он.

– Да, есть ещё один. Влад вчера засек кого-то нового, за городом. Буквально на полчаса, затем тот исчез.

– Занятно... Слухов о том, что кто-либо из попавших в ловушку вемов пришел в себя, не было. Где же очнулся наш номер четыре?

Воцарилась густая, задумчивая тишина. По подсобке расползлся въедливый фиалковый аромат, в носу щипало. Я прикрыла рот ладонью и от души чихнула. Трижды. Вероятно, сбива Пашу с мысли, потому что он бегло посмотрел на часы, поправил галстук и сказал:

– Мне пора. Встречать нового партнера, кстати, известного психолога и довольно сильного вема.

Видимо, удачно в Питере съездил. И раз уж попросил предупреждать о возможных неприятностях... Отношения с Советом нынче напряженные, и делать это молча было бы просто свинством.

– Я хочу навестить Соню, – произнесла я осторожно. – Вдруг Анита не откажет.

– Навести, – неожиданно одобрил Паша. – Заодно расспроси нашего дорогого куратора, не собираются ли они журнальчик «Страшные тайны Потока» выпускать. В смысле, про планы и настроения. Как готовятся анонсированных потусторонних существ встречать. А у Сони выясни, ждёт ли подлянок сама знаешь от кого. Только не прямым текстом. Учитывая привычку Совета лезть в чужие телефоны, в клинике сто процентов у каждой стены уши.

– Учту...

– Возьми Влада. Заметит гостей из преисподней, живо обратно.

Глубокий вдох, кивок. Теплота осела на плечи шерстяным покрывалом, немножко колючим. Он ушел, а я осталась. Собрала упавшие банки, выбросила ту, с которой слетела крышка, вытерла фиалковую лужу. Стало лучше. Гораздо!

Анита ответила на звонок как ни в чем не бывало. Выслушав мою просьбу, она понимающе поугукала и вывалила пространных рассуждений о том, стоит ли заводить енота, ведь ему нужно столько внимания, а ещё отдельная комната. Я растерянно пробормотала, что животных дома у меня отродясь не было – ни домашних, ни тем более

диких, и получила радужное приглашение приехать в клинику вечером. Хотя с Владом, хоть с кем. Пугающее дружелюбие... Можно подумать, нет между одаренными и Советом никаких тайн, неподеленного Вестника и назревающей войны. Своего я добила, но ощущения от разговора поселились тревожные. Удивительно, как хорошо госпожа Анна Верт умеет притворяться, будто ничего не случилось! А что у нее на самом деле на уме?

Пока искала в контактах номер Влада, он высветился сам, в сопровождении беззаботной, обнадеживающей трели. Первый звонит... Хорошо, значит, шекспировские страсти благополучно остались в театре.

- Лейка! - раздалось крайне решительное, но забуксовало на последнем слоге и оборвалось неуверенным: - Как дела?...

- С тобой-то и хотела поговорить.

- Да? - спросил он недоверчиво.

И замолчал. В трубке фоном гремела бодрая песня. Вроде под такую особо не страдаешь.

- Съездишь со мной к Соне? Одной боязно, а вместе веселее. Уверена, она будет рада тебя видеть.

- Конечно, съезжу, - выдохнул Влад с заметным облегчением. - Пункт отправления - вемовское суперлогово?

- Оно. Сможешь быть около шести?

- Буду.

Прежде чем я успела вставить что-либо на прощанье, гремевшая песня оборвалась вместе со звонком. Наверное, побежал заранее собираться. В запасе-то всего четыре часа осталось...

Артем сидел в своей комнате на символически застеленной кровати, и без малейших признаков стресса швырял в какую-то кляксу на планшете красно-белым шаром. Я села рядом и выяснила, что это редкий покемон, который «всех порвет», у Паши жить здорово, если не считать самого Пашу, соседи прикольные, а волноваться, что они узнают, кто тут Вестник, не надо, потому что «агенты тьмы себя не выдают», и вообще он на девчонку ни капли не похож. Не поспоришь... Живот подло заурчал, и я доела остатки пиццы из холодильника, запив изрядно выдохшейся колой. И совесть меня совершенно не мучила! Потом мы долго валялись в обнимку, обсуждая придуманный для игры с Олей и Костей эпический сюжет. Точнее, Артем рассказывал, за каким поворотом на них должны напасть драконы, злобные бессмертные упыри и саблезубые кролики, а я умиротворенно кивала. Счастье, что он относится ко всему так: одновременно и всерьез, второй год храня нашу тайну, и с той детской беззаботностью, которая мешает заработать психоз от осознания грядущей встречи с... упырями. Агент тьмы клялся «их уделать» и хвастал, что Нина обещала ему каникулы до окончания новогодних праздников. Январь... Да, верно. Наверняка все уже закончится в январе. Чем? Выжидание подходящего момента - занятие непредсказуемое!

Артем переключился на ловлю покемонов. Невразумительно пыхтел, сведя рыжие брови к переносице, и так тряс планшет, словно хотел вытрясти несчастных монстров на кровать. А я... Я твердо решила приготовить на ужин нормальной еды и пошла к Кире. Обещали доставку продуктов в тот же день, и где они? Надеюсь, местные бандерлоги не слопали все вместе с курьером.

В коридоре было тихо, гостиная пустовала. Половина недавнего собрания разъехалась, оставшиеся предпочли заняться своими делами или переживать в одиночестве. В энергетическом фоне здания отчетливо ощущалась чужая подавленность, в сознание вгрызалось чувство вины. Оле, Дине и еще одной, пока неизвестной мне девочке, не грозят ни разрушительные силы, ни миссия по освобождению Потока. Но сказать им об этом нельзя, придется заставлять и дальше нервничать да гадать. Утешало лишь, что бояться они не напрасно, их жизни действительно в опасности. Нет гарантий, что бессмертная троица, устав искать Вестника, не вздумает избавиться ото всех

подходящих девочек. Кстати! До сих пор непонятно, почему в этот раз тьмой инициировало мальчика, еще и такого маленького. С чего вдруг порядок нарушился, спустя пятьдесят веков и пятьдесят Вестниц-подростков? Все, что осенью ответил Хранитель – мне рано знать об этом. Хотя, возможно, имел в виду Эсте, о которой я начала задавать вопросы. Кажется, тогда я его спросила о шестом знаке на песке в первородном мире – волне в незамкнутом круге.

В ушах застучало, стены расплылись мутными пятнами. К горлу подкатила тошнота, захлестнуло волнением. Диким, всепоглощающим. Не моим. Не пойми откуда дохнуло пылью и сыростью. В глазах потемнело, опора ушла из-под ног.

На каменном полу холодно, хотя какой пол – яма, за поворотом подкараулившая.

– А то ж, – сверху возникает Кама, – шею себе свернешь, и никакой злобной девки не надо.

Я встаю – медленно, но все же. В тоннеле мы вдвоем, прочие ушли вперед, ибо не возьмется с той, кого глаза подводят и ноги не держат. Времени в обрез.

– Почти добрались, – говорит она тепло и без укора. – Поспешим, и без того отстали.

Темным сводом нависает пещера, саднит ободранное колено. Кама вздыхает, протягивает мне руку. Сложно найти момент более неподходящий, но я собираюсь сделать это именно сейчас.

Сказать правду.

И я знаю наверняка – она ей очень не понравится.

– Это была я.

Три коротких слова, в которых все. Тоска, вина и корень зла – сожаление. Чувство, более чем неуместное. Прошлого не воротишь.

Кама не отвечает. Просто смотрит. Долгим, ничего не выражающим взглядом. Сжимает мою ладонь и тянет на выступ. Пальцы у нее твердые, горячие. Она молча отворачивается и тащит за собой. В глубину пещеры, заброшенного города, к остальным...

Колыхалась кремовая занавеска, из приоткрытого окна струился холод. Я сидела на узком подоконнике. На плечах непонятного происхождения шаль, в руках обжигающая чашка. Судя по виду за стеклом с налипшими снежинками – первый этаж. Что?! Как я здесь оказалась?... С подоконника меня сдуло тотчас, в угол совершенно незнакомого кабинета. Массивы пустых шкафов, мощные кресла у дубового стола. Чашка выпала, но не разбилась, приземлившись в лужу исходящей паром воды. Если верить цвету – обыкновенный кипяток. Гадость, пить такое. Но, может, Эсте нравится. Много я о ее вкусах знаю? Черт! Дернуло же этот знак вспоминать. Перед глазами плясала дурацкая волна, окутывало холодом и острым предчувствием беды. Нет! Хватит... Она пять тысяч лет назад умерла, и плевать мне – почему. У меня есть своя жизнь, своя. Голова загудела, во рту скопилась противная горечь. Я с усилием ее сглотнула, зажмурилась.

...за бортом плещутся волны. Паранет искрится от солнца, проплывают здания, красивые, аж дух захватывает. Конца и края им нет, но рассматривать не наскучило. Резко заносит в сторону, я цепляюсь за кресло.

– Ты этой штукой точно управлять умеешь? – уточняю недоверчиво.

– Ну плывем же, – разводит руками Паша, отпуская руль катера. Внутри холодеет, невольно вскакиваю. – Нет-нет, сядь.

- Про безопасность будешь рассказывать?...

- Про низкий мост!

И он приближается. Я сажусь, задерживаю дыхание. Накрывает полумраком, журчание воды становится четче, глубже, проникает в самые уши. Сверху, над головой – перечеркнутое балкой каменное чрево моста, протяни руку, и дотронешься. От него веет холодом. Немного страшно, и хочется пригнуться. Не могли в этом Петербурге мосты повыше строить? Выныривает свет, снова по обе стороны набережная. Наконец вдыхаю и поворачиваюсь к капитану катера, который теперь скользит образцово плавно.

- Хм-м-м, – Паша шарит глазами по приборной панели, – ты инструкции не видела? Где-то тут была.

- Ты специально, – уличаю я, – меня пугаешь. Не смешно!

- Ага, конечно, – веселья в нем хоть отбавляй. – Не переживай, у нас спасательный круг есть. И сигнальная ракета, на случай, если заблудимся. Я обещал твоей бабушке вернуть тебя в целости и сохранности.

- Прекрасно помню, что ты наговорил старой доверчивой женщине, – ворчу я, с трудом пряча улыбку. – Вот упаду за борт, что ей скажешь?

- Что вытащил и высушил, – объявляет он ответственно, – но лучше все же не падай.

- Только вместе с тобой!

Я придвигаюсь к нему. И все-таки улыбаюсь...

Слышалось эхо плеска, головокружение утихало. Ни мельтешения навязчивого знака, ни чувств и картинок из чужого прошлого. Хорошо. Получилось, перебила... Не терять себя и своего – это главное, это работает. Я помассировала виски, шаль сползла с плеча. Лавиной накатила безысходность, замутило сильнее прежнего. Эсте... Да чтоб тебя! Невольно распахнув глаза, я сползла по стене на пол, обхватила колени. Елочка паркета зарябила, в нос ударил тяжелый металлический запах. Кабинет померк.

...холодно. До дрожи, нестерпимо. Кромешный мрак, холодные осколки на холодных плитах холодного зала. Встать? Ни сил, ни желания. Ничего. Время рассвета, а дыхание ночи все еще ледяное, смертельно близкое. Липнет к затылку, проникает под кожу. Холод пещеры всюду, и ладонь, стиснутая в моих пальцах, тоже холодная.

- Отпусти ее, – трогают за плечо. Тео, первым из всех заговорил. – Она мертва.

Сжимаю сильнее, до хруста, до боли. Почему Кама? Почему не я? Так честно было бы. Правильно. Она провела меня в этот зал, через тоннель, за руку, ни слова не обронив, хотя правда была озвучена, открыта, и я ощущала четко – не простит. Да... Теперь уж точно.

Привычные к темноте глаза выхватывают силуэты, пять тусклых, неподвижных и столько же живых, немногим ярче. Искали спасения, а нашли ту, которую избегали. Спасло чудо и Крис. Он где-то поодаль, на расстоянии – от нас, от них, от нее.

- Это ведь была Нири, – шепчет Иллит. – Я ее узнала.

- Оставь, – голос Яники властный как никогда, – он привел, он и избавился.

Крис молчит, давно молчит, с тех пор как мы отправились сюда. Это пугает, но не больше, чем остальное. Привел! Я смеюсь. Громко, эхо подхватывает, кружит, бьет об стены каждый звук, и множит, множит, множит... Никто не мешает, кажется, и не слышит вовсе. Смолкаю нескоро, то ли устал, то ли захлебнувшись. Густо разливается тишина, веки тяжелеют. Все кончилось? Можно вернуться домой?

- Уйдем, – выдавливаю я хрипло.

- Далеко? – отзывается за спиной Базиль. Оборачиваться лишнее, чтобы его усмешку заметить. – Ты не чувствуешь?

Я замираю, прислушиваюсь. К себе, к ним, к холоду вокруг. Чувствую, еще как...

Мир вспыхнул, задвоив расплывшуюся картинку, и бешено закрутился. Рябь карусели, едва сдерживаемая тошнота. Трясло, медленно доходило – угол кабинета тот же. Пол твердый и какой-то вязкий, ни подняться, ни шевельнуться. В глубине сознания царапались чужие воспоминания, мысленно уносило прочь. Все... Довольно. Я мотнула головой, собралась. Шла бы она, со своей Камой! В небытие, откуда пытается вылезти. Померла так померла, нечего тут! Стиснутые зубы, глоток воздуха. И накатившая следом расслабленность.

...трава высокая и щекотная, деревья редкие, из людей – только мы. Далеко забралась. И, кажется, нашли. Приседаю осторожно на корточки, в зарослях мелькает рыжий хвост. Не слишком пушистый, зато жизнерадостно приподнятый.

- Кис-кис-кис, – подзывает Соня.

- Это белка, а не кошка, – улыбаюсь я. Протягиваю раскрытую ладонь с орешком – низко, многообещающе. – Хочешь?

Белка резво выныривает из укрытия. Три прыжка, и уже рядом. Пальцев на мгновение касаются крошечные коготки, ореха как не бывало. Рыжий хвост снова мелькает в траве.

- Жульничаешь, – протестует Соня.

- Способ мы не оговаривали...

Белка вскарабкивается на дерево, на верхнюю ветку, берет добычу в лапки. Звук доносится жуткий, как пилой по...

- Лейка-а-а, – Соня затыкает уши. – Хоть бы очищенный дала!

- Справится, – хмыкаю я.

Справляется. После умывается, задумчиво и сосредоточенно. Та еще актриса.

- Мой выход, – торжественно объявляет Соня.

Растекается энергия: странная, теплая. Приятная. Пульсирует, мелко сотрясая воздух. Белка наостряет уши, заинтересованно водит носом.

- Это что? – присматриваюсь.

- Тс-с-с, – Соня толкает меня в бок.

Замолкаю. Рыжая любительница орехов спускается по стволу, семена лапками. Прыг, и на траве. Подлетает к источнику пульсаций, ложится у ног. Практически мурлычет, бока ходуном. Без стеснения трется руку мордочкой.

- Не кошка? – гордо спрашивает Соня. – Ну, кто тут заклинатель белок?

- Хоть сейчас в цирк.

Энергия рассеивается, теплота уходит. Белка вскакивает и исчезает в зарослях. Только ее и видели.

- Так-то, – Соня победно щелкает пальцами и показывает мне язык. – Сама свои орехи точи!

- Вот еще.

- Тогда мне отдай.

Достаю пакетик, она выхватывает его. Радостно прижимает к груди. Надеюсь, не будет прямо тут грызть...

Шелест травы отдалился, а ощущение счастья осталось. Зыбкое, но настоящее. Дурнота отступала, мысли прояснились. Отлично, замечательно, так держать. Я попыталась встать, голова предательски потяжелела. Кабинет мерк, призванная из прошлого эйфория таяла. Концентрация, рывок. И мысленный, и нет - в сторону дивана, прочь с пола. Я тут, здесь, и нигде больше! Смогу, справлюсь. Соня много улыбалась, всегда улыбается, и сегодня мне обязательно улыбнется. Маячили волны и недорисованные круги, но отдельно, не накладываясь друг на друга. В сознание скреблось что-то чужеродное, непрошенное, настаивало быть увиденным. Разбежалась. Пошла вон! Вдох, второй, третий. Четвертый, пятый. На пятьдесят шестом сбилась. Все еще в себе, что ценно. И никаких каруселей.

Отпустило. Надо же, действительно отпустило...

Чашку я вернула в шкаф, к замеченному на полке сервизу. Разлитую воду промокнула салфетками, благо, нашла в столе целую пачку. Шаль оказалась скатертью с комода, огромной, вязаной и круглой, сложенной пополам. Ох уж эти девицы из темных веков, хватают что попало. А я, считай, наяву видела то, что запечатлел первородный мир. Роковое путешествие в заброшенный город, пещера с полуразрушенным залом, встреча с Нири. В голове, словно пазл, по кусочкам складывалась картинка. Не очень понятная, уж больно много деталей не хватало. Зачем выжившие одаренные отправились в пустыню? Почему им удалось победить Вестника? Прошлый уничтожил весь город! В чем таком ужасном призналась Эсте? Хорошо бы узнать, но лучше не от нее... Боюсь, не справлюсь со следующим приступом слияния сознаний. Впрочем, вряд ли это слияние. Она меня попросту выталкивает, занимает мое место, даже наблюдать за собой не дает. Нельзя позволять ей себя подавлять, так что обойдусь без новых видений. И сны пусть туда же забирает! Часть ответов таит глубокий Лектум, или как говорили в те века - сердце Потока. Не с потолка же родилось их решение бежать именно в тот город, за тридевять земель. Соня упоминала, что он издавна привлекал людей с даром, еще до разрушения. Прятавшиеся от Нири одаренные тоже рассчитывали что-то там найти. А кроме белого сосредоточения энергии, из которого черпалась сила, подсказок у них не было. Нужно кое-что проверить. Оно важно, стоит рискнуть. И мне понадобится помощь!

Паши в здании не было - видимо, основательно уехал встречать партнера. Прождать можно долго, а чего у нас в запасе нет, так это времени.

Кира нашлась в своих апартаментах. Лежала - если так вообще уместно сказать - на диване в немыслимой позе, закинув босые ноги на его спинку и примостив на животе ноутбук, и с таким запалом била по клавишам, что оставалось лишь удивляться, как они еще не разлетелись по всей комнате. От нее исходили одновременно и ликование, и гнев, приправленные сумасшедшим азартом. Поразительное сочетание несочетаемого! Заметив меня, Кира оторвала глаза от монитора и, не переставая печатать, выпалила:

- Не парься, все под контролем, мы со всем разбираемся.

- Спасибо. - Я замерла перед диваном, в голове вихрем пронесся услышанный в гостиной разговор. А ведь ей тоже только сегодня истинное положение вещей открылось. Наверняка чувствует себя обманутой. - Ты...

Подходящие слова не подбирались, на языке вертелось дурацкое: «Не обижайся, пожалуйста». Действительно, чего ей обижаться - подумаешь, втянули под благовидным предлогом в войну с Советом и создание новой организации для одаренных, не сообщив, зачем все это на самом деле надо. Мелочь какая.

- Я даже не рассчитывала, что вы меня к вашим страшным тайнам приобщите, - она фыркнула и захлопнула ноутбук, - да и не то чтобы хотела. Запущенного сценария в накрывшихся ныне джунглях хватило, чтобы понять - жесть вся эта тема.

Весьма подходящее определение.

– К тому же благодаря тому, что я была совершенно не в теме, нам удалось отмазаться, – обиды в ней была всего капля, и та почти бесследно растворялась в бушующем море воинственности. – Провал был близок! Совет знатную свинью подложил, просветители, чтоб их. Половину вемов уже сдуло. Ну и хрен с ними. Считай, мы избавились от... потенциально ненадежных элементов. Вырулим! Лично-шкурные интересы по-прежнему у любого из нас имеются. Легенда годная – спасаем Поток, мочим с помощью Хранителя и Вестника прожорливую заграничную команду, избавляемся от ловушки. Сплошной профит.

– Это не совсем легенда, – призналась я. – В общем-то, так оно и есть.

– Я в курсе, – подмигнула Кира. Гляжу, в деле просвещения Паша тоже преуспел! – Поэтому с чистой совестью говорю всем чистую правду. Надеюсь, настоящего Вестника вы хорошо спрятали.

Лучше некуда. У всех под носом... Как уверяет Влад, по статистике это самое надежное место. Ладно. Кажется, случившееся по нам хоть и ударило, но не критично.

Я присела на подлокотник дивана и сказала:

– Мне нужна твоя помощь.

– Еду привезут вечером, клятвенно обещаю сгрузить ее в твой холодильник.

– Замечательно. Но я не об этом.

Кира сунула ноутбук между собой и спинкой дивана, с интересом уставилась на меня.

– Помнишь, ты Пашу вытащила из глубокого Лектума? – спросила я. Получила кивок и вспышку любопытства. – Сможешь повторить? В смысле, не с ним... Со мной.

К любопытству примешалась изрядная порция азарта.

– Ты ничем не рискуешь, – продолжила я осторожно. Вдруг спугну, хоть и слабо верилось. – Хочу навестить те края, проверить кое-что насчет Вестников. План такой: обмениваемся энергией, погружаюсь в Лектум, толкаешь меня глубже. И сразу зовешь обратно. Постоянно, без перерывов, до тех пор, пока не вернусь. Я не уверена, за сколько управлюсь, и успею ли все рассмотреть, но мне нужна возможность уйти в любой момент.

– Ясно, – Кира с готовностью потерла руки. – Вроде звучит продуманно.

– Точно ничего не смущает?...

– Ну, ты же знаешь, что делаешь, и не раз была там. Не позволишь себя сожрать.

– На ловушку им необходимо время. Если почувствую малейшие колебания фона...

– Дашь деру, а я подержу дверь. Уговаривать не надо, я согласна. Ты у нас самая ответственная и рассудительная, кому доверять, как не тебе?

Да уж... Рассудительность – мое второе имя. Особенно в последние месяцы! Впрочем, сейчас проблем быть не должно. Восстановленный дар позволяет ей полноценно меня подстраховывать, и успешный опыт имеется.

– Работу отложи, на звонки не отвечай, – строго предупредила я. – Вообще ни на что не отвлекайся.

– Заметано!

Отключив ноутбук с телефоном, она демонстративно засунула их под подушку и насмешливо села сверху, я заперла дверь и поудобнее устроилась рядом с ней.

– Поехали?

Касание ладоней, на мгновение открытый энергетический канал. Этого хватило. Тягучие сочные сгустки, пульсирующие, горячие. Ее – ко мне, мои – к ней. Немножко, чтобы установить связь. Недолгую, но надежную и прочную. Энергия у Киры была непривычно сильная, щекотными пузырьками кружила пьянящая беззаботность. Получится, у нас обязательно получится. Я закрыла глаза, сделала контрольный вдох. Нашупанная граница миров полоснула по глазам, мир превратился в белое податливое полотно. Лектум, чистое подсознание, сны наяву. Не успела даже для галочки что-то нарисовать – прицельно зацепило и толкнуло прочь, в глубину. Я позволила, вопреки отчаянно бунтующему чувству самосохранения. Тотчас провалилась в бездонную пропасть. Белое засияло ярче: ослепительное, недоступное. А вот и оно, сердце Потока.

Первым делом я внимательно прислушалась. Ощутила исходящий извне зов и далекие искры тепла. Кира, точно она. Висела сверху манящим огоньком спасительного маяка. Сработало! Направление было задано, все внутри отзывалось готовностью устремиться на поверхность. Пока рано. Сначала – то, ради чего пришла.

Не отпуская ведущей домой ниточки, я всмотрелась в разлитую всюду энергию. Толком не представляла, что именно стараюсь увидеть. Но ответ рядом, близко. Прямо здесь! У пришедших сюда впервые Камы и Эсте не было подсказок и инструкций, однако они поняли, как оно устроено. Разглядели что-то, установили правила и научились пользоваться этой силой – с ограничениями, зато безо всякого переселения в Поток. Конечно, ныне от прежней его силы лишь огрызки остались... Неважно. Как говорил Вениамин, суть неизменна. И кое-что действительно было. Словно мерная линия на давно опустевшем стакане. Истощенный резерв изначально предупреждал о пороге допустимого, давно пересеченной. А что за ней? Угроза чувствовалась до сих пор – продолжишь брать, в Потоке сработает сигнализация. Не слишком четкое предостережение, но... Я-то знала наверняка – просто явится тот, кто перекроет. Так было в первый раз, когда вместе с хапугами покарали целый город. Так было и во второй раз. Видимо, кто-то из древней одаренной компании Камы был неосторожен, хватил лишнего. Пришла Нири. Вспыхнуло чужое, совершенно нерациональное чувство вины, в памяти всплыло признание Эсте. «Это была я»... Зачем она превысила лимит? Для чего? ...

– Тебя не звали, – прилетел из ниоткуда певучий голос.

Я вздрогнула. В непроглядной белизне вырисовалась точеная фигурка и тут же исчезла из вида. Плотное марево не шелохнулось, по-прежнему чистое и совершенно безмятежное. В этот раз нордических пейзажей не будет? Пора убираться отсюда: меня заметили, да и большего о делах давно минувших дней не высмотреть. Внимательно следя за разлитой вокруг энергией, которая пока не пыталась обрести форму или окружить давящим кольцом ловушки, я сконцентрировалась на Кирином огоньке. Вот он – снаружи, светится теплом, зовет. Рывок, и буду на поверхности. Но что-то во мне сопротивлялось, останавливало. Настойчивое, неподвластное. Сковывало, лишая воли, захватывая контроль. Требовало обернуться и...

– Я все исправлю, я обещала, – вырвалось в пустоту.

Не мои слова, и обещания не мои. Энергия ослепляла, окутывало тоской с острым привкусом сожаления. Нет, надо уходить, немедленно уходить! Пространство за клубилось туманом, сквозь него полоснуло ненавистью и презрением. Впереди возник силуэт, приближаясь. Если бы могла – зажмурилась. Как же светло... Белое полотно разошлось по швам, обнажив еще более яркую вспышку, словно током ударило направленным импульсом – резко, прицельно. Больно, до помутнения.

– Не смей, – звякнули льдинки, – прикидываться ею.

На меня неотрывно смотрели глаза – раскосые, глубокие. Темные, темнее некуда. И злые, очень. Эта злость не пульсировала нервными сгустками, она растекалась бескрайним, навеки застывшим озером. Холод, только мертвый холод. Звон натянутой внутри струны, разом спавшее оцепенение. Желания Эсте тотчас потускнели, утратили важность и власть. Я попятилась. Стала собой, целиком. Смогла сосредоточиться и рвануть прочь. Вверх! На зов, к теплему огоньку. Выше, еще выше. Навалилась вся тяжесть реального мира, из белизны вынырнула похожая на рабочий кабинет комната. Мягкая спинка дивана, взволнованное лицо Киры с плотно сжатыми, побелевшими от напряжения губами.

- Удачно прошло?

- Есть над чем подумать, - выдавила я.

Она удовлетворенно кивнула и с облегчением бухнулась обратно на диван. Кажется, нелегко ей далось мое путешествие... Постоянная концентрация - занятие энергозатратное, выматывает. Я не без удовольствия потянулась, разминая затекшую спину, Кира выхватила из-под подушки телефон, на ходу включила и, просмотрев замелькавшие строки, хмыкнула:

- Четыре раза кто-то в гости ломился.

- Влад!.. - осенило меня.

Позорище какое, просила его не опаздывать, а сама... На улице стужа, Кире не дозвониться, потому что мне приспичило сходить в Поток. Влад все еще был здесь - отсвечивал растерянностью со стороны двора. Вернувшийся к жизни телефон требовательно затрещивал.

- Упорный парень, - усмехнулась Кира, нажимая в непонятном окошке мудреную последовательность кнопок. - Беги, встречай, обогревай.

Надеюсь, он не успел превратиться в сосульку. Уже в дверях я обернулась и бросила на прощанье:

- Спасибо.

Пожалуй, скупая получилась благодарность. Особенно за столь долгое и напряженное гадание, собираюсь ли я вообще очнуться.

- Ерунда, обращайся, - отмахнулась она, пристроив на коленях открытый ноутбук.

Один взгляд на экран вмиг сделал ее довольной как слон, счастьем аж заискрило. Да... Вот уж кто полностью в своей стихии.

Заскочив по пути к себе в апартаменты, я в темпе собралась, захватила дубленку и спустилась в холл. Влад ждал на нижних ступенях лестницы, в куртке сигнального салатого цвета и таких ботинках, в которых вполне можно было за раз протоптать в сугробе тропинку. Влажные волосы стояли дыбом, шмыгал красный нос, прикрытый ладонью в заледеневшей варежке.

- Прости, - выдохнула я, - потеряла счет времени. В буквальном смысле.

- Ничего, я запомню, - пробубнил он, - что приходить заранее - не особо блестящая идея...

- С меня пирог!

- Да ладно, - Влад потер нос, видимо, проверяя на месте ли тот, - на самом деле я не так уж плохо провел время. Хотя, если ты настаиваешь...

Я фыркнула, в его кармане тренькнул телефон. С трудом подцепленный варежкой девайс выскользнул и чуть не шлепнулся на пол, но был ловко пойман в полете. Ясно, каким образом пополняется коллекция трещин на корпусе.

- Ух ты, Артем проснулся, - весело отозвалась несостоявшаяся жертва обморожения. - То никого и гробовое молчание, то скопом спешат на помощь.

- Закон подлости.

- Закон жизни!

- Это какой? - осведомилась я.

- Все или ничего... - с несчастным видом закатил глаза Влад.

Получил от меня тычок в бок и задание вызвать такси, пока телефон не расшиб. Философ

тоже мне.

– Ехать можно, – посерьезнел он. – Злыдней в округе нет. Только кто-то... очень невнятный и неопасный, светит и светит, совсем никуда не пропадая.

Тео?...

– Это Соня, – уверенно сообщил Влад.

– Ты видишь Соню? – ахнула я.

– Думаю, да. Похожа. Я присматривался... Когда вы ко мне в офис приезжали, помнишь? Она уже была какая-то странная.

– Раньше ты ее на расстоянии не видел. Твоя сила что, увеличивается?

– Растет как на грибах, – он задумчиво прищурил один глаз, будто к чему-то прислушивался. – Вместе с гулом в голове, что обидно.

Так уж повелось, все связано... И даже спрашивать не стану, при чем тут грибы!

Вызванная Кира очень удивилась тому что «мы сразу уходим», но вопросов не задала, судя по фоновому стуку клавиатуры, ей было не до нас. Ожидание такси у ворот скрасили девицы через дорогу. Возились в заснеженном скверике, лепя кривого снеговика в пару узнаваемого вида кролику, и томно подмигивали Владу. Он делал невозмутимое лицо и посвистывал в варежку. Неплохо провел время, значит? Хорошо хоть вовсе не забыл, зачем пришел. Без пирога обойдется! Как говорила моя бабушка, хорошего – понемножку.

В машине было тепло и тихо, лишь иногда диктовал повороты навигатор. Не отказалась бы от такого же набора мгновенных советов, по поводу, что делать дальше, и как быть. Допустимый уровень импровизации давно превышен! Влад сидел впереди и постоянно ко мне оборачивался – не говоря ни слова и ерзая под ремнем безопасности. Согреться пытался, наверное. Я откинулась на спинку сидения и прикрыла глаза. Соня... Те разы, что я набирала номер клиники, неизменно узнавала – она спит или занята чем-то с доктором. Впрочем, грех жаловаться, пусть лечат и не дают лишний раз никому тревожить. Хоть бы поправилась! Состояние ее здоровья пугает, как и жуткое энергетическое истощение. Однако Влад видит Соню наравне с заграничными гадами. Откуда берется столь заметная энергия? От ребенка? Обязательно присмотрюсь при встрече...

– Остановите здесь, – раздалось с переднего сидения категоричное.

Я разлепила веки, машина послушно притормозила у магазина шерстяного постельного белья. Зачем нам сюда? Прежде чем я успела спросить, Влад сунул таксисту деньги и торопливо выскочил на улицу. Явно не за теплым одеялом. Через секунду рядом со мной открылась дверца, его пальцы вцепились в мой рукав и требовательно потянули наружу.

Вскоре остались посреди незнакомого двора вдвоем. От Влада веяло волнением, сдвинутые к переносице брови выдавали напряженную работу мысли. Что за?...

– Тс-с-с, – наперегонки с моим вопросом цыкнул он. – На ходу сложно... Все мельтешит и движется. Отвлекает!

Речь об энергии?! Я замерла на ведущей к магазину заснеженной тропинке, прикусив язык. Иначе тоже буду мельтешит и очень даже отвлекать... Неужели очередной заграничный гад пожаловал в реальность? Надо же, именно сейчас! Когда я рискнула высунуться из надежного укрытия. Как специально подгадал. Хотя лучше заметить сразу, чем потом на месте. Еще не поздно поехать обратно.

– Кто-то есть, – уверенно заявил Влад, шурясь в направлении уехавшего такси. – Сильный. Другой, не вчерашний. Я его раньше не видел. Возможно, это тот, которого я в прошлый раз проморгал?

Внутри похолодело, но вовсе не из-за поднявшегося ветра. Вспышка страха заставила нервно оглянуться. Нет, мимо. Никаких одаренных в близлежащих окрестностях. По

крайней мере, прямо сейчас к нам никто не подкрадывается. Без особой надежды я сосредоточилась, припоминая настигший меня в гаражах обманчиво блеклый отпечаток. Сила – силой, а оболочка – оболочкой, раз однажды «пообщались», могу и узнать. Город раскинулся энергетической сетью на десятки километров вокруг, замерцал сотней заметных огоньков, и один из них был именно тем, искомым. Ошибки нет, Крис выполз. Чего и следовало ожидать... Его на несколько дней обезвредили, а прошла неделя. Не скрывается даже, хотя точно умеет. Соня и та умела. Значит, Крис намеренно привлекает мое внимание. Совсем не к добру! Единственное, что радует – от нас он далеко.

– Да, это тот самый, – вздохнула я, – маньяк чертов... Съездили, называется. Возвращаемся.

– Погоди, – Влад протестующе замотал головой, стряхивая с волос налипший снег. – Дай минуту-две, кое-что мне не нравится.

Что же тут может понравиться... Буркнув это вслух, я натянула капюшон на самый лоб. Назойливыми лучиками потянулись чужие эмоции, из магазина вышла пожилая пара, в обнимку с пухлыми пакетами. Мужчина пыхтел про обдираловку и надувательство, его спутница обиженно возражала, что шерсть лечебного верблюда необходимая в хозяйстве вещь, и им страшно повезло получить скидку. Уж не Карловна ли туда работать устроилась...

– Влад! – пронзило меня догадкой. – Он с группой поддержки явился?

– Нет. Но его отпечаток движется, и я хочу понять куда. Говорю же, погоди.

О, вот так прямо сразу и понять? Смело! Высматривать людей и их месторасположение – самое сложное, чему позволяет научиться дар. Я годами тренировалась под Вениным пристальным наблюдением. Необходимо удерживать концентрацию, правильно рассчитывать положение отпечатка в пространстве. Никто ведь готовую карту не даст с выставленными на конкретных улицах отметками! При удачном раскладе максимум район определишь. Однако Владу легче – его не отвлекают тысячи ложных следов.

Я прикрыла глаза, выхватила из множества отпечатков нужный. Для едва очнувшегося Крис развел небывалую активность. Быстро отдалялся, петлял по улицам, но смещался преимущественно под одним и тем же углом, куда-то направляясь. Пары минут хватило, чтобы понять – путь четкий и заранее намеченный. И ведет этот путь в противоположную сторону от нас и новоиспеченного исследовательского центра. Интересно!

– Целенаправленно движется, – отметила я, – и не к нам.

– Ага, – подал взволнованный голос Влад. – А что ему еще в реале понадобилось, кроме как с тебя имя Вестника требовать?

– Ничего, но требовать можно по-разному, – я прикинула расположение своей квартиры, дома Зорьевых и... клиники.

– Лейка, я мало что разглядел. У меня как бы всего две точки на карте. И расстояние между ними... по-моему, уменьшается.

– Потому что он направляется к Соне.

Конечно. Крис же обещал. Пустые угрозы не по его части. Близких людей у меня по пальцам пересчитать: Соня, Паша, Влад, Артем, Кира... Первые двое очевидны, и с Сони начать удобнее всего. Черт!

– Вызывай такси, – велела я остолбеневшему Владу, – едем в клинику.

Дрожащими пальцами достала телефон и свернула с тропинки – скрыться под чьим-то балконом, прочь от шума дороги и обсуждающей верблюдов парочки. Влад топтался на снегу позади, догоняя меня лишь всполохами тревоги и вопросительным взглядом. Некогда объяснять, возможно, счет идет на минуты. При всем богатстве выбора, я обязана их предупредить. Так правильно. Три гудка, и Анита взяла трубку.

- Наши договоренности в силе, - уверила она, что-то аппетитно жуя, - я в клинике уже.

- Это хорошо, - сказала я, даже для себя пугающе ровно. - Вы собирались Соню защищать, верно? Случай представился, за ней идут. Мне это точно известно. Думаю, вся клиника в опасности...

- Не беспокойся, - тон ее моментально приблизился по интонации к невозмутимому автоответчику. - Это наш объект, он под охраной. Сюда посторонние не войдут.

- Крис обязательно попытается. И сопутствующие жертвы его ничуть не смущают.

- Мы сделаем все, чтобы их избежать, - буднично изрекла Анита, будто я ей о предстоящем снегопаде рассказала или еще какой погодной ерунде. - Спасибо, что предупредила.

Я со злостью отбила звонок. Надо ехать туда! Что-то не внушает доверия их подход. Что им та Соня? Информацию сдала, силу и значимую роль потеряла. Не удивлюсь, если в Совете на нее наоборот жителей нижнего Потока приманивают. Знают ведь, что она с ними не в ладах и боится. В качестве подсадной утки послужит, а потом... Смысл беречь больше ненужного свидетеля, к тому же с полным набором расстрельных предупреждений? Удобнее избавиться.

Не глядя, я шагнула из-под балкона назад на тропинку и впечаталась во Влада. Он смущенно кашлянул и сунул мне в руку свой кирпичеобразный мобильный, на котором щелкали секунды и высвечивался знакомый номер. Что?!

- Тебя просят к телефону, - сказал этот предатель как ни в чем не бывало.

Я такси просила вызвать, такси! Не того мальчика Павликом назвали... Ох не того!

- Возникли проблемы, - процедила я в трубку.

- Наслышан, - весьма скептически отозвался Паша. - И как ты собираешься их решать?

Я глубоко вдохнула, впуслав в легкие колючий морозный воздух. Спокойно. Прежде чем ехать, всяко следовало с ним связаться. Будем считать, что Влад просто сэконоимил мне время на объяснения.

- Никак. Пусть Совет решает, мы недалеко от клиники постоим, подстрахуем, - выложила я примерный план действий. Влад наострил уши. - Постараемся открыто не лезть. Вырубим аккуратно попавших под внушение людей, чтобы не навредили себе и окружающим. На кону куча жизней, включая Сонину. Даже не отговаривай!

Я ждала злых вздохов, выговоров, ультиматумов и новых обещаний меня за ворота больше не выпускать. Но в ответ прозвучало тихое:

- Будь осторожнее.

- Буду, - пообещала я.

Отбила звонок и ткнула Владу в подсохшую варежку телефон, хотя велик был соблазн заметить его куда-нибудь в сугроб. Мало ли кто еще в очереди на дозвон мне в помощь - Артем, Кира, сообщество санитаров со смиренными рубашками! Он отвел глаза, вспыхнув поочередно растерянностью и беспокойством, но сожалением - ни в коем разе. Ветер сдул капюшон, добавив радости в виде вороха снега за шиворотом, с дороги просигналила машина.

- Такси, - с облегчением кивнул Влад.

Везде-то он успел!

Я молча села на переднее сидение и уставилась вперед. Неотвратно сближались два выхваченных из множества отпечатка, сзади подпрыгивал на каждом повороте Влад: пытался то ли заглянуть мне в лицо, то ли катапультироваться через люк в крыше. Долетала легкая паника, изредка заглушаемая любопытством с оттенком героизма. Ох... Злиться на него глупо. Едет со мной без возражений, прекрасно понимая, что нас

может ждать. Как ни крути, мешать Крису – опасная затея. А я толком не объяснила, что собираюсь делать, умчалась Анита звонить. Небось, зигзагами и с безумными глазами. Да уж! Хороша я, раз даже Влад, истинный образец позитивного настроения и вопиющей безответственности, засомневался в моей адекватности и позвонил Паше. При том что общаться с ним не жаждет от слова совсем. Докатилась.

Я обернулась, с благодарной примиряющей улыбкой, Влад изобразил, что прячется за кресло. Лишь бы дурачиться! А ведь на самом деле боится, чувствовалось. Но это, пожалуй, правильно. Будет действовать осмотрительнее, целее останется. Он и прошлой осенью старался особо не подставляться, а еще бегал быстро, благодаря чему и выпутался из той истории в здравом уме и твердой памяти. Надеюсь, сумеет повторить.

– Мы их порвем, – шепнул за моей спиной Влад.

Как Тузик грелку, угу. Скромно и незаметно, чтобы Совет ничего не заподозрил...

Такси высадило нас в безлюдном переулке, за три дома от клиники. Сонин отпечаток просматривался там отчетливо, второй маячил на горизонте. Крис уже на подходе! Мы пересекли дорогу, вошли в обещающую горячий кофе забегаловку и затерялись среди немногочисленных посетителей. Коричневая жижа в картонном стакане оказалась отвратительной, зато в окно просматривался высокий сплошной забор, массивные ворота и кусок крыши заведения, которое с такого ракурса и впрямь походило на неприступную крепость. Хоть бы на этом сходство не заканчивалось... Я через силу глотнула противного кофе и стащила с тарелки Влада печенье, все равно он его не ел, только пялился. Вдох, концентрация. Кофе обожгло желудок, чертово печенье застряло в горле. Одного из отпечатков не стало. Не Сониного, к счастью, но... Пару минут назад Крис был близко! Где он теперь? Затаился. Умеет все-таки. Конечно, умеет. Я здесь сижу слепым котенком, а он-то мою энергию видит прекрасно. Сердце гулко стукнуло о ребра, спинной мозг распознал угрозу во всех посетителях разом. Я осмотрелась – нервно, бегло и вряд ли внимательно. Черт! Вроде никто не напоминал того мужика со шрамом над губой и мутными глазами.

– Потеряла след, – пробормотала я, чувствуя как кофе, если его вообще можно так называть, просится наружу.

– А я нет, – Влад постучал пальцами по тарелке, брякнуло потревоженное печенье. – Где-то рядом, но не тут... Я скажу.

Обнадеживает. Я с трудом сглотнула ком в горле и уставилась в окно. Через дорогу, прямоиком к клинике шел упитанный мужик в дутой синтепоновой куртке, добавляющей ему шарообразности. Как-то странно шел – твердой походкой, но вовсе не глядя перед собой. Не нравится мне это! Я подалась вперед, зацепила краешек его сознания и прошупала барьер. Интересные за ним сгустки... Горячие, пульсирующие и явно посторонние. Да он же под внушением!.. Мужик замер у ворот, чуть не врезавшись в них, вжал кнопку домофона.

Я мертвой хваткой вцепилась в рукав Влада, потянула к себе. Сама не знаю, как мне это удалось, куртка-то у него была влажная и довольно скользкая... Он все понял без слов, уставился на ворота.

– М-м-м, – выдал неуверенное. – Чтобы вернуть ему над собой контроль, придется... поближе подойти.

Я его не отпустила – ни рукав, ни вообще. Несмотря на подкатившую панику, здравый смысл подсказывал – открываться рано. Мужик нетерпеливо переминался с ноги на ногу и мучил кнопку. Без результатов. Хорошо, правильно, так ему! Анита никого не впустит, она ведь знает, я ее предупредила. Мгновение, и к воротам прошуровал тип поспортивнее и шире плечами. Обойдясь без прелюдий, долбанул кулаком по домофону и прокричал что-то явно невежливое.

– Этот тоже, – сообщил Влад до того, как я присмотрелась ко второму желающему попасть внутрь, – и еще один, справа идет.

Я привстала со стула и заметила в указанном направлении парня в огромных меховых наушниках. И не разберешь – музыку слушает или уши бережет... Зачем Крис их

прислал? С одной стороны, глупо ломиться к Соне самому, приобретенной шкуркой рисковать, если можно подослать народ, с другой... Что ему это даст? Не думает же он, что внушенные люди штурмом клинику возьмут!

Спортивный тип стукнул по панели домофона снова, и снова. Аж искры полетели, или мне из-за снега почудилось. Парень в наушниках мощно приложился лбом о ворота и сполз в сугроб. Что происходит вообще? От дороги потянуло удушающей, невыносимо тяжелой энергией, виски знакомо сдавило. Концентрация гадости, подавляющей чужую волю, нарастает. К клинике подошла еще парочка в неприметных пальто. Один принялся подпрыгивать, пытаясь зацепиться за кованые прутья, а второй – его подсаживать. Они это серьезно?! Минута возни, и первый все же влез наверх, оседлав забор и порвав штаны об острый шпиль. Победно шатнулся и рухнул на асфальт. Ох... Высоко же... Новый подошедший, точнее, подбежавший, замахнулся на ворота какой-то штукой, напоминающей кочергу. По окрестностям разлетелось противное «бум-м-м», следом – скрежет. Ворота на вид не пострадали совершенно, но по обе стороны дороги начали останавливаться озадаченные люди. Посетители кафешки тоже всполошились, прилипли к окнам. Меня оттеснила тетка с крошками на подбородке и липким кремом на пальцах. Поднялся галдеж, зал затопило любопытством.

– Кассирша за стойкой, по-моему, в полицию звонит, – шепнул мне в ухо Влад.

Только полиции тут не хватало! Их непременно возьмут в оборот, и тогда события в развлекательном центре цветочками покажутся. Рывок к кассе, щелчок пальцами перед носом сжимающей трубку тетки.

– Кофе у вас гадость, – сказала я абсолютно искренне. – А в печенье... таракан!

В глаза она мне посмотрела испуганно, зато посмотрела. Пожалуй, энергии я вытянула с перебором – кассирша побледнела и мешком свалилась на пол. Это нехорошо, конечно, и полицию наверняка без нее вызовут. Но лучше позже. Выхвативший телефон из ее рук повар набрал скорую. Не лишнее. Судя по долетающим с улицы звукам, работа им найдется...

Я кинулась к дверям, замерла в проходе. Народ через дорогу прибывал, осада ворот росла. Будто ни один прохожий не мог пройти мимо. Скрежет уже заглушало воплями, кто-то удачно перемахнул через забор. Сколько всего может быть людей под внушением? Помнится, Соня паре сотен гостей торгового центра «заданий» надавала, а Крис должен быть гораздо сильнее. Не снесет ли эта толпа к чертям и ворота, и клинику под фундамент? Но запас энергии у него не вечный... Да и Совет должен что-то предпринять! Или у них там бункер, а остальное хоть синим пламенем гори?

Воздух тяжелел, зевак вокруг клиники становилось все больше. Даже холод не отваживал: в толпе мелькали дети, кое-кто снимал на мобильные телефоны. Мир поплыл мутными кругами, меня схватил за руку Влад.

– Трэш какой-то, – пробормотал он, наполняясь геройской решимостью. – Не пора ли испортить вечеринку?...

Стиснув зубы, я отрицательно помотала головой. Толку вмешиваться? Успокоит этих, Крис пришлет новых... И что-нибудь покровавее придумает, чем в ворота их лбами долбить. Уж я-то знаю, помню! В ушах тонко зазвенело, зеваки синхронно уронили телефоны. Растеряв все искры любопытства до единой, поспешили на подмогу штурмующим забор. Я точно выхватила из толпы пару сознаний. Проверка показала – внушение. А, значит...

– Он рядом, – Влад сильнее сжал мою ладонь.

«...рядом» – эхом пронеслось в голове, задребезжало. И сорвалось, захлебнувшись звоном. Да, он рядом. Где именно?! Посетители кафе разом отлипли от окон, галдеж утих. Энергия разлилась вязкая, подчиняющая. Плохая. Хуже некуда. Но среди обращенных к дверям лиц того самого не было. Крис на улице, получается так.

Влад сосредоточенно нахмурился, явно готовясь привести всех в чувство. Однако народ с ничего не выражающими взглядами двинулся к выходу, не обращая на нас ни малейшего внимания. Едва успели вжаться в стену. Понятно, пополнение организовано. Крики с

улицы усилились, сквозь них слышался треск и чей-то пугающий надрывный хрип. Истошно сигналили машины, на дороге им просто не осталось места.

Я перевела дыхание, высвободила свою ладонь и велела Владу:

– Иди. И заканчивай это.

Теперь точно пора. Вечеринка переходит всякие границы. К тому же со мной ему гораздо опаснее. Не сумев добраться до Сони, Крис может решить, что вместо нее и Влад подойдет, раз стоит возле меня, как приклеенный.

– Ну, нет, – запротестовал он, – я тебя одну не оставлю.

– Там люди, много людей, им надо помочь, – выдавила я, напрягая пересохшее горло. Даже того мерзкого кофе глотнуть бы не отказалась. – Я снаружи и минуты не протяну. Энергия... Главное, к Крису не приближайся, ты же чувствуешь его.

Влад отрывисто кивнул и просочился следом за толпой на улицу. Пусть у него получится... Тогда в моем дворе получится. Людей вокруг масса, энергетический фон всякому, никто и не заметит, благодаря кому вся эта гадость сотрется. А стереть ее необходимо, кошмар перед клиникой лишь набирает обороты. Количество атакующих ворота и лезущих через забор людей пугало – сотня, не меньше. Столпотворение, давка, неразбериха. Счастье, если обойдется без жертв! И раз Крис подобрался так близко, что ему стоит внушить персоналу клиники пойти к Соне и...

Концентрация, немедленно найденный отпечаток. В порядке, она пока в порядке. Волной хлынул жар, я попятилась к прилавку. Кроме отдыхающей на полу кассирши, в зале никого не было. Нет, здесь оставаться нельзя, иначе чужие эмоции и просачивающаяся с улицы энергия меня доконают. В лучшем случае будет обморок... Надо уходить. Главной дверью не воспользоваться, но вдруг есть другая? Черный ход, окно, что угодно! Мне не привыкать...

Жар сменился невыносимой духотой, чтобы полноценно вдохнуть пришлось снять дубленку. В обнимку с ней я обошла прилавки, задержалась у емкостей с пародией на кофе, глотнула воды. Обычной, холодной. Немного полегчало, мутные круги поредели. Еще бы от дурацкого звона избавиться! Влад был снаружи, целый и невредимый, но с разгоном вечеринки почему-то не спешил. Улица окончательно утонула в воплях, я шагнула к помещению, обозначенному как «только для персонала». На полу что-то звякнуло, покатились канцелярские кнопки, блеснули острыми лезвиями раскрытые ножницы. Порез на шее занял, перед глазами заплескали черные точки. Глубокий вдох, медленный выдох. Успокоиться, подключить автопилот...

За служебной дверью был коридорчик. Запахи кухни – чего-то неаппетитного и подгоревшего, да жужжание посудомоечной машины. Я осторожно двинулась вперед, стараясь не терять равновесия. За ближней аркой громоздились кастрюли, чуть дальше была заставленная вешалками и шкафчиками комната. Поворот, тусклая лампочка на потолке, еще дверь. Стальная, массивная. От нее тянуло сквозняком и спасительным холодом. Замок изнутри открывался без ключа, тугая ручка с третьей попытки поддалась с протяжным скрипом, в лицо прилетел ворох снежинок. За порогом был свежий воздух, кусок огороженного двора и наполовину расчищенные сугробы. И тот, от кого следовало бежать в противоположную сторону. Если бы не было поздно...

– Долго идешь, – сказал с укором Крис, придержав мне дверь.

Сиплый голос, бледная, в крупных порах кожа, воспаленные глаза с кровавой сеткой сосудов. Тяжко устроенное далось? Масштабно к обещанию подошел! Или... С опозданием дошло – я попалась. Угрозы Соне, игра в прятки, цирк со штурмом клиники. Меня просто выманивали, и вот я здесь. Я ему нужна. Вернее, не я, а то, что мне известно о Вестнике. Прочее – лишь средство подобраться к цели. Не отстанет, и никого не пожалеет. Хватит. Жертвовать другими – нечестно. При чем тут Соня, персонал клиники, те несчастные люди у ворот? Никто из них не виноват, совершенно. Захлестнуло волной горечи, опутала злая апатия. Я переступила порог, прикрыла за собой дверь.

– В этом ты вся, – отметил он без капли удивления. – Никогда не могла спокойно

отсидеться. Вечно до всех дело есть...

- Да-да-да, - закивала я, ощущая, как холод улицы пробирает до костей. - Дальше-то что?

Опало такой жгучей ненавистью, что даже согрелась. В голове сиреной заорал сигнал опасности, я инстинктивно попятилась, да недалеко - локоть словно тисками сдавило, дубленка выпала в снег. Крису мои попытки вырваться были безразличны. Потащил за собой, не оглядываясь. Двор расплылся. На соседнем крыльце дверь - серая, неприметная, сверху донизу обклеенная выцветшим объявлением «сдается в аренду». За ней так же серо, паутина трещин по стенам, завалившаяся набок стремянка, всюду пустые стеллажи. Бывший склад? И мы вдвоем. Некстати вспомнилась Кирина встреча с маньяком. Как я тогда ее ругала, а сама... Вырвался дурацкий смешок, Крис не оценил. Веселье закончилось быстро, как и наш путь. Приземлилась у стремянки, больно задев перекладину отпущенным локтем. Сзади бухнула дверь, единственная полоска света исчезла под порогом. Кажется, сейчас ответ на свой вопрос я получу...

Жар накатил с новой силой, давящая энергия будто хлынула сквозь стены. Пока я тщетно старалась подняться на ноги, приоткрылась шторка единственного окна. Ударил свет, за мутным, припорошенным снегом стеклом замелькали чьи-то спины в пальто, шубах и пестрых куртках. Куда все бегут было ясно. Раз Крис тут, вряд ли Влад угрожает опасность. Прямая, по крайней мере. Но ничего не мешает назначить толпе другую цель... В глазах потемнело. По комнате эхом прокатились тяжелые шаги, кофта затрещала по швам, я сполна ощутила себя взятым за шкурку котенком, тем самым которому к... конец. Пересчитала позвончиком все перекладины стремянки и отлетела к стене.

- Угадай, - Крис кивнул на окно, за которым вроде как виднелась отдаленная часть забора, густо облепленная людьми, - сколько уже вышло с дистанции?

- Не люблю загадки. И призы у тебя не очень.

- Даже жизнь твоей подружки? Ну, тех, кто идет ее навестить, все равно еще много, а на финише достаточно и одного.

Не доберутся. Пусть, что угодно болтает. Не смогут.

- Хочешь проверить? - прошипел Крис.

От него прокатились бешеной мощности вибрации, звон в ушах на мгновение оглушил. Вжало в стену. И тут же накрыло тихой, умиротворяющей расслабленностью. Густо разлитая энергия рассеялась, словно в нее плюхнули растворителя. Ни жара, ни сковывающей духоты, ни давления. Дышалось свободнее, звуки утихали. Снаружи в том числе. Влад... Справился! Народ за окном прекратил бесноваться, я улыбнулась, поймала полный ярости взгляд. Выкусил? Игры кончились, сквозь столь разряженный фон приказы заново не пошлешь. Люди в окрестностях клиники теперь в безопасности. Недоумение Криса расплзлось по комнате, мрачное, ищущее. Ох, нет... Срочно нужно направить его мысли подальше от Влада.

- Нечего было к Совету лезть, - усмехнулась я. - Они вас изучали.

Хоть бы купился... Чистая правда ведь.

- Ладно, - пожал он плечами, - по старинке веселее.

Запястье стиснули стальные пальцы, двинулись дальше - к ладони. Я впилась другой рукой ему в лицо, расцарапав в кожу. Бесполезно. И внимания не обратил. Мизинец словно кипятком обожгло. Щемящая, нарастающая боль, легкий хруст. В глазах помутилось, из пересохшего горла вырвался хрип. С трудом удалось оформить его в слова:

- Ничего не скажу...

- Знаю, - отметил Крис безо всякого недовольства.

Я дернулась, в стену впечатали сильнее. Новая вспышка боли, хрустнуло более отчетливо. Мир взорвался ярко-алым, сознание попыталось уплыть. Несчастный

мизинец перестал чувствоваться совсем. Чтоб его... Эсте не хочет перехватить контроль? Ответить убедительно? Показать старинное кунг-фу?... Видимо, нет... Свободная рука соскользнула вниз, сквозь карман юбки царапнуло. Секунду! Пальцы нащупали что-то... Ножницы?... Те, с пола? Наверное, я их на автомате подняла. Нечего валяться...

- Вестник, так вы ее называете? - висок обдало горячим дыханием, я крепче сцепила зубы. - Даже для тебя многовато упрямства. Причина не в нас. И не во вселенской справедливости. Кто она тебе?

Плохой вывод... Потому что правильный.

- Шел бы ты... - выдавила я, запустив руку глубже в карман. Обхватила холодные кольца рукояти. И что с того? Тоже мне грозное оружие. Достану - ими же и покромсают. - Тебе-то личное не помешало Нири убить.

- Это не она была. - Он отстранился. Пронзило тоской и отголосками чужого, давно позабытого глухого отчаяния. Но сожаления не было, ни грамма. - Ее поглотило... тьмой. С твоей так же будет. Уже есть. Ты не замечала? Те взгляды, что не ее вовсе, навязчивое желание очистить, слова и рассуждения не по годам.

Внутри похолодело. Я помнила. Тихий голос Артема, взгляд, древний как вечность, странные фразы о справедливости. Пугающие. Это был не он. Что-то в нем.

- Замечала, - констатировал Крис. - То лишь начало. Эта дрянь на ней выбор остановила. Ты ее не спасешь.

Все! Импульсом я атаковала прицельно, без осечек. Он замешкался, на миг. Мне хватило, чтобы вскинуть руку. Лезвия вошли в его шею на удивление легко, мягко. Чуть нажала, липкая теплота хлынула по пальцам. Крис качнулся, тут же вцепилась ему в плечо второй рукой. Так крепко, как могла. Где-то просчиталась... До боли стиснутая им ладонь, толчок прочь. Повезло - выдохся он сильно. Отшвырнуть меня не вышло, в стеллаж врезались оба.словно разрядом тока тряхнуло, в бок впились острая полка. Я не отпустила - ни Криса, ни ножниц. Зажмурилась, протолкнула глубже. Услышала бульканье и смех, или нечто вроде. Псих! На груди стало влажно, стрельнул болью мизинец. Тяжесть навалившегося тела, растаявший отпечаток. Что?! Я распахнула глаза. Абсолютно пустой, застывший взгляд, кривое подобие улыбки. Столкнув его с себя, я отпрянула обратно к стене. Дышать. Теперь просто дышать...

Откуда-то потянуло сквозняком. Я обернулась. Моргнула - раз, второй. Не помогло. В дверях по-прежнему стоял Феликс. Определенно он, ноль эмоций, невозмутимое выражение лица. Что ему здесь понадобилось вообще?...

- У тебя кровь, - направленный на меня взгляд радости встречи не выражал, сплошь унылую задумчивость.

Я опустила глаза на кофту и юбку в багровых разводах.

- Не моя, - ответила я, поразившись собственному равнодушию.

Он захлопнул дверь и прошел в комнату. Нехорошо! Я уставилась на того, кто недавно был Крисом. Мертвее не бывает. Феликс тоже на него смотрел, изучающе. Ну, раз уж сам явился...

- Ты же в курсе, куда можно деть тело? - обратилась я к специалисту в данной области. - Подскажешь, да?

- Конечно, обязательно, - подозрительно ласково отозвался он. - Только это отдай.

Я снова моргнула и поняла, что до сих пор держу окровавленные ножницы. Черт... Пальцы разжались, «это» со звяканьем упало на пол.

Считается, что отдала?...

Глава 14

Тщательно протереть ножницы. Дальше без затей: в руку покойнику, потом в рану, затем обратно на пол, задернуть шторы. Комната погрузилась в темноту. Рассматривать тут все равно нечего, а кто-то любопытный вполне может сунуть нос в окно. Лера все еще жалась к стене, будто там и собиралась остаться, и обнимала себя за плечи. Вряд ли от одной растерянности. Холодно, а она без верхней одежды. И рядом ничего похожего.

- Ты в чем сюда пришла?

Она вздрогнула, оторвала взгляд от стремянки и задумалась:

- В дубленке. Должна быть во дворе. Такая серая, с мехом... Я у соседней двери выронила, где служебный вход в жуткое кафе.

- Жди здесь.

В ответ - медленный, но уверенный кивок. Ну-ну. Обычно задача непосильная.

Двор по-прежнему пустовал, у клиники мигали синими огнями машины скорой помощи, слабо поредевшая толпа гудела. Пропажа нашлась в указанном месте: выглядывала рукавом из сугроба. В карманах - телефон с шестью пропущенными вызовами от некоего Влада, полный мелких купюр кошелек, пластиковая карта Сигмеон-банка, пакетик сахара с логотипом того самого жуткого кафе и горсть канцелярских кнопок. Да покойнику еще повезло.

Дождалась, как ни странно. Видимо, так и не решилась от стены отлипнуть. Пришлось аккуратно отлепить, закутать в дубленку и развернуть к выходу с подсказкой:

- Идем.

- А он? - Лера покосилась на тело.

- Он не пойдет.

Тонкая бровь непонимающе поползла вверх. Секундный ступор сменился хмурым взглядом и поджатыми губами. Оклемалась.

Предварительный диагноз - жить будет. Шла сама, дышала ровно, но неглубоко. Капюшон натянула на нос, руки спрятала в карманах. Правильно. Грубо взломанный замок на двери кое-как захлопнулся, издав перекошенный звук. Офис пустует, объявление об аренде блеклое, вероятно, хозяева редко навещают свои владения. Обнаружат квартиранта нескоро.

Идти было недалеко - за калитку, мимо сквера с занесенными снегом скамейками, вглубь ближнего двора. Припаркованная за поворотом машина с сугробами пока не слилась, на брелок сигнализации среагировала. Лера мрачно посмотрела на нее, но внутрь села. Потянулась за ремнем безопасности, поморщилась и отдернула руку. Сомневаюсь, что там перелом, а вот с ребрами может быть хуже.

Стоило повернуть ключ зажигания, как началось:

- Нельзя его бросать. Найдут ведь. Может... ну... ты понимаешь.

- В багажник, за лопатой, и в лес?

- В смысле, закопать? - Она озадаченно моргнула. - Так зима же.

- Тогда поищем пилу. Мясо разделять умеешь?

Сердитое хмыканье и сощуренные глаза намекали - разгадала подвох, кормить собак у помойки через дорогу можно не предлагать. Криминальное дарование отвернулось, стойчески придерживая бок и пытаясь подцепить ручку дверцы. Далеко собралась? Опять гордость осложнения на мозг дает.

- Успокойся, - я заблокировал двери, Лера с ущемленным достоинством прислонилась к

спинке сиденья, – твой несостоявшийся друг – псих без родственников и определенного места жительства. Кому надо его смерть дотошно расследовать?

– Решат, что покончил с собой или залез погреться и неудачно оступился? Но в комнате моих отпечатков полно...

– Как и отпечатков потенциальных арендаторов. А уж после сегодняшнего дебоша у клиники подозреваемых полрайона. Вы с ним не знакомы, никак не связаны. Крови твоей там нет, максимум пару волос найдут и что-нибудь под его ногтями. Ну и? Думаешь, у вас где-то открыт филиал «СиЭСАй»?

Она недоуменно пожала плечами. Надо же, столько блестящих идей, а не смотрела. Новые возражения не посыпались, я тронул машину с места.

– А куда мы? – задала первый вопрос по делу.

– Куда ехала, туда и попадешь.

Наконец-то услышанное ей понравилось. Уселась спокойно и замолчала. Это ненадолго, минут на десять, но добраться как раз успеем.

Столпотворение у ворот уменьшилось, судя по мелькающей в толпе форме, подъехала полиция. Если что, с ними главврач побеседует, хотя с клиники-то какой спрос? Мало ли, у чьих стен устроили потасовку, массовую гулянку, несанкционированный митинг, или что тут нынче модно. Пришлось объехать по соседней улице и вырулить к зданию с другой стороны. Ограждения здесь не было – высокая стена с редким вкраплением наглухо закрытых окон и неприметной стальной дверью безо всякого крыльца. Запасной вход, пропуск от которого должен лишь у двоих человек работать. Перестраховались полчаса назад, даже охране доступ порезали. В любом случае отсюда бы никто посторонний в клинику не попал. Проще ворота проломить и таранить главные двери.

Лера сообразила, что пора на выход только после личного приглашения, из машины выбралась еле-еле и вцепилась в предложенную руку мертвой хваткой. Совсем ей нехорошо. Примчавшийся начальник охраны получил инструкции снимать наблюдение и потерял к нам интерес. Лера отшатнулась от зеркала в лифте и от меня, вновь засунула руки в карманы, и три этажа ехала, сверля двери отрешенным взглядом. Однако едва они разъехались, рванула вперед с такой скоростью, что сомнения отпали – легко отделалась.

У палаты никого не было, подозреваю, как и в этом крыле. Быстро охранников сдуло. Неужели с подопечной наобщались? Докладывали, что один проспорил ей зачитывать вслух обновления паблика стишков-пирожков, другой – отзываться на Бобика. Балбесы. Я постучал, с той стороны тихо завозились. Дверь отворилась, высунулся нос Максимовой, после все остальное. Не по-больничному одета, если, конечно, с некоторых пор тут не стало принято ходить в коктейльных платьях. Как водится, первым делом она открыла рот. И не нашла что сказать. Уставилась на Леру круглыми глазами.

– Помоги ей себя в порядок привести, и найди, во что переодеть.

– Это кровь?... – она присмотрелась получше. Глаза из круглых сделались очень круглыми. – Кровь?!

– В третий раз спроси.

– Понятно, – зашипела ее подруга. – Опять на пределе дружелюбия?

Максимова удивилась:

– Вы знакомы?...

– Ну, – Лера неопределенно повела плечом. – Немного...

Чуть-чуть, что даже не считается. Обе исчезли в палате, захлопнув дверь. Донеслись звуки возни, вздохи и ласковое «давай это снимем, так, да-да, потерпи». После всхлипы – Лерины, и снова уговоры. Разберутся. Не до них.

Я отошел к окну, нащупал в кармане сигареты, в деталях рассмотрел детектор дыма на потолке. Нет, еще и вопли пожарной тревоги будут лишними. Надо выяснить, как дела в клинике, и есть ли проблемы. За главную здесь во время дебоша у ворот была Анита – оказалась на месте в час икс. Застал ее на первом этаже – курсировала между диванами в холле, где полицейские опрашивали столпившийся персонал, и умудрялась пристроить уши в каждый разговор. Похоже, претензий к нам никаких. Да и откуда им взяться? Картина ожидаемая: нервные охранники, горстка перепуганных администраторов, оторванные от работы врачи с недовольными усталыми минами.

Заметив меня, Анита выразительно кивнула на дверь у регистратуры и скользнула к стойке. За дверью был просторный кабинет с заваленным печеньем столом и внушительной коллекцией кушеток. Убежище администраторов?

– Докладываю по пунктам, – она заправила за ухо розовую прядь, практически сползшую с волос вместе с заколкой. – Внутри никто и близко не попал, но помешательством девочку-медсестру задело. То ли очень внушаемая, то ли к главному входу вопреки указаниям сунулась. Тоже попыталась к Соне наведаться. Сошло за истерику, вкатили ей убойную дозу успокоительного, отдыхает. Двое через забор все-таки перебрались. Первый как понял, что натворил, обратно сиганул, только и видели, второму штаны помогли зашить и отпустили с миром. Большинство пострадавших с ушибами и прочей ерундой, не страшно. Паре человек повезло меньше, одному не повезло совсем... Полиция считает произошедшее акцией агрессивных идиотов, которую непонятно кто организовал. Неплохой для нас вариант. Ищут виноватых. Народ свои действия комментирует просто – захотелось приобщиться к... флешмобу. Толком не могут объяснить, зачем лезли в клинику. Ворота покоцали жутко, домофон выдрали с корнями. Уф... Ладно, все кончилось!

Непонятно с чего.

– Ты написала, что люди просто взяли и пришли в себя.

– Ага! Бац, и очухались. Ты был прав, с армией марионеток бороться бестолку, когда гребаный кукловод за все в ответе. Ты его нашел?

– Нашел.

– И? Где он?...

– Сказал бы, что на том свете, да неверно будет, учитывая специфику.

Анита облизала пересохшие губы и осторожно уточнила:

– Он сам?

– Лера ему помогла.

– Лера?!

– Ножницы в шею, и до свидания.

Анита шумно сглотнула. Опустилась на ближайшую кушетку и задумчиво качнула ногой.

– М-да... – Впервые слышал столько замешательства в ее голосе. – Не ожидала. Что она может.

– Зря.

С самого начала не сомневался – еще как может.

Анита судорожно потеряла лоб, запрошенная за ухо неродная прядь вылезла обратно. Нецензурное шипение на венгерском, и к ней потянулись скрюченные пальцы. Под кушетку улетел плотно скатанный розовый комок, вместе с заколкой и клочком светлых волос. Радикально.

– Так и думала, что Лера где-то рядом, – произнесла она. – Когда я выходила полиции ворота открыть и разведать, пострадал ли кто, Влада в толпе выловила. Куртка у него

заметная, и уж больно беспорядочно слонялся и кого-то высматривал. Подошла – двух слов связать не смог, бледнел и пытался прилечь в сугроб. Сейчас он в приемном покое, чаю ему заварила и оставила в себя приходить.

Влад, шесть пропущенных вызовов. Истомин, значит. В прошлом году был мишенью всех эсперов города, пару раз чуть ментальную лоботомию не схлопотал, и пожалуйста – решил продолжить знакомство. Понравилось, видимо.

– Интересно выходит, – отметил я. – Она предупреждает тебя о грядущем набеге маньяка-психопата из Потока, и едет сюда. С другим, обычным парнем. Вопрос: зачем было его с собой брать? Неужели надоел?

– Да, странновато, – согласилась Анита. – Без спросу следом увязался?

– Попробуй за ней без спросу увяжись.

– Не до него было, вот и не высматривала. Стоп... – Ее лицо приобрело крайне сосредоточенное выражение. – Фон мерзотно-давящий от внушений и прочей дряни... Его нет! Чисто!

– Есть варианты, почему? – спросил я. Она в этих вопросах эксперт, нужно лишь помочь ей в рассуждениях. – Возможно, его смерть вызвала полную отмену?

– Исключено. – Анита уверенно мотнула головой. – Помнишь архивные материалы? Германа пристрелили, а люди в квартале не успокоились, пока друг друга не прикончили. После того как Соню обезвредили и увезли, посетители по торговому центру еще долго слонялись, собираясь в команды, и искали неведомые кольца. Эффект держится независимо от состояния внушателя. Вероятно, он способен отменить, если захочет.

– Разве что изменить приказы, но не тотальную зачистку от энергии устроить.

– Это верно, их дар на такое не рассчитан. Вот у Вестника, через какого-нибудь Хранителя или... Погоди! Осенью один в один было. Внушенный народ резко пришел в чувство. Тогда в Лерином дворе.

– И Максимова ничего не отменяла. Просто удрала. Заметь, в тот раз и сегодня список общих действующих лиц совпадает...

– Лера и Влад! – Анита вскочила с кушетки. – Надо у них выяснить.

– Вперед, – благословил я. – Она наверху, с подругой. Повезет – разболтаются, из записи разговора все и узнаешь.

– Да ни о чем интересном они не болтают, – разочарованным вздохом почти оглушило, – шифруются. То ни о чем, то глубоко о своем. Пользы ноль.

– Поговори лично.

– Лучше Владом займусь. Милый мальчик, и не в себе сейчас. Может, случайно проговорится. Раз уж я его нашла и вырвала из холодных объятий сугроба... Грех не доработать. А ты Леру расспроси.

Справедливо. Хоть и вразрез с изначальным планом. Впрочем, он полчаса как провалился.

– Да ладно тебе, – Анита насмешливо цокнула языком, – она же не кусается.

Не самая достоверная у нее информация.

Народа в холле убавилось. Главврач громко напоминал о пациентах, наблюдавших штурм клиники в окно, и настаивал, что необходимо освободить помещение от посторонних. Никто ему не перечил, полицейские заканчивали опрос с выражением скуки на усталых лицах. Полагаю, нового так и не выяснили.

Запущенное в телефоне приложение донесло из палаты Максимовой лишь плеск и шум воды. Пришло срочное сообщение от Роберта. Яника вновь явилась и теперь чего-то

хотела, причем от меня. Ответил, что буду к ночи, отправлю его отдыхать. Предупредил держать с ней ухо остро. Вряд ли она выкинет какой-то фокус, раз желает пообщаться, но расслабляться не следует.

Звуки воды в динамике стихли, недолгую тишину нарушили: «я это не надену», «сама же покупала» с финальным аргументом: «на тебя больше ничего не налезет». Ответом были неразборчивое ворчание и обреченный вздох. Надо думать, разобрались. Пора.

Внушения и их отмены – мутная тема, а вот каждый раз оказываться в центре любой ментальной заварушки – точно не совпадение. Пару дней назад в развлекательном центре, сегодня тут. И до этого, в день Лериного визита сюда, у клиники засекали характерные колебания фона. Либо эти пятеро ее преследуют, либо она их. Как бы там ни было, справляется неплохо – счет 2:0. Трупа-то два.

Из-за двери слышалось залиvistое хихиканье, в унисон обиженно фыркали. Я на всякий случай постучал, дождался поочередно произведенного «да», и вошел. Максимова пластом валялась на кровати, возведя глаза к потолку и увлеченно его разглядывая, Лера хмурилась у окна. Влажные волосы, ссадина на сгибе локтя, красное шелковое платье – с открытым верхом, едва прикрывающее колени. Интересно... Она смущенно поправила пышную юбку и сравнялась с ней по цвету.

– Задание выполнено, – раздался писк с кровати.

– Разговор есть, – сказал я Лере. – Не здесь.

– Прямо сейчас? – покосилась та на подругу.

– Она тоже будет занята. С лечащим врачом. Или думаешь, в ее положении полезно находиться в эпицентре дебоша, а потом с тобой возиться?

Максимова попыталась протестующе привстать. Успех был близок, как и твердый пол. Вовремя одумалась. Прикрыв глаза, сомнамбулой качнулась на краю кровати и выдавила:

– Выплюсь, и буду в порядке. Приезжай позже. – Она изобразила кроткую улыбку и уставилась на меня. – Я отсюда никуда не денусь...

Если в следующий раз забор не снесут. Я вышел за дверь. Лера – через минуту, держа наглухо закрытый пакет – очевидно, со своей одеждой, и свернутую в замысловатый сверток дубленку. Надеюсь, не потребует их закапывать во дворе.

В том же коридоре, через несколько безымянных дверей, был свободный кабинет. Стол с задвинутым до упора стулом, диван полукругом, пустой шкаф и ничего лишнего вроде пожарных датчиков. Тарелка из-под цветочного горшка сошла за пепельницу, все равно кактус в нем искусственный. В приоткрытую форточку бодряще сквозило, уже после первой затяжки удалось сосредоточиться полностью. Лера остановилась перед диваном и сильнее вцепилась в пакет, будто боялась ненароком потерять.

– Тут оставь, – велел я. Она аккуратно положила его в угол дивана, замешкалась с дубленкой. – И это тоже.

Лера бросила ее сверху – без сожаления, даже с некоторым отвращением. Обошла диван, скользнув по горке вещей отсутствующим взглядом. Перевела дыхание и на выдохе спросила:

– Кем он был?

– Тебе виднее, я с ним пообщаться не успел.

– Я не... о том. Ты сказал, что у него ни определенного места жительства, ни родственников. Получается, знаешь, кто это?

В напряженном взгляде – сомнение и тревога. Боится, что старый знакомый попался, которого не может вспомнить?

– Из вашей дружественной республики, – ответил я. – К Ливанову попал на пять лет

раньше тебя, домой вернулся быстро. Три года назад переехал в Москву, и вскоре оказался сама догадайся где. Вряд ли вы были знакомы.

От ответа ей легче не стало. Облокотилась о диван с мрачным видом и принялась терзать кончик подсыхающей пряжи.

– Вопросы избавления от тела больше не беспокоят, пришла очередь моральных терзаний?

– Возможно! А ты когда-нибудь... – Она запнулась.

– Разве что косвенно.

– О, – в комплекте шла угрюмая усмешка, – так как бы не считается?

– Было бы желание считать. Если успокоит, скажи себе, что иначе было нельзя. Первым полез, не оставил выбора. Ты защищалась, защищала других, и вообще это был не он. Мало ли можно придумать оправданий.

– Мне не нужны... – разозлилась Лера, – оправдания. Придуманные особенно.

– Тогда из-за чего драма? С непривычки? Так привыкай, минимум трое на очереди.

Она растерянно моргнула. Я затушил сигарету, сунул тарелку на подоконник. Лера поморщилась и быстро отвела взгляд. За окном валил снег, прибавляя сугробов у забора и разгоняя скудные остатки бывшего столпотворения. Пререкания почему-то задерживались, гостя пристально разглядывала кактус, чуть наклонив голову. Ищет, чем пошвыряться? Ассортимент в кабинете не ахти, а диван таки тяжелый.

– Трое – при удачном раскладе, конечно. Могут найти новые тела в сжатые сроки. Да и без этого следующий уже не позволит рядом с собой ножницами размахивать. В их возрасте странно быть идиотами, тем более что они еще не проигрывали.

– Ну да, вы же в курсе. – Лера сложила руки на груди и язвительно добавила: – Собственно, все в курсе.

– А что ты хотела. В таких количествах неприлично лапшу на чужих ушах развешивать. Или методы Норда понравились?

– А тебе? – раздалось под аккомпанемент скрипа дивана и цокающих шагов к окну. – Он собирался их раз и навсегда прикончить, причем ценой исключительно наших жизней. В Потоке, тихо и незаметно! Была бы минус толпа одаренных, и никаких потусторонних гадов с кровавыми экскурсиями в реальность. Расклад удачнее некуда! Не жалеешь, что помешал?

Одной сигареты тут будет мало. Вдох, выдох. Чирканье спички о коробок и яркая вспышка пламени. Глубокая затяжка, медленно выпущенный дым. Вот теперь продолжим.

– Что ты собираешься делать? – спросил я, надеясь, что пачки на этот разговор хватит. – Ждать, пока запас шкурок для ритуала иссякнет?

– Силы у них закончатся раньше, – парировала она, – число попыток не бесконечное, и течение времени ускорено. Не факт, что дважды осилят.

– Лучше подвернувшихся им под руку людей посчитай.

– Вот не надо! – Сдвинутые к переносице брови выразили крайнюю степень негодования. – Я оба раза сделала все, чтобы никто не пострадал! А у вас от них какая защита? Забор?...

Забыла добавить, что идеальная защита – это нападение, главное, заранее придумать, куда прятать труп. Любопытно, а в это «сделала все» снятие внушения входит? Анита права, недоеденный эсперами в прошлый раз Влад здесь неспроста оказался. И не так много вариантов, откуда способность гасить фон могла привалить.

– Лучше забор, чем Хранитель с дарами. Инструкции выдал или экспромтом балуешься?

- Шел бы он... туда же, куда и они, - остался нереализованным потенциал русского и могучего, хотя у нее явно просились наружу выражения покрепче, - вместе со своими испытаниями, миссиями и бесценной помощью. По-твоему, я ему верю? У него свои цели. Но с ловушками и захватом Потока необходимо разобраться. Я хочу, чтобы этих паразитов не было.

- Ценой целого города? - осведомился я, стряхнув в тарелку столбик пепла.

Лера изменилась в лице. Мигом растеряла всю уверенность, но сказала твердо:

- До подобного не дойдет.

- Единственный добившийся успеха Вестник заставляет в этом усомниться.

Она метнула злой взгляд и стиснула ладони в кулаки. Для угрожающей позы наряд неподходящий. Кстати, что у нее там на шее? Что ж, сразу было понятно: заграничная компания для них плохая, а Вестники хорошие, потому что спасители эсперовской Вселенной. А до соседних дела нет.

- Дай-ка угадаю, что ты думаешь, - вызова в ее голосе прибавилось. - Ну, вылезают раз в столетие какие-то черти. Им ведь всего одна девочка нужна. Самое простое решение проблемы - позволить ее найти, а то и отдать. Сто лет спокойствия, и не придется расставаться с удобными для вас ловушками. А рисковать нормальными людьми из-за тех, без кого бы жить безопаснее стало... Неравноценно, так?

- Сегодня тоже неравноценно было. Стоило твою подругу за забор выставить, никто бы больше не пострадал.

Лера захлопнула рот и попятилась к дивану. Это правильно, сигарета-то почти кончилась. И свои угадки... Пусть лучше угадывает, когда надо заткнуться.

Окурочек присоединился к предыдущему, зазвонил телефон. Не мой. Она вытащила из недр пышной юбки пищашую трубку, взволнованно прижала к уху и выпалила:

- Да-да, я в порядке. Прости, что не отвечала. О, ты что, в клинике?... И я здесь...

Влад, значит. Ненадолго Анита его заболтала. Вряд ли успела что-то выяснить. Ладно, сообразим на четверых. Посмотрим, как они друг при друге станут отнекиваться.

- Скоро спущусь, - пообещала Лера.

Прижала замолкший телефон к груди и покосилась на меня. Ну да, вдруг не выпустим.

- Дверь позади тебя, - подсказал я. - На первом этаже полиция и охрана. Вместе спустимся.

Она коротко кивнула и ни слова до приемного покоя не обронила, лишь нервно оглядывалась на встреченных по дороге людей, включая врачей, уборщицу и выползшего в коридор пациента. Будто в том, что они на нее пялятся, есть что-то удивительное. Конечно, можно было халат найти и ей на плечи накинуть. А можно и не искать.

Влад при попытке поздороваться подавился чаем и кашлял, пока Анита заботливо не похлопала по спине, после чего уселась обратно на кушетку, уныло покачивая носком туфли. Точно никакой информации из него не выудила.

Лера напряженно втянула воздух и наконец переступила порог кабинета, я закрыл дверь.

- Кхм-м-м... - глубокомысленно протянул милый друг и все-таки смог: - Здравствуйте.

- Садись, - Анита улыбнулась подопечной и похлопала по кушетке рядом с собой. - Хочешь кофе?

Та отрывисто мотнула головой, и не думая двигаться с места. Удобный угол облюбовала, возле дверей. Пришлось пройти дальше, к длинному, заставленному бумагами шкафу.

- Мне уже лучше, правда, - уверил Влад неизвестно кого и сунул нос в кружку.

- В неудачное время вы приехали, - Анита с сочувственным вздохом подлила гостю чаю. - Такой хаос творился! Немудрено было потеряться.

- Главное, что нашлись... - буркнула Лера. - Никто серьезно не пострадал?

- Могло быть хуже, - отозвался я. - Без вашего-то фокуса обратной промывки мозгов.

Одна вздрогнула, другой оторвался от чая.

- Да, отлично сработано, - мигом сориентировалась Анита. - Удачнее, чем в прошлый раз.

Лера округлила глаза, Влад отставил кружку. Взгляды, которыми они обменялись, были полны недоумения. Как хочешь расшифровывай: от «что здесь происходит» до «откуда они узнали».

- Вы о чем, а? - любопытствовал он с видом образцового непонимания.

- Да ладно, - небрежно отмахнулась Анита. - Не ты первый.

- Нет. - Влад озадаченно почесал затылок, по-прежнему стараясь смотреть подруге в глаза. Получалось паршиво. В придачу к ментальным отклонениям еще и косоглазие заработает. - По-моему, мне не лучше. Туго доходит.

Лера одернула юбку пониже, но тут же поморщилась и подула на больной палец. Спрятав руку за спину, тихо сказала:

- Ему бы домой, отдохнуть.

Даже версий произошедшего не выдвинет? Она не могла не заметить очистки фона прямо там, на месте. Недалеко от эпицентра находилась.

- Вы хоть перед ним себя не выдали? - спросил я, следя за тем, как ее пальцы судорожно завязывают узлом подсыхающую прядь. - Друзьям расскажет, или приведет.

- Так, все, - отрезал Влад. - Прекратите при мне обсуждать эти ваши... дела. Однажды узнал пару секретов, огреб по самое не балуйся!

Лера молча опустила глаза. Процесс пошел, осталось дожать.

- То ли еще будет, - подхватила Анита, ерзая на кушетке и шурша юбкой. - Возможно, ты не знаешь, но у всех связанных с сущностями из Потока проблемы были. С паршивыми исходами.

- Очень им сочувствую, - утомленно отозвался он, в то время как боевая подруга вздрогнула. - Извините, я не в теме. Меня просто Соню навестить позвали.

- То есть вам неинтересно? - уточнил я.

Этот упертый хмыкнул, с раздражением и железным настроем «я буду все отрицать».

- Влад... - выдавила Лера.

Он сердито нахмурился. Сочувствую. Не ту девушку в разведку взял.

- Совету известны такие случаи, - Анита охотно закивала. - Мы поможем.

- По-моему, это вам нужна помощь, - усмехнулся Влад.

- Ну, - развела она руками, - мы на самом деле не то чтобы благотворительная организация.

Он снова хмыкнул и вопрошающе взглянул на Леру.

- Пожалуйста, - прошептала она. Побледнев, испуганно уставилась куда-то в стену и пробормотала: - Задержись у них...

Что там увидела? Или кого?

- Допустим, задержусь, - пожал плечами Влад. - А если мне не понравится?

- Не попробуешь - не узнаешь, - подмигнула Анита.

Его бровь уползла вверх весьма заинтересованно, у меня пикнул телефон. Сообщение от охраны. Ясно.

- Он пока у нас останется, - я повернулся к Лере, - а за тобой приехали.

Она шумно сглотнула, выпустила завязанную узлом прядь и выскользнула за дверь. Проводили ее два вопросительных взгляда.

- Левицкий, - пояснил я, - со свитой юристов и полицией.

Влад скривился, Анита задумчиво надула щеки и поскребла ногтями кушетку.

- Идем, здороваемся, - я шагнул к двери. - Или мы невежливые, что ли?

Она демонстративно скрутила фигу, специалист по связям со сверхсущностями хохотнул и потянулся к кружке. Вполне вежливо для текущей ситуации, могла жест и неприличнее показать.

Лера ушла недалеко - на повышенных тонах объясняла охранникам у ведущих в холл электронных дверей, почему гостевого пропуска у нее нет, явно теряя терпение. Выпустил по своему, пока она никого на пол в глубокий обморок отдыхать не отправила. Массовка в холл набилась активная и громкая. Взмыленная полиция, сыплющие умными выражениями представительные морды и Левицкий. В напряженном ожидании. Выплывшую из коридора пропажу заметил, взгляд стал шокированным. Ринулся навстречу, ощупал придирчиво, хотя руку она упорно прятала за спину и пыталась прикрыть ссадину волосами. Следующий взгляд достался мне, мрачный и въедливый. Конечно, это все мы. Нарядили и били, постоянно так развлекаемся.

- Это она? Нашлась? - возник рядом некто с тем количеством звезд на погонах, когда по клиникам за потерявшимися девами лично не ездят. Дождался утвердительного кивка от Левицкого и с огромным облегчением констатировал: - Слава богу.

- Валерия, что с вами было? - подключилась самая представительная морда. - Вы пострадали в ходе сегодняшних беспорядков?

Та попробовала изобразить улыбку, по которой впору было инфаркт заподозрить:

- В толпе неудачно прижали.

- А как вы оказались здесь? Вам понадобилась помощь? - допытывался он. - Почему вас не увезла скорая?

- Не все захотели увозиться, - пробубнил начальник охраны. - Еще трое пострадавших по свободным палатам в себя приходят. Чего же их с собаками не ищут?

- Вы обязаны были сообщить родственникам и близким! - рявкнул покрытый испариной полицейский.

- Да. А он... - я кинул взгляд на Левицкого, который тут же проявил интерес к беседе, отлипнув от жертвы беспорядков, - к какой категории относится?

- А вы, собственно, кто? - нарисовался передо мной тип в костюме и с портфелем для бумаг, словно сошедший с рекламы адвокатской конторы.

- Клиника принадлежит нашему фонду, - я указал на логотип над стойкой. - Если у вас имеются жалобы, претензии и еще какие обвинения, можете направить их мне.

- Тех, что уже есть, мало? - ехидно хмыкнул Левицкий. - Без проблем, всегда можно добавить.

- А получится? - засомневался я, он самоуверенно ухмыльнулся. - Так, чтобы без проблем?

– Это я виновата, – Лера потерянно уставилась на свои сапоги, – совсем забыла позвонить.

Мордатый коллектив напрягся, но получил от Левицкого отмашку отбоя:

– Уезжаем.

– Везде с толпой? – спросил я разочарованно. – Без нее никак?

– Место такое, мало ли какие психи встретятся, – отозвался Левицкий с нарочитой любезностью и повернулся к Лере. – Одежда твоя где?

Она замешкалась, нервно облизала губы и бросила скупое:

– Ее нет.

– Не страшно, машина рядом, – он накинул ей на плечи свое пальто и потянул к выходу.

Полиция тоже засобиралась. Давно пора. Через дорогу есть кое-что любопытнее.

– Еще увидимся, – вежливо попрощался я, раз уж поздороваться не вышло.

Левицкий задержался у дверей, с кривой усмешкой покачал головой.

– Непременно.

Лера, не дожидаясь его, выскочила на улицу. Вовремя. Истерика у нее была где-то на подкате, а чего нам тут точно не надо, это трансляции эмоций.

Холл опустел, следом – крыльцо и двор.

– Охренеть, – пробормотал начальник охраны, запирая на ночь двери. – Что это было вообще?

Как что? Очередное восстание декабристов. Повстанец явился, и группу поддержки приволок. Полицию, юристов. К худшему исходу готовился: со скандалом здание обыскивать. Ожидаемая реакция, после того как выдали себя с потрохами. Одна с завидным постоянством в местах ментальных заварушек оказывается, другой неприступную крепость прикупил и всех туда перевез, а третья прямо там эсперов в сообщество объединяет, но на сей раз с размахом и идейными лозунгами. Совершенно очевидно – что-то они замышляют против дна Потока. Что-то сомнительное, раз с нами войну затеяли, и своим же развешивают лапшу на уши. Каждого пришельца ножницами не оприходуешь, да и бессмысленно оно, массовка тоже решающей роли не играет. Как ни крути, план должен упираться в Вестника. Варианта два. Либо они ее ищут, попутно мешая чужим поискам. Либо уже нашли, но она пока не в состоянии города к чертям сносить. Инициация неполная или опыта недостает. Не просто так от них веками сильно заранее избавляются. Потенциальный катаклизм состоится явно не завтра, время в запасе есть – и у нас, и у заграничных сущностей, которые с недавних пор зачастили с визитами. Сегодня Аниту предупредили за полчаса до их появления, значит, это можно вычислить заранее. Каким образом? Влад сумел нейтрализовать зомбирующую дрянь, его и спросим. Наверняка Анита довела уже милого гостя до разговорчивого состояния.

Чай определенно был слишком горячим: Анита расстегнула верхние пуговицы на блузке и увлеченно пересказывала байку работников архива о том, как некая клуша оставила распечатанную страницу из любовного романа в материалах дела, и оно в таком виде попало на совещание руководства. Гость загипнотизировано кивал, на автомате пытаясь прихлебнуть из пустой кружки, и смахивал со лба проступивший пот. Не везет ему сегодня, со всех сторон обложили.

– Между прочим, это она и была, – сказал я, как минимум чтобы Влад заметил мое возвращение.

Он задумчиво поднял взгляд, сфокусировал на мне и сделал серьезное лицо. Впечатляет.

– А этого никто не доказал, – Анита протестующе фыркнула, – зато говорят, Дорман не сразу просек, долго и внимательно вчитывался...

- Повезло, что вслух не зачитал. - Я приоткрыл окно. Пусть остынут. - Предлагаю перейти к более захватывающей истории.

Влад кисло улыбнулся, главная по захватывающим историями бодрым голосом продолжила:

- Ладно, каюсь, но мне пришлось, я проспорила! Кто бы стал по собственному желанию распечатывать такое?... Ну а легенды о получивших силу обычных людях ходили издавна. Условиями были: связь с ментальным существом и жертва. Энергия из Потока получала путь в реальность, одаривая проводника способностями. Я думала, что это и есть ритуал. Зафиксированные случаи совпадали по времени с движением границы и появлением нового мира. Но я ошибалась: ритуал - просто вселение в тело попавшего в ловушку вема, а тут другое. И теперь наконец ясно, что! Все это не зря одновременно происходит.

Она перевела дыхание и довольно покивала какой-то своей неозвученной мысли. Дразнит.

- А подробнее?... - последовала ожидаемая реакция на ее затянувшееся молчание.

- Многие подробности тебе лучше известны, - напомнил я. - По условиям, например.

- Существо из Потока, - Анита закинула ногу на ногу, пошуршав юбкой, - это Хранитель, верно?

- Ну да, - не стал он отрицать. - А вот что за жертва - я не в курсе. Ничего такого не было.

- А что было? - любопытствовала она. - После чего у тебя сила появилась?

- После моего согласия.

- Пожалуйста, - констатировал я и получил хмурый непонимающий взгляд. До него туго доходит, или выводы не нравятся?

- Речь не обязательно должна идти об убийстве, чем-то подобном, или даже о других людях, - терпеливо расшифровала Анита. - Жертва - понятие обтекаемое. Добровольное согласие принять последствия вполне подходит.

- М-м-м, - напрягся Влад. - А что стало с теми людьми из зафиксированных случаев?

- Сошли с ума, - запросто ответила она, - и довольно быстро. Прямо совсем. Голоса, галлюцинации, потеря контакта с реальностью.

- Класс, - буркнул он.

Постучал пальцами по кружке, отложил ее в сторону. Чему-то задумчиво усмехнулся, мотнув головой. Надо полагать, мысли в ней потекли в нужном направлении. Просто так ничего не дают, а слияние с потусторонним сознанием вредно для здоровья.

Анита сочувственно вздохнула и покосилась на меня, я пожал плечами. Пусть сама решает, что рассказывать. Скрывать особо нечего, наоборот, есть шанс прояснить массу моментов.

- Один из них жил в начале прошлого века, - начала она тоном ведущего познавательной передачи, - в маленьком провинциальном городке на севере Франции. Привлек внимание местных вемов странными всплесками энергии, характер и источник которых никто определить не смог. Революционер и весьма посредственный журналист, зато плодовитый. После того как помешался, в его доме нашли залежи неопубликованных статей, очерков и прочей макулатуры. Творил он в основном на любимую тему свободы, равенства и братства, с тонной пафоса. По тексту не сразу было заметно, когда ему стало хуже. Писал о предназначении, великой миссии и спасении мира. Что чувствует правильные ответы и знает то, чего не следовало бы. В записях фигурировал связанный с ним «некто не отсюда», которого невозможно увидеть. Прежде чем окончательно лишиться рассудка, бедняга настроил пару тетрадей бессвязного бреда о ритуале и напрасных жертвах. Понять что-либо конкретное было сложно...

– Все понятно, – заявил Влад. Видимо, сходится с собственным опытом. – А что там насчет одновременности?

– Совпало не только время, но и место, – не без удовольствия отметила Анита. – Там же печально известный вем Герман, неожиданно восставший из ловушки, с помощью внушения уложил целый квартал. А вскоре в городке погибла девочка с даром, загадочным образом шею свернула в заброшенном депо. Последний мир Потока так и выглядит, вплоть до моделей поездов.

Он медленно кивнул, не сводя с нее внимательных глаз. Даже моргать забыл.

– Более ранние случаи подтверждают эту теорию, – невозмутимо продолжила она. – В девятнадцатом веке малоизвестный ученый-неудачник фонил подозрительной энергией на весь Лондон и убивался, что «заключил сделку с дьяволом», но получил совсем не то, о чем мечтал. Скончался в психбольнице. Был коллегой исследователя, чья внучка трагически погибла во время экспедиции в джунглях Амазонии. Похожий мир на днях стерся из Потока, но запущенный в нем сценарий передавал описанные в мемуарах исследователя события точь-в-точь. Еще есть предание о японском шамане восемнадцатого века, который общался с высшим духом и пытался сохранить рассудок. Не сохранил... А в деревне неподалеку убили явно одаренную девочку, и примерно в то же время в Потоке возник похожий мир.

Пригодились материалы Хансена, стройная версия вышла. Преемник великой миссии щелкнул пальцами и с азартом подытожил:

– Хранитель каждый раз выдает кому-то способности против гадов из нижнего Потока.

– И не просто кому-то, а кому-то рядом с Вестником. Теперь я в этом уверена! До сегодняшнего дня мы не знали, о каких способностях идет речь...

– Теперь все очевидно, – высказался я прямо, – раз ты умеешь снимать эффекты внушения и предсказывать их визиты.

– Я не предсказываю, а вижу, когда они в реале появляются, – поправил он. Что и требовалось доказать. – Но энергией подозрительной не отвечаю без надобности, как ваши чуваки из легенд.

– Вероятно, господа чуваки не догадывались, зачем им дана сила, и где ею пользоваться, – скромно предположила Анита. – Ты вот как понял, что вообще делать надо?

– Чисто интуитивно, – ответил Влад с осторожной улыбкой. – То самое упомянутое тобой чувство верных ответов. Но да, думаю, ты права. У меня было больше шансов догадаться, что происходит. Год как знал о вемах, нижнем Потоке, Хранителе и прочем. О! Может, сойдет за бонус? И моя крыша не уедет далеко?...

– Разберемся, – уверенно пообещала она. Может, и разберется. Годами изучала этот вопрос, а сейчас информации много как никогда, причем из первых уст. – Хранитель неспроста выбрал именно тебя...

– Так у нас уже был контакт, – с внезапным энтузиазмом ответил он. – Ну, вы в курсе. Прошлой осенью случайно мимо вема проходил, которого в первородный мир затянули на смертельные испытания. На мне тоже отразилось: транс, провалы в памяти. Кира в моем найденном воспоминании почувствовала чью-то мощную энергию извне.

– Контакт был, – согласилась Анита тоном, обычно подразумевающим жирное «но». – Вот только Хранитель регулярно выбирает кого-то, стоит бессмертной пятерке выйти на охоту. А раньше испытаний не проводилось, да и первородная пустыня недавно выплыла из-за границы в общий доступ. Нет, он другим способом связывается с теми, кому предлагает силу. И ведь не каждый согласится, наверняка бывали и неудачные попытки. Все выбранные им жили рядом с Вестником, более того – могли быть лично знакомы с ней или хотя бы видеться. Думаю, через девочку Хранитель и налаживал связь.

Он хочет известить жителей ментального подземелья, Вестник добивается того же. Логично объединиться или изначально быть вместе. Расклад ясен. Доподлинно неизвестно, кто такой этот Хранитель, но для общения с обычным человеком из

реальности ему необходим эспер в качестве канала связи. Проще всего использовать Вестника. Да и смысл создавать ходячий нейтрализатор вражеских сил, если не рядом с объектом их охоты.

– Подходит по всем параметрам, – констатировал я и обозначил нашему гостю главное: – Вы с Вестником встречались.

Любознательности в нем резко поубавилось.

– Да сто процентов, – фыркнул Влад. – Забыли, где я работал? В «Перспективе» был вем на веме и... ходили вечно всякие. А как я стал свидетелем сами знаете чего, так массово знакомиться полезли.

– Это должна быть девочка, – подсказала Анита, – от четырнадцати до девятнадцати лет. Не припоминаешь таких?

– На них же одаренность не подписана, – он сосредоточенно почесал затылок. – Хотя... Одна запомнилась. Секретарша Киры: с красными волосами, наглая и крикливая.

– Оля, – со смехом простонала Анита. – Надеюсь, что Вестник не она, иначе нам всем конец!

– Мне вроде и так конец, – оптимистично произнес Влад. – Я за вас, конечно, очень рад, что вы разобрались в ментальных связях и великих миссиях, все это крайне познавательно, но мне бы хотелось-таки понять, как избежать классического финала.

Не подписываться непонятно на что не пробовал?

– Все не настолько плохо, – терпеливо отозвалась Анита, придвигаясь к нему ближе. – Природа твоей силы на границе стандартного дара и умения поглощать энергию. Интересное сочетание. Отчасти напоминают способности Вестника, но рассчитаны исключительно на наблюдение и защиту, максимум на сопротивление. Значит, ты не навредишь ни себе, ни окружающим. И что ценно, эта сила не твоя. Тебе ее дает связь с Хранителем. Нет связи, нет проблем. Связь слабее – меньше проблем.

– Пока только сильнее становится, – он поморщился, – а избавиться от нее я при всем желании не смогу.

– Нам это и невыгодно, – сказал я откровенно, – но если ее подавлять, дольше протянешь без голосов и галлюцинаций.

– Подавлять? – в его голосе появилась заинтересованность. – Как? Вашим иммунитетом, что ли?

Потрясающе всесторонняя осведомленность. Но действительно может сработать. Если ему передается хоть часть «стандартного дара», то гаситься будет аналогично. На полете к Потоку его не зацепишь, а через взгляд – очень даже. Главное, четко рассчитать. Если переборщить, надолго станет бесполезен, а то и вовсе загнется.

– Я попробую! – вызвалась Анита, потирая ладони. – Чуть-чуть убегу. По идее, твое состояние откатится на несколько недель назад.

– Хорошо бы, – пробормотал Влад без намека на протест. Это храбрость или привычка соглашаться на все подряд? – В прошлом месяце полегче было. Что делать надо?

– Смотри мне в глаза и расслабься.

Он покосился на меня, будто мне следовало выйти за дверь. Нет уж. Подобных экспериментов еще не было. Мало ли... Надо проследить. Анита развернулась к нему, расправила плечи и глубоко вдохнула. Ту самую энергию в нем явно нашла и на пробу оттолкнула, в кабинете стало резко некомфортно. Прелюдия затягивалась: наэлектризованный воздух, зудящий звук напряжения. Единственное, что можно заметить. Энергией мы не управляем, и атаковать нам нечем. А вот обратить против них свое же – это легко. Как говорит Ланс, эффект зеркала. Она всмотрелась внимательнее и наконец что-то отразила, Влад вздрогнул. Молодец, не помер.

- Ай, - выпалил он, по-прежнему боясь отвести от Аниты взгляд.

- По-моему, получилось, - выдохнула она и потянулась к чайнику. Плеснув в кружку воды, выпила залпом, отдышалась. - Больно было?

- Не очень. Словно опять на мамину подушку с иголками сел... Э-э-э, неважно! Точно, все получилось. Голова меньше гудит.

- Отлично. Следи внимательно, когда и какими темпами сила начнет расти. Будем регулярно подрезать, откладывая твоё безумие.

- По расписанию, в общем, - пробубнил Влад себе под нос, но без особого расстройства. - Сложно-то как все.

- Сам захотел, - напомнил я и все-таки спросил: - Зачем было в это ввязываться?

- Оно того стоило, - убежденно ответил он. - И как иначе? Знать, что творится, и ничего не предпринять? Так нельзя.

Ну, ясно. Спасение мира. Романтика.

Анита всучила подопытному кружку с водой, и пока он цедил по глотку, дотошно выясняла, как его самочувствие, ощущения и настроение. Влад мычал что-то маловразумительное, но в целом позитивное. Допив, сказал, что для полного счастья хочет домой - отоспаться. Все же ночь, а в психушку ему еще рано. Я бы на его месте не был столь категоричен. Через несколько минут он отбыл к такси, вооруженный длинным списком контактных телефонов и Анитиными напутствиями. Попал, парень. Потусторонние связи - ее любимая тема, за плечами годы исследований, сбора информации по архивам и препирательств с недоверчивыми коллегами. И вот оно, живое воплощение безумных теорий, сбывшаяся мечта. Теперь она с него глаз не спустит. Впрочем, даже хорошо, за ним все равно нужно присматривать. Если и не попадетсЯ ментальным сущностям, то сам убьется.

- Я же говорила, он милый, - улыбнулась Анита, проследив в окно, как такси вырывается на дорогу. - Но не все договаривает.

- Значит, не дурак. - Точки фар отдалялись и тускнели, постепенно исчезая в темноте. - Хотя изображает его отлично.

- Да уж. Я до вашего прихода и так, и эдак... Ни в какую. Уже начинала наши подозрения бредом считать. Без Леры и не признался бы ни в чем. Кстати, что с ней?

- Уехала.

Она отлипла от подоконника, с нескрываемым интересом склонила голову набок.

- Дай-ка угадаю, гордый владелец психологического центра сюда за компанию половину юридического отдела прихватил?

- И полицию.

- Жалко, Шульц не видел... - Анита задумчиво усмехнулась. - Быстро Павел за ней примчался. Всегда рядом, несмотря на их перманентное «все сложно» в отношениях. Не удивлюсь, если им надоест, и наконец поженятся.

За окном полыхнуло ярко-красным, проезжающая мимо машина затормозила, с неприятным звуком приглушенного скрежета. Сдав назад, развернулась, ослепило новой вспышкой.

- Нам что, больше обсудить нечего? - я задернул штору. Хлипкая конструкция едва не оборвалась. - Проблем выше крыши. В клинике паника и бардак, на ворота без слез не взглянешь. С утра пресса примчится за комментариями, а они есть? Зато наверху в кабинете психолога пакет, которого бы лучше не было. Займись чем-нибудь полезным!

Она попятилась, поспешно протянув:

- Оке-е-ей...

– И разберись уже с Максимовой. Считаешь, все тебе рассказала? А чего тогда друзья из подземелья к ней ломятся сквозь забор? На кой черт она им сдалась, такая бесполезная, потерявшая силу и ничего не знающая? Спроси ее получше.

– Обязательно, – горячо уверила Анита, упершись спиной в дверь. – В порядке очереди. Побежала заниматься!

Кивнув с самым серьезным видом, она мгновенно повернула ручку и юркнула в коридор. Надеюсь, очередь расставлена правильно. Я проверил телефон – два сообщения от Роберта с интервалом в полчаса, что все спокойно. Пока что, по крайней мере.

На улице косо мела метель. Машина едва различимо моргнула фарами из-под толстого слоя снега. Нормально, ехать можно: падал он медленнее, чем расчищался. Сквозь густую пелену угадывались отсветы фонарей и редкие силуэты припозднившихся прохожих, белые хлопья липли к стеклам, уползая прочь под натиском «дворников». Дорога была долгой. По радио каждые десять минут передавали прогноз погоды и настойчиво рекомендовали быть осторожнее, а лучше сидеть дома. Роберта это тоже не остановило. Засобирался уезжать, как только я вошел в холл. Заметно его разобрало. Сведенные в одну линию брови, криво застегнутое пальто и риторический вопрос: почему она не могла проснуться утром или не проснуться вообще. Видимо, сказала ему что-то еще. Что именно – не признался, сослался на личное. В любом случае у него хватило мозгов ей не отвечать.

Гостя из подземелья ждала в гостиной второго этажа – валялась на диване, в цветастом халате непонятного происхождения. Листала некогда действующее в загородном доме меню, болтая босой ногой в такт шуршанию страниц, и по-прежнему выглядела вопиюще нездорово. Такой серый цвет лица с жизнью слабо совместим.

– Сигареты не найдется? – спросила она вовсе не умирающим голосом и приподнялась на острых локтях.

Я встал у дивана, бросил ей пачку. Поймала, почти не глядя, и лениво открыла.

– Тоже зажигалки не люблю, – сообщила Яника, вытряхнув оттуда коробок. Ловко чиркнула спичкой, прикурила, выждав пару секунд, и задула пламя выдохом от первой затяжки. После второй, глубокой, в воздух вылетело кольцо дыма, медленно тая. Пепел с сигареты упал на меню, прямоком на страницу с фирменным супом из брокколи. Наверное, уже угостилась. – Давай сразу опишу самый взаимовыгодный вариант. Вестник умирает, только она одна, и никаких больше жертв. Мы здесь появляемся редко, сугубо по ее душе. Посторонних людей не трогаем, пока нас не вынуждают. Что до ловушки... Тебе ведь их не особо жалко. Я права, Феликс?

Интересно. Роберт бы ей не докладывал, как меня зовут.

– Тебя многие знали, – она села ровнее, закинула ногу на ногу, – но ты и половину из них не вспомнишь. Например, Оливера. Пять предупреждений, два – совершенно незаслуженно, ничем он обеих своих девушек до самоубийства не доводил, просто тянуло его на депрессивных дур. А Селину? Пара истерик с выбросом эмоций, ее бы научить себя контролировать, а не доводить до новых. Ладно, не суть. Куда бы вы их, и всех прочих, без нашей ловушки дели? Удобно – запереть в клинике, и ждать. Многих мы заранее лишаем возможности кому-либо навредить. Ты, как никто, в курсе статистики. Столько времени на работе проводить! Один друг, и та коллега. Полагаю, это была ее инициатива?

– Полагай, – разрешил я. – А Роберту ты что наговорила?

– Наговорила? – ее тон стал наигранно удивленным. – Похвалила видео со старушкой, оно забавное.

Больная тема Роберта. Осенний ролик с ютуба, на котором подконтрольная Максимовой старушка лупит клюкой его машину, а потом и его самого.

– Ничуть не погрешила против истины, – вместе с дымом из нее вылетел смех. – Софи не откажешь в неординарности. А вот Крис довольно прямолинеен, вы сегодня могли оценить. Он всегда идет до конца, и не стоит вставать у него на пути. Совет сталкивался

с ним в прошлом, как с Германом. Припоминаешь? Разве вам надо, чтобы подобное повторилось?

– Не надо.

– Понимаю, мы вам не нравимся, – усмехнулась эта пронизательная личность, – но Вестник не понравится еще больше. При всех наших талантах, убивать людей щелчком пальцев мы не умеем. Я не совсем точно выразилась... Ей и пальцами щелкать не придется. Допустим, вы нас остановите. – Усмешка стала еще откровеннее. – А ее? Особенно когда она войдет в полную силу. Доля секунды, и гора трупов. Однажды погиб целый город. Выгоднее помочь нам, а не мешать.

– С Вестником мы тоже разберемся, – пообещал я, – без вас.

Переговоры с террористами – плохая идея. От бессмертной компании следует избавиться первым делом, ходячая тьма пока вторична. И поначалу менее опасна, раз они уже пятьдесят штук порешили. Основной проблемой всегда было вычислить ее. Тут мы и сами справимся.

Яника пожала плечами, затушила сигарету о раскрытое меню. Не без усилий встав с дивана, повернулась ко мне.

– Мой возраст для тебя не секрет, и хоть это не то, чем бы стоило хвастаться девушке... – Она изобразила смущенную улыбку, мгновенно ставшую фальшивой. – Я знаю многое, больше любого архива или тех, кто тебя окружает. В том числе о причинах странных сердечных приступов.

Пауза. Ее шаг навстречу, эхо последних слов. Так... Вдох, выдох. Выхваченная на оконном стекле позади Яники точка. Туда и смотреть.

– Наслышана, – ее лицо приблизилось, – о твоей жене. Мутная история.

Окно рывком ушло на задний план, четко вырисовался направленный на меня взгляд. Цепкий и выжидательный. Еще шаг, и ко мне потянулась раскрытая ладонь.

– Думаешь, мы с тобой договоримся? – Я перехватил ее запястье и сжал так, что улыбка с нее слетела мигом. – Не будет этого.

Она хмыкнула и дернулась, во взгляде мелькнул вызов. Глаза у нее были черные, а в них что-то острое, нечеловечески глубокое. Отразить сработало на рефлекс, сердцебиение привычно подскочило. Все остальное случилось иначе. Зудящий звон, ярко-алый росчерк среди померкшего пространства. Монохромная рябь, резко потерянный контакт. Ощутимое напряжение в воздухе, ее довольная ухмылка, обмякшее на диване тело.

Что за...

Пульса у нее не было, чертов звон нарастал. Дошел до какой-то безумной частоты, захлебнулся сам в себе и заглох. Через несколько секунд яркость, цвета и нормальные звуки вернулись. Вроде все, как и прежде. Или нет? Яника ушла из занятого тела по собственной воле, причем ушла совсем. Но зачем понадобилось напоследок устраивать... Что это было вообще? Вывод пока можно сделать один.

Смотреть ей в глаза определенно не стоило.

Глава 15

Я взяла распечатку с рекомендациями. Черeda кивков, дежурные благодарности, и стерильно белый кабинет с яркими лампами остался за спиной. Плотно закрытые жалюзи отрезали от коридора затянувшуюся ночь, цокали каблукa моих сапог. Неуловимо гудело что-то вдалеке, видимо, тот здоровенный аквариум из приемной с единственной плоской рыбой, похожей на пластиковую игрушку. С каждым шагом гул нарастал, прибавлялось звуков. Бубнящие голоса, пиликанье телефона. Чье-то надрывное покашливание, шелест смятой бумаги в ладони. В нос ударил напрочь искусственный, дурманящий запах свежести. Последний поворот. Рыба беззвучно открыла рот и стукнулась в стекло. Не вырвется, глупая, как бы ни старалась... Все бесполезно.

Паша сверлил меня нетерпеливым взглядом с гостевого кресла, сжатый в его руке мобильный мигал новым сообщением. Подошла ближе, рассмотрела. Кира. Что ж, долгое ожидание ему украсили.

– Как ты? – спросил таким тоном, что стало понятно – хочет удостовериться, что я в порядке, прежде чем перестать стесняться в выражениях.

Он выхватил протянутый листок, разровнял и внимательно вчитался. Девuца за стойкой поглядывала в мою сторону с любопытством, охранник у дверей тоже косил глазом. Пусть. Откровенное красное платье меня уже не смущало. Врач на осмотре ограничился деликатным комментарием, что на вечеринках надо быть аккуратнее. С пальцем повезло – «всего лишь» вывих, без осложнений. Вправили, от повязки удалось отвертеться. А вот перелом ребра... Неспроста бок так ныл, и дышать было больно. Чертова лестница! Ладно, потерплю. Врач обещал, что через две-три недели все заживет. Рекомендовал постельный режим и что-то еще. Половину прослушала. Наверняка оно записано на той бумажке, которую сейчас с удручающей дотошностью изучают.

– Погеройствовала, – мрачно подытожил Паша, спрятав листок в карман. – Может, хоть теперь дойдет... Пока голову не оторвали, и есть чем думать!

– Так мне и надо, – облегчила я ему задачу. – Сама виновата. Знала прекрасно, куда иду. Вот и получила. Еще легко отделалась.

Он засветился усталым, непривычно блеклым раздражением. Глянул на развесившую уши девуцу и сквозь зубы скомандовал:

– Идем в машину...

И правда, хватит с меня сегодня клиник.

На подземной парковке тонули в темноте пустые расчерченные ряды. Кроме нас – ни души. В машине было тепло, на заднем сидении валялось смятое одеяло. Я закуталась в него, ожидая, что сейчас заурчит мотор, и поползет мимо серая стена. Увы, она осталась неподвижна, зато Паша повернулся ко мне. По дороге сюда говорить со мной было бесполезно, укачало за первые секунды, практически отключилась. Потом была приемная с аквариумом, врачи, обезболивающее, перехваченные взгляды с невольной вытянутой энергией – от каждого по чуть-чуть. Пришла в себя. Видимо, умирающей и несчастной больше не выгляжу, раз так сердито стучат по рулю и требуют:

– Рассказывай, что случилось.

Рассказывать... Слишком много всего, а показывать... Нет, не буду. Во рту разлилась противная горечь, опять навалилась слабость.

– У меня был тяжелый день, – пробормотала я. – Хочу спать.

– А я не хочу, – язвительно протянул он. – У меня день выдался замечательный: приехать с рассветом из другого города, узнать, что Вестник в наших узких кругах стал известнее гребаной Кисы. Метаться между распахивавшимися веками, изображая удивленного идиота. Выпроваживать нафиг бессмертного любителя сладостей, чтоб его диабет разобрал! Посреди встречи с партнером срываться, чтобы вытаскивать из очевидной западни тебя, гадая, насколько сильно ты успела вляпаться и спалиться перед Советом,

раз из их клиники энергией светишь. Но больше всего мне понравилось здесь пару часов дожидаться, глубокой ночью, в компании тупой рыбы. Давай пожалуйста мне еще! Выкладывай про свое геройство, что за цирк с переодеваниями, о чем теперь знает Совет, и к чему готовиться завтра!

Опалило чужой бессильной яростью, я перевела дыхание и плотнее замоталась в одеяло. Так себе кокон, конечно...

– Новости не смотрела и не слушала, но благодаря нам обошлось малыми жертвами, – произнесла я, чувствуя, что если не возьму слово, услышу продолжение этой пылкой речи. – Владу удалось снять внушение с людей, и фон очистить. Стерильно получилось, как и не было ничего. Ему нелегко пришлось... Он остался там, с Анитой.

– В психиатрической клинике? – уточнил Паша и, дождавшись моего кивка, ехидно добавил: – Давно пора. Позже навестишь. Надеюсь, они ему помогут!

– Я тоже.

– Что? – Его взгляд миг растерял все веселье. – Этот олень себя чем-то выдал?

– Нет, – ответила я честно. – Ничем. Я им сказала.

Он выпустил руль и выдал единственный:

– Зачем?...

– Затем! Владу хуже становится. С каждым днем. Я вижу. Снами-видениями кроет, с ума сводит. Ты знаешь, как тут помочь? Нет? И я не знаю!

– А они, по-твоему, знают?...

– Если не смогут, то никто не сможет, – отрезала я. Все равно ничего не изменишь. – И Владу необходима защита, а ты сам говорил, что в твой центр его забрать нельзя...

– Лейка, – оборвали грубо, – что ему известно о Вестнике?

– Все.

– Отлично! – Воздух прорезали всполохи досады и гнева. – Подарочной лентой-то его перевязать не забыла?

– Он не выдаст Артема, – заявила я убежденно. – Они лучшие друзья. Ради него Влад на эту силу и согласился.

Вместе с откровенной усмешкой мне досталась изрядная порция скепсиса. Пожалуйста! Может думать что угодно, а я во Владе уверена. Кажется, мы высмотрели одновременно – он был уже не в клинике. Судя по стороне, в которой мерцал знакомый огонек, находился в своей квартире. Точнее, в моей. Это как минимум означает, что домой его отпустили.

– Совет ему поможет, – повторила я, потому что уж очень хотелось поверить. – Влад им нужен, чтобы остановить гадов из нижнего Потока.

– Считаешь, они собираются их останавливать? Исчезнут ловушки, зато будет живой Вестник. Сплошные неудобства. Я уж молчу о возможных жертвах среди обычного населения, которые при развязанной войне неизбежны. Но ты права, Влад им пригодится. Для зоопарка любопытный экземпляр.

Я не стала это комментировать. У Паши есть повод злиться, а у меня – не продолжать перепалки. Перебор по ним сегодня!

– Спросила Соню про Тео. Она о его планах остаться была не в курсе. Когда услышала, очень... удивилась.

Если можно так интерпретировать тот нецензурный возглас, с которым она выронила в набранную ванну шампунь. Пены было много, как и ответных вопросов. Конечно, я выражалась витиевато – отец ее ребенка изволит переехать к прочим одаренным и на

ней жениться. От последнего у Сони отвисла челюсть, и я окончательно уверилась – спрашивать согласия невесты у неандертальцев не принято!

– Плохо, – скупно отметил Паша. – По-прежнему неясно, что от него ждать.

Я пожала плечами. Больше с ней ничего обсудить не получилось. Сначала я пыталась прийти в себя и перестать всхлипывать, потом смыть кровь, затем спорила из-за платья, но решила, что лучше уж в нем, чем в нижнем белье. Ошиблась. По-моему, разницы не было бы никакой! А после нам пришлось попрощаться.

– Это ведь не все, – удрученно констатировал Паша. – Договаривай! Боевыми травмами ты где обзавелась?

– С Крисом, – выдавила я, испытывая неистовое желание впитаться в одеяло, – встретились ненадолго.

– Только не говори, что он Совету попался. Чего нам не хватало, так это их частного общения. О чем договорятся, можно не угадать.

– Нет, не попался.

– А что с ним?

Горло сжалось, подкатили слезы. Я глубоко вдохнула, пытаюсь задержать дыхание и унять их. Прикушенная губа, концентрация. Опушенный взгляд, произнесенное на выдохе:

– Ну...

Что сказать дальше – не придумала. Любые слова не хотелось произносить вслух. Даже вспоминать о случившемся не хотелось. Обсуждать тем более.

– Ну?...

– Я не представляла, – голос дрогнул, глазам стало мокро, – что смогу такое.

– Какое?

– Он... – Черт, не то. – Я...

– Не томи, – припечатал Паша несдержанной злостью. – Говори нормально. Или покажи, и не морочь мне голову!

Слезы как рукой сняло.

– Да убила я его, убила! Не совсем его, конечно. Но хоть так!.. Случайно удалось. Считаю, повезло! Под руку кое-что подвернулось. Вся эта кровь... Вот и переоделась. – Я шумно сглотнула и подняла глаза. Он смотрел на меня, не моргая, по салону едким облаком расползлось замешательство. Пожалуйста! Сам хотел знать. – Кстати, что такое «СиЭСАй»?

– Сериал, – ошарашенно отозвался Паша, – о расследованиях.

– А-а-а, – протянула я, избавляясь от одеяла. Жарковато тут. – Тело осталось через дорогу от клиники, в каком-то пустом офисе. Может, уже нашли. Или нет. Место заброшенное.

– Ясно, – кивнул он с таким видом, будто ясно ему было не все. – А что там еще кроме тела осталось?

– Феликс сказал – ничего, что привело бы ко мне...

К разлитому всюду, почти осязаемому недоумению враз примешалась угрюмая озадаченность.

– Думаю, его в тот же офис шум привел. Крису искал. Опоздал...

- Погоди, - Паша потер переносицу. - То есть тебя застучали с трупом, на месте преступления? А в итоге - подарочный пакет по заметанию следов и пошла бы ты на все четыре стороны? С какой радости-то?

- Откуда мне знать, - огрызнулась я. - Что случилось, рассказала! Может, поедем наконец?

Он хмыкнул и завел машину. Я прислонилась к спинке сидения - осторожно, стараясь не потревожить ноющий бок, и уставилась в окно. Серая стена уплыла, впереди отъехали ворота. Плавный подъем, и высокий потолок сменился бездонно черным небом. Занесенные снегом улицы искрились в рассеянном свете фонарей, метель утихала. Прикрыть бы глаза и задремать, да почему-то слегка потряхивало, и вовсе не на резких поворотах. Произошедшее за обклеенной блеклыми объявлениями дверью казалось нереальным, из разряда кошмарных снов, которым положено исчезать с утра и тут же бесследно забываться. Но утро наступит, а ничего не изменится. Был выбор, и я его сделала. Не ожидала, что смогу, но вот - смогла. Пусть жизнь у этого мужчины отняли еще до меня, и ее нельзя было спасти, но... Считала Лессера монстром, а сама чем лучше? Прекрасно понимала, что будет, если в человека ножницы воткнуть! И если б не Феликс... Кстати, действительно, с какой радости он мне помог? Долги давно уплачены, друзья из нас, мягко говоря, не получились. Он же меня вообще больше видеть не хотел. Ясно дал это понять в нашу последнюю встречу, прямым текстом. И ладно. Я не стремилась на глаза попадаться. Оно мне надо?

Снаружи замелькал уже узнаваемый забор нового психологического центра. Выйдя в гараже из машины, я от души хлопнула дверцей. Палец стрельнул болью, невольно зашипела.

- Все-таки решила его доломать? - заботливо осведомился Паша.

Чтобы он и промолчал! Я не ответила, но не из благоразумия. Укачало в поездке неслабо - к горлу подкатывала тошнота, ноги еле держали. Глубокий размеренный вдох, полный и быстрый выдох. Первый, второй, третий... Лифт, подсвеченная круглая кнопка с цифрой «три», удобное Пашино плечо, в которое я уткнулась лбом. Какое-никакое, а равновесие. До этого в обморок не грохнулась, и сейчас не собираюсь! Просто грохнуться - не считается... О-о-ох. Придержали за руку. Сначала цепко, потом - аккуратно, обхватив пальцами чуть выше локтя. Прикосновение обожгло. Я выдохнула и тотчас сбилась со счета, его ладонь легла мне на спину. Невольный отклик, на мгновение открытый энергетический канал. По венам побежала теплота, нороящий уползти мир остановился. Звякнув, разъехались двери лифта. Впереди ярко блестела каждой подвеской хрустальная люстра, витали сладкий яблочный аромат и жгучее нетерпение. Облаченная в махровый халат Кира стояла в холле, нетерпеливо притопывая туфелькой на экстремально высокой шпильке.

- Ура! - с облегчением воскликнула она. - Доехали, не застряли.

Паша отпустил меня и, спрятав руки в карманы, шагнул из лифта. Переданная энергия пульсировала теплыми сгустками, мутить перестало. Я вышла следом, едва успев выдернуть край юбки из сомкнувшихся сзади дверей, и поймала заинтересованный взгляд домоправительницы.

- Оно не мое, - зачем-то сказала я.

- О, - понимающе кивнула Кира, - со мной такое частенько бывало. Едешь вечером по важным и вполне приличным делам, возвращаешься утром в чужом платье...

- Или вообще без него, - язвительно перебил Паша с каким-то явным намеком, - а потом на занятия группы, уверяя, что в пальто тебе сидеть совсем не жарко.

Секунду... Речь о нашей группе и занятиях с Вениамином? Что-то я не припоминаю никакого пальто. Такое было?! Она закатила глаза, и стало ясно - было. Черт, видимо, я тогда купилась!

Кира метнула в господина начальника насмешливый взгляд, но тут же посерьезнела.

- Я навела справки о живых вемах, попавших в ловушку. Список объемный, но

практически все в Москве и области. Отправила нашу ничем не занятую массовку каждого навестить, с гостинцами и ненавязчивой проверкой. Так вот, к одной дамочке попасть не удалось. Ни в какую, будто нет ее. А должна быть в клинике Совета. Выводы напрашиваются сами.

Вот как... Влад вчера засек появление нового гостя из нижнего Потока. Ненадолго, где-то за городом. Это она. Именно «она» – Яника или Иллит, другого не дано. Базиля больше нет, Тео намертво вцепился в Арсения, а Крис несколько часов назад... лишился оболочки. Я невольно поморщилась. Звучит ужасно! Оболочка. До предела нейтрально, словно человека и не было. Удобно, особенно теперь...

– Потрясающе, – угрюмо произнес Паша и добавил пару слов, которые это утверждение опровергали полностью.

– Может, к лучшему? – я пожала плечами. – Ее увезли подальше, где она вряд ли кому-то навредит. Совет проконтролирует, чтобы вела себя смирно. О чем им с ней договариваться? Они нас опасными считают и с радостью бы на улицы не выпускали, что уж о бессмертных версиях говорить.

– Лейка, ради бога, – процедил Паша. – Она обязательно попробует выставить условия, при которых никто не пострадает. Жизни сотен обычных людей против одного жутко проблемного вема! Думаешь, Совету надо ему помогать?...

Хотелось спать, а не думать, а уж тем более спорить. День был тяжелый и очень долгий, пора ему заканчиваться.

– Кстати, – спохватилась Кира и посмотрела на меня, – заказанную еду привезли, разложила в твоём холодильнике.

Я кивнула и пошла по коридору, оставив этих двоих в холле. Пусть хоть заночуют там!

Перед своей дверью я притормозила и развернулась к соседней. Оттуда несло приглушенное пикиканье. Та-а-ак. Артем не спит в такое время, играет во что-то! Совсем от рук отбился, негодник. Впрочем, какой с него спрос? Никто не следит. Пицца на ужин, сомнительные игры вместо уроков, и вот теперь – сбитый режим. Нельзя предоставлять ребенка самому себе. И война с всемогущими бессмертными сущностями тут ни разу не оправдание!

Я приоткрыла дверь и решительно шагнула внутрь. Из-под ног пластиковыми кеглями разлетелись пустые бутылки, от одной отскочила крышка и поскакала по полу. Артем подпрыгнул на кровати и оторвался от планшета, подняв подсвеченное дисплеем лицо с выражением наигранного испуга. Да уж, слон из посудной лавки в гости пожаловал... Он хихикнул, на щеках блеснула россыпь веснушек, измазанные шоколадом губы растянулись улыбке. Теплой и без преувеличения радостной. Будто моего возвращения и дожидался.

– С днем рождения, – выдохнула я.

– О, – засиял он всем спектром восторга. – Ты первая, кто поздравил!

Еще бы, в четыре-то утра...

– Днем отметим, – пообещала я, переступая через бутылки и пробираясь к кровати.

– А я думал сейчас, – заявил несносный ребенок, – раз ты уже нарядилась.

Я чуть не наступила на последнюю встреченную на пути «кеглю». Проклиная чертово платье и собственную усталость, села рядом с ним. В планшете скакал жуткий монстр, вытянув когтистые лапы. Помесь снежного человека с зомби, неразборчиво рычащая. Спотыкалась на ровном месте и падала плашмя. Как я ее понимаю...

– А где подарок? – поинтересовались коварно.

– Его еще нет, – пришлось признаться. И в этом, и в напрочь отказавшей фантазии. – А чего бы ты хотел?

– Что угодно можно просить? – с энтузиазмом отозвался Артем. Я кивнула, смутно предчувствуя подвох. – Круто! Тогда хочу, чтобы ты завтра никуда не уходила. Вишневый пирог, тот салат с шариками и блинчиков. В мир с джунглями сходить, проверить, все ли прибилося. И чтобы ты с нами в подземелья и драконов поиграла!

Докатилась. Ребенок в подарок на день рождения хочет внимания и нормальной еды. Позор мне. Нет, позорище!

– Ну, ладно-ладно, – иначе расценили мое замешательство и разрешили благосклонно: – Разрешаю не играть.

Я фыркнула и потрепала его по волосам. Осторожно, но палец все равно заныл, от объятий нехорошо закружилась голова. В боку кольнуло. Тянущая боль и трудно, просто невозможно вдохнуть. Артем отстранился, посмотрел мне в глаза. Серьезно и пристально. Словно в самую душу.

– Плохо, когда обещают и не выполняют, – сказал он ровным голосом, в котором не было ни оттенков, ни интонаций.

– Что?... – прошептала я пересохшими губами.

– Я обещал, – маленькая ладонь медленно сползла с моего плеча, сжалась в кулак, – что никому не позволю тебя обидеть. Это они, я знаю.

Совсем не детский взгляд пронзил меня насквозь – темный, злой, очень. Припечатал к покрывалу, лишая воздуха и возможности думать. Любые мысли вязли, застывали, растворяясь без следа.

– Я их убью, – прозвучало тихо.

Не обещанием. Фактом. Пока что не свершившимся.

– Артем... – выдавила я.

– Да знаю я, знаю, спать пора, – пробормотал он как ни в чем не бывало. Неохотно отложил планшет на тумбочку и с прилежным видом забрался под одеяло. – Уже ложусь, видишь?

Я поднялась с кровати, переступила через бутылки и плещущийся в горле страх. Шаг, поворот ручки, пожелания спокойной ночи. Скрип двери, пустота коридора, долгожданный глубокий вдох. Мне показалось. Наверняка показалось. Померещилось, сама себя накрутила. Немудрено, в моем-то состоянии. После пережитого и убойной дозы лекарств. Да... Пора спать.

Наконец-то долгожданное одиночество. Тишина тесного пространства, мои стены, хоть и временно. Это было истинным наслаждением – стянуть ненавистное платье. Позволить себе расслабиться, забыться. И упасть на кровать. Мягкая перина, предусмотрительно взбитая с утра подушка. Я тонула в ней, ворочаясь и задыхаясь. Преследовала странная духота, душила. Сквозь зыбкий сон прилетали обрывки чьих-то фраз, кажется, услышанных вечером. Или нет. Они распапались на слова, отдельные беспомощные буквы, невнятные звуки. Ничего не было слышно. Лишь бульканье лупоглазой рыбы в мутном аквариуме и такой же булькающий, надрывный смех. Пахло то кровью, то едким дымом сигарет, боль не засыпала. Ее будили неосторожные движения и даже вдохи. Выныривая из сонного бреда, я распахивала невидящие глаза, чтобы тут же вновь провалиться в темноту. Там что-то жадно хлюпало, хватало меня за ноги липкими масляными щупальцами. А потом марево кошмара рассеялось и стало светло.

За окном искрился снег, белый потолок рассекала длинная густая тень. На покрытой бабушкиной салфеткой тумбочке лежал знакомый, старательно расправленный лист бумаги с рекомендациями от врача. А еще нацарапанная Пашиным почерком записка с настоятельной просьбой лишний раз не вставать и внушительная гора разнокалиберных таблеток. Хватило бы на целый салат. Секунду... Точно, салат! С творожными шариками. Артем хотел его на день рождения, а подходящие продукты в холодильнике должны быть. Я заказывала.

Уже умываясь и принимая душ, прокляла все на свете. Бок ныл сильнее, палец опух и

отказывался шевелиться, зато на любое прикосновение реагировал вспышкой боли. Если дуть – становилось только хуже! Богатый ассортимент обезболивающего пришелся кстати. Молясь, чтобы оно побыстрее подействовало, я обессиленно растянулась на кровати с мобильным, который, к счастью, кто-то додумался поставить за меня на зарядку. Пропущенных вызовов или сообщений от Влада не было. А время обеденное...

– Все в норме, – ответил он почти сразу на мой звонок, – паранормальных злыдней в городе нет.

– Как ты?...

– Тоже нормально. А ты как?

Голос сухой, как бухгалтерский отчет. Ни разу за ним подобного не замечала. Что-то случилось в клинике после моего отъезда?!

– Жива. Влад...

– Не надо было, – оборвал он на полуслове, – говорить им.

– Они тебе не помогли? – внутри что-то умерло. Призрак надежды, не иначе. – Но Анита давно рассказывала, что...

– Помогли.

В трубке безо всякой энергии чувствовалась напряженность. Из-за вчерашнего, это ясно. Пришли вдвоем, атаку внушения предотвратили сообщая, а затем оставила его, еще и так. Практически сбежала.

– Следовало просто сказать мне, что они могут помочь. Что у Совета есть информация о моей ситуации. Я бы сам решил, когда к ним обращаться и делать ли это вообще.

– Извини. – Я отсчитала бесконечно долгих три секунды повисшей паузы и добавила: – Не хотела решать за тебя. Беспокоилась...

– Не нужно меня опекать. Знаешь, я все-таки не Артем!

Не Артем, верно. Шарахнуть тьмой не может, стерег любых обидчиков в порошок. Но Влад прав – вместе, значит, вместе. И решения общие.

– У него день рождения, – произнесла я, подавив навязчивое желание еще пару раз извиниться.

– Помню, уже поздравил, – голос в трубке смягчился. – Хотел приехать, вот только после вчерашнего гашения Анитой какой-то там энергии как бы дара меня до сих пор мутит. Сказала, что откат силы на месяц или два. Наверное, сработало: пока никаких глюков. Все равно жутко противная... хм, процедура.

– О, поверь, я в курсе. Отдыхай.

– И ты, – сказал он уж очень заботливым тоном. – Не ездни куда хотя бы пару дней, поспи побольше.

Закралось подозрение: дорогой именинник бессовестно меня сдал. Я в спешке попрощалась, пока мне еще что-нибудь не подсказали. Например, слушаться врача и соблюдать постельный режим. Советы благоразумия от Влада – это выше моих сил!

По коридору пронесся топот, долетели брызги бьющей ключом энергии с отголосками эйфории. Нетерпеливый стук, и незапертая дверь феерично распахнулась, чудом не шибанув об стену. Через порог перепрыгнул Артем и обличительно ткнул в меня пальцем.

– Ага! Проснулась!

– Проснулась, – покаялась я, натягивая одеяло под подбородок. Точно, за мной же долги по подаркам. Целый список. – Что у нас первым пунктом? Поток и сгинувшие джунгли?

- Нет-нет... - его желудок громко заурчал, - сначала еда.

Отлично. Не существует лучше способа привести мысли в порядок, чем сосредоточиться на готовке. Особенно если делать это не на общей кухне, где под ногами путаются всякие любители кофе. У нас вечеринка на двоих! Я прикинула, чего не хватает в апартаментах, и пока Артем бегал на кухню добывать недостающее, доковыляла до шкафа и натянула платье – приличное, для разнообразия. Полоснуло резкой болью в груди, голова закружилась. Пришлось вернуться в постель и сесть смирно. Кажется, одно желание именинника уже исполнилось. Никуда я отсюда не денусь!

Вскоре в апартаментах появилась стопка салатниц жизнерадостных цветов, нераспакованная затейливая пластиковая терка с кучей насадок, обещающая оставить пальцы в целости и сохранности, и три сковороды на выбор. Пока я силилась подняться с кровати, Артем нырнул в холодильник и бодро отчитался, что же все-таки у нас есть из еды. Страшно воодушевился на перечислении видов сыра. Надо признать, закупалась Кира не особо по списку! Тяготела к продуктам с низкой жирностью, путала подсолнечное масло с оливковым и зачем-то сложила специи в холодильник. В основном это были непонятные арабские смеси, причем в промышленных масштабах – хватило бы на весь ближний Восток. Вместо батона она осчастливила меня хлебом для сэндвичей с длинным сроком годности, по виду напоминающим мою любимую губку для уборки. Апофеозом стали колбаски – острые и копченые, к пиву.

- Класс, - оценил Артем наши запасы. - Из этого получится то, что я хочу?

- При определенных стараниях, - подтвердила я, оставив попытки подняться и обессиленно откидываясь на подушку.

Впервые за долгое время сделала безболезненный вдох и поняла, что не встану. Ни за что. По крайней мере, так, чтобы не упасть. Замерший у раскрытого холодильника именинник обернулся, с сыром в руке и сосредоточенной гримасой. Окинул меня догадливым взглядом и вздохнул.

- Может, пиццу и в Поток? - предложила я с надеждой.

- Пф-ф-ф, сам приготовлю, - огорошил он, - а ты расскажешь как. Будет весело!

Я поперхнулась, дурацкая терка вмиг показалась острозаточенной гильотиной, куда ребенок собирался сунуть голову.

- Я справлюсь! - Он приосанился и важно напомнил: - Я взрослый, мне уже десять.

Спорить я была не в состоянии, да и мелькнула мысль – ему с бессмертными гадами сражаться, а тут какая-то терка... И нож. И миксер. И раскаленная сковорода. Подумаешь! То ли в кои-то веки поверилось в лучшее, то ли к обезболивающему прилагалось отупляющее. Я расслабленно укрылась одеялом и принялась командовать. Холодильник хлопнул раз сто, все тарелки и поверхности заняли разложенные продукты. Артем задумчиво выслушал ценные указания, взъерошил рыжие вихры на затылке и заявил, что пирог ему не очень-то хочется. Еще бы, это тебе не по списку всякое покромсать! Хотя насчет «кромсать» я погорячилась. Зелень, огурцы и помидоры были варварски зарублены, оливки отмечены как «фу, гадость». Яйца пошли частично со скорлупой – кальций не лишний, а вот сыр голодный ребенок натирал осторожно, усердно и подозрительно долго. Когда я опомнилась и потребовала предъявить миску, оказалось – она с горкой. И это при том, что он в процессе половину слопал. Часть сыра скатали в шарики, остальное решили припасти для блинчиков. Главное, что обошлись без травм. Заправку для салата я соорудила прямо на кровати, потом с ужасом наблюдала, как Артем радостно доедает выжатый лимон. Даже не покривился! Это сила Вестников, не иначе.

С блинчиками было сложнее. Пустить на тесто обезжиренный кефир само провидение велело, пить такое невозможно. Миксером юный кулинар жужжал увлеченно, хихикая и творчески имитируя звук бензопилы. Конечно, несмотря на мои громкие предостережения, врубил самую высокую скорость – «так же быстрее будет». Не менее творчески забрызгал кухонный уголок, себя и все вокруг. Глядя в его удивленные глаза и ползущее со лба на нос тесто, я выяснила, что смеяться мне категорически нельзя. Больно... Наспех подтерев место катастрофы и избавившись от второй бутылки кефира,

ему удалось со второй попытки скулинарить нечто, похожее на будущие блинчики.

– Температуру убавь, масла долей, – руководила я, утешая себя тем, что вряд ли у него получится хуже, чем у Влада. – Еще убавь. Не то будет как в тот раз у меня дома...

– А, я помню. – Артем мечтательно зажмурился. – Тоже весело было!

– Угу. Дым, огонь до потолка и прочие спецэффекты.

Он приснул, но послушался. Первые блины традиционно были признаны «комочками», вторые бережно уложены на тарелку со словами «я люблю поджаристые». Дальше пошло лучше.

Ели мы прямо на кровати, заворачивая сыр в толстые румяные блинчики и закусывая салатом. Как сказал Артем – пикник на покрывале, зимой такое в порядке вещей. Я позволила, малость поворчав, чтобы совсем не разбаловался. Встать по-прежнему не хотелось, да и большой бардак в апартаментах развести трудно... Тарелки пустели, было тепло и до неприличия вкусно. Хорошо, насколько возможно. Рыжая голова рядом на подушке, непринужденная болтовня обо всем на свете. Он – ребенок, совершенно обычный ребенок. Отсвечивает первозданной искренностью, улыбается так по-детски. Пересказывает сюжеты комиксов, шутит о каких-то супергероях, запускает с планшета ролики, объясняя непросвещенной мне, кто есть кто. Ну а дар... Всем известно, что не подарок.

После праздничного обеда было решено перебраться к Артему, подальше от места кулинарной катастрофы. Живописная картина: взрыв теста, гора грязной посуды, всюду пятна жира, несколько уроненных на пол в процессе переворачивания блинов и ошметки не попавших в салат помидоров. Я набрала Киру. Пусть вызывает свой хваленый клининг, все равно мне тут прибираться запретили. Кроме того, я болею и вообще в гостях!

Артем дотащил нагретую подушку, а я себя. Мы удобно устроились на его кровати – копии моей, только без крошек и вьевавшихся в покрывало стратегических запасов тертого сыра. Пока дыхание выравнивалось, я прочесала цепким взглядом комнату, отмечая все-все-все. Спутанные наушники в вазе, большой прозрачный пакет, набитый сплюснутыми пластиковыми бутылками, диски с играми, разрисованный на манер карты лист бумаги, россыпь игровых кубиков с безумным количеством граней. Обстановка важна всегда, а сейчас она важна как никогда. В ловушку нам категорически нельзя. Надо рассмотреть каждую мелочь, выучить наизусть. Черт, зачем ему так много игр со сложными иностранными названиями?... И кубиков этих!

– Ой, давай я их просто выкину! – Артем нетерпеливо топнул, сгреб пакет с бутылками и выставил за дверь. О да, конечно, стало куда легче. Впрочем, в моей комнате пришлось бы больше запоминать. Например, где какое пятно... – Пошли уже, ну?...

– Ты ведь понимаешь, что идти как бы и некуда? – уточнила я, прекрасно помня, что видела в прошлый раз напоследок. Вспышку энергии безумной мощности, поглотившую мир и всех, кто там находился. – Джунгли из Потока пропали, в них не погуляешь.

– Мне интересно, что на том месте осталось. Вот очень-очень.

Мне интересно не было, ни капли. Но желание именинника закон, и надо признать – неплохо бы убедиться, что Базиль действительно не вернется. А еще... По какой бы причине Артем до сих пор не сунулся туда один – из страха или осторожности, очень хорошо, что дождался меня. Лучше вдвоем. Надежнее.

Концентрация, одновременно нащупанная граница миров. Стекшая цветастой лужицей полка со всем содержимым, паутина трещин на стене. Сквозь них хлынула энергия – чистая, искрящаяся. Так привычно, податливо. Бешеный водоворот, утонувшая в сиянии комната. Вперед, вглубь! Он мерцал издалека – пульсирующий мрак, кусочек бездны, зияющий прорыв, прямо там, где раньше находился мир с джунглями. Страшно смотреть. Артем держался рядом, не отставая и не торопясь. Но боялись мы зря. Стало ясно, едва приблизились. Глупо бояться пустоты, а это была именно она. Абсолютное ничего, окутанное остатками утихающего эха. Поток затягивал темную дыру, сращивал рваные края, собираясь превратить не более чем белеющий шрам. Потом исчезнет и он.

Отныне сомнений не оставалось – нет тут никого. Ни Базиля, ни той девочки Вестника. Только мы с Артемом, замершие перед звенящей чернотой. Недоступной, будто отрезанной от струящихся всюду волн энергии. Ни подойти, ни подступиться. Да и зачем? Что бы ни случилось, все закончилось.

– Ей теперь не обязательно быть здесь, – сказал он и взглянул на сгусток мрака странно. – Освободилась.

– Как это?...

– Смогла отправиться, куда захочет.

Если верить, что каждый мир – это душа бесконечно переживающего момент собственной смерти Вестника, который не выполнил свое предназначение, то получается, путь к освобождению лежит через... выполнение. Хотя бы отчасти.

– А он? – тихо спросила я.

– И он, – кивнул Артем.

Крошечная бездна колыхнулась, повеяло холодом. Смертельным, пусть и умирали всего лишь чьи-то на время ожившие воспоминания. Жуткое ощущение... Я не выдержала и отвернулась, меня потянули прочь. Настойчиво. Не в мир с кроликами, как подумалось сначала, а гораздо выше, в реальность. Еще при рывке на поверхность почувствовала дикую, нечеловеческую усталость. Стоило вынырнуть из Потока, соткавшиеся из волн света стены ослепили, льдинками посыпались кубики с цифрами на прозрачных гранях. Следом вылупилась полка и задребезжала, словно собиралась напасть. И завалить чертовыми дисками! Лучше бы он их вышвырнул... Мотнув головой, я протерла глаза и осмотрела каждый сантиметр комнаты. Проверила все вещи и их места, выслушав уверения Артема, что «диски стопудово те же самые», и с облегчением откинулась на подушку. Веки вмиг стали тяжелее некуда, комнату погрузило в приятную темноту.

Когда я открыла глаза, темнота перекечевала за окно. Ох. Уснула!.. Прямо на вечеринке по случаю дня рождения. Стараясь не делать лишних движений, я на ощупь добралась до своей ванной, побрызгала в лицо холодной водой. Энергия Артема отсвечивала с нашего этажа, кажется, в районе гостиной. Вместе с Костиной и Олиной. Вспышки безобидного азарта и неумная радость. Ясно, играют в подземельях со своими драконами. Мне, помнится, разрешили не присоединяться. Грех не воспользоваться разрешением!

Я нащупала выключатель, зажгла свет. Комната поразила практически больничной стерильностью, на полу не было ни пятнышка. В кухонном уголке – чистая посуда. На стуле – стопка идеально ровно сложенных полотенец, на застеленной с иголки кровати красовалось новое покрывало. Я присела с краю, окончательно почувствовав дух гостиницы. Впрочем... какая разница? Главное, что Артему тут нравится. По крайней мере, тому Артему, которому десять лет, и который любит игры, комиксы, зубастых кроликов и немножко поведничать.

На самом деле это не так уж легко – отрицать очевидное. Можно отмахнуться от любых фактов, запретить себе вспоминать, даже думать. В итоге почти веришь. Почти. Хоть у Криса и поехала крыша на почве Вестников, доля истины в его словах была. Станные взгляды, чересчур взрослые речи, стремление устранить неправильное – замечала, и не раз. Оно есть. Что-то древнее, вечное, не отсюда. Оно меня пугает. Но разве тьме обязательно поглощать Вестника, и тем более оставаться? Исполнит предназначение, станет не нужна. Я все сделаю, чтобы его спасти. А Крис сделал? Вряд ли! Вестник не способен причинить вред тому, кого любит. Верно, Нири его и не убила. Я гадала, каким образом шестеро измотанных одаренных одолели ее – такую сильную, в совершенстве умеющую управлять даром. Выпущенная жизненная энергия помогла, но это – не главное оружие. Крис сумел подобраться к ней близко и... Что между ними случилось вообще?

В ушах зашумело, комната поплыла. Отпечатком звезд на чужом небе, маревом костров, силуэтами людей. Нет, только не снова! Черт, и зачем я спросила?...

...полыхает жаром, стоять на площади невыносимо. Не костры виноваты – толпа. То ли дело у воды. И тише, и прохладнее. Кама подбирает с берега камушек, бросает в реку. Всплеск, с ним одновременно оклик:

– Девы! Там... такое!

Ашес, настигла все-таки. Больше нас троих, вместе взятых, и вишь, и по настойчивости. Иллит кривится, неприметно для постороннего глаза. Умело пряча недовольство, отворачивается к воде. Будто нет ее.

– Какое? – спрашивает Кама.

Знает, иначе от сплетницы не отвязаться. Выслушать и отпустить – единственное безболезненное.

– Крис в город девицу привез, – бормочет возбужденно и кивает в темноту, – точнее, давно не девицу. Вон, площадь ей показывает.

– И? – удивляюсь тому, что это новость. Сколько было-то тех не девиц. – Что с того?

– Она из наших. С деревни далекой глухой, луп-луп на все такая.

– Из наших? – Кама сразу оживает. – Сильная?

– Не особо, не особо. Средненько.

– Ну, пусть, – мгновенно теряет она интерес.

Ашес делает вид, что рассматривает реку, мнет пухлыми пальцами край юбки. Любопытство в ней бурлит неистовее любых волн.

– Странно оно, – делится упрямо. – Худющая девица-то, полудохлая. Было б зачем из дали такой тащить. Прошлые его покрасивше...

– А эта не его, – подает голос Иллит, не оборачиваясь. – Подруга с родной деревни. Росли рядом, он туда ездил, даже когда родственников не осталось, ее навещать. Деда теперь нет, делать ей одной нечего. Забрал сюда.

Всегда так. Молчит-молчит, хотя знает чуть ли не обо всех на свете. Потом как скажет.

Кама неприкрыто зевает. Ашес хлопает глазами, роняет удивленно:

– И охота ж ему!

Иллит усмехается...

Из-за черного неба выплыли очертания навесного потолка, шум в ушах стал аномально громким. Не разобрать то ли плеск, то ли шорох. Незажженная люстра кружилась, растворяясь в мутной мгле. Накатывало с новой силой – видение, и еще что-то, неотвратимое и тревожно-тягучее. Хватит, не хочу! Я шевельнула онемевшей рукой, кое-как подтянулась к краю и сползла с кровати. Пол, чтоб его... Боль ни черта не отрезвила. Муть обступала, жадно впиваясь в сознание, мысли вязли вместе с попытками вспомнить что-либо свое. Было душно, до одури. Воздух словно выкачали! На помощь, нужно звать на помощь... Телефон лежал в полуметре, на тумбочке. А толку?... Ни звука издать не выходило, даже жалкого хрипа. Я изо всех сил сосредоточилась. Нашла! Вот он, этажом выше. Знакомый яркий отпечаток, не такое уж далекое полыхание энергии. Концентрация, прицельно посланный импульс. Долетит? Запас дыхания кончился, рябь и шорох поглотили все.

...туман густой, за окнами – ничего кроме него. Клубится, обманчиво тая, но лишь разрастаясь. Вновь, и вновь. Как ложь, сказанная однажды.

- Скучно, - вздыхает Кама и вертит в руках кубок. Пятый по счету, откуда же было скуке взяться. Ее браслеты спадают до локтя, звенят. - Илит повезло, спела и свободна...

- Терпи, - говорю, улыбаясь кому-то среди гостей, чье имя в голове не отложилось даже. - Сделалась новой жрицей, изволь присутствовать до конца.

Барабаны со сцены бьют громче, ритмичнее, она оборачивается. Тихонько толкает меня, вмиг веселея.

- Станцуй, а?

- Не положено, - напоминаю то, что ей и так известно прекрасно.

- Могла бы за кого попроще замуж выйти. - Кама морщит нос. - О, это та самая?

Смотрю туда, куда указывает ее длинный ноготь. В угол, за вазу с фруктами и статую прежней жрицы. В ее тени стояла девушка, не настолько полудохлая, как передавала Ашес. Худая - да, и бледная чрезмерно. Вдобавок темные волосы, острые черты. Но сияние красивое, интересные переливы. На нас она смотрит пристально, настороженно. Изучающе.

- Крис привел, - предполагаю.

Ибо больше некому, а так просто сюда не впустят.

- Что же он ее оставил? - Кама жестом подзывает ее к нам. Безрезультатно, та недвижима. Сама точно статуя. - Милая, не бойся!

Девушка вздрагивает, пятится. Шаг за шагом, прочь, к арке. Исчезает за ней. Напоследок ловлю колючий взгляд и еще многое. Интерес с отпечатком гнетущих мыслей. Горсть сомнений, лихорадочное непонимание. Страх, безотчетный. И другое, очень злое, на грани исступленной ненависти, неясно на что обращенное.

- Не нравимся мы ей, - единственный вывод.

- Вижу, - отмахивается Кама, касаясь губами кубка. - Переживем...

Окутало теплом, удалось вдохнуть. Слишком глубоко и резко, невольно взвыла. Головокружение, щемящая боль. Туман рассеялся, ощущения вернулись - полностью, собственные, мои. Из тумана выплыла родная реальность: вылизанная комната, горящий свет, Пашины ладони на моих плечах. И сам близко, совсем рядом. Долетело, услышал... Пришел. Мир недружелюбно крутанулся, я зажмурилась. Так уж повелось - хорошего понемножку! Он осторожно обнял, приподняв над полом. Кровать легонько спружинила, за спиной оказалась подушка.

- Тебя не было, - подтвердил Паша на ухо худшие опасения, - только что не было, и опять исчезаешь.

Нет уж, никакого опять!.. Он тут, это важно, это поможет. Влитая им накануне энергия пульсировала во мне, согревая и придавая сил. Знаю, что делать. Смогу! Я уткнулась ему в грудь, сделала еще вдох и собралась с мыслями. Сумела уцепиться за обрывки воспоминаний, первые попавшиеся.

...распахнутая занавеска, цветы на подоконнике. Фиалки, герань, трогательно маленькие розочки. Царапучие, больше трогать не буду, ни за что. Бабушка склоняется над горшками с пластиковой бутылкой, вода льется из горлышка рывками, но аккуратно, по чуть-чуть. Она всегда поливает их так. Бережно, с любовью, и нежности столько, что кажется - протяни руку и почувствуешь. Я не сдерживаюсь. Протягиваю, касаюсь чего-то теплого в воздухе, ласкового, не воображаемого...

...стекло холодное, почти ледяное. Налипшие снежинки, вереница морозных узоров. Если долго и внимательно изучать – непременно увидишь укрывшиеся от первого взгляда линии, извилистые переплетения. На новых пластиковых окнах такого не бывает. Не буду их ставить, сколько бы ни нахваливали. И ремонт в ее квартире делать не буду. Останется как есть, вне времени, вечным и неизменным. Любимым. Отнимаю от окна онемевшие пальцы, задевая на подоконнике вазу. Упущенное мгновение, звон. Десятки хрустальных осколков на полу...

...я виновато улыбаюсь, официантка как ни в чем не бывало сметает на совок останки несчастного бокала. На счастье, будем считать, да? Роза обнимает старшего сына, ловлю всплески ее гордости и сожаления. Он – глава новой фармацевтической компании, и переезжает в Норвегию. Поднимаю новый бокал. На соседний столик ни взгляда больше, нечего рассматривать. Пусть сидит спокойно. С женой, детьми, кем-то еще. Смеются, отмечают. Неважно что. Я его не знала никогда, и не узнала бы, если бы не энергия. Почти моя, родственная. Мама на вопросы о нем не отвечала, значит, и не надо. Делаю глоток со всеми вместе, опускаю глаза в тарелку. Там пусто...

Во рту разлилась горечь, будто я снова того терпкого вина отпила, сознание прояснилось. Лежать, уткнувшись носом в Пашину плечо, было не мягко, но очень удобно. Размеренное дыхание, его пальцы в моих волосах. Так легче. Все легче, особенно бороться с той, чьим именем меня постоянно норовят назвать. Перебирать яркие картинки в памяти, мысленно идти к себе, нащупывая точку баланса. Энергия вокруг дрожала, сгущалась, напоминая какой-то кисель. Уши знакомо заложило, дохнуло пылью и сыростью. Тем, чего в комнате никак быть не могло. Черт!.. Надрывно булькнуло, мир уплыл.

...протираю ладонью каменную плиту. Пыли с облако, а надписи не разобрать. Стерлась, и язык тот утерян. Десять сотен лет – шутка ли. Но слова лишние. Все сказали взмывшие под свод волны, да покалывание на кончиках пальцев. Остатки былой силы – это они, едва ощутимые уже.

– Негусто, – вывожу я, выдерживая обращенный на меня взгляд. Дивная у Криса способность смотреть свысока, будучи ниже всех. – Но она оттуда. Чувствуешь? По легенде...

– Наизусть легенду знаю, – перебивает он устало. Немудрено, тяжело было тащить ко мне переданный трофей от самого моря. – Провал ваша затея. Далековато тот город. Пока доберешься... если доберешься.

И славно, пыл Камы это охладит.

– Там опасно? – интересуюсь, чтобы наверняка.

– Путь опасный. Пустыню лучше не пересекать. Земли перед ней тоже.

Киваю. Есть немного вещей, в которых его стоит слушать. Это одна из немногих.

– Веришь в проклятия? – спрашивает вдруг Крис.

– Их не бывает, – отвечаю убежденно. Станный вопрос, и тон странно взволнованный. – А что, есть повод поверить?

Он пожимает плечами. В воздухе – дрожь. Надо понимать, повод все же есть. Жду.

– С Нири происходит... что-то, – слышу наконец. – Как приехала, с каждым днем за нее тревожнее. Не похожа на себя, порой совсем. Говорит, здесь неправильно все.

– Нири? – с трудом припоминаю. – Это твоя...

– Она сама своя, – поясняет Крис, будто это важно. – Ты ведь видела ее? Скажи, замечала... Тень?...

- От статуи – да, – улыбаюсь, как учили в подобных случаях. – Так бывает. Считаешь, что делаешь кого-то счастливее. А оно наоборот. Ей неуютно тут. Нири не жила в городах, верно? Или привыкнет, или уедет.

- Она меня избегает, – упрямо повторяет он, – словно боится. Она никогда не была такой.

- Сколько вы были порознь? – вздыхаю я. О том, что Яники рядом нет. Та сказала бы складнее. – Когда в последний раз общались близко? Редкие визиты не в счет. Люди меняются. Брось, то она же, просто другая. Я видела ее, все в порядке с ней.

Крис на меня не смотрит больше и не говорит ничего. Тревога его медленно, но неуверенно тает. Кивнув напоследок, он уходит не прощаясь. Проклятие, скажет тоже...

Потемнело, неведомый толчок скинул куда-то вниз. Холодная пропасть раскрыла объятия, на выходе ослепило. Светом люстры, сиянием практически родной энергии. Снова та же комната, до безумия яркая. На глаза наворачивались слезы, в висках стучало пронзительно. Паша накрыл мою руку обеими ладонями, и открытый между нами канал стал не каналом вовсе – тоннелем. Иди и бери, ни помех, ни преград. Только бы хватило сил воспользоваться...

- Сопровитляйся, – услышала настойчивый голос сквозь нарастающий в ушах звон. – Получалось же!

- Пытаюсь, – выдавила я, но собственных слов не услышала.

Накатила чужая, воистину безграничная тоска, обещающая новое видение или что похуже. Нет, Эсте, довольно... Сеанс окончен! Я сжала его пальцы, потянулась к обещающей поддержке энергии, перебирая в памяти все яркое и теплое. Ухватила за самое раннее, чистое. Мое.

...огрызки цветных мелков на асфальте, грани клеточек с циферками внутри. Машка заканчивает выводить последнюю и зовет по очереди прыгать, говорит, я рядом неправильно начертила и скачу. Лошади скачут, а я танцую! Отвечаю: это сцена, а вон зрители, подумаешь, криво вышли. Вырасту, буду выступать по-настоящему. Машка спрашивает где, вот глупая. В Большом театре. Я его видела, и даже была. Два раза с бабушкой, один с мамой. Представления детские, зато балерины большие и как с картинок красивые. К одной я подошла в конце, с цветами, сказала, что тоже так хочу, а она ответила, что если очень стараться, то получится. Конечно, я буду стараться, очень-очень, и однажды...

...солнечный луч на полу, щебет птиц за распахнутым из-за жары окном. Вдох, шаг к станку, поворот. В зеркале блики. Выгнуть спину, идти вдоль. Еще поворот, теперь на кончиках пальцев. Медленный взлет ноги, прыжок. Нет, никуда не годится. А на улице тепло, и до школьных занятий всего две недели осталось. В студии кроме меня никого, ключи выпросила специально. Иду к окну, закрываю с хлопком. Солнце исчезает, прячась за задернутой занавеской. Возвращаюсь к зеркалу. Так, еще раз...

...ляющаяся музыка, растущее предвкушение внутри. Туфли прочь. Теперь не держит ничего. Взмах юбкой, вновь пойманный ритм. Он нарастает, захватывает целиком, все меркнет – тревоги, сомнения, мир. Есть только мы двое: я и музыка, остальное лишнее. Вот оно, волшебство! Следом тишина, неприятно резкая. Обидно. Выдыхаю, оборачиваюсь. У стены – Феликс. Чего вернулся-то?... Краснею, кажется. Смушение дурацкое, деваться некуда. Явно давно наблюдающий взгляд, усмешка эта. Откровенная чрезмерно...

...судорожный вдох, бешеный стук сердца. Бесконечно долгий поцелуй, до боли на губах. Успокоить меня хотели, ага! Холод обжигает, самообладания ни капли. Оно было вообще? Жар ладоней по спине, тление щекожных искр на коже. Странно – не чувствовать отклик, не ловить отражения эмоций. Все мое. Накал растет, желание

одно, единственное. На грани жажды – утолить, взять, получить...

...салют в небе, громкий, разноцветный. Со двора особняка видно прекрасно. Грохот долетает еще прекраснее. Смотрю сквозь окно своей комнаты, и ничуть не жалею, что он меня разбудил. Не помню, что за праздник, но красиво...

Отпустило рывком. Звон утих, словно и не было его. Ни духоты, ни затягивающей пропасти, ни чужого далекого прошлого. Необыкновенно тихая комната, чуть сбившееся подо мной покрывало, взгляд Пашин напротив. Напряженный. Всполохи недоверия, перерастающие в ядреное замешательство. Ну да... Канал, открытый. Общая энергия, полностью дружелюбный барьер. Значит, видел. То же самое, что и я... Ох...

Внутри похолодело, любые видения вылетели вон вместе с воспоминаниями и даже мыслями. Ужасно, просто нестерпимо захотелось куда-нибудь провалиться. Сквозь землю, например. Да, туда было бы идеально... Паша отвернулся, аккуратно разомкнул мои пальцы, освободив свою ладонь. Поднялся с кровати, снова посмотрел на меня – задумчиво и очень внимательно.

– Ее присутствия не ощущаю, – обронил предельно серьезным тоном, будто прямиком с совещания, – перехватывать контроль больше не должна.

Лучше бы гадость какую сказал, ехидную с перебором... Но нет. Вышел за дверь молча. Оставил после себя горящую на пределе яркости люстру и невидимую грозовую тучу. Весьма противоречивую: не угадаешь, то ли молнией долбанет, то ли ледяной водой окатит. Рассеивалась она медленно.

Наплевав на боль и постельным режим, я встала. Нарезала пару бестолковых кругов по комнате, чувствуя необъяснимую злость. И она нарастала, кровью пульсировала в висках. Нет, ну надо же!.. Он, между прочим, все эти годы в одиночестве не страдал. Жениться на модели собирался, по банкетам с ней ходил. Фотографий на отдельный каталог хватит, до сих пор весь поисковик забит! И ничего, нормально. Имел право, свободен же был. А я, что ли, не была? Мы тогда уже четыре года как расстались, сколько бы Паша меня невестой кому попало ни представлял. О примирении речи не шло. Да что он может мне сказать вообще?!

Я опустилась на кровать. Так ведь и не сказал ничего...

Бок предательски ныл, злость спадала, как откатившая от берега волна. На смену ей приходило паническое непонимание. Какого черта это воспоминание вылезло? Вот с чего?... Хорошо, хоть не в деталях. Да уж! Что я раньше знала о слове «неловко»... И ладно. Объясняться не буду. Если на то пошло, у нас с Пашей и сейчас в отношениях сплошная неясность. Что он сказал тем утром? Закончим со всем этим, там и обсудим, что дальше. Отлично! Война с бессмертными гадами в разгаре, и неизвестно, чем кончится. Обсуждение еще нескоро состоится. Нечего заранее голову забивать.

Я закинула в рот горсть таблеток, в том числе успокоительных, и улеглась. Кажется, не подействовали. Ни через обещанные в инструкции пять минут, ни через десять. Было тревожно, сердце отбивало барабанную дробь. И предчувствие отвратительное. Одна радость – они редко сбываются...

Глава 16

В пустой переговорной комнате вторую минуту было тихо, из монитора во всю стену беззвучно отщелкивал колпачком ручки Райнер. Рядом вертелся в кресле Кейн, в обнимку с круглым аквариумом. Рыбка шустро жалась к стенкам, привыкшая. Погладив ее сквозь стекло пальцем, он остановился и торжественно объявил в объектив камеры:

– Ну, в общем, по текущим делам вот так.

– Негусто, – подытожил я.

Ничего плохого в этом не было. Как минимум нет поводов срываться куда-либо.

– А у тебя чего? – поинтересовался Райнер с неприсущим ему любопытством.

– Есть чем заняться.

– Выглядишь так, будто овертаймом накрыло, – заботливо прокомментировал Кейн. – Эдак раза два.

До офиса добрался лишь к обеду, ночь была насыщенной: потоковая суицидница, вызов медиков, последующие проводочки с документами и час сна. Тот зрительный контакт с Яникой пока ничем не аукнулся. Но что за фокус она выкинула, и какие могут быть последствия – непонятно.

– Давайте про Натана Берга, – велел я.

Оба вяло кивнули. И так ясно было, что раз сами не упомянули, значит, прогресса нет. История с угрозами – мимо, а других зацепок не нашлось.

– Мы работаем над этим, – вздохнул Райнер. – Обыскали все явные места, куда Вебер-младший мог пойти. Его там не оказалось. Продолжаем. Существует немного мест, где может больше недели прятаться школьник.

Не просто школьник, а школьник с кучей наград по спортивному ориентированию. Кейн со стуком поставил аквариум на стол и изрек:

– Если что, я снова готов жесткие диски тырить, только намекни у кого! А вообще, предлагаю заслушать Хлою.

– Зачем? – удивился я. – Сами перескажите, что у нее там.

– Увы-увы, – развел он руками и ехидно усмехнулся. – Она сказала, что отчитается непосредственно тебе, вы так договорились. – Кейн поднес к камере телефон с открытыми сообщениями, показательно им потряс. – Узнала, во сколько наша встреча, дежурит за дверью. Уже пять смс-ок отправила.

– Запускай.

Он резво отъехал из видимой камере области вместе с креслом – надо полагать, к двери. После театрально произнесенного «Раз, два три, пуск!», приехал обратно на всех парах и сделал очень важное лицо. Процокали каблуки, в соседнее кресло приземлилась Хлоя. Строгая белая блузка, забранные вверх волосы, намертво прилипшая к губам улыбка. Поерзав на месте, она положила руки перед собой на стол. Улыбнулась гораздо шире, помахала в камеру и снова прилипла ладонями к столу.

– И тебе здравствуй, – отозвался я. – Внимательно слушаем.

Хлоя набрала в легкие столько воздуха, что можно было предположить, что в коридоре с ним были какие-то проблемы, приосанилась и пискнула:

– О Лукасе?

– О нем, родимом. – Кейн практически разлегся на столе, с интересом разглядывая ее снизу вверх. – Явки, пароли, тайны, секреттики – все выкладывай. Мы прям в предвкушении.

- Угу... - Она не моргая уставилась в камеру. - Я пообщалась с его мамой, друзьями в школе, товарищами по кружку скаутов и удачно разговорила тренера. Половина вспомнила, что Лукас при них болтал по телефону с дядей Этаном или отходил, чтобы поболтать. А тренер рассказал, что это лишь последние два месяца. Ну, созваниваться стали. До этого и не вспоминали друг о друге.

- Ясно, что их вдруг так сблизило, - щелкнул ручкой Райнер. - Мать Лукаса наверняка брату пожаловалась, что сын чудить начал, и чувствует себя хреново. Этан два плюс два сложил, с племянником связался. Вот парень и получил пакет инструкций.

Полный пакет, раз все кончилось сердечным приступом одноклассника... Монитор вспыхнул кроваво-алым, бликом на мгновение ослепило. Вдох, выдох. Мысли исключительно по этому делу. Допустим, так оно и было. Но какой смысл скрываться от нас с самого начала? После инициации эсперов только первое время не видно, через пару месяцев сверкал бы на весь город и живо куратором обзавелся.

- Странная игра в прятки, - констатировал я. - Он собирался прятаться вечно?

- Полгода, - победно доложила Хлоя. - В конце семестра собирался к дяде в Америку переехать.

Это объясняет, на что был расчет. Не объясняет - зачем. Кто бы стал Веберу младшему мешать воссоединиться со старшим? Да туда и дорога.

- Никто о планах переезда не знает, даже его мать. - Кейн забарабанил пальцами по аквариуму перед меланхоличной мордой рыбки. - Ты как выяснила?

- От тренера, - ответила она неохотно, - Лукас ему признался, почему в грядущих соревнованиях участвовать не будет.

- А тренер признался тебе, - Райнер задумчиво крутанул в пальцах ручку.

- Сказала же - удачно поговорили...

- Удачно? - фыркнул Кейн. - Золотце, нам страшно повезло, что полиция мелкого Вебера до сих пор не ищет, потому что может и найти ненароком. Он с перепугу еще кого-то уложит. Улик, конечно, станет больше, но... Счастье, что парень самостоятельный, в походы наяривает неделями вместо школы, и мать не парится. Прокатило его вранье. А если тренер ей после твоих визитов позвонит и выяснится, что никакого похода сейчас нет? А?

Хлоя стушевалась, зыркнула в камеру.

- Они правы, - подтвердил я. - Аккуратнее с расспросами.

- Я аккуратно, - запротестовала она. - Не станет тренер ей звонить... Они вообще не общаются!

Райнер снисходительно кивнул:

- Хорошо, если так. Информация полезная, пригодится. Но на этом - стоп. Многовато внимания к персоне Вебера, а нам его привлекать крайне невыгодно.

От нее - хмурое «угу» и наморщенная на лбу складка.

- Неплохо сработано, не куксись, - Кейн подобрался к Хлое ближе и легонько толкнул в плечо. - А как он тебе вообще?

- А? - Та вздрогнула, оторвала взгляд от камеры. - Кто?... Лукас?

- Кто ж еще? - весело подмигнул он. - Всех порасспрашивала, с мамой его познакомилась, с друзьями потусовалась. Выдай интересных, с твоей точки зрения, фактов или портрет с характеристикой.

- Ну... - Хлоя опустила глаза, ковыряя пальцем стол. - Лукас не тусовщик, то не друзья, скорее - товарищи. Тренер о нем куда больше знает, чем ровесники. С мамой, мне кажется, они не близки. Ему и в голову не пришло у нее разрешение на переезд

спросить, будто уже решенный вопрос. Он умный и целеустремленный, если чем-то увлекается – так до конца, вон сколько наград в клубе получил. И у него нет девушки.

Кейн глубокомысленно моргнул, она покраснела. Райнер устало отложил ручку.

– С этим без меня разберетесь, – сказал я и отсоединился.

Приложение, выключаясь, прощально булькнуло, экран погас. Щелчок пультом, и переговорная комната погрузилась в относительную темноту. Мешали лишь горящий индикатор ноутбука на столе и свет из коридора сквозь прикрытые жалюзи. Шульц не только руководитель ничемный, но и дизайнер тоже. Додумался до прозрачных стен в этой части офиса... Стратегия максимальной открытости – самое то, что нам нужно. Пусть себе в туалете такие поставит.

С Веберами понятного мало. Хотя Хлоя и выяснила, какие у них были планы, главный вопрос по-прежнему открыт. На кой черт науськивать племянничка шифроваться от нас до переезда? Видимо, тот и своих бдительно избегал, чтобы не сдали ненароком. Что ему грозило? Дядя чему-то эдакому научил? Глупо учить тому, что потом необходимо скрывать. Младший сам что-то умел? И это выяснилось в первые недели по телефону! Как ни крути, логики не прослеживается. Объективно нет причин для подобных шпионских игр. Зато есть труп одноклассника в автобусе. А еще сомнительные эксперименты старшего над чужими сознаниями... Должна быть связь. Найти надо этого умного и целеустремленного, да побыстрее. При ином раскладе расследование может зайти в тупик. Но соображалось сейчас отнюдь не влет, тянуло повторить за Кейном – стол незаметно становился все ближе. Не лучший вариант, дома у Аниты имеются поверхности помягче.

Стол отдалился обратно, пикнул ноутбук. Звук уведомления из почты, тот, что на важные письма. Отбой отъезду... Засиял яркий экран, прогоняя с темнотой нерабочую обстановку. От имени отправителя сон как рукой сняло. Объявился знакомый компьютерный гений, которому я отправлял найденный позавчера электронный адрес Елены. Оказалось, она с него не только на научном форуме регистрировалась. В письме был указан аккаунт в облачном хранилище файлов, вместе с паролем и традиционным «позже сочтемся». Отлично. Отношения по принципу «ты – мне, я – тебе» самые надежные, и можно не волноваться, что он полезет куда не надо. Лично знать меня не знает, и ни к Совету, ни к фонду никакого отношения не имеет. Дорман советовал Елене держаться от руководителей «Идеального мира» подальше, а паранойи я за ним не замечал.

Пароль подошел. В хранилище – никакой ожидаемой подчищенной пустоты. Внушительный объем данных, четыре папки с безликими порядковыми номерами. В первой было множество сканов документов на все на свете, включая непонятную недвижимость, при ближайшем рассмотрении принадлежащую ее отцу. Берем на заметку, что Дормана стоит поискать на побережье Финляндии, среди Норвежских фьордов и в отдаленном поселке Исландии. Точные адреса в наличии. Вторая папка хранила фотографии, старые, блеклые, плохо отсканированные. Черно-белая расплывчатость, лиц не разобрать. Пара пространных подписей, накарябанных ручкой, ничего не проясняли. На последнем снимке нашелся отдаленно похожий на Дормана пацан – на берегу моря, с пластмассовой лопатой и ободранными коленками. Вероятно, и на других запечатлены родственники со стороны отца. С матерью она связи не поддерживала – та вскоре после родов оставила ребенка мужу и уехала куда-то. Кроме как с отцом Елена ни с кем не общалась. Бабушек и дедушек давно не было в живых, теток и прочих родственников не было в принципе. Не припоминаю за ней интереса к семейной истории. Странная коллекция фотографий.

Третья папка удивила больше – там лежал настоящий компромат. На наших бывший соседей, родителей Аманды, у которых ее благополучно отобрали через суд. Если бы не удалось, это был бы далеко не конец. Каких только грехов за ними не водилось: причастность к аварии, с места которой скрылась мать семейства, полузаконные сделки с недвижимостью в Европе у отца, и даже его несовершеннолетняя любовница. Очевидно, Елена готовилась безо всякого суда их в асфальт закатать. Неплохой запасной план... Но откуда все это? Таких доказательств без полноценного расследования не собрать, и то не каждый сможет.

Я пролистал компроматное добро снова, оценил еще раз размах. Кто-то ей определенно

помог. Кто? Пальцы потянулись в карман за сигаретами, спичкой чиркнул на автомате. Сверху не завизжало, хорошо. стакан из-под воды заменил пепельницу. Несколько глубоких затяжек, преждевременно потушенная сигарета, щелчок по последней, четвертой палке. Там был единственный файл, текстовый. Архив электронных писем, проставленные даты-заголовки. Всего десять, за неполных семь лет. Язык официальный, осторожные фразы, общие слова. В верхнем письме Елене сообщали, что всесторонне ознакомились с проблемой и подтверждают ее опасения. «Заводить детей вам не рекомендуется, есть большой риск». Так... Риск чего?... К концу письма понятнее не стало. Из генетического научного центра, а конкретики – ноль, сплошные пространные рассуждения о медицине. Советовали не отчаиваться, уповали на некие с каждым годом появляющиеся программы лечения. Рано потушил... Комнату за минуту заполнил дым, в стакан приземлился сплюснутый окурочек. В следующих письмах – аналогичные рекомендации и набор утешающих выражений. Вернулись к проблеме, пересмотрели, без изменений. О чем речь, черт подери?! В поздних письмах официоз поредел, встретились более внятные формулировки: «вероятность передачи по наследству высокая», «эта группа заболеваний до сих пор плохо изучена, а по вашему случаю не хватает информации» и «везет редко, на второй такой счастливый исход рассчитывать не стоит». На дне стакана прибавилось еще два окурочка, четвертый был на подходе. Последнее письмо полугодовой давности деловой стиль растерял полностью. Елене нахваливали новую экспериментальную методику, прося решить побыстрее, поскольку мест мало, как и вариантов. «Годы идут. Поговорите наконец с мужем, или приходите с ним, поговорю я».

Финиш. Спичка чиркнула у пятой по счету сигареты, не почувствовался ни вкус, ни запах. При всех неясных моментах в голову приходило одно. Ланс в своей подробной, посвященной мне диссертации рассматривал генетику как возможную причину. Исключительно психологической травмой объяснить все ни хрена не получалось, истина антинаучна весьма. Но та теория – бред, передаваться по наследству ничего не могло. Только Елене откуда было знать? Не обсуждали. Она не касалась этой темы никогда. Ну, допустим, спросила бы. Что дальше? Впрочем... Без разницы теперь.

В подписях к письмам везде значился один и тот же доктор-генетик. По введенному имени поисковик выдал десятки статей, научных трудов и выступлений на всевозможных конференциях. Судя по всему – светило в своей области, лучший из лучших и просто гений. Вот его и спрошу. В конце концов, он сам порывался со мной поговорить.

В коридоре раздался топот, будто пожарную тревогу все-таки объявили, рывком отворилась дверь. Анита, взволнованная. Показательно закашлялась и помахала перед собой руками, отгоняя дым, но внутрь вошла. Мне достался укоризненный взгляд и ехидное:

– Предусмотрительно я здесь датчик дыма отключила!

Я закрыл ноутбук, затушил сигарету.

– Лихо ты, – оценила она содержимое стакана. Села на соседний стул, глянула под стол. – Кис-кис-кис... Ах да, звать еще некого.

– Ты что-то хотела?

– Издеваешься?... – фигурные брови сердито свелись к переносице. – С ночи такие слухи ходят, что мама дорогая! Ты трубку не берешь, писем не читаешь. Пять минут назад от Кейна узнала, совершенно случайно, о вашей встрече тут. Что с Яникой? Действительно мертва?! Ну, в смысле, тело ее временное... Черт! В общем, с чего это она?

– Сама, при мне. Не договорились.

Анита задумчиво закусил губу и вытянула длинные ноги. На ней были короткие шорты и те чулки в розовую сетку, что особенно бесили Шульца. Дразнит его, видимо. Он даже жалобу в прошлом году настроил о неподобающем виде сотрудников, что-то там требуя. Я ему тогда нашел чем заняться. Помогло, больше глупостей не слал.

– С тобой-то все в порядке? – спросила она тихо.

– Пока да. Яника четко дала понять, что вернется. Другое тело найдет, и не только она.

Для них это тяжело, но осуществимо.

– Попытки не бесконечные! Список всех подходящих им вемов в округе я обновила с утра, информация самая актуальная.

– Их появление необходимо отследить моментально.

– В клиниках сотрудники Совета, предупреждены и готовы к теплой встрече, – усмехнулась Анита. – Сложно применять дар, будучи без сознания. Парочку вемов родственники не отдают, за ними наблюдаем отдельно. Если вдруг... тоже не прозеваем. Кроме того, у нас есть новый способ отслеживать сверхэнергию, прямо на карте. Не забыл? Влад сейчас как раз в моем кабинете сидит, печенье жует. Здоровый аппетит, на зависть! Торгуется, правда, насчет своих сил. А мне отвечать – к потере контакта... Не хочешь с ним условия сотрудничества обсудить?

Придется. Раз ее творческие методы не сработали. До кабинета Аниты мы дошли, ни словом о предстоящей беседе не обмолвившись. И так было ясно, чего он хочет.

Не печенья. Из того, что лежало перед ним, Влад сосредоточенно достраивал домик, который с непричастным видом отодвинул на край стола вместе с тарелкой. Лицо сделал умное, спину выпрямил с претензией на уверенность. Выдали его уши – слишком красные были.

– Мы вчера не договорили, – защебетала Анита, бочком просачиваясь к столу мимо перегородившего кабинет шезлонга, – ты торопился отоспаться. Я рада, что тебе лучше! Но если чувствуешь, как сила снова растет, выходит, эффект временный. Это не страшно, в скором времени еще разок загасим.

Ценный кадр скупой кивнул из гостевого кресла, она устроилась на стуле напротив и захрустела печеньем с верхушки «крыши». Я остался у двери, ловя напряженный и выжидательный взгляды. В кабинете был разведен образцовый бардак: всюду плюшевый зоопарк, новогодняя гирлянда из бумаги под потолком, между печеньем и тортом – груда папок с розовыми бантиками. Исходил паром покрытый каплями, недавно закипевший чайник, пахло мятой и искусственным лаймом.

– Спасибо, – отчеканил Влад и великодушно добавил: – Я готов помочь. Поискать этих гадов, когда вам будет необходимо.

Интересная формулировка. Наглеет. Прекрасно понимает, насколько нам нужен. Его способности позволяют моментально вычислить появление гостей из нижнего Потока, что дает шанс избавиться от них прежде, чем они устроят очередной ментальный беспредел. Но и мы нужны ему не меньше. Без нашей помощи он долго в своем уме и добром здравии не протянет.

– Мы тоже готовы помочь, – не менее великодушно отозвался я, – когда тебе будет необходимо, в клинику со скидкой устроим.

Он поперхнулся не положенным в рот печеньем, но подобие невозмутимого вида принял быстро. Сложив руки на груди, покосился на Аниту.

– Я уже говорила, – мягко улыбнулась она, – необходимо искать их постоянно. Крайне важно вычислить вселение в чужое тело сразу. Промедление может дорого стоить.

– Не могу я круглосуточно за ними следить, – парировал он. – Мне спать надо, знаете ли. На еду отвлекаться. Отдыхать иногда, и все такое.

– Само собой, – понимающе закивала Анита. – Но чем быстрее ты заметишь в городе энергетические аномалии, тем лучше. Будешь высматривать их по мере возможности и моментально сообщать нам. А мы постараемся, чтобы ты был в порядке.

– Я и уточняю про возможности, – не сдавался Влад. – Они не безграничные. Если кого-то прозеваю – не моя вина.

Дураком в прошлый раз прикидывался лучше, сегодня переигрывает.

– Конечно, не твоя, – пришлось пройти в кабинет.

Достать из шкафа папку, обычную черную, без бантиков. Анита отвела взгляд, Влад заерзал в кресле.

– Уточняю насчет последствий, – я выложил перед ним фотографию, запечатлевшую двор клиники незадолго до ментального отбоя. Вакханалия безумия, перекошенные лица в кадре, в том числе тех, кому вздумалось побиться лбом о запертые ворота. – Припоминаешь? Ты там был, но тебе повезло угодить в сугроб, а не в больницу или в морг. – Сверху легла еще фотография, поживописнее, он нервно сглотнул. – Этим троим не повезло. Все в реанимации, один в критическом состоянии. – Выброшенная из папки стопка разлетелась по столу. – Рассмотрите внимательнее, раз вчера не до того было.

Он выпрямил спину и огрызнулся сквозь зубы:

– А ведь вас предупредили... едва этот гад вылез.

– Поэтому обошлось малыми жертвами. А вот тут нас не предупредили.

Снимок из развлекательного центра покрыл прочие – и размахом потасовки, и кроваво-красной цветовой гаммой. Влад уставился на него, Анита сцепила руки в замок, по-прежнему не отрывая взгляда от стены.

– Пострадавших получилось гораздо больше, – я вывалил остатки фотографий, накануне богатым урожаем собранных по интернету. – Охране и полиции тоже досталось, но для них все хотя бы быстро кончилось. Буйным посетителям обвинения в нападении предъявили, до сих пор прессуют. Они, ясное дело, не помнят ничего, но кого это волнует? Никто же не виноват.

Судя по тому, как он побледнел, ему хватило.

– У нас еще видео есть, – кивнул я на Анитин телефон.

Влад отвернулся к стене.

– Их остановят, – убежденно сказал он то ли ей, то ли себе.

– Кто? – отмерла моя притихшая коллега. Придвинулась к нему поближе и вкрадчиво продолжила: – Лера? Ей самой оба раза досталось, особенно вчера. Ты видел.

Ответом был мрачный, полный недовольства взгляд. Зато не стене.

– Третьего раза она может и не пережить, – как ни в чем не бывало отметила Анита. – Хочешь ее защитить – держи подальше от этой компании и подконтрольных им людей.

Влад резко повернулся ко мне и с вызовом бросил:

– Если я откажусь, то что? Прямо так меня и сольете? Совет существует, чтобы обычным людям помогать.

– И что в тебе обычного? – поинтересовался я. – Способности отмывать уже промытые мозги или друг из ментальной преисподней?

Он сдвинул брови к переносице – хмуро и сосредоточенно. Выражение лица у него при этом было безнадежное, но решительное. Примерно с таким игнорируют здравый смысл и уходят, хлопая дверью. Анита замерла, косясь на меня.

– Не вижу проблемы, – я сгреб фотографии обратно в папку. – Эксклюзивной информации мы не требуем. Говори кому хочешь.

Его брови тотчас взлетели вверх, вырвалось радостное:

– А можно?

– Нам – без задержек, – вставила Анита, с облегчением наблюдая, как папка возвращается в шкаф. – Чаю? Мой любимый, о котором я рассказывала, тебе понравится!

Гость замешкался, она резво взялась за чайник, набулькав ему полную чашку, и шумно выдохнула:

- Жаль, их невозможно убить. Тела – да, а самих – нет.

- Главное, сдержать, – перебил Влад, торопливо забирая протянутую чашку. – Из Потока перестанут лезть, остальное – вторично. Верно?

Верно. Но его друзья-эсперы другого мнения.

- Мы только это и можем, – пожала плечами Анита и хитро улыбнулась: – Вся надежда на Вестника...

- Вы его разыскиваете? – с энтузиазмом спросил он.

Получил от нее неопределенный кивок и очередное напоминание, что чай заварился чудесный, и его надо непременно попробовать пока не остыл.

- Считаешь, Вестник должен от них избавиться? – осведомился я, глядя, как Влад осторожно отпивает из чашки.

Он торопливо проглотил отпительный чудо-чай и заявил с непоколебимой уверенностью:

- Естественно! Они плохие.

Первая стадия. Плохих и хороших ищем.

Анита все с той же улыбкой наполнила свою чашку любимой бурдой с запахом зубной пасты и стащила с тарелки печенье, окончательно лишив «домик» крыши. Специалист по Хранителям расслабленно устроился в кресле. Вид имел относительно удовлетворенный, и пылать ушами перестал. Полагаю, с условиями сотрудничества разобрались, самое время пить чай. Пора на выход, пока и мне не налили.

- Остались вопросы? – уточнил на всякий случай.

- Один! – оживился Влад, высунув нос из чашки. – Важный...

Хозяйка кабинета перестала хрустеть печеньем, в напряженном ожидании облокотилась о стол.

- Меня кое-что интересует, очень сильно, – выдохнул он. – Вот есть дар управлять энергией, и есть иммунитет от такого воздействия. С этим все понятно, когда оно по отдельности. А если у кого-то одновременно и то, и то?

Чего?!

Анита озадаченно моргнула и ответила единственное здесь подходящее:

- Э-э-э...

- Ага! – Влад победно щелкнул пальцами. – Подобных случаев не было.

- Не было зафиксировано, – поправил я.

- А в теории? Вдруг кто-то получит иммунитет в детстве, а потом его даром накроет? Что будет? Совсем крышечка слетит или, наоборот, суперэнергетическим Терминатором станет? Постоянно об этом думаю...

Тяжело ему.

- В теории, должно сбалансироваться, – предположила Анита, задумчиво кроша недоеденное печенье в тарелку. – Частью способностей этот человек пользоваться не сможет, из-за конфликта восприятия энергии. А часть, напротив, усилится за счет большой чувствительности к фону.

- Да ладно? – не согласился я. – Он сам себя убьет при инициации. Воспримет собственное подсознание как враждебный объект, и до свидания.

- Ну, не скажи, – она протестующе помотала головой. – Чувство самосохранения не позволит. Для своего сознания каждый сделает исключение.

Влад заинтересованно вытянул шею и открыл рот. Не сказал ничего, но и не закрыл. Видимо, так слушать было удобнее. Мне же озвученные доводы убедительными не показались.

- Чувство это, тобой упомянутое, мало кому мешает энергетические истощения ловить. Противоположные силы просто загасят друг друга. А потом будет логичный конец и патологоанатом в недоумении.

- Чтобы взаимно гасить, они должны использоваться вместе, - принялась рассуждать Анита с лихорадочным блеском в глазах, какой у нее разве что во времена работы в архиве бывал. - А зачем так делать? Трудозатратно, больно и глупо.

- А все обычно с ходу в этом разбираются.

- Тут уж как повезет!

- Короче, Терминатора не получится, - печально вывел Влад.

- Нет, но может получиться интересно, - она забарабанила ногтями по столу, - особенно в Потоке, энергия-то внутренне отторгается. Плюс запечатанный барьер сдержит дар, вероятно, принудительно уменьшив до минимума.

- Значит, вообще не проявится, - заключил я.

- Как вариант, - поддержала Анита, - будет сдерживаться подсознанием автоматом бесконечно. И не узнаешь, что он в принципе мог быть.

- Ну, это совсем не интересно... - сник Влад.

Вновь сунул нос в чашку и неприлично довольно усмехнулся. Кажется, я был не прав. Дураком он прикидывается замечательно, практически в совершенстве.

Я кивнул на прощанье Аните, вышел в коридор. И чуть не столкнулся с Шульцем. В занятой близости от кабинетов сотрудников ходит, так и в лоб получить может. Дверью. Возмущения на вытянутом от испуга лице читалось столько, словно мне следовало постучать, а не вламываться в его коридор без спросу. Ясно. Поспать в ближайшее время не дадут. Он отпрыгнул на пару шагов и, гордо задрав острый подбородок, выдал пылкую речь, которую пришлось дослушать на кухне, заваривая ставший необходимым крепкий чай. Суть ее сводилась к тому, что неподобающим образом одетые кураторы лучше осведомлены о текущей ситуации с «озверевшими эсперами», чем их непосредственное начальство, куда это годится. Закономерный вопрос, как же то самое начальство до такой ситуации доручило, Шульца слегка отрезвил. Ответа я не дождался, зато прочие проблемы обсудили уже спокойнее, в его кабинете.

Неприятностей у фонда за последние сутки прибавилось вдвое, новые проверки, штрафы, идиотская, выматывающая нервы бюрократия и разгромная статья в лучших традициях желтой прессы, мощно растиражированная по интернету. Не оригинален господин Левицкий. Многие эсперы, несмотря на полученный намек на свисающую с их ушей лапшу, по-прежнему были на его стороне и кураторов игнорировали, доводя Шульца до бешенства. Я напомнил - ему велено конфликт не эскалировать. Разгребем. А пока усиленно делаем вид, что нас оно не особо задело, и ситуация под контролем. Весь филиал с этим отлично справляется. Мол, не до формальностей сейчас, когда ментальный апокалипсис на подходе. Мы занимаемся им, а не размениваемся на войну с... Шульц подобрал с десяток красочных эпитетов, по одному на каждый круг, нарезанный по кабинету, и немного успокоился. Перешли к более срочной повестке дня. Ищем Вестника, не даем поднимать шумиху вокруг событий в развлекательном центре и нашей клинике, все силы бросаем на наблюдение за способными «восстать» пациентами. Дом отдыха за городом оставляем себе, если повезет - еще пригодится. Янике не удалось ни удрать оттуда, ни подчинить кого-либо по соседству.

Потом явился Роберт, с отчетом по ее вскрытию. Сердечный приступ... В переговорную комнату я вернулся лишь после наступления абсолютной темноты за окнами. Народ расходился из офиса по домам, ноутбук мигал комплектом важных сообщений. Служба безопасности фонда выловила мошенника. Череда звонков и обстоятельных ответов затянулись на час. Едва повесил трубку, пришло четвертое письмо, с официальным

логотипом «Идеального мира» и двумя пометками важности. От Маэвы. Короткое, сухое, в адресатах – другие четверо членов правления. Завтра на утро назначено срочное голосование по поводу отстранения Леона Дормана с должности директора благотворительного фонда и главы Совета соответственно. На неделю раньше запланированного. Юристы согласовали, просят всех обязательно быть. Обоснование железное: полномочий заместителя не хватает для решения безотлагательных организационных вопросов, необходим полноценный руководитель. Вовремя...

Я заварил еще чая, нашел билеты на ночной рейс. Должен успеть, на дорогу в аэропорт даже с запасом времени. Всерьез Маэва за штурм директорского кресла взялась. Не сюрприз. К этому шло последний год, именно столько Дормана никто не видел и не слышал. Кого выберут вместо него тоже известно заранее. Кауфман, Хубер и Колвен за нее. Как бы мы с Лансом ни проголосовали, это ни на что не повлияет. В теории ее назначение имеют право опротестовать главы филиалов... Только некому. Всех, кто мог, Маэва вышвырнула под разными предложениями – на должность пониже, на пенсию или просто вон. Придется лететь, заодно отловлю генетика. У него завтра после обеда конференция в Женеве, найдет минутку или две. Или сколько потребуется.

Ящик пикнул очередным сообщением – служба безопасности отчитывалась, что проблема устранена, мошенник сдан полиции. Наконец-то. Остаток письма расплылся и пошел рябью. Все, на сегодня хватит. Захлопнутый ноутбук, накинутое пальто. Движения на автопилоте – ничего хорошего. Стоит дважды подумать, садиться ли за руль. В приемной скучали охранники, разглядывая то неподвижные двери, то пол под ногами. Похоже, кроме них и копошащейся у стойки блондинки-администратора в здании никого не было. Засиделась она на работе, время к полуночи.

На улице было не по-столичному спокойно, снег – исключительно в сугробах. Морозный воздух бодрил лучше любого чая, которым сегодняшнее меню и ограничилось. Помнится, в торговом центре через дорогу есть какое-то круглосуточное заведение с едой, и даже не одно. Выезжать в аэропорт все равно рано, хоть самому, хоть на такси. Я закинул ноутбук в машину, пересек оживленный перекресток. Много кому не сиделось ночью дома: по увешанному рекламными плакатами крыльцу и за стеклянными дверями шастал народ, у касс супермаркета в конце коридора выстроилась очередь. Указатель направил вверх. Вспомнилось, что неплохо бы предупредить Аниту о своем отъезде. У лестницы набрал с телефона, чтобы до завтрашней ночи точно не ждала. Это самое раннее, когда получится вернуться. Если повезет.

Отправленное сообщение ушло, боковым зрением приметилось то, что следовало бы принять за глюк. Я поднял взгляд с дисплея. Левицкий облокотился о перила, метрах в двух. Какого... Рядом с нашим офисом. Самоуверенность воспалилась или дурак? Вряд ли. Что хреново. Значит, где-то подвох.

– Ну вот и увиделись, – констатировал он с той улыбкой, за которую уже обычно огребают.

Народа вокруг полно, три камеры в примерной зоне видимости, охрана по обеим сторонам коридора. Не вариант. А жаль.

– И? – телефон я убрал. – Насмотрелся?

– Была у меня одна идея, – Левицкий задумчиво пожал плечами. – Честно говоря, теперь она мне не нравится.

Я шагнул к перилам. Расстояние сократилось до метра.

– Не знаю, кто это сделал, – усмехнулся он как-то слишком довольным, – но у него отличное чувство юмора.

Воздух сдавил горло и кончился. Знакомо кольнуло в висках, до звона. Рябющую муть расчертило красно-алым всполохом. Резко наступила тишина. С темнотой. Те самые, абсолютные.

Глава 17

Электронные часы на стене отщелкивали цифры вразнобой с дисплеем мобильного, спеша на пару минут. Я отбросила телефон и натянула одеяло по макушку. Как бы там ни было, почти половина второго ночи, давно пора спать. Только не засыпалось, и все тут. Не помогали ни таблетки, ни энергетические расслабляющие приемы, ничего. Хотелось бегать в приступе паники, бессмысленными кругами, но... Чертово ребро! Стоило неосторожно пошевелиться, бок пронзало такой болью, что прочие проблемы отступали на второй план. Не лучший способ отвлечься, хоть и действенный... Приходилось усердно лежать в кровати и раз за разом закрывать глаза, пытаюсь наконец отключиться. Тщетно.

Впрочем, даже хорошо. Сны мне противопоказаны. Опять накроет навязчивым кошмаром и мешаниной чужих воспоминаний. Проснусь непонятно кем, приду в себя где-нибудь на подоконнике музея палеонтологии с мотыгой в руках. Если вообще приду. Тварь древняя! Лезет, и лезет. Все из-за нее... Паша вечером уехал, сразу после. Пыталась вызнать у Киры куда и зачем, та понятия не имела. Сказала, что был жутко злой, и трогать его сегодня чревато. Да уж... Это чувствовалось на расстоянии. Отпечатком энергии отсвечивал то из одной, то из другой части города, и никого знакомого рядом с ним не мелькало. Ладно, мало ли какие у него дела. По ночам.

Я уткнулась в подушку, не слишком плавным движением. Расплатой стало спертое дыхание и россыпь звездочек перед глазами. Сдаюсь! Проглоченная таблетка самого сильного обезболивающего обещала облегчение через десять минут – согласно инструкции, которой не особо верилось. Часам тоже не верилось, не могло всего три минуты пройти... Что со мной? Так и до срыва недалеко! Будь тут Влад, выдал бы коронное: «Ерунда, со всеми бывает». Бывает, конечно. Вот только грядет битва с могущественными сущностями, на чьем счету проигрышей нет, зато отнятых жизней – миллион. Один из этих гадов – маньяк, другая норовит захватить мое тело и сознание. Я ничего не забыла? Вырвался нервный смех. Утешилась, называется... Остается радоваться тому, что она больше не возвращалась. Пока что. Затаилась, наверное, подходящего момента ждет.

Осенило внезапно, до дрожи.

Эсте – из тех, у кого Вестник отнял много, практически все. Должна ненавидеть их. Пусть ушла в небытие, ожить-то норовит, и пятерка ей не чужие люди. Какие у нее цели теперь? А Артем здесь, близко, в соседней комнате. Как я раньше не подумала?! Вдруг они встретятся, и Эсте узнает в нем Вестника? Или он случайно себя выдаст?... Ведь она в любую минуту может перехватить контроль, хоть прямо сейчас. Оставаться возле Артема опасно. А выгнать ее с концами не получается совершенно!

Не выдержав, я выбралась из постели – медленно, аккуратно. По-домашнему закуталась в халат, тапочки натянула. По этажу никто не шастал, а если и явятся – плевать. До кухни я добрела, стараясь не тревожить больной бок. Не потревожился. Либо таблетка подействовала, либо стало не до того... Желания было два – кофе и понять, что дальше делать. Начнем с малого.

Кофемашина налила полную чашку. Дисплей утверждал, что это двойная порция повышенной крепости, но сахара отсыпал на тройную. Сойдет. Во рту растеклась относительно приятная горечь, но мозги лучше не заработали. Идея пришла одна, и та никуда не годилась. Точно не стоит спрашивать Тео, как бороться с этой захватчицей. Не посочувствует. Того гляди, наоборот, ошастливлю, побежит обратно к своим рассказывать, что шестая нашлась, а то и поможет ей найтись окончательно.

На горизонте налился яркий свет. Паша! Вернулся... В два ночи. Я налила добавки кофе, выпила залпом, не чувствуя вкуса. Надо поговорить с ним. Понять бы, о чем и какими словами... Решиться сдвинуться с места было трудно, глаза неотрывно следили за его прибытием, после – перемещениями. Сгусток энергии двинулся вверх. Лифт, видимо. Его апартаменты этажом выше моих! Встану и пойду к нему. Сейчас... Отпечаток замер совсем недалеко, в холле, кажется. Спустя мгновение стал чуть ярче, потом еще и еще. Паша что, идет ко мне?... Я стиснула чашку обеими ладонями. Послышались шаги, приближаясь. На пороге появился он, неестественно спокойный и в пугающей мрачной задумчивости. Руки в карманах, взгляд какой-то особенно недобрый. Приветствия не

последовало. Тишина враз стала едкой, колючей.

– Кофе будешь? – поинтересовалась я, чувствуя, будто намертво приросла к стулу.

Паша мотнул головой. Подошел ко мне, сел напротив. Полыхнуло злостью с примесью холодной рассудительности. Я уставилась в чашку. На дне не было ничего, пусто, и на кофейную гущу ни намека. Не погадаешь даже...

– А у нас гости, – сообщил он непринужденно. – Твой консультант по избавлению от трупов.

Я вздрогнула, чашка со звоном отлетела на край стола. Не упала каким-то чудом. Что мне только что сказали? Не ослышалась?!

– Феликс? Здесь? Зачем ему сюда?...

– Не то чтобы у него был выбор, – ухмыльнулись в ответ. – Меньше надо якшаться со всякими вечножителями, тогда и иммунитет слетать неожиданно не будет.

Смысл дошел не сразу, эдак через минуту воцарившегося напряженного молчания. Так...

– Что ты сделал? – спросила я, хотя это было очевидно.

– Ничего, в общем-то, – Паша безразлично откинулся на спинку стула, – там занятно накручено. Налицо массивная попытка восстановить нормальный барьер. Эффект временный, все быстро приходит в прежний вид. Утром наверняка табличка висела «добро пожаловать», а теперь ну так – постольку-поскольку. Не пускает без сноса барьера на фиг. Но весь набор энергетических фокусов действует.

– Какого черта вообще было... – Я вскочила со стула, напрочь забыв, почему так делать нельзя. В боку тут же предательски кольнуло, на остатке фразы голос сбился: – ...к нему лезть?

– Догадайся, – он не шелохнулся. – Если Совет помогает пятерке, ну или уже тройке, не суть важно, то наши шансы на победу резко стремятся к нулю. Почти все потенциальные тела в их клиниках. Приведут заботливо в чувство, выдадут благотворительный пакет «восстань и иди», и направление в сторону возможных Вестников. Тогда нам конец. И Артему тоже. Думаешь, Яника, Иллит, или кто им попался, не предложили не трогать обычных людей в обмен на жизнь опасного вема со встроенной кнопкой «убить»? Необходимо знать об их обоюдных планах, иначе мы заведомо проиграли.

Голова пошла кругом. Звучит логично. Но... Шагнув к Паше, я схватилась за стол и шумно выдохнула:

– С чего ты взял, что он знает?

Паша посмотрел на меня странно – сначала удивленно, потом с откровенной усмешкой.

– Лейка, – протянул весело, – ты не в курсе, кто он?

Я напряглась, неопределенно дернула плечом. Паша расплылся в язвительной улыбке:

– Ну да, повода познакомиться не было...

Чашка стояла у края, тянуло ее швырнуть. Или хотя бы толкнуть, на пол. Чтобы вдребезги, и какое-то время ничего кроме звона осколков не слышать!

– Он из высшего руководства, – доложил Паша. – В числе шестерых, которые все решают. Как раз за безопасность и отвечает. Так что кому еще знать? Скорее глава Совета не осведомлен, а этому должна быть известна полная картина.

Я рывком отпустила стол. Тот вздрогнул, чашка полетела вниз. Глухой никчемный звук падения, и никаких осколков. Тут даже чашки неправильные...

– Кстати, насчет Сони, – любезно добавил он, – тоже к нему.

Делать выводы не хотелось, ни те, которые напрашивались, ни любые другие. Отыскала единственный аргумент против:

- С него иммунитет слетел, значит, дружба с нашими гадами у Совета явно не задалась. Ненормальные для союзников действия.

- Подробности мы не знаем, - парировал Паша, - но узнаем.

- Так Феликс нам и скажет, ну-ну!

- Никто не собирается спрашивать.

Я непонимающе изогнула бровь.

- У тебя лучше получится, - как ни в чем не бывало сказал он. - Учитывая, что ты с ним немного хм... ближе знакома, чем я.

Чего?! Всерьез предлагает?...

- Я не буду этого делать!

- Ладно, - Паша невозмутимо поднялся из-за стола, - не хочешь, как хочешь. Сам сделаю.

- Ты же говорил - там только барьер сносить. Последствия у такого необратимо скверные...

- Ну, - он развел руками, - не вижу других вариантов. Я уже подписался на твою войну Вестника с древними сущностями и, если ты не заметила, расклад паршивый. Они нас порвут хотя бы тупо за компанию. Вот и нечего... В конце концов, Совет влезать не просили!

На кухне стало холодно, словно зима настала прямо здесь, сейчас. Паша развернулся к арке. Я вцепилась в его плечо, он перевел на меня вопросительный взгляд. Спокойно... Так уж повелось, порой правильных выходов просто нет. Я разжала пальцы. Отступила в коридор, запахнув халат, и обронила:

- Оденусь.

Импульс мне в спину прилетел ехидный донельзя. Пусть. Зато у меня будет несколько минут...

В комнате царила та же идеальная, раздражающе стерильная чистота, засилье сложенных по линейке вещей вызывало дикое желание рвать и метать, разбрасывая клочки по углам. Но чем это поможет?... Радуюсь, что переодеться быстро при всем желании не сумею, я с преувеличенной осторожностью стягивала халат и бесконечно долго рассматривала полку с двумя стопками одежды. Потом маленькую вечность застегивала пуговицы на кофте и молнию на сапогах. Мыслей за это время не прибавилось, а надеть оставалось разве что дубленку. Я зачем-то взялась за расческу. Глупо, неизбежное не отсрочить. Черт... Полчаса прошло. Не буду я, не смогу!

Расчесанные по третьему кругу волосы в косу не заплетались, пряди выскальзывали из дрожащих пальцев. По идее, чем короче контакт с чужим подсознанием - тем меньше ущерба. Воспоминания о встрече с гадиной из Потока обязаны быть на поверхности. Это ведь на неделе случилось! Максимум пару дней назад, тогда Влад и засек появление пятого бессмертного. Событие из ряда вон, значимое и сильно запомнившееся. Выходит, надо хватать первый яркий эпизод в недавней цепочке, и бегом оттуда. Близкое знакомство - чушь, отношения у нас совсем не теплые. Однако некая симпатия должна была быть. Все же лучше, чем ничего. Можно сколько угодно не верить в шансы, но они есть.

Стоп! Я что, на самом деле об этом думаю?!

Нет, оно неприемлемо. Исключено! Я привалилась к двери, обняла себя за плечи. Не выйду, и все. Кто меня заставит? Коридор окутывала тишина, храня беззвучные чужие дыхания за стенами и едва слышный гул лампочек. Ну почему именно он там в Совете

главным оказался?! Впрочем, какая разница? Ни с кем так поступать нельзя! Но Паша не шутит, хорошо его знаю. Если чего-то хочет – не отступится. В любом случае получит, без меня или со мной. Факт... почему-то похожий на оправдание.

Феликс мне такого никогда не простит. Но он на мой счет давно нелестного мнения, что я теряю? Бросать его на произвол судьбы неправильно. Он-то мне помог, не один раз даже. Возможно, ему это было выгодно, но... помог же. С недомолвками, раздачей ролей подсадной утки и пакетов с шортами теми джинсовыми, чтоб им исчезнуть из моей памяти. Интересно, Феликс тогда много думал, как меня из клиники вызволять, чтобы я не расстроилась? Сомневаюсь. Так что все. Главное – результат.

Я решительно отворила чертову дверь. Десяток шагов, подсвеченная тусклыми люстрами кухни. Паша допивал кофе, боюсь предположить, который по счету. Меня скептически оглядел с головы до ног и выразительно покосился на часы.

– Хорошо, – сказала я, до сих пор не веря, что эти слова принадлежат мне, – сделаю. Но потом мы его отпустим.

– Я с ним жить и не планировал, – хмыкнул он. Отложил чашку и галантным жестом предложил мне выйти в коридор. – Идем.

– А куда?...

– Как куда? В подвал!

Я опешила. Следом донеслось издевательское:

– Наручники, батарея, скотч, и далее по канону. Без этого похищать людей неприлично.

Врет же...

– Да успокойся ты, – Паша закатил глаза. – На первом этаже есть замечательная комната релаксации. Там и отдыхает. А то переработал, бедненький. Нельзя же так.

Я предпочла пропустить все мимо ушей, рот закрыть и не открывать как можно дольше.

Лифт слишком быстро вез на первый этаж, пальцы безотчетно теребили то манжеты кофты, то браслет на запястье. Зачем я его нацепила?... Двери распахнулись. Ночной холл показался странно маленьким, в начищенном до блеска паркете отражались люстры. Череду поворотов, гулкая тишина коридора, и... дверь. Довольно массивная. Паша на мгновение остановился, словно к чему-то прислушиваясь, и разблокировал ее непонятной карточкой. Я стиснула зубы и шагнула за ним внутрь.

Белый бесконечный диван вдоль стены, лампочки дурацкие с нежно-фиолетовой подсветкой. Мраморный камин, вместо окна – огромный монитор, безмятежно темный. От стены до стены ковер, по углам – фикусы, очень похожие на настоящие. Феликс стоял от всего этого подальше, сбоку от двери. На меня посмотрел так, будто сто процентов ожидал увидеть. Понял, конечно...

– Фиг знает, как подсветка убирается, – Паша кивнул на потолок, – но пультом баловаться опасно. Того гляди музыка включится, или тренинг по релаксации. А это уже как-то слишком жестоко.

Ничего ему не ответили, и даже в его сторону не взглянули. Неудивительно. Мало что скажешь, и не пошевелишься особо, когда так держат. Прямое воздействие даром на барьер, стандартная реакция... Значит, и другие манипуляции с энергией работают. Наверняка не помнит, как тут очутился. А вот отпечаток все равно нейтральный, в упор не разглядишь. Искусственно баланс в норму выкрутили, скоро неминуемо откатится обратно. Я сосредоточилась, насколько позволял разброд в мыслях. С барьером занято, да... Входа по-прежнему словно и нет, стена сплошная. Просто теперь не такая уж непроницаемая. Отклик невнятный, в некотором роде даже эхо отклика. Вряд ли хватит. Придется пробовать как есть. Лишь бы получилось аккуратно, чтобы сильно не навредить...

– Может, на диванчик? – заботливо поинтересовался Паша.

Я прошла вперед, бросив ему:

– Выйди.

– Плохая идея, – покачал он головой.

– Я сказала – выйди! – повторила тоном, который от себя прежде не слышала никогда. Мой ли вообще?...

Паша вспыхнул яростью пополам с тревогой, но за дверь вышел. Замок с той стороны щелкнул отчетливо. Судя по отпечатку – сам где-то в коридоре остался, недалеко.

Феликс прислонился к стене, не сводя с меня традиционно неперехватываемого взгляда. Привычка, наверное... Я подошла ближе, чуть-чуть. Остановилась в двух шагах. Черт! Дальше-то что? Приложило его нехило, но через минуту эффект ослабнет, риску по шее получить.

– Я... – начала на выдохе, только вот как закончить не придумала.

Он усмехнулся и ровно произнес:

– Лера, разговаривать при этом необязательно.

И то верно... Шаг, еще один, расстояние между нами исчезло. Глубокий вдох, запах сигарет. Прикосновение, бесцветная щетина под ладонью, внезапно шершавая. Феликс попытался отстраниться. Не смог, да и пойманного момента хватило. Рывок сквозь плотную волну будто бы несуществующей энергии, после – замереть перед тем, что считалось барьером. Осторожно прощупать, и вперед. Не вышло. Еще раз... Непонятным порывом толкнуло вглубь – прямо и насквозь. Пустило. Или вломилась?... Черт-черт-черт!

Не успела осмотреться, как кинуло туда, где все ослепляющее яркое, никогда не тускнеющее. Вихрем закрутило бешено, подталкивая к самому центру. Окунуло с размаху, не дав и шанса вырваться.

...алые брызги на белом, невыносимо яркие, то рябят, наплывая друг на друга, то разбегаются – ясно, отвратительно четко. Запах тяжелый, металлический. Ниже по стене – косое пятно, скопления точек и длинный, убегающий в пол потек.

– Вашу жеж! – непрерывно сыплют ругательствами. – Какого... Ты долбанулась?!

– Да кто ж знал, что у нее так крышу снесет, – вставляет дрожащий голос, почти скулит, – я и не успела сделать ничего!

Лужа набегает медленно, тускнеет, ширится. Рядом с первой, сливаясь, и вот она уже одна, большая. Мутная, без краев и того, что за ними. Сбоку шаги. Воздух рассекает мощный звук оплеухи, следом – тонкий писк.

– Она его убедить должна была! – срываются на крик. – Убедить! А не пристрелить на хрен!

Писк перерастает в вой, истошный. Заткнуть бы уши, а лучше отвернуться наконец. Но никак.

– Уходим, – командуют сквозь зубы. – Не было нас тут, поняла?

Утвердительное мычание, всхлип. Чужая рука на плече, прикосновение обжигает. Воздух вдруг душит, звон невыносимый. В висках стреляет залпом, больно, до тошноты. Отовсюду – чернота. Наваливается, поглощает все, кроме двух силуэтов на полу. Алые брызги на черном, росчерки, вспышки, безумно броские, ослепительные...

...спрыгнуть с последней ступеньки, выглянуть. Что происходит? Двое загораживают обзор и мамы толком со спины не видно, но стоит она странно сгорбленно, и плечи подрагивают.

- Вы с ума посходили? – голос отца ровный, даже когда испуганный, лицо уверенное. – Положи на место.

В ответ – смех. Отрывистый, нервный, приглушенный. Не похоже, что ей смешно. Ни разу она так не смеялась, никогда. Его шаг, мелькание спин, щелчок. Оглушающе громкий. Запоздалый звук выстрела, грохот падения. Красное на белом, бегущая вниз дорожка. Расползается спасительной мутью и алеет вновь. Сердце колотится бешено, хочется зажмуриться. Ничего... Лишь оцепенение.

- Что ты творишь?! – рывкает, шарахаясь, мужик с глазами навывкате.

Она вздрагивает сильнее, поворачивается влобоборта. Тот же смех, странно пустой взгляд. Прижатый к груди пистолет, второй щелчок...

...полумрак. Тени скачут по потолку в такт колыханию занавески, сливаются, то теряя, то обретая форму. Может, это слон. Может, ножницы. С острым хоботом? Нет, все же слон. С первого этажа доносятся голоса, повышенные. «Закрой дело за недостатком улик, и дело с концом» – это мама, твердит настойчиво. Из гостиной, кажется. «Он тебя не слушает!», вопли практически. Соседкины. Неприятная тетка, каждый раз как придет, мама сразу странная. «Не будет этого» – отец, точно теряющий терпение. Хор криков, отдельные долетающие фразы. Что-то про достаточные полномочия и сволочь бесчувственную, споры, обвинения. Уснешь тут... «Хватит упираться» – четвертый голос, мужской и незнакомый. Что там такое? Выбираться из постели холодно, половицы предательски скрипят. Дальше – легче, ковер на лестнице скрадывает шаги. Одна ступенька, другая, третья, еще и еще. Последняя, угол гостиной...

...одеяло жаркое, так и тянет вылезти из-под него. Мама явно чувствует, укутывает плотнее. Потому что форточка, и вообще ночью холодно. Только вот спать не хочется.

- Хочешь сказку? – спрашивает она примирительно.

Приплыли. Сказки – для маленьких.

- Ева придет с танцев, расскажет, – говорю. – О том, как все кавалеры были ее, и отряд знаменитостей встретился.

Мама грозит пальцем, очень строго. Потом закусывает губу, утыкается лицом в край подушки и, не в силах сдерживаться, выпаливает:

- А ведь обязательно расскажет!

После смеется. Открыто, немножко смущенно и заливисто звонко...

Вышвырнуло из воспоминания резко, мощным броском, как с обрыва. Оно дрогнуло, распалось на кусочки, кроваво-красные клочки, перемешалось и притворилось, что сгнуло где-то, будто бы и вправду могло. Во мне пульсировал колючий ком, разрывало на части. Воздух извне не доходил, ужасно хотелось рвануть туда. Да хоть в бездну, лишь бы прочь! Кажется, трясло. Сколько ему лет-то было? Меньше, чем Артему... Потом подумая, потом!.. Я сконцентрировалась – всем протестующим даром, силой воли, через собственное сопротивление. Вперед, к не столь глубинной памяти. Вот она – неделя, последние дни. Цепочка недавних событий, исправно разборчивая. Мельком в обратном порядке – торговый центр, офис, загородный дом. Яника... Ну, ясно. Все, никуда больше!

Стремительный прыжок отправил прямиком на выход, забрезжил нежно-фиолетовый свет. Помельтешил пятном и превратился в цепочку лампочек на потолке. Колени подгибались, мутило. Терпеть! Щека под моими пальцами была теплой, но кололась так же. Ладонь соскользнула ему на плечо, да там и осталась. От Феликса реакции ноль, и взгляд пустой. На меня ли направлен? Так, и насколько все плохо?... Вновь подступилась, барьер отозвался слабо, неуловимо. Энергия рвано сияла, не позволяя толком всмотреться. В норме? Определенно нет! Но иммунитет и норма – понятия несовместимые. Тут все такое приглушенное, не поймешь... Позже будет ясно. Я облизала пересохшие губы, ухватила за его плечо сильнее. Диван был рядом, усадила.

Благо, дошел. Хороший знак... Отпустила – и разорвав контакт, и буквально. Выдох, шаг назад. Теперь – к двери...

Стук получился громким и откровенно нервным. Открыли мгновенно, словно за дверью и караулили. Чувство равновесия скончалось на пороге, мир крутанулся. Паша придержал меня за локоть и вытянул наружу. Дверь захлопнулась, в обе стороны убежал холодный длинный коридор. Свет ламп бил беспощадно ярко, до слез, заставляя болезненно щуриться. Перед глазами то и дело проскакивали алые вспышки. Какие же навязчивые! Сгиньте наконец...

– Все? – Испытующий взгляд пронзил насквозь, вкупе с едким недоверием. – Быстро.

Я отдышалась, встала прямо. Убрал его руку, отчиталась:

– Яника. Ты был прав, именно то она и предлагала. Впрочем, угрожала тоже. Что устроят кое-что похуже, если им будут мешать. Только послали ее далеко.

– Насколько далеко? – Он задумался. – Вдруг не пойдет?

– Уже пошла, новое тело искать. Там категорическое бескомпромиссное «нет», потому и нагадила напоследок. Не будет Совет им помогать, наоборот. Для того следят и за клиниками. И даже за попавшими в ловушку людьми, которых родственники не отдали.

Паша сложил руки на груди и высказался хмуро:

– Угрозы у нее вряд ли пустые. А что насчет Вестника?

– Он их пока меньше волнует, – передернула я плечами. – Но ищут.

– Договаривай.

– Совету что Вестники, что эти паразиты, все одно. Лишь бы обычных людей не задело.

– О, героически против всех? И на что тут можно рассчитывать?

– Как есть, так и сказала, – процедила я.

Коридор расплылся мутью, начало мерзко подташнивать. Усилие, концентрация, и привычная картинка вернулась. Если не считать красных росчерков в воздухе.

– Лейка?... – Паша склонился надо мной, осторожно взял за подбородок. В глаза заглянул настойчиво, с беспокойством.

– Добавить нечего.

Я развернулась и побрела к лифту. Не оборачиваясь. Спина чувствовала долетающую злость, изрядно поблекшую, вперемишу с недоумением и малопонятным, насквозь рациональным облегчением. У лифта догнал. Доехали вместе, молча, рассматривая горящую бледно-желтым кнопку. После – каждый в свою сторону. Если просто считать шаги, можно ни о чем не думать. Хотя бы пару мгновений... Едва миновала холл, проблема отпала. Бок напомнил о себе – жестоко, и оптом. В итоге никаких мыслей, одно сплошное «ох». До комнаты дошла на чистом упрямстве. Рябила разобранный кровать, воздух словно ядом пропитался. На этот раз трясло по-настоящему, пальцы с третьей попытки подцепили чертову таблетку. Уронила. Так мне и надо. Ненавижу себя. Просто ненавижу!

«Тс-с-с» – прорезалось откуда-то. Тихо, тише любых голосов и даже шепота, глубоко изнутри. Пульсация в висках усилилась, дышать было совершенно нечем. Откат, не иначе. Точно пора обезболивающее пить, что бы там ни утверждала инструкция. Воды не влезло ни глотка. Все как в тумане... Оцарапанное таблеткой горло, ненормальная горечь во рту. Распахнутое настежь окно, морозный воздух в легких. Порывы остервенелого ветра, колющий снег на подоконнике. Бывает ли холоднее? «Да». Ну-ну. Секунду! Что за... Повеяло странным, будто наведенным спокойствием, боль исчезла. Превратилась в фон, до смешного незначительный, что-то заставило уйти со сквозняка. На подоконнике таяли снежинки, горчило в разы меньше. Как минимум одного вопроса не стало, того самого – что делать.

Коридор не петлял больше, не раскачивался. Панорамное окно, уходящая наверх лестница. Уютный уголок этажом выше был пропитан электрическим, бьющим током теплом, оно ловилось невольно, чувствовалось всем нутром, тлело на кончиках пальцев. Я постучала в дверь, толкнув ее тут же. Не заперто. Прошла в темноту и бесцеремонно села на постель.

- М-м-м? - сонно пробормотала Кира, силясь выпутаться из одеяла.

- Дай ключи, - попросила я, - от машины. Завтра верну.

Она в замешательстве взъерошила кудряшки на затылке, я подумала и уточнила:

- Вместе с машиной.

Кира выдала немногим более вразумительное «э-э-э», зажгла на ощупь ночник. Привстав, нацепила на нос очки и уставилась на меня в упор - со слабым пониманием. Бегемотики с ее пижамы и то осмысленнее во все стороны пялились.

- Зачем?... - прошептала она вкрадчиво. - Ты же водить не умеешь.

- Сейчас исправим.

Я протянула руку, коснулась ее чуть выше локтя. Отклик стопроцентный, энергия жгучая, вязкая. Приблизиться, зачерпнуть. Искрящийся шум, наполненный самой жизнью, помноженный на миллионы мгновений. Единственный утянутый сгусток, тающий в глубине уже моего сознания. «Готово».

- Щекотно, - Кира дернулась, потерла лоб. - Что это было?...

- Водить училась.

Глаза за стеклами очков округлились.

- Хрена себе! - комплектом шел не слишком естественный смех. - А я еще фенечки плести умею...

- Это нам не пригодится, - сказала я или кто-то во мне.

Она полезла в ящик тумбочки - греметь. Колебаний в ней было через край. Однако ключи мне вручила, с пояснением:

- Типа от служебной машины. Компактная такая, в гараже пикнет. Слушай, не хочу лезть с советами, ты сама знаешь, что делаешь, но... У тебя все равно нет ни водительских прав, ни доверенности.

- Это если остановят? - Я усмехнулась. - Не проблема.

- Действительно, - пробормотала Кира.

Полыхнуло неизменно мощной энергией, дверь неуверенно приоткрылась. Не переступая порога, в комнату заглянул Паша. Судя по тому же костюму, спать и не ложился.

- Эй, - возмутилась Кира, поправляя сползшую с плеча пижаму. - Заканчивай уже шастать тут как у себя дома!

От него хлынуло тревожное, колющее ожидание. Я кивнула ей - в благодарность, и на прощанье. Убрала ключи в карман и выскользнула из комнаты. В маленьком холле было тесно, лестница манила вниз. Дурацкая прядь лезла в лицо и раздражала очень.

- Мы вроде как договаривались, - напредила я. - Чем ту дверь открыть? Нечего ему здесь больше делать.

- Лейка, - вздохнул Паша, но непонятную пластиковую карточку дал, - а ты злая! Хотя до утра подожди. Куда он таком состоянии пойдет?

- Я тоже пойду.

Его бровь приподнялась, царапнуло несогласием.

– Не дури, – донеслось сердитое, я зажмурилась. – Тебе врач и вставать лишний раз не велел. Персональный маньяк караулит, приступы раздвоения личности красочные. Забыла? Давай-ка...

Прочие слова утонули в пронзительном звоне. Будто нечто ни разу не хрупкое треснуло, разлетелось на беспомощные куски и осыпалось. Не хочу, не могу, устала... Мир потускнел, все отдалилось. Спрятаться! «Тише...» Воздух накалился, опаяя сквозь одежду. Потяжелел, навалился. Не на меня. Паша рот закрыл и стал как-то бледнее. Пространство взорвалось звоном из моей головы, тугие плотные волны энергии взметнулись вверх, готовясь нещадно обрушиться. Вдох. Заправленная за ухо прядь, шаг к нему.

– Она не хочет, – услышала свой голос, – говорить с тобой.

Тишина звенела не слабее, энергия дрожала, подчиняясь. Паша смотрел на меня неотрывно, и благоразумно не двигался. Выдох. Спокойно! Стихнувшая буря, разряженный, как после грозы, воздух. Ощущение реальности вернулось, вместе с шатким чувством самоконтроля. Прилипший ко мне взгляд был ошарашенным. «Идем». Я нервно сглотнула и отступила прочь. Холл остался за спиной, затем и лестница. Внутри скреблись сомнения, раздирая в клочья. Одно знала наверняка – быть рядом с Артемом мне нельзя. Опасно.

В комнате зверски дуло из брошенного распахнутым окна, подоконник замело. Эти пропитанные холодом, идеально выверенные метры ничуть не казались моими. Как-то с самого начала не сложилось... Из родного лишь несколько вещей, и те перекочевали в карманы дубленки. Больше ничего особо нужного здесь не было. Коридор встретил прежней пустотой, дверь напротив глянцево блеснула, будто позвала. Ужасно хотелось зайти, попрощаться. Обнять... Сдержалась, так рисковать было глупо. Артем поймет, непременно. Выбора у меня и нет. Увезти Эсте подальше от него можно только со мной.

Яркости внизу заметно убавилось. На карточку среагировало что-то сбоку от двери, та с глухим писком отворилась. Феликса на прежнем месте не было. Стоял с другой стороны, за диваном, облокотившись о спинку, и, казалось, рассматривал узор на стене. Не сидится... Что не в отключке – это хорошо, это дополнительная галочка в столбике «обошлось». Но осмысленности все еще мало, и эмоциональный фон на уровне – ровная линия, смерть... Впрочем, у него такой бывал частенько! Я подошла ближе – медленно, осторожно. Встала рядом, тоже уставилась на стену. Линии на обоях петляли, изгибались, образуя не то лабиринт, не то полную ерунду... Я покосилась на Феликса. Ноль внимания. Заметил ли меня вообще? Наверное, нет, раз не придушил до сих пор. По энергии – застывшая гладь, и никаких намеков на мысли. Черт! А что я спустя всего час-то хотела?

Прикрыв на мгновение глаза, я положила свою ладонь на его и обронила устало:

– Поехали отсюда, а?

Не ответил, конечно, даже не понял. Да и вряд ли услышал... Потянула за собой – пошел. Уже легче. Завидный автопилот, надеюсь, хватит хотя бы на часть пути... Пока вспоминала, где гараж, ноги сами привели к металлической «ширме». Щелчок инстинктивно нащупанного переключателя, и она поехала вверх, открыв ряд блестящих машин. Я пикнула брелоком сигнализации, фарами мигнула крайняя. Чтоб ее! Ну почему красная?!

Места было всего два, выбор не ахти. Собственно, какой еще выбор?... Проверив оба ремня безопасности, я поерзала на непривычном водительском кресле. Собралась духом, повернула ключ в замке зажигания. Раздался тихий, вкрадчивый гул. Завелась? Или нет... Хм. Я сотни раз видела, как это делается, но... Что с того?! Все, что мне известно о машинах – у них четыре колеса, какие-то педали, и они едут! Водительница выискала. Что мне в голову стукнуло? Если это была идея Эсте, пусть она и ведет! «Расслабься, и сможешь». Я зло стукнула по рулю. «Отпусти себя... Слушай. Ты все знаешь». В голове вихрем закрутились искры жгучей, почти растаявшей недавно энергии. Рука уверенно легла на ручник.

- А тормоз слева или справа? - пробормотала я озадаченно.

Нет, тормоз - это я... Истинный! Феликс в мою сторону взглянул с мелькнувшим на секунду напряжением. Еще бы. Соображай он, что тут происходит, подумал бы, что я все-таки решила его убить... Ладно, велено расслабиться - попробую. Остановить мысли, выбросить из головы. Прислушаться. «Фи, автомат» - отдало эхом Кирино презрительное. Согласиться внутренне, с бесконечным доверием. Снять машину с ручника, правую ногу на тормоз до упора. Рычаг коробки передач - на букву «D», в положение движения вперед. Инстинктивно, на рефлексх. Не рассуждать, не думать. Просто делать. Отпустить плавно тормоз, и... О! Она едет! Едет! Невероятно... Так можно?!

«Можно все что угодно» - всплыл в памяти смех Камы. - «Ну, почти все... Чтобы все - понадобится нечто большее». Ой, боковые зеркала-то сложенные, и двери гаража открыть надо! Устранив эти мелкие недочеты, я наконец выехала в заснеженный двор. На площадке перед воротами набрала Кирин номер. Несколько секунд после моего «Открывай», и они отъехали. Победа!

Я нажала на газ, машина поехала приятно быстрее. Бортовой компьютер показал маршрут. Станный какой-то маршрут... Бестолково петляющий. Навигатор выдал пару команд о поворотах, потом расстроено сообщил, что маршрут перестроен. Зараза! Феликс периодически скользил по мне маловыразительным взглядом. Вот очухается и грохнет меня к чертям... Я постучала пальцем по вредному навигатору. Да и пусть. Крепче сжала руль и вырулила согласно новому маршруту.

Глава 18

Тишину разорвало механическое тиканье, откуда-то аппетитно пахло. В темноте вырисовались очертания каких-то изгибов, многоярусных и плавных. С навесной полки пялился олень, фарфоровый. Вытянутая морда, ветвистые рога, один из которых – неровно склеен. Над ухом гулко пробило шесть раз. Соображалось туго, сверху буравили неестественно круглые, застывшие глаза. Однако, здравствуйте. Так...

Со стены тикала избушка, в свете покрытого бахромой торшера. За собранной в гармошку занавеской было по-вечернему темно. Чтобы встать с дивана, понадобились усилия. Вышивка на подушке скакала мелкими квадратами словно тетрис, ковер норвил уплыть. Из-за плотно прикрытой двери кухни вкусными запахами тянуло сильнее. Дальше по коридору виднелись шкаф прихожей и две двери, одна из них как раз очень нужная.

Брызги ледяной воды в лицо не особо привели в чувство. Любые звуки мешали, в висках ломило. Состояние как с жесткого похмелья. Только Ланса не хватает, с чайничком и философским: «Ну, бывает». Нет уж, больше не было, повторять не захотелось. Вдох, медленный выдох. Воспоминания исключительно фрагментами. Повезло. Их могло вовсе не быть.

Во второй раз коридор показался смутно знакомым. На вешалке висело мое пальто, в кармане – телефон. Сеть ловила, не то что ночью. Ожидаемо: четырнадцать пропущенных вызовов, два из них – от Маэвы. Никогда прежде не перезванивала дважды. В почтовом ящике, среди писем разной степени важности, было и от нее – без темы и любимых ASAP-пометок. Буквы рябили, не складываясь в слова. Впрочем, и так ясно, что там.

Я пошел обратно, в единственную комнату. Щелчок выключателем, и увесистая хрустальная люстра заблестела всеми подвесками сразу. Припоминаю эту квартиру. Избушка с выпуклым циферблатом, фарфоровая живность на полках, заставленный антикварно-советской посудой сервант. Догадываюсь, как я тут оказался.

Какая ирония...

Кухонная дверь со скрипом отворилась, выпустив залп сбивающих с мысли ароматов. Выглянула Лера, в клетчатом красном фартуке и с ножом в руке. Уставилась на меня с настороженным вниманием. Занимательные реакции: ступор, шаг назад, быстро отложенный куда-то на стол нож.

– Я просто хлеб резала! – уверила горячо.

Хорошо, не придется снова труп прятать. Она сцепила пальцы в замок, опустила глаза. Изучать на полу было нечего, так что хватило ее буквально на минуту. Взгляд снова прилип по мне, с убийственно мрачным ожиданием. Второй щелчок выключателем, люстра погасла. Лера никуда не делась, взгляд этот тоже. Пожалуй, и дальше делать вид, что я ее не замечаю, уже подозрительно.

– А зачем? – не стал скрывать я интерес.

– Хлеб зачем?... К бульону. – Она нервно обернулась. Вытерла руки о фартук и с надеждой спросила: – Будешь?

Почему бы и нет? Раз поймали прямо в мозг, пусть теперь хоть накормят.

На кухне было прохладно, через открытую форточку долетали аномально громкие звуки улицы. На столе исходила паром полная тарелка. Действительно, бульон, в редком курином супе его нет. Когда увидел дно тарелки, как-то сразу полегчало, способность думать начала возвращаться. Стоило ею злоупотребить и сильно задуматься, тарелка внезапно опять оказывалась полной. Дважды. Третий раз удалось предотвратить, отодвинув ее на безопасное расстояние. Эта половина кастрюли была бы лишней. А вот принесенный чай оказался кстати – отрезвляюще ядреный и несладкий. Лера села с самого края небольшого стола и принялась крошить в тарелку единственный уцелевший кусок хлеба.

- Что-нибудь еще?... – раздался взволнованный вопрос.

Разве еще что-то есть? Не живет же здесь. Ответа она ждала недолго. Тарелку усеял растерзанный кусок, направленный на меня взгляд вновь стал безысходно мрачным.

- Все нормально, – сказала тихо, но уверенно, – должно быть. И с барьером, и с тобой.

- Ясно.

- Иммуитет полностью восстановился. Ну, к прежнему состоянию. Никто влезть не сможет...

- Понятно.

- Ты издеваешься?!

- Нет. – Я отпил из чашки. – Понятнее некуда.

- Хватит, – Лера сложила руки на груди, – вести себя, будто ничего не случилось.

- Так ты сама сказала, – напомнил я, – что все нормально.

Она прищурилась и всмотрелась пристально.

- Вот сейчас я в этом уже сомневаюсь!

Я пожал плечами. Смысл что-либо говорить? Хочешь искать виноватых – начни с себя. Надо было умудриться настолько феерично подставиться. И с Янкой, и после. А эта избранная... Чего тут следовало ожидать? Не такая, как все, ага. Сам дурак. Счастье, что голова вообще на месте. Задерживаться там в гостях тоже не тянуло, остальное – пройдет. Наоборот, полезно помнить, с кем имеешь дело. И не забывать больше.

Угол клеенчатой скатерти расправили с особой жестокостью, пристальный взгляд смягчился. Лера тяжело вздохнула. Да сколько можно... Вдобавок надоедливо кружилась кухня, почти мутило. Нет, меня скорее от ее виноватого вида стошнит.

- Драмы в меню не нужно, – пришлось все-таки высказаться. – Знаешь ли, со мной случались вещи и похуже.

Она покраснела – густо, до кончиков поспешно спрятанных за волосами ушей. Знает. Видела, конечно. Да и хрен с ним. В городе тогда об этой истории разве что ленивый не болтал, и газеты писали как подорванные. Пана следователя убила жена, прямо из его табельного оружия, а потом и себя. Что на нее только нашло, нормальная с виду семья была... Еще и у их ребенка крышу снесло, что не удивительно, при нем же разборки устроили со стрельбой. В чешском филиале до сих пор помнят, хоть и двадцать семь лет прошло. Не самые обычные мошенники прокололись, подключилась полиция. Отец это дело и расследовал, практически вывел на чистую воду. Они пытались выпутаться как могли, ту идиотку подослали. По соседству поселилась, развела... деятельность. Не на такой результат рассчитывала, но вышло, что вышло.

Лера снова расправила скатерть, вцепилась в ее край обеими руками. Облизала губы, спросила едва ли не шепотом:

- Их ведь нашли?

- Потом – да.

Как раз мечтал обсудить. А то мало было. Ватага психологов, пересказы одного и того же бесконечные. Поговорим, рассмотрим, разберемся. Нельзя все держать в себе. Достали еще в детстве.

Она судорожно вдохнула, явно готовясь ответить. С таким выражением лица обычно выдают пресловутое «мне жаль» или что помногословнее, но очень сочувствующее.

- Не единичный пример, – просветил я. – Длительное влияние на эмоции порой вызывает у жертвы острый приступ агрессии. Рвется прикончить тех, кто рядом. Справедливее, когда попадает виновнику.

Лера окончательно сравнялась по цвету с фартуком, подавившись тем, что собиралась произнести.

- О, ну я рада, - процедила она, - что тебе лучше!

С кухни вылетела, хлопнув дверью. Легче стало, надеюсь? С той стороны что-то грохнулось, со звоном и непечатным комментарием, исключаящим несчастный случай. Наступила тишина, разбавленная истошным скрежетом качелей с улицы.

Наконец удалось сфокусировать взгляд на прошлогоднем, застрявшем в ноябре отрывном календаре, все перестало шататься и более-менее выровнялось. С мыслями бы тот же фокус проделать... Морозный воздух постепенно приводил в чувство, чай остывал, пока не кончился. Обидно. И новый не появится, сколько ни задумывайся.

Пространство взорвала противно пиликающая мелодия. Беззвучный режим включать поздно, не брать трубку - не вариант. Третий звонок от Маэвы... Совсем приперло, видимо. В четвертый раз может и в дверь постучать.

- Ты живой?... - вклинилось в ухо.

- Да. - Я убавил звук. - Занят был.

Отсюда не так уж просто улететь.

- Мы тебя утром не дождались, как и твоего голоса по вопросу отстранения Дормана.

- Можете считать, что я воздержался.

- Учту. Без твоего... воздержания решение было бы единогласным. В любом случае оно принято. Ближайшую неделю обязанности главы фонда исполняю я, а с нового года вступаю в должность официально.

- Поздравляю.

Выходит, и Ланс проголосовал «за». Я подошел к окну. От форточки сквозило бодрящим холодом, в трубке повисла пауза. Достаточно долгая, чтобы заподозрить разрыв связи.

- Знаешь, Феликс, - сказала вдруг Маэва без капли официоза, - я все же рассчитывала, что ты меня поддержишь.

- Ты давно исполняешь его обязанности. Назначение - чистая формальность.

- Важная формальность. Ладно, планерки, на которых тебя никогда нет, но игнорировать встречи членов правления недопустимо.

- Мы другое пытаемся не допустить. У нас тут, если ты читала последние отчеты, пятидесятое пришествие. В любой момент толпу людей где-то накроет желанием прыгать с крыши, убивать или еще чем. В текущей ситуации на офисную возню - плевать. Есть чем заняться.

- Держи меня в курсе, - пропела она ележно.

Звонок прервался, выпустив на передний план шум за окном. Радиоактивно гудели фонари, вопила не поделившая качели мелюзга. У подъезда буксовала заезжая машина, с ревом отплевывая снег из-под колес. Не настолько сильно раздражало, как недавно. Отпускает, хоть и медленно. Но торопиться уже некуда.

За дверью было подозрительно тихо. Лера сидела на полу с нездоровым обморочным видом, среди раскиданных всюду осколков, и устало поглядывала на самую большую грудку, аккуратно сгребенную к центру. Оленьи останки? Допялился, наверное. В целом ясно: устроила фарфоровое побоище, присела, чтобы убрать. А потом что-то пошло не так.

- Удобно? - поинтересовался я, наклоняясь над ней.

- Моя квартира, где хочу, там и валяюсь, - огрызнулась она.

Впрочем, не шибко сопротивлялась, когда подхватил под локоть и поднял. Ни попыток вывернуться, ни писков протестующих. Разве что шипение было, но не то, которое можно принять за недовольное.

– Таки перелом?

Неохотный кивок подтвердил – добежалась. На следующий вопрос отвечала на диване, стараясь поудобнее откинуться на спинку. Получалось плохо, да и вряд ли это удобное положение существовало. На тумбочке покоилась охапка мятых упаковок таблеток, вываленная как попало.

– Нельзя мне их, – грустно созналась Лера, – за ночь наглоталась вдвое больше положенного. Если верить инструкциям.

– Лучше верить.

– Выживу... Посидеть надо немного.

– Вот и сиди.

Тоже сел, а то ковер пополз в сторону, будто собирался выдернуться из-под ног. Не моя квартира, чтобы валяться где хочется. Гроза оленей покосилась на меня, взяла в руки подушку, обняла. Поморщилась и положила обратно на диван – между нами, поверх другой. Так себе баррикада.

– Стерва она подлая, – поделилась Лера мнением. О Янике, очевидно. – Своих же веками за нос водила. Она и мне предлагала помочь ей... полностью Потоком завладеть. Обещала, что тогда никто не пострадает. Только неизвестно, что на самом деле получится. Уверена, ничего хорошего.

– А при каком раскладе получится хорошее?

Затянувшееся молчание навело на мысль, что вопрос сочли риторическим, затем последовало убежденное:

– Если их не будет. Совсем.

– Вместе с очередным городом?

– Нет! В тот раз они были людьми, и других вариантов не оставалось, а теперь переселились в Поток. Надо избавиться от них там.

Идеальный вариант. Но...

– Что ж за ними до сих пор не явились? Как в ваших краях принято – двое с носилками, один с топором. Или Вестник стеснительный попался?

– Думаешь, это так легко?... – Лера сердито поджала губы. – Пришел, увидел, победил?

– Думаю, что затягивать – к новым жертвам.

– Пятерка тратит энергию на вселения. Много энергии, очень! А она не бесконечная. Плюс каждая вылазка из Потока изматывает. Чем слабее они станут, тем проще их убить. А пока необходимо ловить в реальности, не позволяя натворить бед.

– Долго ловить-то? – осведомился я из чистого любопытства. – А то ходят слухи, что они слегка бессмертные.

– У них немного попыток, – парировала она совершенно серьезно, – как и времени в занятых телах.

Допустим. Однако заграничные сущности тратят его на штурм нашего забора. На кой черт им вообще понадобилась Максимова? А дебош перед залом игровых автоматов в развлекательном центре? Странно они ищут Вестника, каким-то слишком хитрым способом. Хотя, если соотнести список неизменных участников заварушек, все сразу становится на свои места.

- Шастают они сюда исключительно к тебе, – отметил я и предположил самое вероятное: – Потому что ты знаешь, кто Вестник.

- Да, – подтвердила Лера запросто. – Все так.

Шокирующий градус откровенности. Даже не нашлось, что ответить...

- Не скажу, – предупредила она, воинственно вздернув подбородок, – как бы ни спрашивали.

Вот помнит ведь!

- Итого, – попробовал я снова понять, что здесь происходит, – ты знаешь Вестника и ждешь, когда волшебная сила тьмы вычистит изрядно к тому моменту вымотанный ментальный гадюшник. А мне об этом зачем рассказываешь?

Лера отвела взгляд. Как следует рассмотрев вышивку на подушке, выговорила ей же:

- Они действительно меня преследуют. Целенаправленно, и останавливаться не собираются. Провоцируют, моим близким угрожают. Благо, их немного, и до каждого сложно добраться. Но я уже, считай, трижды попалась. Боюсь, в четвертый не повезет, их терпение на исходе. Мне нужно, чтобы они меня по энергии не видели, и соответственно не могли выследить. А ты умеешь так делать.

- О, как. То есть теперь тебе еще и помочь.

- Давай начистоту, – заявила она и взглянула прямо, с вызовом. – Условия Яники тебе не нравятся, а противопоставить ей толком нечего. Если бы не я, у вас бы и Влада не было. На что ты рассчитываешь?

- А ты? Пока больше похоже, что эти пятеро тебя проглотят не жуя, и Вестником закусят. Только перед этим как следует здесь порезвятся.

- Уже четверо, – сообщила Лера с торжествующей улыбкой. – Базиль умер с концами, в развлекательном центре. Точнее, в верхнем мире Потока. Им туда нельзя, призраки Вестников накидываются. Он сам сунулся, но... Стоит постараться затащить других.

В целом план выглядит чуть менее безнадежно, чем прежде.

- Еще я хочу кое-что выяснить, – в ее голосе прорезались сомнения. – Почти выяснила. О том, что случилось пять тысяч лет назад, почему они переселились в Поток, и как именно берут свою силу. Это подскажет, можно ли лишить их ее.

- А Вестника?

- Лишить силы? – она заметно напряглась. – Он... В смысле, Вестник лишь оружие против нарушителей баланса. А без этого – она просто девочка с даром, причем не с максимальным даже. Тьма – разбуженная охранная система, предназначение которой вернуть украденную из глубокого Лектума энергию. Вернет, и все свободны. Скорее всего, Вестник вообще перестанет быть Вестником...

- Какое-то у тебя все примерное, не находишь?

- Слушай, никто еще не побеждал их! Сложно предсказать, чем все обернется. Сделаю – скажу наверняка!

Если раньше не убьется. В любом случае проблемы следует решать по очереди. К тому же Вестник легко может проиграть и погибнуть, а пятерка – ну или четверка – залечь на дно на следующие сто лет. Возможен и лучший вариант – они загрызут друг друга, а Поток разнесут к чертям.

- Зачем тебе исчезать из их поля зрения? – спросил я. Что-то тут не сходилось. – Скучно за забором клонированного Ливановского центра отсиживаться?

- Конечно, еще столько ребер целых, – прошипела Лера. – Отсиделась бы, да эти гады конкретно на меня нацелились. Не хочу ставить под угрозу тех, кто живет за упомянутым тобою забором.

Считая самого драгоценного обитателя – сто процентов, Вестник должен быть там.

– Со мной опасно сейчас, – объявила она, выпрямив спину. – Поэтому мне и нужна помощь. Твоя.

Дорогой здесь супчик.

– Лера, а ты помнишь, что для этого необходимо находиться... близко?

– Не в первый раз же, – увещательных ноток в ее голосе на целую симфонию хватило бы. – В прошлый раз у нас хорошо получилось...

Я замер весь во внимании, она растерянно запнулась и пробормотала:

– ...расследовать.

Обморочной бледности у нее поубавилось вмиг, проклюнулись более привычные интонации:

– Все равно ты уже решил с ними бороться. Вместе это делать проще. Враг общий, а мы какой-то ерундой занимаемся. Глупо! Идиотизм полнейший!

В общем-то, правильно говорит. Но соглашаться не хочется, когда так уговаривают. Ведь можно еще послушать.

– Наверное, поэтому они и не проигрывали ни разу, – фыркнула Лера, – что их пытались остановить исключительно бараны упертые, которым друг с другом бодаться интереснее было.

– Ладно. Твоя идея размазать их по Потоку подальше от нормальных людей меня устраивает. Хочешь, чтобы до этого заветного момента тебя по энергии не вычислили? Можно организовать. Но учти – придется быть рядом, и если расписание не совпадет, менять свои планы буду не я. Притянутые за уши теории о сферических победах в вакууме мне неинтересны, только факты. Высшая ментальная справедливость – тоже не мои трудности. Это понятно?

Ее кивок был нерешительный, побелевшие пальцы впились в обивку дивана.

– Когда с ними встретимся, – лучше сразу все прояснить, – а они точно скоро нагрянут... Никакого экспромта и фокусов от избранных без спросу. Цель – вернуть их побыстрее откуда пришли, а не копать, что там пять тысяч лет назад стряслось. В Потоке хоть на голове стой, а тут в зоне поражения полно народа. И если тебе еще что сломают, в больнице караулить не стану. Так что вперед не лезь.

Кивнула она слегка решительнее.

– Условия такие. Вопросы, пожелания?

Лера отрывисто мотнула головой. Что-то долго молчит уже, не к добру.

– Ценные мысли? – спросил настойчивее.

– Архив, – выдала она смущенно. – В Совете же существует архив с данными по Потоку. Возможно, найдется что-нибудь, мне неизвестное. Пригодилось бы. Про Хранителя, например...

– О нем ничего нет.

– Этого имени и пятерка не слышала, но он их старый знакомый. Вероятно, в разные времена его называли по-разному. Должен фигурировать под другими именами, раз люди и до Влада силу получали.

– С этим к Аните. Расскажет.

Лера затаила дыхание, с горящими глазами и явными колебаниями, спустя минуту пересиленными. Сразу видно – ценных мыслей прибыло.

- Та информация, которую вы недавно распространили... Сопоставление последних миров Потока с убийствами Вестников в реальности. Она вся в точку! Это были полные материалы по теме? Или еще есть?...

Может, и есть. Не разрядившийся пока телефон отразил список контактов. Номера оттуда не удалялись несмотря ни на что, тоже своего рода архив. В группе бывших сотрудников Совета – стажер Ада. Трубку взяла со словами, очень далекими от приветствия. Поздоровался первым, последовали предположения о том, где моя совесть и в какое место мне следует засунуть «свое гребаное здравствуй». Сказал передать Хансену, что его долгожданный апокалипсис начался, пусть шлет остальное, не то цель всей жизни упустит. В ответ Адель предложила послать то, что к делу не относилось совсем. Эпитетов отвесила красочных, звонок оборвался. Передаст, куда денется.

Лера непонимающе моргала. Конечно. Великий и могучий любит. Настолько сильно, что он у нее единственный.

- Занимаюсь этим. Самой-то нечего добавить?

- Нового – нет, – выговорила она тем искусственно ровным голосом, когда определено не все договаривают. – Знаю пятерку по именам, чего от каждого из них ждать, и произошедшее в первородном мире в общих чертах. Но для тебя все это не секрет. Соня вам должна была рассказать... Она никогда не была с ними заодно, ей пришлось! Теперь им ее никак не вынудить. Не думаю, что Соня до сих пор опасна.

- Ты и не думай.

Не вняла. Закушенная губа, пауза, осторожно оброненное:

- Ей нездоровится, и ребенок...

- В Швейцарии врачи лучше.

По Лериным вспыхнувшим щекам стоило бы заподозрить, что в квартире мороз, тридцатиградусный.

- Вещи собирай, – велел я. Поймал вопросительный взгляд. – Твой адрес только ленивый не знает. В первую очередь здесь искать будут, безо всякой вычислительной энергии. Много с собой не бери.

Куда ехать – отдельный вопрос. Вариантов немного, и они спорные. Но времени, чтобы решить, достаточно.

Она медленно поднялась с дивана, потерянно глядя на шкаф. Раздался звонок в дверь. Переливистая нескончаемая, безжалостно долбящая прямо в мозг трель. Кнопку заело? Лера чертыхнулась и удалилась в прихожую. После щелчка замком, зычный бабий голос заорал мощнее любого звонка:

- Лерочка! Ты не в курсе, чья машина тротуар перегородила поперек? Под окнами, красная. Ни обойти, ни перепрыгнуть! Поганцы бескультурные... Не видела их, случаем? С ночи стоит, железяка окаянная! Повезло, что не на клумбе. Я всех жильцов опросила, никто не признается!..

- Это моя, простите, – пробормотала она. – Случайно вышло. Уберу.

- Сделай уж одолжение! От тебя, признаюсь, не ожидала... Безобразие.

Десяток извинений спустя дверь хлопнула, на пороге появилась Лера. Водить умеет? Надо же.

- Тут такое дело, – сообщила она с неловкой улыбкой. – Поможешь машину переставить? Ну, в какое-нибудь положенное для этого место.

Вручив мне ключи, улыбнулась еще шире и неестественнее.

- Почему я?

- Быстрее будет, – скороговоркой ответила горе-парковщица. – Я пока вещи соберу.

Сошло за аргументы. На улице было свежо и в меру холодно, самое то, чтобы голову проветрить. Двор в свете фонарей блестел сугробами и снегом на крышах машин. Упомянутый автомобиль оказался Фольксвагеном Поло, и стоял вовсе не поперек тротуара, а вполне вдоль. Припаркован был мастерски, даже виртуозно. Мало кому дано втиснуться ровно между оградой и парковочным столбом, в сантиметре от занесенной снегом клумбы. Несмотря на близость увенчанного зазубринами заборчика, на боку ни царапины. Пришлось повозиться, чтобы вырुлить с тротуара без потерь и занять свободное парковочное место. В бардачке обнаружилась доверенность на имя Киры Неборской, выданная от имени небезызвестного исследовательского центра. Хм...

У подъезда ждала укутанная в пуховик дама под шестьдесят. Шапка с пушистым помпоном, модный ныне длинный вязаный шарф. Бдительный прищур глаз буравил с подозрением.

– А я вас видела, – заявила она, – прошлой осенью. Вы с Лерой приезжали, на другой машине. И парковались нормально, между прочим!

Ничего себе память и внимание к деталям. На работу ее позвать, что ли? Очевидно, передо мной та легендарная соседка, более известная по отчеству, многократно упомянутая в отчете Роберта о стычке с Максимовой в этом самом дворе. Хваткая пенсионерка была торговым представителем множества фирм, и их лучшим работником. Он тогда знатно откупился, а офис обзавелся новым чайником, вешалками в гардероб и освежителями для туалетов в промышленных масштабах.

– Здравствуйте, Алина Карловна. Тротуар свободен. Ошиблись вчера, в темноте при снегопаде. Правильно, что следите. Некоторые весь газон займут, не постесняются.

– И газон, и клумбу, и детскую площадку, – с пылом отозвалась она. – Глаз да глаз нужен. Еще не сгонишь, гаденышей. Вопят – мол, че прикопалась, тетка. Законом не запрещено! Нет уж. И так заставили все... Глядите, места живого во дворе нет! Нормально, а?

– По санитарным нормам парковка должна располагаться в десяти метрах от жилого дома.

Карловна согласно закивала. Подошла ближе и душевно поинтересовалась:

– А чего вы так долго не приезжали? Леру тоже нечасто увидишь теперь. Наверное, не здесь живет?

– Не здесь.

По данным Аниты – у Зорьевых, в частном доме. Официально не числится ни в жильцах, ни в работниках, однако их сын – аномально юный эспер, удивительно примерного поведения. Мать семейства осведомлена о природе его странностей сверх меры и последний год оплачивала клинику Максимовой, а счета там немаленькие. Все ясно как день.

– А это вы удачно, – одобрила заботливая соседка. – Хорошая девка, хозяйственная. А готовит – ум отъешь! Золото была, покуда бабуля на тот свет не отошла, подруга моя дражайшая, царствие ей небесное. Сорвало нашу Леру без присмотра, так и ходит неприкаянная. То депрессия, то еще какая дурь. Вы поостроже с ней.

– Непременно.

– Тут шастает один вечно, – поделилась она с беспокойством, – патлатый и не здороваётся. Сразу видно – оболтус!

– Разберемся. – Грех не воспользоваться ситуацией. – Знаете, он не один такой. Только другие открыто не шастают. Позвоните мне, если кто подозрительный ее спрашивать будет?

Карловна воодушевленно записала телефон, пообещав блюсти порядок. Мимо нее никакие ментальные вселенцы не просочатся, даже неподозрительные с виду.

Лера действительно успела собраться. Открыла дверь с туго заплетенной косой и

обмотанным вокруг шеи платком, выставила в коридор небольшую пухлую дорожную сумку. Годится. Правда, фартук могла бы и снять.

– Такси вызывай, – подсказал я, рассудив, что за руль никому из нас садиться не стоит.

– А куда едем? – уточнила она неизбежно.

Телефоны ожили, одновременно – Лерин пиликающей мелодией, и мой отрывистым звуком сообщения. Ее сдуло с трубки на кухню, я вчитался в буквы на дисплее. На этот раз в слова сложились. Анита экстренно докладывала, что Влад приметил гостя из преисподней, адрес прилагался. Не клиника. Один из домашних пациентов с упертыми родственниками. Плохо, но небезнадежно. Есть шанс не дать ему времени прийти в себя. Толку от меня сейчас мало, так хоть проконтролировать. Проверил по карте, далеко ли ехать, с кухни вернулась Лера, взволнованно прижимая телефон к груди.

– Там, – выдохнула она, – опять... в соседнем районе, езды минут на тридцать.

Именно на столько. Милый мальчик этот Влад, бесспорно. Сначала – нам, через секунду – ей. И не придерешься, очередность-то соблюдена, как и договаривались. Понятно, почему он фанатично порывался держать Леру в курсе. Раз по ее душу восстают.

– Надо спешить! – Она решительно поднесла телефон к уху. Опустила глаза на фартук, охнула и исчезла за порогом комнаты. – Минуту... Такси уже вызываю.

Зато вопрос, куда ехать, отпал.